

НОВЫЙ МИР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Издается с января 1925 г.

№ 8 (1204)

Август, 2025 г.

СОДЕРЖАНИЕ

АЛЕКСЕЙ АЛЁХИН — В Раю вертящиеся двери, стихи	3
ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ — Иллюзии, рассказы	6
МАРИЯ КОЗЛОВА — Само собой, стихи	18
АНДРЕЙ УБОГИЙ — Любовь на длинную дистанцию, роман. Окончание	21
ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ — Время и Иммануил, стихи	68
ОЛЬГА СИЧКАРЬ — Сын, рассказ	72
ВЛАДИМИР КОЗЛОВ — Тема героя, стихи	80
ВИКТОРИЯ КОТЕЛЬНИКОВА — Запах, рассказ. Вступительное слово Леонида Юзефовича	85
ВЛАДИМИР СЕДОВ — Слушай да не слушай, стихи	91
ДЕНИС БОНДАРЕВ — Солдатики, рассказ	96
ФЕЛИКС ЧЕЧИК — Белый черновик, стихи	102
ДМИТРИЙ ЛАГУТИН — Остановка, рассказ	106
ЮРИЙ ЛАВУТ-ХУТОРЯНСКИЙ — Мечта воды, стихи	113
ЕГОР МОИСЕЕВ — Водолаз, рассказ	116

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦЫГАНСКОЙ ПОЭЗИИ. Переложения Ляли Чертковой	124

ЮБИЛЕЙ

КОНКУРС ЭССЕ К 100-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ТРИФОНОВА:

Вступительное слово Владимира Губайловского; Александр Марков. Зеркала и дожди Юрия Трифонова; Андрей Анпилов. Рассказ про меня; Александр Мелихов. Нити из прошлого; Антон Осанов. Приплывшие на пароходе; Николай Подосокорский. «Преступление и наказание» Ф. М. Дост- оевского в повести «Дом на набережной» Ю. В. Трифонова; Татьяна Зверева. Игра наотмашь: Юрий Трифонов и Алексей Герман; Елена Долгопят. Время; Вячеслав Огрызко. «Наиболее выдающийся из студентов-прозаиков»; Кирилл Анкудинов. Рецепт от Гартвига; Евгений Кремчуков. Манифест Трифонова; Михаил Визель. «Смерть в Сицилии»; Александр Рязанцев. Дачное проклятие; Елена Некрасова. Сшивать время	133
ИГОРЬ СУХИХ — Книга «Трифонов»: биология против истории	159

СОДЕРЖАНИЕ (окончание)

КОНТЕКСТ

АННА АЛИКЕВИЧ — Почем соль в Стране Негодяев: как Есенин и Айседора сводили бюджет за рубежом. Источники, пресса, исследования и коллективные представления	165

ОПЫТЫ

СЕРГЕЙ СОЛОУХ — Невыносимая тяжесть мытья	195

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ — «Медный всадник» и «Вий»: аспекты сопоставления	199

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

Александр Марков. Гости на погостах слов, или Русский дадаизм (Борис Божнев. «Вниз по мачехе, по Сене». Парижские стихотворения 1920-х годов)	215

СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ	218

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ЛИСТКИ

Книги	224
Периодика (составитель Андрей Василевский)	228
SUMMARY	240

**В 2025 году физические лица могут подписаться на журнал
в редакции с любого месяца по цене 360 руб. за 1 экз;
стоимость подписки на полугодие 2160 руб. (для РФ)**

Подписка оформляется напрямую в редакции, где вы можете воспользоваться льготными предложениями и выбрать любые номера, включая те, на которые подписка на почте не оформляется.

Для оформления подписки через редакцию нужно сделать заказ по электронной почте. В заявке следует указать:

- Ф.И.О.; точный почтовый адрес (с обязательным указанием почтового индекса)
- контактные телефоны, адрес электронной почты (для отправки счета)

После оплаты вы будете получать журналы почтовой бандеролью по мере их выхода из печати. По желанию подписчика возможно получение журналов в редакции.

Телефон по вопросам подписки и продажи журналов: +7 (495) 694-08-29

Эл. почта: zakazinovimir@mail.ru / Сайт: <http://nm1925.ru>

**Купить подписку на журнал «Новый мир» также можно
на сайте Объединенного каталога «Пресса России»:
http://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/y_e70636/**

**или в электронном каталоге «Почты России»:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН379>**

В 2025 году «Новый мир» выходит при финансовой поддержке Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

АЛЕКСЕЙ АЛЁХИН

В РАЮ ВЕРТЯЩИЕСЯ ДВЕРИ

Рукавица

метеорологи заговорили про весну

уж в воздухе запахло стиркой
вот и кипы мокрого белья разложили по крышам гаражей
и синьку развели

дворницкая рукавица лежит на верхушке сугроба
какдохлый голубь

налейте глоточек неба

Просторный март

тень птицы
моргает на тонкой тени ветки

желтая стена дома

2024

время идет рывками
как человек которого тянет за поводок собака

по небу прихрамывают облака

отражаются в витринах едят мороженое бегают трусцой
целлулоидные люди
бомбовозы показывают синхронное плавание над летным полем
во рту шевелится нескладное слово «бетононасос»
фарисеи на электросамокатах катят в будущее
и от всех пахнет желтой краской

одноногое дерево кланчит у прохожих милостыню
перед гастрономом

и Богородица не спускает младенца с рук

Страстная суббота

даже и в этот день
единственный когда Его не было с ними

Он продолжал им говорить птицами
и шумом листьев

но они не слышали

С добавлением мяты

я робею
как мужчина в отделе женского белья

у кафешек юнцы с интимной стрижкой на голове марганцовочного цвета
девушки плавные и розовые только испачканы татуировкой
а намедни приходил похоронный агент с бриллиантовой сережкой в ухе

они все разговаривают междометиями ничего не понять

вроде как влез с ведерком извести подправить облака
а кто-то убрал стремянку и ты остался висеть на воздухе держась за кисть

то тусклый день то яркий
будто Он кого-то потерял и ищет глазами

за что нихватишься все одноразовое

посуда носовые платки свадебные платья
романы почитать в метро
синее небо для воздушных парадов

никто не берется оторвавшуюся пуговицу пришить

вскройте упаковку и положите под язык
у этой жизни и правда мятный привкус

забери меня Господи
туда где штопают и починяют

Опыт с тенью

споткнулся о тень дерева
и упал

хорошо что в густую и мягкую тень куста
только измазался ею

нужна прозрачная тень воды
чтоб отмыться

В Раю вертящиеся двери

серый день как холст повернутый к стене
после перевернут
и женщина в саду отжимает волосы над сверкающим тазом

В неловких пальцах

завидую у кого синдром царя Мидаса
к чему ни прикоснется превращается в стихи

сосед на стремянке
снимает яблоки с веток
будто выкручивает лампочки из люстры

нащупал огрызок карандаша в кармане
а записать нечего

Небо осеннего цвета

помните как дышали паровозы
молотя железными кулаками и пуская пар?

уже и деревья в лесу моложе меня
и облака бегут справа налево как еврейское письмо

интересно сношу ли я эти туфли или они меня

бреясь утром подмигнул себе в зеркало
болезни я приберег на старость

метет листву обрывки женских платьев
клочки стихотворений

танец кончился
но рука еще помнит ее бедро

Хайдзин

осенний вечер
на голой ветке
сидит одиноко Басё...

ЕЛЕНА ДОЛГОПЯТ

ИЛЛЮЗИИ

Рассказы

1. Джоконда

Некий человек решил украсть Джоконду. Прямо из Лувра. Он обратился к одному гипнотизеру-иллюзионисту, гипнотизер все устроил. Деньги ему были заплачены громадные (наличными или через траст, — врать не буду, не знаю). Гипнотизер устроил так, что служащие, охрана, посетители (всё больше китайские туристы) не заметили грабителей, которые совершенно беспрепятственно подошли к Джоконде и сняли ее вместе с особым защитным футляром. Сигнализация вопила, но никто не слышал.

Грабители вынесли драгоценную картину и увезли. Охранники услышали наконец-то вопящую сигнализацию, бросились проверять, как там и что, и нашли все в полном порядке. Футляр, Джоконда, китайские туристы. Но это была иллюзия (по крайней мере Джоконда).

Между тем картину везли, везли и привезли. В прекрасный загородный дом то ли во Франции, то ли в Испании. Джоконду внесли в дом, спустили в огромный подземный зал, повесили на стену. С наступлением ночи стали собираться гости. Уважаемые, респектабельные люди. Друзья хозяина. Тридцать человек. Один присутствовать не смог: заболел. В тишине и полумраке (только Джоконда была освещена) полюбовались на волшебную полуулыбку, запечатленную художником. Длился сеанс минут тридцать, вряд ли дольше.

За картиной сдвинулась стена, открылся провал, и Джоконда оказалась как бы в воздухе. За ней чернела бездна. В этой бездне запылал огонь. Пылал он ярко, жарко и не давал возможности разглядеть Джоконду, она провалилась в тень.

Ударил прожектор и осветил ее. Это был последний миг Джоконды. В следующий — она ушла в пламя. В самое пекло. Футляр плавился, дерево трещало, пахло гарью.

Всё стихло, пламя погасло, зрители оказались в полной тьме. слышали только дыхание друг друга. Кто-то заплакал.

Дали наконец свет. Ни Джоконды, ни провала — голая стена. Гости начали подниматься из подземелья наверх, там были уже накрыты столы.

В тот самый миг, когда Джоконда сгорела окончательно, охранники в Лувре увидели на ее месте рулон туалетной бумаги.

Долгопят Елена Олеговна родилась в г. Муроме Владимирской области. Окончила сценарный факультет ВГИКа. Прозаик. Автор книг «Тонкие стекла» (Екатеринбург, 2001), «Гардеробщик» (М., 2005), «Родина» (М., 2016), «Русское» (М., 2018), «Чужая жизнь» (М., 2019), «Хроники забытых сновидений» (М., 2022). Печаталась в журналах «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов» и др. Живет в Подмосковье.

Насколько я знаю, гипнотизер мог бы длить свою иллюзию как угодно долго. Если бы он захотел, в Лувре до сих пор бы смотрели на несуществующую Джоконду.

2. Квартира

Одно время он решил пожить (по правде сказать, странный глагол по отношению к нашему гипнотизеру) в подмосковном поселке. Снял квартиру в самой обычной пятиэтажке шестидесятых годов постройки.

Люди к нему заходили: газовики — для проверки оборудования, сантехник — для смены счетчиков горячей и холодной воды, соседка — спросить, нет ли у него соли (соль — предлог, а причина — любопытство). Что они видели? Да самое разное. Газовики, к примеру, — вполне приличную квартиру в стиле техно; газовая плита — загляденье, с какими-то удивительными датчиками, сенсорными экранами, огонь над горелками был не просто голубым, а глубоким синим, совершенно завораживающим. Сам же хозяин квартиры — высок, худ, походил на ученого Льва Ландау. Впрочем, газовики понятия не имели о Ландау. Они, наверное, удивились такому изысканному технологичному убранству в заштатной квартире заштатной пятиэтажки заштатного городского поселения, а может быть, и нет, не удивились. Много всего повидали.

Сантехника хозяин квартиры удивлять не стал, предстал перед ним средних лет теткой, хозяйкой бедной, но чистенькой квартирки, где все было старое, заслуженное: и окна (двойные деревянные рамы, шпингалеты), и пол (поистершийся линолеум), и стены (выгоревшие бумажные обои в белый нежный цветочек на светло-зеленом фоне). И мебель соответствующая: сервант с хрусталем, тахта под клетчатым пледом, стол полированный. Трубы в ванной тоже старые, пришлось менять. Тетка отдала сантехнику деньги за работу, отдала со вздохом, видно было, что жалко расставаться.

Соседка увидела квартиру совершенно похожую на ее собственную. Те же встроенные шкафы в прихожей, тот же ковер на полу в комнате, тот же стол и те же навесные шкафы на кухне, и та же люстра под потолком. И хозяйка очень походила на саму соседку. Прежде соседка сходства не замечала, а теперь вот в глаза бросилось. В особенности, когда они обе отразились в зеркале, проходя коридором на кухню.

На кухне хозяйка квартиры открыла шкафчик (в точно таком соседка хранила соль в жестяной баночке с жестяной крышечкой, а на баночке изображена ягодка — клубника). И вот хозяйка именно такую баночку и сняла с полки и подала соседке.

— Бери всю.

И сунула ей в руки жестянку.

Соседка хотела было отказаться, но забоялась (ей все было страшно в этой квартире-близнеце). Вернулась к себе (да к себе ли?). Прошла на кухню, открыла шкафчик, увидела собственную жестянку с собственной солью и выкинула дареную в мусор. Подумала, и вынесла мешок с мусором на помойку.

И с той поры она на соседскую дверь даже не глядела, а если встречала соседку, то спешила отвести глаза, поздороваться и проскочить мимо.

Что там было на самом деле за этими миражами, не спрашивайте, не знаю.

3. Любовь

Однажды к нашему гипнотизеру пришла девушка Тамара, она была из обеспеченной семьи, неглупая, симпатичная, с хорошим гуманитарным образованием. Тамара любила молодого человека по имени Степан, он был театральный режиссер, говорят, очень неплохой, я в этом не разбираюсь. Тамара встречала его на каких-то вернисажах, на горнолыжном курорте в Альпах, на премьерах в Венской опере, разумеется, смотрела его спектакли. Так что и он ее знал, перекидывался с ней какими-то фразами (как дела — нормально) и тут же о ней забывал, а Тамара продолжала вести с ним мысленные разговоры, воображала, как он ее целует, обнимает и прочее.

Понятное дело, что она попросила нашего иллюзиониста внушить Степану любовь к ней. Договор был заключен, деньги переведены.

Тамара знала, что в этот день ее любимый будет в ночном клубе (кажется, где-то в Москва-сити, в одной из башен, на самой верхотуре). Там они и встретились, Степан увидел Тамару новыми глазами. Изумлялся (мысленно), как мог раньше быть к ней равнодушен. Приглашал танцевать, угощал коктейлями и шампанским, а в самый разгар веселья увез к себе. Был оттепельный февраль, ветреный, тревожный; душа Тамары томилась.

Весной они поженились. Прожили счастливо пять лет, пока Тамара не влюбилась в другого; он ответил ей взаимностью (без всяких волшебств), Тамара призналась Степану, он умолял не бросать его.

— Жить без тебя не могу!

Тамара встречалась с нашим гипнотизером-иллюзионистом, умоляла пожалеть Степана, снять морок, разорвать договор, но не умолила.

— Мои договоры расторжению не подлежат. Перечитайте пункт 17.33.

Тамара жила с новым своим мужем душа в душу. Отвергнутый Степан не жил, а маялся. Писал ей, ходил под окнами. Когда они переехали в Австралию, он их там нашел (чуть не все свои сбережения угробил на поиски), крутился вокруг их имения, забавлял охрану. Степан попытался покончить с собой, мать за ним приехала, увезла домой покорного, вялого (накачали таблетками в больнице).

Степан потерял вкус к жизни, лишь воспоминания о Тамаре его оживляли, лишь ради них он влачил свои дни.

4. Кирюша

Мальчик Кирюша десяти лет ехал самой поздней, самой последней электричкой. В Лосинке вошла бабуля и уселась напротив Кирюши. Она смотрела на мальчика. Поначалу без особого любопытства, словно полуслепыми глазами, а потому вдруг прозрела и воскликнула:

— Я тебя знаю! Ты меня, конечно, не знаешь, а я тебя знаю, в телевизоре видела. Ты детдомовский, верно я говорю?

Кирюша не отвечал. А бабуле его ответы и не требовались, она сама все про него знала.

— Я бы твою мамашу повесила, надо же оставить младенца зимой, на скамейке, в парке, ночью, а ты еще лежишь и не вскрикнешь, живой — как мертвый; это чудо, что тебя нашли эти приезжие, жалко, что не усыновили, но хотя бы умереть не дали; вон какой вырос большой. А сказать тебе, почему тебя в семью никто не берет? Угрюмый потому что. Я еще когда в телевизор на тебя смотрела, ну до чего же, думала, дикий мальчик, ладно

бы просто сидел и молчал, а он не просто молчит, он будто убить задумал, только еще не решил, как, когда и кого.

Кирюша отвернулся к темному окну, бабуле это было все равно.

— Тебя врачу надо показать, есть такие специалисты, но кто этим будет заниматься, кто?

Кто-то невидимый (из середины вагона) ответил хрипло:

— Конь в пальто.

Бабулю хамская реплика не смутила.

— А едешь ты куда? В детдом возвращаешься? Он же в Посаде, детдом, а ты, наверное, сбежал, помотался, оголодал, замерз и решил вернуться? Ну и молодец, опасно вот так одному болтаться, злых людей много, другой и кажется добрым, а все-таки злой. Хотя и говорят, что мир не без добрых людей. Но добрых мало, я, может, одна во всем этом поезде добрая еду, а может, и во всех поездах России я одна добрая еду. (На заграничные поезда все же не махнулась, заграничные далеко, за гранью осознанной реальности.)

И, как бы подтверждая свою доброту, спросила:

— Хочешь конфетку?

Кирюша не отвечал, на бабулю не смотрел.

Она вынула из здорового рюкзака (старого, замызганного) конфету в блестящей обертке и положила на сиденье рядом с Кирюшей. Положила, встала, побряхтела, забросила за спину рюкзак и потащилась к тамбуру. Поезд сбрасывал ход — приближалась платформа. Бог знает, как она называлась. Или не знает.

Бабуля скрылась в тамбуре, Кирюша ее уже не видел (наверное, встала у дверей).

Мальчик взял конфету, развернул и положил в рот. Конфета оказалась старая. Наверное, так же давно жила на свете, как бабуля. Но мальчик конфету не выплюнул. Старая, да сладкая. Во рту у него она пригрелась, помягчала, так что Кирюша всю ее съел и с удовольствием. И в тот же миг он очутился в большой светлой комнате за шикарным (с точки зрения Кирюши) столом.

Хлеб, масло, сыр, ветчина, творог, кофе, сливки, чай, чего там только не было. А за столом сидели отец, мать и сестренка Анечка семи лет. Кирюша был не совсем Кирюша. Он и не он. Как если бы Кирюша попал не в детдом с той ледяной скамейки, а в хорошую добрую семью, где все бы его любили, где всем бы он был не чужим, а родным, пусть и не по крови. Другой поворот судьбы — другой Кирюша.

Другой Кирюша тоже был молчалив, но не мрачен. Из своего молчания (из своей тишины) он наблюдал за своими родными, которые собрались утром за столом, завтракали да решали вопрос, не рвануть ли всем семейством прямо сейчас куда-нибудь. За окном был месяц май (помните, у Гарика Сукачева: а за окошком месяц май, месяц май, месяц май...). Пахло снегом, а не сиренью, хотелось тепла, света. Или просто чего-то другого.

— Париж, — предложила мать.

— Париж, — согласился отец.

— Париж, — обрадовалась Анечка.

Кирюша промолчал. И мать спросила на всякий случай:

— Ты как, сынок? Не против?

Да я с вами хоть к черту лысому, — подумал Кирюша.

— Не против, — сказал.

Заранее они не побеспокоились об отъезде, потому что у отца намечалась работа на праздники, но работа отменилась, конференцию отложили на месяц, отец тут же взял отпуск, вот они и решили рвануть.

Им было весело выбирать отель, рейс (с пересадками, конечно), собираться, вызывать такси, мчаться, стоять в пробках, ехать.

К ночи входили в аэропорт.

— Сколько времени?

— Второй час.

— Ты паспорта не забыл?

— Нет.

Регистрация, контроль, бизнес-зал, очередь на посадку. За окном — огни.

Анечка взяла Кирюшу за руку, она побаивалась летать.

Кирюша вдруг вспомнил Димку, своего детдомовского приятеля. Спит, наверное. Или так лежит. Думает про Кирюшу, куда он запропастился. И Кирюше захотелось оказаться там, на своем собственном месте, рассказать Димке про бабулю, раздающую волшебные конфеты. Димка поверит. Только Димка и поверит, другого такого доверчивого человека нет на свете.

Обидят его, дурачка, без меня, — подумал Кирюша и в тот же миг очутился в самой поздней, самой последней электричке.

Вкус съеденной конфеты во рту, рука помнит тепло Анечкиной ладошки. Поезд медленно отходит от освещенной платформы.

Промелькнула бабуля со своим рюкзачком. Промелькнула и пропала. Поезд набирал ход.

5. Чехарда

Следует уточнить: гипнотизер ни в кого не превращался, никем не обращивался, он лишь (но не всего лишь) создавал иллюзию. И люди принимали его за милого (или злобного) старикана или за симпатичную (как правило) молодую женщину. Да за кого (ему) угодно, хоть за президента Соединенных Штатов в приличном костюме, белоснежной рубашке и узком красном галстуке. С какого перепуга президент вдруг оказался в подмосковной электричке — разумному объяснению не поддается. Но вот — оказался, едет, смотрит в окно.

А что же с настоящим президентом США? Оставался ли он в это же время на своем месте — за тридевять земель от нашей электрички? Возможно, да, возможно, нет. Наш ловкач гипнотизер на все горазд.

По его воле пассажиры нашей электрички могли увидеть за окнами не привычную станцию Строитель (к примеру), а пригороды Лос-Анджелеса (хотя я не знаю, есть ли у Лос-Анджелеса пригороды).

И вот представьте: старый-престарый вагон (никак не меньше сорока лет в действии), только что проехали Челюскинскую, март, снег еще не весь сошел, и вдруг за привычным окном — чужая страна, пальмы какие-то (я в тех краях не бывала, воображаю по кинофильмам и сериалам).

Президент сидит на лавке среди наших людей, а за окном (в отличие от наших людей) он видит не пригороды Лос-Анджелеса, а станцию Мытищи (сразу после Строителя), март, снег, ТЦ «Красный Кит».

Вот такая чехарда могла бы быть. Или была. Или до сих пор длится.

6. Сизов

Сизов задумал убить Коробкова (не собственноручно — нанять киллера) и не попасться. Не попасться было главное условие. Которое никто не брался выполнить. В конце концов Сизов вышел на гипнотизера-иллюзиониста (о котором я уже рассказала вам несколько историй). Гипнотизер сказал, что дело плевое, но одного пальца Сизов лишится. Сизов подумал и согласился. Договорились, что палец будет — мизинец на левой руке. Сизов лишится пальца, Коробков — жизни. Нормальная цена. Тем более что гипнотизер денег за услугу не попросил.

Коробков умер во сне в командировке. Один в номере, на одноместном ложе. И в тот же миг Сизов лишился мизинца. Поначалу казалось, что мизинец на месте, шевелится, побаливает. Через пару недель Сизов о нем забыл.

Возможно, читателю интересно, зачем Сизову понадобилось убивать Коробкова.

Предположим, Коробков его раздражал. Или даже бесил. Они были коллеги, сидели в одной конторе в одном кабинете, стол к столу, впритык. Бесило Сизова все: голос, походка, запах, лысина, пиджак в полоску, пиджак в клетку. Все, что было Коробковым.

Через некоторое время (к примеру, прошел год) Сизов решил убить Зину. Зина жила в квартире напротив, Сизова с ума сводила ее тупость (и было ему дело до Зины и ее скудного ума!). Гипнотизер сказал, что нет проблем, Зина лишится жизни, Сизов — второго пальца. Безымянного на левой руке (так договорились).

Сизов оказался своего рода маньяком, ему вот это — убийство по мановению пальца (кхе-кхе) — доставляло несказанное удовольствие.

К слову сказать, окружающие не удивлялись исчезновению сизовских пальцев. Им чудилось, что так всегда и было. Еще и жалели бедолагу: недостает у человека двух пальцев (затем — трех, четырех...).

Кошмар (для Сизова) заключался в том, что он не умел остановиться, ему хотелось и дальше властвовать над жизнями.

Говорят, он стал инвалидом, без ног, без рук. Сердобольная тетка за ним присматривает, Сизов ее ненавидит, но решиться на убийство не может, гипнотизер предупредил, что за следующую смерть Сизов заплатит своей жизнью.

7. Второй

Как-то раз наш гипнотизер-иллюзионист решил зайти в бар. Выпить, закусить, послушать разговоры, познакомиться, к примеру, с блондинкой (кстати, крашенная блондинка тоже иллюзионист в своем роде). Придумать забавное.

Давно не развлекался, все был в мрачном настроении несмотря на весну, свет, синь, птичьи голоса. Ну, а тут вдруг заволокли небо тучи, потемнело, смягчились все цвета, звуки, запахи. И душа смягчилась (была ли она у него?). И вот ему захотелось к людям.

Он собрался, захватил, кстати, зонтик. Черный зонтик-трость с серебряной рукоятью. Она оканчивалась головой хищной птицы с изогнутым клювом. Глаза — желтые прозрачные камни. Черный длинный плащ. Черные лаковые башмаки. Театрально, но ему захотелось вот так.

Город иностранный, не наш, полно небоскребов, толпы снуют туда-сюда, иной человек идет и курит сигарету, другой идет и курит сигару.

Тридцатые годы прошлого века, Гитлер уже пришел к власти, но страх как далеко, не долетишь не доплывешь запросто, океан это вам не Днепр, прекрасный в лунные ночи. Гипнотизер там бывал, видел.

Короче, шагал он по одной улице, там росли большие деревья, они переговаривались между собой, что-то лопотали тихими голосами, но при нем умолкали.

Бар был на углу.

Тепло, светло, дымно, голоса звучат. Бармен наливает виски в чей-то стакан. Прекрасная атмосфера. Именно о такой он и мечтал. Но наш иллюзионист сразу догадался, что ничего этого нет, что бармен тоже иллюзионист, собрат по ремеслу и судьбе.

Наш гипнотизер не покинул бар, не оскорбил собрата. Остался и пил иллюзорное пиво, и ел иллюзорный стейк, и вдыхал иллюзорный дым, и обнимал иллюзорную блондинку. Конечно, крашеную.

8. Госпожа Башмачкин

В одном небольшом музее в рукописном отделе работала женщина. Так долго, что все удивлялись. Верили, что она знает каждый фонд, каждого фондообразователя и сходу может сказать, что у них есть по казахскому кино, а что по городу Новосибирску, а что по битве за Кавказ, а что по командировке в Англию и США кинооператора В. Микоши. И так далее и тому подобное. Но верили они напрасно, память у женщины, состарившейся за разбором старых и зачастую ветхих бумаг, была так себе. Она легко забывала. Разобрала фонд, описала, взялась за другой, а прежний не то чтобы исчез из памяти, но опустился на дно, в темноту, черт ногу сломит в этой темноте. К счастью, все описания сохранялись в базе данных и на сайте Госкаталога музеев РФ. В памяти, так сказать, коллективной.

По характеру женщина была спокойная, рассудительная, работала кропотливо, тщательно, любила подбирать правильные, точные слова для описания документов, любила искать в интернете и в библиотеках сведения об авторах или об упоминаемых персонах, местах, событиях. Не знаю, уместно ли сравнивать ее с Акакием Акакиевичем, но она себя именно с ним и сравнивала. Даже иногда обращалась к себе: господин Башмачкин. Хотя была, как мы понимаем, госпожой.

В преклонном возрасте характер ее несколько испортился, а память, как ни удивительно, стала улучшаться. Но не вся. Ушедшие на темное дно фондообразователи вдруг принялись оживать, обрастать, казалось, навсегда утраченными подробностями. А вот жизнь реальная, не бумажная, стала тускнеть. И белый влажный снег. И апрельские птичьи голоса. И приятно освещенные желтым светом окна кафе у метро Ботанический сад. И щекастый младенец с круглыми серьезными глазами. Все это и многое другое, тоже, наверное, нуждающееся в перечислении, в каталогизации (мы предоставим это упоительное занятие кому-нибудь другому), весь прекрасный мир стал каким-то эхом, причем эхо это раздражало и отвлекало от живых и полнокровных архивных теней.

В конце концов госпожа Башмачкин перебралась жить в рукописный отдел, спала в раскладном кресле, а то и не спала, принималась за работу посреди ночи, разбирала причудливый почерк или сканировала материал к выставке. Бухгалтерия взяла ее на баланс, точно какой-нибудь шкаф.

Долгие годы госпожа Башмачкин трудилась в отделе одна. Но стала уставать, и руководство решило нанять молодую сотрудницу Катеньку. Ка-

тенька была свежа и прекрасна, умела свистеть и смеяться, приносила сладкую выпечку из братьев Караваевых, заваривала крепкий кофе. Запах кофе перебивал запах дряхлых бумаг, тлена, склепа. Беда была в том, что госпожа Башмачкин запах тлена любила больше запаха кофе. Ей мечталось, чтобы Катенька поменьше свистела и поточнее давала размеры документа (длина и высота в сантиметрах). Не говоря уже о физических характеристиках, описании внешнего вида и содержании. Но сердиться на Катеньку госпожа Башмачкин не умела, переделывала за нее паспорта, вздыхала, терпела. Как-то раз, засыпая, подумала: вот бы пришла на место Катеньки такая же, как я. Вероятно, это была единственная просьба госпожи Башмачкин к высшим силам за всю ее долгую, смирную жизнь. И просьба эта была удовлетворена. Катенька выскочила замуж и укатила к суженому в Санкт-Петербург, а на ее место взяли женщину, она была точь-в-точь господин Башмачкин. И внешне, и по характеру. Двойник, близнец, тень.

Работали они вместе прекрасно. Иногда спорили по поводу даты на трудноразличимом почтовом штампе. Или чего-то вроде этого. Ночевала господин Башмачкин Два во втором раскладном кресле (спасибо завхозу, добыл). Так что все шло прекрасно. А когда они обе умерли (в один день, час, миг), то обернулись двумя малозначащими вложенными листочками в одной рукописной тетради, на них никто и внимания не обращал. Листочки были без надписей, но заслуженные, ветхие. Может, закладки, оставленные автором. Пусть себе лежат.

9. ДНК

На одной телепередаче женщина не знала, который из трех мужчин отец ее ребенка. Она говорила, что любой мог быть.

Один мужчина говорил, что да, возможно. Его звали Анатолий. Другой говорил, что невозможно. Его звали тоже Анатолием. Для ясности условимся называть первого Анатолием Возможно, а второго, понятное дело, Анатолием Невозможно. Третьего звали Самуилом, и он говорил, что никак невозможно. Самуил Никак Невозможно, почему бы и нет.

Женщину звали Марией, а дочку ее — Мельпоменой. Не знаю, отчего Мария ее так нарекла. Глядя на женщину (в телевизор) и не догадаешься, что она знает такое слово — Мельпомена. Сидит себе невысокая, коренастая, но не толстая. Лицо круглое. Волосы какие-то серенькие. Носик остренький. Глазки маленькие. Ротик маленький. Зубки во рту стоят редко. Не очень даже понятно, как это целых два Анатолия и один Самуил могли на эту мышь польститься.

Мельпомена была точь-в-точь мать. Угадать по внешности ее отца не представлялось возможным. Так что спасибо добрым людям с телевидения, что уговорили всех, так сказать, подозреваемых пройти тест.

Как всегда в таких (про ДНК) передачах с оглашением результатов тянули до последнего. Показывали квартиру Марии и Мельпомены (однушка в пятиэтажке на задворках Московской области; впрочем, чистенькая, не жуть-жуть). Расспрашивали соседей. Соседи говорили, что женщина с девочкой живут тихо, музыку громко не включают.

Водит ли Мария мужчин в дом?

Не водит. Не замечали.

А где работает.

А в гипермаркете, не будем называть, каком. Сидит на кассе.

А девочка?

А девочка учится. В седьмом классе. Скромная девочка. На рожон не лезет. Оценки получает хорошие. В подружках у нее, правда, оторва. Бесовка. И винищем от нее несет, и сигареты она курит, прямо возле школы, не стесняется.

Они с Мельпоменой подружились на тему одного сериала, в котором пришельцы очень хотели добра людям (не людям вообще, а в каждой серии кому-то конкретно; учителю истории, к примеру, или врачу, или переводчице с арабского, что ли, языка, или гастарбайтеру по имени Омар). Пытались каждому помочь, а выходила ерунда. Не к лучшему вело их вмешательство в судьбы людей, а к худшему. Потому что сценаристы — дураки.

После рекламной паузы взялись за мужчин.

Анатолий Возможно был женат, имел троих детей, дома бывал нечасто, подолгу не задерживался, возил на дальние расстояния грузы в большой величественной фуре. С Марией познакомился в гипермаркете, она как раз заканчивала работу, он позвал ее в ресторан (не тот, где официанты подают меню, советуют вино и прочее разное, а при гипермаркете, где сам берешь на тарелку гречку, к примеру, с котлетой, ставишь на поднос, а потом расплачиваешься в кассе). Что там между ними было после ресторана, в то мы углубляться не станем, без нас охотники найдутся.

Анатолий Невозможно служил в полиции, какая-то старушка принесла в отделение найденный ею паспорт, Анатолий паспорт рассмотрел, увидел, что лицо на фотокарточке знакомое, сообразил, что живет обладательница паспорта (и лица) в соседнем подъезде, ходит одна или с дочкой, и решил сделать доброе дело, занести женщине документ, а заодно и познакомиться. Почему-то она ему на фотографии очень понравилась. А вживую — нет, совсем не понравилась.

— Так что ничего у нас не было, потому что и быть не могло.

Мария не настаивала на обратном, смотрела укоризненно. Мужчина глаза от Марии отводил, и чудилось, что ему стыдно.

Самуил Никак Невозможно, исполнитель собственных песен, не то чтобы широко, но все же известный, уверял, что видит Марию, вот сейчас, в студии, впервые в жизни. Что даже не знал о ее существовании. Мария же тихо, но твердо говорила, что познакомились они в электричке, в которой певец ехал на свою дачу, а Мария — домой. Зачем-то она моталась в этот день в Москву, вроде бы в ТЦ, искала подарок Мельпомене.

Рекламная пауза.

Выносят три конверта. Ведущий томит зрителей и участников зрелища, но в конце концов вскрывает первый конверт.

Самуил Никак Невозможно. Мельпомена. Вероятность отцовства. Десятью девять и девять.

Зрители в студии ахают.

Мария расправляет плечи. Светлеет лицом. Мельпомена равнодушна.

Ведущий предлагает заглянуть все-таки во второй конверт. Заглядывает.

Анатолий Невозможно. Мельпомена. Вероятность отцовства. Десятью девять и девять.

Зрители в студии охают.

Мария розовеет. Мельпомена равнодушна.

Ведущий усмехается и предлагает заглянуть в третий конверт.

Анатолий Возможно. Мельпомена. Вероятность отцовства. Десятью девять и девять.

Зрители в студии немеют.

Мария бледнеет. Мельпомена равнодушна.

Ведущий произносит:

— Я в шоке.

Он уверяет, что результаты проверялись неоднократно. В разных лабораториях. Ученые объяснить ничего не могут. Со временем объяснение найдут. Кто ищет, тот всегда. Пока же придумали термин: мерцающее ДНК.

— А как же быть с алиментами? — спрашивает один из Анатолиев (кажется, Возможно).

— Придется платить.

— Всем?

— Да.

— Повезло бабе, — говорит тетка у телевизора, позабыв о супе, который кипит уже лишних минут пять.

Пост, так сказать, скриптум.

Однажды, несколько лет спустя, Мария и Самуил встретились в электричке. Вновь или впервые. Встретились и вышли вместе на безлюдной платформе. Час был поздний, автобуса не предвиделось, пошли через поле своим ходом.

— Я все-таки не понимаю, откуда взялись эти девяносто девять и девять. Ведь мы же никогда с тобой вместе не были. А?

— Не были.

— А зачем ты тогда меня приплела?

— Я песни ваши люблю.

— А я стихи Пушкина люблю. А также поэмы и повести. И драмы. И что?

— Редактор попросила вас тоже назвать. Для интересу.

— Вот сука.

— Работа у них такая.

— Работа. Ладно. Пусть. Но откуда взялись эти проценты? Девяносто девять и девять. Из воздуха?

— Не знаю. Я о вас часто мечтала. Наверное, поэтому.

Певец посмотрел на Марию изумленно.

— А с этими ты с обоими была?

— Конечно.

— Навешают дочурку?

— Анатолий. Который полицейский. Заглядывает. Бывает. Мы ж соседи.

Вступили в поселок.

— Мне направо.

— Мне прямо.

Разошлись.

10. Красавица

Одна женщина была очень красивой, если смотреть на нее издали, вблизи она как-то тускнела. Разочаровывала. За пять примерно шагов еще красавица, а за четыре — ничего особенного. Даже несимпатичная. У Петра Леонидовича шаг был широкий, так что в его случае критическими были три шага. Неважно. Не в числах дело.

Петра Леонидовича как ученого весьма этот феномен заинтересовал. Он провел замеры, записал впечатления сторонних наблюдателей и самой

Илоны. Она объяснила, что чувствует себя как бы в коконе или в скафандре: видит себя в зеркале красавицей, если отступает от него. А если подступает близко, то чары рассеиваются.

Петр Леонидович увлекся ее дальним, так сказать, образом. Можно сказать, влюбился в этот образ. Который был вот рядом, — а не подступишь. Он, взрослый человек, отец троих детей, академик и лауреат, даже плакал по ночам в подушку. Измучился, похудел, потерял интерес ко всему, кроме недостижимой красавицы. И, конечно, он решил как-то все-таки разобраться с этим чудом природы, понять механизм действия и — по возможности — вмешаться и сделать красавицу доступной.

Может, и хорошо, что ничего у него не вышло. Боюсь, что Илона, став полноценной красавицей (а не чем-то вроде призрака), его бы отвергла. Несмотря на ум и заслуги. Потому что ей нравился сосед с первого этажа Ваня. Впрочем, бессмысленно рассуждать, что да как было бы, наверняка ошибемся.

Петр Леонидович устроил Илону к себе поближе (но не чрезмерно близко, хе-хе), в институтскую бухгалтерию, так что имел возможность ею любоваться время от времени.

Илона жила себе, старела, но дальний ее образ по-прежнему притягивал. Поражал воображение. Она вышла замуж за хорошего человека (не Ивана), который умудрился полюбить ее некрасивую, родила дочку (обыкновенную, без причуд).

У Петра Леонидовича сохранилось несколько фотографий Илоны; он сам ее снимал, близко, понятное дело, не приближался. Через много лет музейные сотрудники разбирали его архив и обнаружили фотографии неизвестной красавицы. Она смотрела со снимков, как живая. Это даже пугало.

11. Сеанс

Митя впервые услышал об этом фильме на третьем курсе.

Дело давнее, многих из нас еще на свете не было. Но многие из заставших то время живы. Настоящее название фильма я скрою, а условное пусть будет «Скалба». Есть такая река, протекает в нашей местности, впадает в Учу, которая впадает в Клязьму, которая впадает в Оку, которая впадает в Волгу, которая впадает в Каспийское море. Как говорится, все реки текут (был когда-то такой, австралийский, кажется, сериал: «Все реки текут»).

С названием вроде бы разобрались. Поехали дальше.

Фильм «Скалба» не запрещали, на полку не заталкивали, но шел он тихо, вторым экраном. Как нам поясняет интернет: «Второй экран в советские годы — способ проката фильмов, которые, по мнению руководства кинематографа СССР, не представляли большого интереса для зрителя, были недостаточно высокоидейны или не имели особой художественной ценности». Не будем спорить с руководством, но все же у определенной части публики интерес к фильму имелся. И даже повышенный. Разговоры о фильме вели самые увлекательные, спросили по поводу финала, по поводу цветных и черно-белых сцен, по поводу музыки (некие церковные песнопения там звучали). Фильм воспринимался как ответ (символический) на вопрос о смысле жизни, об устройстве мироздания, ни больше, ни меньше.

Короче, студенту технического вуза Мите страх как хотелось этот фильм посмотреть. И вот прошел слух, что «Скалба» идет в клубе на окраине Москвы. Митя прогулял две пары, добрался до этой окраины, простоял в очереди за билетами. Билетов не досталось. Митя поел в «Пельменной» (их

тогда немало было в Москве), какой-то мужик подсел к нему за стол, предложил выпить водки, Митя не отказал, выпил, захмелел и пожалел всех: мужика, себя, голубей, дождь, лужу, всех тварей, весь живой мир, и неживой заодно. Так на него действовал алкоголь, даже не в чрезмерных дозах.

Митя дождался вечера, потоптался у клуба, надеясь на лишний билетик, но не повезло. Кому-то повезло, но не Мите.

В другой раз Митя был совсем уверен, что увидит вожаденный фильм. Билет имелся (продал однокурсник). В день кинопоказа Митя проснулся с дичайшей головной болью; горло драло, нос не дышал, измерили температуру — тридцать восемь и пять. Какой уж тут фильм, вызвали скорую.

И в третий раз Митя не смог увидеть «Скалбу» (кажется, обрушился ливень, все троллейбусы встали в глубоких лужах, а своим ходом Митя уже никак не успевал).

И в третий раз не повезло, и в четвертый, и в пятый, а после шестого случая Митя успокоился, решил, что не судьба, и о фильме больше не помышлял. И даже разговоры о нем не слушал, ну их.

Пришла перестройка, «Скалбу» принялись демонстрировать в самых больших кинотеатрах (до той поры, пока не переиначили их в автосалоны и секонд-хенды). Показывали и по телевизору, многократно. Выпустили на видео. Но Митя не соблазнялся, не смотрел. Не подступал к кинотеатрам, не брал в руки видеокассеты. Нет и нет, не уговаривайте.

Стал он к тому времени семейным человеком, неплохо зарабатывал программированием. Все у него было нормально и без этого фильма.

И вдруг (году, кажется, в две тысячи третьем) он ему приснился. Фильм.

Митя проснулся, полежал, подумал о своем сне. И мысленно сказал фильму (как живому существу): поздно, дружок. Ты потускнел, ты устарел, все твои приемы уже не новы; конечно, если бы ты позволил мне увидеть себя раньше, когда я был молод, ты бы произвел на меня впечатление, скорей всего, я бы тебя пересматривал раз двадцать, чтобы насладиться скрытой в тебе тайной, а нынче (погляди в окно) тайны в тебе уже нет, прости.

МАРИЯ КОЗЛОВА

САМО СОБОЙ

* *
*

Любовь сама себе приснилась,
И вышло так само собой,
Что ничего не прояснилось
Ни у кого из нас с тобой.

Но всё посчитано, и взвешен
Упрёк, и найдены слова,
И голос дымом занавешен,
Голубоватым, как трава.

«Как это грубо — нетто, брутто», —
Солома вспыхнула в стогу.
Всё проясняется как будто,
Но я проснуться не могу.

И что за стебель без надлома,
И отчего краснеет кровь,
Раз все слова мои — солома,
Хотя одно из них — любовь.

* *
*

Папа прямо держался и прямо
Говорил, если я не права, —
Это ямба воздушная яма
Или мёртвые в столбик слова.

Или это в метро пассажиры
Прислонились к стеклянной двери,
Староверы мои, старожилы
Из Калинина, то есть Твери,

Козлова Мария Владимировна родилась в 1981 году в Москве. Поэт, переводчик, критик. Окончила МГУ им. Ломоносова и Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи и эссе публиковались в журналах «Крещатик», «Урал», «Сибирские огни», «Плавучий мост», «Знамя», «Новый мир», альманахах литературной студии «Кипарисовый ларец» (2011, 2012), в сетевых изданиях. Автор поэтической книги «Стихи брату» (М., 2017), переводов из Верлена (сб. «Проклятые поэты», М., 2015) и Леконта де Лиля (М., 2016). Живет в Москве.

Где река под названием Волга
Передумала в детство впадать.
И до старости в целом не долго,
И до смерти рукою подать.

* *
*

Они не связаны, но слиты —
Века, река и облака,
Как тектонические плиты,
Не разлучённые пока.

И что за азбука без звука —
Полуквадрат, полуовал.
Реки излучина, разлука,
Дремучий в памяти провал.

Вот ты стоишь в воде по пояс,
Тебе от силы восемь лет,
Спи, ни о чём не беспокоясь,
В руках у музыки, поэт.

Не различить за облаками,
Неправда это или ложь.
Всё это тянется веками.
Но дважды в реку не войдёшь.

* *
*

Слова ушли, слова вернулись
И в золотой стоят пыли.
Сады небесные проснулись,
И зацвели, и отцвели.

В них звёзды, пыльные, как розы,
Как бы изъедены жучком.
В каком-то смысле это поза.
Не важно, в принципе, в каком.

В каком-то смысле это совесть —
Поэзии бессвязный бред.
Что есть, то есть без смысла, то есть
Без выразительных примет.

Слова и музыка всё те же,
Всё тот же сад над нами, но
И розы, кажется, не свежи,
И звёзды умерли давно.

* *
*

За дальним краешком краешной
Зимы — такая благодать.
Мы проживём ещё, конечно,
И тоже станем умирать.

Накроем стол и сядем прямо,
И хорошо нам будет здесь.
За папу ложечку, за маму,
За этот полк бессмертный весь.

Пока не кончится отсрочка
От близкой вечности Твоей
Под кашу манную в комочках
Любви и нежности моей.

* *
*

Есть у любви одна примета.
Сказать точнее не могу.
Она не то, она не это —
Одна иголочка в стогу.

Одна единственная нота,
Сто раз пропетая! Ну да...
И вот опять ведёт кого-то
Из ниоткуда никуда.

Стихи печатает журнальчик,
Цветок роняет лепесток.
А ты ходил за ней, как мальчик,
Держал её за локоток...

И верил, и не верил свято,
Что всё получится само.
Нет, не твоя она — ничья-то.
И невозможное возмо...

АНДРЕЙ УБОГИЙ

ЛЮБОВЬ НА ДЛИННУЮ ДИСТАНЦИЮ

Роман

37

Может, я переболел бы недугом по имени «Натка» и как-нибудь сам по себе, помаленьку да полегоньку — бывает же, что болезнь проходит самостоятельно, без кризисов и осложнений? — но судьба распорядилась иначе.

Мы с Наткой учились уже на последних курсах своих институтов, и надо было что-то решать: как в смысле выбора профессии и дальнейшего пути в жизни — моя беговая карьера, судя по всему, завершалась, — так и в смысле отношений с подругой. Она не раз заводила осторожные разговоры о будущем, намекая на то, что пора бы нам и оформить свои отношения. Но я отшучивался или отмалчивался — что, естественно, не нравилось Натке, и ее взгляд становился презрительным, а голос холодным и злым.

Я же ничего не хотел менять резко и тянул до последнего, уповая на то, что все как-нибудь разрешится само и я смогу насладиться хотя бы остатками вольной студенческой жизни.

За легкомыслие и нерешительность я и поплатился. Сначала Натка несколько раз подряд отказалась прийти на свидание, сославшись то на усталость и женское нездоровье, то на какие-то там чумовые зачеты по терапии. Но я смутно догадывался, что дело вовсе не в зачетах, а в чем-то другом, о чем Натка не хочет мне говорить. И потом, она вовсе не выглядела больной или утомленной: наоборот, в ее карих глазах теперь играл живой блеск, памятный мне по нашим первым свиданиям, — блеск, который в последние месяцы появлялся так редко.

— Да что с тобой? — наконец не выдержал я. — Другого, что ли, нашла?

Это предположение показалось мне столь невероятным — до чего же мы, мужики, бываем слепы и самовлюбленны! — что я засмеялся ему словно шутке и ожидал, что Натка хотя бы улыбнется в ответ.

Но мой смех ее неожиданно разозлил, и она раздраженно сказала:

— Да, представь себе, нашла!

Я, по инерции улыбаясь, глупо спросил:

— Вот как! Интересно, кто же он?

— Захочешь — узнаешь! — И Натка посмотрела на меня такими злыми глазами, словно это не она, а я только что признался ей в измене.

По одному этому взгляду мне стало ясно, что произошло непоправимое. Хотелось спросить еще что-нибудь или даже сказать что-то грубо-обидное, но я обошелся пожатием плеч и коротким:

— Пока!

Оказалось, это была наша последняя встреча наедине — но далеко не последняя в моих мыслях и снах, куда Натка стала являться с назойливостью бреда или кошмара.

Так я узнал, что муки ревности куда злее и беспощаднее, нежели муки любви. Сухой огонь ревности меня буквально испепелял. Лицо потемнело, осунулось, и знакомые спрашивали: не заболел ли я? Жизнь, которая прежде так радовала, стала казаться настолько бессмысленно-тягостной, что я несколько раз оставался утром в постели — в то время как мои соседи расходились на занятия или тренировки, — и тупо лежал так часами, разглядывая трещины на потолке, из которых мое возбужденное и вместе с тем словно оцепеневшее воображение бесконечно складывало черты Наткиного лица или волнующие изгибы ее тела, так хорошо знакомого мне, но теперь недоступного.

Я все более ненавидел ту, которая меня бросила, — но чем сильнее я ее ненавидел, тем сильнее желал. Ни одна из спортивных моих неудач не потрясла меня так, как измена подруги. Когда я проигрывал на дистанции, я понимал, что всего лишь, в каком-то определенном месте и времени, оказался слабее соперников или себя самого. Но я твердо знал, что к следующему старту все должно перемениться и я непременно верну себе роль победителя.

Теперь же я был совершенно уверен, что Натка ушла от меня навсегда. Именно эта уверенность, непонятно откуда возникшая, и удерживала меня от попыток примирения и сближения — которые не принесли бы мне ничего, кроме новых ударов по самолюбию.

«Ну и черт с тобой!» — вновь и вновь повторял я то мысленно, то даже вслух, стискивая кулаки и скрипя зубами. Но кареглазый, насмешливо улыбавшийся призрак не желал от меня уходить. После разрыва с Наткой я потерял сам себя: казалось, меня больше нет в этом мире, по которому бродит одна моя тень, ничуть не похожая на того, полного жизни и сил, Георгия Ветрова, каким я был недавно.

Да, эта тень выполняла какие-то машинальные действия — она одевалась, рассеянно ела, ходила на лекции и даже продолжала вяло тренироваться, — но во всем этом не было ни малейшего смысла. Я словно совсем не участвовал в том, что говорил или делал, — но именно призрачность и пустота существования были мучительны и невыносимы. Каждый день, каждый час своей жизни я преодолевал с такой болью в сердце, с такой тоской — с какой прежде не пробегал ни один километр самых трудных дистанций. Моя жизнь в одночасье стала бессмысленно длящейся мукой — в той самой степени, в какой она прежде была полна радости, тоже бессмысленной и безотчетной.

В скором времени мне пришлось вытерпеть новое унижение. Я узнал, на кого Натка меня променяла и кому теперь доставался и жар ее тела, и радостный блеск ее взгляда. И надо же было такому случиться, что все рассказала та самая девушка — ее звали Лиза, — через чье окно и комнату я столько раз проникал в общежитие педиатров!

Мы как-то столкнулись на улице — я и не сразу узнал: кто это с таким недоумением и сочувствием посмотрел на меня? — и вот мы уже пили чай в комнате Лизы и она охотно рассказывала мне о новом Наткином увле-

чении. Им оказался молодой аспирант кафедры хирургии, где занимались студенты последнего курса.

— Разведенный, бездетный, без пяти минут кандидат. — Лиза словно читала анкету, с интересом поглядывая, как я воспринимаю ее слова. — И из себя так мужчинка видный: костюмчик, парфюм, все дела...

Вот странное дело: Лиза вроде жалела меня — и в то же время рассказывала именно то, что было больней всего слышать. Может, она так вымещала на мне ту небрежность и то невнимание к ней — с какими я прежде проходил через ее комнату? Ну, конечно: когда я торопился к Натке — где уж мне было заметить внимательный взгляд худой девушки, отворявшей полуночное окно?

Но теперь я никуда не спешил и остался в Лизиной комнате до утра — удивившись тому, как худошавая гибкая Лиза ловко обходится и со своим, и с моим телом. «И где она так всему научилась?» — как бы со стороны наблюдал я за нами, вытворявшим разные непристойные штуки в постели. Но несмотря на всю эту вычурную «Камасутру», печаль и тоска меня не оставляли. Наоборот, чем сильнее я пытался себя разогреть, тем холодней и пустыньнее было на сердце — и тем ясней становилось, что секс и любовь совершенно различные вещи...

38

Пусть я в тот год был и не в лучшей форме — история с Наткой сильно потрянула меня, — но выпускные экзамены сдал неплохо. Чем еще было заняться, как не часами сидеть над учебниками, пытаюсь уйти от личных переживаний в дебри теории спорта?

Больше того: неожиданно мне предложили место в аспирантуре. Кафедра спортивной медицины, куда меня пригласили, была одной из самых уважаемых в институте. «Глупо, — думал я, — отказываться от предложения, какое случается, может, раз в жизни».

Возможно, что на мой выбор отчасти влияло и уязвленное самолюбие: раз Натка ушла от меня к какому-то там аспиранту, то отчего бы и мне не стать хотя бы кандидатом наук — раз уж стать чемпионом мира по бегу, видно, уже не судьба? «Вот буду ученым, да еще знаменитым — воображал я, — посмотрим тогда, кто на кого будет смотреть сверху вниз...» Глупо, конечно, двадцатипятилетнему мужику, да еще мастеру спорта, тешить себя мечтами, простительными лишь для обиженного подростка. Но что делать? Страдания отвергнутой любви не делают человека умнее.

Привлекало и то, что аспирантам давали отдельные комнаты в общежитии. «Вот уж тут-то я оторвусь!» — думал я с горьким злорадством, представляя жизнь молодого ученого как непрерывный поток наслаждений, среди которых одно из самых желанных и утонченных — уводить подружек у своих же студентов.

В реальности, правда, все оказалось иначе. Да, комнату дали, но пришлось так много времени уделять подготовке к сдаче кандидатского минимума — это при том, что я продолжал тренироваться, хоть уже и без прежнего пыла — что сил и времени на любовные утехы почти не оставалось. Да, правду сказать, и не хотелось попадаться в капкан очередного увлечения — по опыту зная, как больно и трудно будет потом из него выбираться.

Но мужское начало требовало своего. И время от времени я предавался тому, что называется «сексом без обязательств», и о чем теперь вспоминать неловко и стыдно. Но и на этот счет есть утешительные поговорки — «Быль

молодцу не в укор» или «Из песни слова не выкинешь», — поэтому и об этой поре своей жизни я должен поведать.

Некрасивая Лиза, рассказавшая мне о Наткином ухажере и так удивившая своей искушенностью в интимных делах, сделалась на то время не то что возлюбленной — а вот именно сексуальной партнершей, охотно и безотказно предлагающей свое тело без каких-либо притязаний на мою душу.

Лиза была, как и я, аспирантом, но только в другом институте и на кафедре, мало располагающей к чувственным переживаниям: кафедре патологической анатомии. Поначалу я недоумевал: как молодая женщина-доктор могла избрать себе такую профессию и вместо общения с живыми людьми, пускай даже больными, проводить лучшие годы в компании покойников?

Но потом, узнав Лизу поближе, я понял, что именно это — желание вскрывать, расчленять, объяснять, находить подоплеку всего — и составляло важнейший из интересов Лизиной жизни (не считая, конечно, ее интересы и тяги к сексу). Ум Лизы был холоден, цепок и совершенно лишен того, что называется «сантиментами»: она всегда резала правду-матку с таким решительным равнодушием — с каким, наверное, вскрывала и трупы в прозекторской.

Даже странно: что меня в ней привлекало, и почему я два-три раза в неделю стучался по вечерам в ее комнату? Сама Лиза на этот вопрос отвечала резко и коротко: «Похоть!» Но одним этим было не объяснить мое желание снова увидеть ее тонкогубое и насмешливое лицо с острым взглядом. Возможно, в то время мне было необходимо понять о любви и о жизни что-то такое, что могла объяснить одна эта женщина, обращавшаяся с моим телом — впрочем, с собственным тоже — с такою бесцеремонностью и простотой, словно ее интересовала лишь голая физиология половых отношений.

Кстати сказать, женскую анатомию я и разглядел-то впервые, во всех интимных подробностях, только с помощью Лизы — точнее, ее тела. Раньше, во всех случаях близости с женщинами, мой взгляд и сознание были словно в тумане, и я даже не думал вникать в то, как подруга устроена — скорей бы проникнуть в нее — или вдаваться в тонкости женской физиологии, цикличной, капризной и переменчивой, словно погода.

Теперь все покровы были отброшены и туманы развеяны, и я рассматривал Лизу подробно и неторопливо под ее ироничные реплики: «Тебе бы пойти в гинекологи», — или «Перестань, мне щекотно!» Разумеется, ничего хорошего эти исследования не дали. Слишком пристальный взгляд приносит одни разочарования — и во многом знании, как известно, много печали. Каково мне, доселе питавшему хоть какие-то романтические иллюзии, было узнать, что нас, мужиков, влечет, всего-навсего, к слизистой трубке? Это было ударом едва ли не более тяжким, чем измена Натки, но я уж не мог возвратиться в состояние прежней наивности. Плод познания, что вручила мне Лиза (недаром ее гибкое тело так напоминало змеиное) оказался не то чтобы горек — но он не позволял видеть в женщине что-либо иное, кроме удобной машины для совокупления.

В сущности, то, что я проделывал с Лизой во время свиданий — и что она так охотно позволяла мне делать с собой — было циничным убийством любви. Можно сказать, всякий раз я проделывал вскрытие: снимая одежду с себя и с нее, укладывая гибкую Лизу на кровати, столе или подоконнике в соблазнительно-вычурной позе — и начиная неспешный и долгий процесс ритмических телодвижений, завершавшийся судорогами оргазма. Но

беда была в том, что это «живейшее из наслаждений», как выражался один английский писатель, сменялось глубокой и ледящей душу тоской.

Лиза порой потешалась, глядя на мое помертвевшее и потерянное лицо, и всякий раз насмешливо напоминала старинную истину — что, дескать, всякое животное после коитуса печально. «Неужели я тоже всего лишь животное? — думал я, распутывая тот потный узел, в какой сплелись наши тела, и выходя из Лизы с чувством совершенного только что преступления. — Похоже, что так: я — животное...»

39

Чем я занимался, как аспирант кафедры и младший научный сотрудник? Мне предложили интересную тему: я начал исследовать сердца бегунов. Предварительное название моей работы, из которой предстояло сделать кандидатскую диссертацию, звучало так: «Сердечный ритм при околопредельных беговых нагрузках». А поскольку в области гениталий, как я теперь знал, любовь и не ночевала — во мне тлела надежда найти ее в сердце.

А кто мог быть моим проводником в мир анатомии сердца, как не та же самая Лиза, которая открыла мне тайны и женских интимных органов — точнее, открыла печальную истину, что никакой тайны они не скрывают? Мы с Лизой продолжали встречаться, и как-то я поделился с ней темой своей работы.

— Да, сердце штука забавная, — заметила Лиза. — На первый взгляд, ничего особенного — мышца и мышца — а вот с его ритмом много неясного.

— А ты часто их разрезала? Ну, в смысле — сердца?

— Еще бы! — зевнула Лиза. — На каждом вскрытии...

— Ну, и что там внутри?

— Ничего. Я ж говорю: мясо и мясо. Не веришь? Приходи завтра в морг часам к десяти.

И вот я стою за спиной Лизы — она в красном клеенчатом фартуке поверх белого халата — и вижу молодое женское тело, лежащее на сером каменном столе.

— Самоубийца, — бросила Лиза через плечо. — Таблеток наелась...

Сверкающий нож в худых руках Лизы казался огромным, а тонкие кисти рук в желтых перчатках — по-детски маленькими. Но Лиза с такой неожиданной силой и с таким хрустом вонзила лезвие в тело покойницы, что меня всего передернуло. Вслед ножу меж тяжелых, распавшихся в стороны белых грудей, поползла желто-красная щель. Разрез, удлинявшийся и расширявшийся с каждой секундой, был словно живым существом — чем-то вроде змеи, — и на миг мне почудилось, что он не ограничится телом самоубийцы, а поползет дальше и дальше, разделяя напополам целый мир...

— Не страшно? — Лиза метнула поверх очков острый взгляд. — Студенты, бывает, в обморок падают.

Страшно не было, но было тоскливо и тошно. Меня посещали почти те же самые мысли и чувства, что и при изучении голы Лизы — той, кто сейчас деловито копалась руками меж сизых петель кишок и, сопя, вырезала ножом багровую печень. Думалось: «Неужели внутри всех нас только кишки, кровь и мясо? И зачем мы мечтаем о какой-то любви, о каком-то там счастье? Вот и эта красивая женщина — что отравилась, скорее всего, от несчастной любви — тоже мечтала о чем-то подобном, да и сама была чьей-то мечтой. А что остается в итоге? Трупный запах, да каменный стол, да еще нож, что кромсает холодное тело...»

— Хотел видеть сердце? Смотри! — Лиза шлепнула на стол кровавый комок с зияющими просветами отсеченных артерий и вен.

На вместилище человеческих чувств это было мало похоже. Нож патологоанатома начал быстро и ловко шинковать сердечную мышцу. «Да, ее нож — это тебе не стрела Амура...» — думал я, наблюдая, как женское сердце превращается в бруски сизоватого мяса.

Часть этой «нарезки» доктор бросила в стеклянную банку — видимо, для дальнейших исследований, — а остальное небрежно сдвинула на край стола, где дожидались ее ножа прочие органы, извлеченные из бездыханного тела. «Как она может среди всего этого жить?» — изумлялся я, наблюдая, как сноровисто Лиза расчленяет покойницу.

И чем более ловко моя знакомая проводила вскрытие — тем неприятнее было смотреть на нее. «Сегодня-то, точно, я к ней не пойду, — решил я. — Не хватало еще вспомнить эти картины во время наших с ней эротических игр: так недолго сделаться и импотентом...»

40

После того, как я посетил морг, случилось еще одно неожиданное событие, которое и поставило точку в наших отношениях с Лизой. Однажды промозглым осенним вечером, когда по окну стучал дождь, а в комнате было сыро и зябко — Лиза не позволила мне к ней прикоснуться, а съежилась в кресле, закуталась в плед и отрешенным взглядом смотрела перед собой.

— Устала? — спросил я, наливая себе и ей чаю.

— Да, устала, но дело не в этом.

— А в чем?

— Меня вчера выскоблили...

— То есть как? — переспросил я, ничего еще не понимая.

— Ну, как... Аборт мне сделали.

— Какой аборт? — Я посмотрел на Лизу с таким недоумением, что ее тонкие губы скривились в усмешке.

— До чего ж ты бываешь тупой! — вздохнула она. — Впрочем, все вы, мужчины, такие...

И она — не спеша, обстоятельно, точно — рассказала мне, как было дело. То, что у нее не обычный сбой цикла, а беременность, Лиза и сама поняла не сразу.

— Я ведь, как ты понимаешь, предохранялась, — говорила она монотонным голосом, словно читая протокол вскрытия. — Но оказалось, что стопроцентной гарантии не дает ни один метод...

Ей пришлось обратиться к подруге-гинекологу, и та по каким-то там медицинским соображениям настояла на диагностическом выскабливании матки.

— Погоди-погоди... — перебивал я Лизу. — А что же ты мне ничего не сказала?

— Да брось ты! — Лиза устало махнула рукой. — Тоже мне, профессор гинекологии. И что ты вообще понимаешь? Только и умеешь, что бегать — да вот еще трахаться...

Видимо, на моем лице выразилась обида, поэтому Лиза сменила презрительный тон на более дружелюбный.

— Ладно-ладно, не заводись... Я ведь и сама толком не знала, беременность это или что-то еще.

— Ну, и что оказалось?

— Оказалось — беременность.

— То есть у нас мог быть ребенок?

— Да какой там ребенок! — Лиза начала раздражаться. — Ну какой из тебя отец, а из меня мать? Мы ведь друг друга даже не любим — а встречаемся так, от избытка гормонов... На две недели мне, кстати, предписан интимный покой, так что можешь пока от меня отдохнуть. И вообще, уходи — я хочу спать!

Я покидал Лизу с тягостным чувством совершенного нами общего преступления. И хоть никакой очевидной вины, ни моей, ни ее, в случившемся вроде бы не было, но мысль, что недавно свершилось убийство еще не родившейся жизни — эта горькая мысль не давала покоя. Или связь без любви — уже сама по себе есть преступление? И убийство — убийство любви — совершается раньше всяких аборт, когда мы подчиняемся телу и похоти?

Полубессонная ночь после расставания с Лизой была тяжела. Воображение у меня живое, поэтому я словно воочию видел, как Лизу сначала уложили на гинекологическом кресле, раскинув по сторонам ее бледные ноги, а потом стали выскабливать женскую внутренность блестящей стальной загогулиной, смотреть на которую было противно и страшно. Я представлял, как Лизины бедра все больше испачканы кровью — и как в таз шлепаются темные сгустки: не то кровь, не то части того, кто мог бы стать нашим ребенком.

Даже когда я задремывал, меня не оставляли тяжелые эти видения: стальная кюретка с механическим хрустом двигалась туда-сюда внутри Лизы, а сама Лиза постанывала так же монотонно-ритмично, как это бывало во время наших с ней встреч. Что-то во всем этом было настолько холодное и бессердечное — что меня начинало знобить, хоть я и укрылся двумя одеялами.

Возможно, что и все будущие несчастья — о которых я тогда, разумеется, ничего не подозревал — были посланы мне как наказание за связь без любви. Судьба таким образом беспощадно учила меня, позабывшего главную истину: где нет любви — нет и жизни.

41

Прекратив отношения с Лизой — я больше не мог выносить ее острого взгляда и тонко-язвительных губ, — я все более погружался в науку. В то печальное время мое сердце было разбито, душа опустела, и лишь упражнения ума составляли какую-то видимость жизни.

Я занимался сердечными ритмами бегунов на фоне анаэробных нагрузок — то есть в моменты предельных усилий на финише. Мне и на собственном опыте хорошо было знакомо то ощущение, что сердце вот-вот выпрыгнет из груди или разорвется — когда, сам не помня себя, набегаешь на белые клетки. Теперь предстояло подробнее изучить эту «панику сердца», представить ее в виде графиков и таблиц — чтобы, быть может, найти резервы в главной человеческой мышце и выжать из этого мускульного мешка все, на что он способен.

А поскольку при изучении ритма сердца было трудно обойтись без помощи медиков, руководство кафедры решило подключить к работе и кардиологов. Так в нашу команду влился доктор с забавной фамилией «Купидонов». Он к тому времени был уже кандидатом наук и занимался как раз нарушениями сердечного ритма.

Этот уютный толстяк в очках и с розовой лысиной к своим тридцати пяти годам пережил уже три развода. Роман Купидонов был непрерывно влюблен и менял свои увлечения каждые два-три месяца. За тот год, что я близко общался с ним, он влюблялся в студенток и аспиранток, пациенток и женщин-врачей: можно было подумать, что его сердце было воистину безразмерным.

Причем внешне он совершенно не походил на героя-любownika: Рома скорее представлял антипод тому эталонному образу «мачо», каким принято изображать настоящих мужчин. Он к тому же был и довольно неряшлив, и часто рассеян: его заношенный мятый халат и мешковатые брюки служили предметом постоянных насмешек и шуток. А если где-то на кафедре обнаруживались забытые очки, стетоскоп или пленки кардиограмм — то все знали, что это, конечно же, Ромино.

Но при этом общаться с ним было — одно удовольствие. Запас его анекдотов о врачах и евреях казался неистощим, разговор искрился умом и добродушной иронией, а познания в медицине оказались просто энциклопедические: в эпоху до Интернета и поисковых систем это было бесценным качеством.

Никто лучше Купидонова не мог расшифровывать кардиограммы, и вечера, проведенные с ним на дежурствах (я часто приходил в клинику, где он работал) сейчас вспоминаются как пиршество остроумия и интеллекта. Скоро я уже не удивлялся тому, что Рома, несмотря на невзрачную и почти карикатурную внешность, пользуется у женщин большим успехом. Устоять перед его обаянием могла, разве, какая-нибудь бесчувственная тупица — к тому же напрочь лишенная чувства юмора.

— Ну ты красавец! — хохотал я, узнав об очередном увлечении Ромы и о его очередной любовной победе. — И как тебя на них всех хватает?

— А ты прочитай мое имя наоборот, — отвечал Рома. — Видишь, что получается? Значит, любить мне написано на роду...

42

Не знаю, насколько на меня повлияло общение с вечно влюбленным доктором Купидоновым, но мало-помалу я переменялся — и, кажется, в лучшую сторону. Мне все больше нравились не занятия в читальном зале библиотеки, где я штудировал и конспектировал научные книги о сердце — книги, на сухих страницах которых ничего сердечного как раз и не встречалось, — а нравились живые занятия с живыми людьми, на солнце и на ветру стадиона, мир которого смолodu я так полюбил и не разлюбил до сих пор.

Как выглядели наши спортивно-медицинские эксперименты? Я набирал добровольцев-студентов на отделении легкой атлетики, цеплял на них кардиомониторы и запускал ребят по дорожкам. Они пробегали четыреста метров, доводя себя до изнеможения, а свое сердце — до частоты сокращений свыше двухсот ударов в минуту. Конечно, выкладываться по полной никто из студентов не собирался — это все-таки не соревнования, — но я был доволен и этим: не хватало еще сделать моих подопечных пациентами доктора Купидонова.

Но если с добровольцами проблем не возникало — кому из молодежи не хотелось вместо нудных семинаров и лекций побегать по стадиону? — то вот с кардиомониторами нам пришлось немало помучиться. Они тогда были несовершенными, имели не более трех отведений — «Холтеры»

только-только внедрялись в медицинскую практику — и выжать из них необходимую информацию было непросто.

Сложнее всего оказалось прикреплять электроды к телу спортсмена так, чтобы они не слетали с него, напряженного, потного и бегущего со всех ног. Для этого приходилось и сбривать волосы, и нацарапывать кожу мелкозернистой шкуркой-наждачкой, и протирать тело спиртом перед тем, как наносить клей — и все равно редко кто добегал до финиша со всеми тремя присосками на груди.

Понятно, что я куда больше любил приглашать в добровольцы девушек: их и брить почти не приходилось, и бег у них был куда мягче мужского. Да и клеить присоски под молодую женскую грудь — согласитесь, намного приятнее, чем трогать бугристые мышцы парней.

А уж грудь студентки по имени Рита Полянская меня просто сводила с ума! Это было какое-то чудо природы: лишь грудь Венеры Милосской могла бы сравниться с теми розовыми холмами, которые Рита без тени смущения обнажала, задирая футболку — и, видимо, забавляясь тем, как мрачнел молодой аспирант (то есть я) и как его пальцы, крепившие электроды на гладкую кожу, начинали подрагивать. А когда я, случайно или намеренно, задевал соски — они враз напрягались, и некая тень пробегала уже по улыбавшемуся лицу Риты...

Потом, спустя много лет, я не раз думал: как странно, что я сначала влюбился именно в Ритину грудь, а уж потом стал любоваться ее лицом. Но ведь именно так, через грудь, мы и начинаем познавать женскую природу — с самых первых минут появления в мир. Что, как не грудь матери, встречают наши губы, испустившие первый жалобный крик — и во что, как не в теплую мякоть груди, упираются руки младенца, беспорядочно шарящие в пустом и холодном пространстве? Не будь женской груди, нас и вовсе не существовало бы в этом неласковом мире: грудь нас с ним соединяет и дает силы преодолеть тяготы жизни. Почему-то мне кажется, что и последним образом, посетившим мой гаснущий мозг в час кончины, — будет воспоминание о прохладно-горячей, упруго-податливой женской груди...

Но, любуясь грудью Риты Полянской — не мог же я не обратить внимания и на ее лицо, обрамленное пышными светло-каштановыми волосами? Глаза Риты были серо-зелеными и всегда как бы чуть сонными: но именно этот дремотный покой, запас которого казался неисчерпаем, зачаровывал и привлекал. Пока на тебя смотрели такие глаза, хранившие тайну всей женской природы, — казалось, с тобой и со всем окружающим миром не может случиться ничего плохого.

А уж мне-то, с моей напряженной натурой, покой ее взгляда был жизненно необходим, как было необходимо и время от времени трогать ее безупречную грудь.

Как вы понимаете, я влюбился в Риту Полянскую, и отныне весь азарт моих научных исследований объяснялся желанием снова и снова приклеивать датчики кардиомонитора на ее кожу — а потом, расшифровывая записи вместе с доктором Купидоновым, представлять опять-таки Риту: то, как она широко и свободно выбегает с виража на прямую, как ее грудь вздрагивает под тонкой футболкой, и как ее раскрасневшееся лицо на финише наконец пробуждается.

Рита выходила из привычного состояния полудремы только во время бегового усилия или (но это я узнал позже) в минуты любви. Ее глаза и губы распахивались, дыхание делалось частым и шумным, щеки горели, а по телу прокатывалась крупная дрожь. Может, оттого она так и любила бег

на четыреста метров — дистанцию, мягко говоря, непростую, — что каждый финиш приносил ей секунды особого наслаждения: когда на пике анаэробной усталости контроль сознания гаснет, но тело зато начинает жить своей жизнью, горячей, решительной и безоглядной. Такой финиш всегда своего рода агония, борьба человека с собственным телом — но ведь и оргазм есть, по сути, агония, есть выход за рамки того, чем и кем ты был прежде...

43

Про такие глаза, как у Риты, говорят «волоокие»: у нее между радужкой и нижним веком оставался зазор, и взгляд поэтому казался немного расплывчат. Даже если она смотрела в упор — Рита видела словно что-то еще, недоступное мне, и улыбалась рассеянной мягкой улыбкой, приводившей меня в бездумно-блаженное состояние.

Казалось, весь покой мира собран в этих глазах и губах. Рядом с каштановокудрой и волоокой богиней я становился другим: не напряженным худым мужиком, разочарованным в жизни и женщинах, а чуть ли не снова ребенком. Куда подевались цинизм и ирония, и весь холод ума, убеждавшего в том, что любви не существует? Рита мгновенно меня исцелила ото всего, чем была полна Лиза и чем я от нее заразился за месяцы наших свиданий, в которых было так много тела и так мало души.

Рита почти всегда улыбалась и при этом была малословна. К чему, в самом деле, слова — когда достаточно взгляда или спокойной улыбки? По первому впечатлению она могла даже казаться чуть глуповата — недаром в ее зачетке хороших оценок почти не встречалось, — но рядом с Ритой и ум, и знания переставали иметь то значение, какое люди привыкли им придавать. Природе — а Рита олицетворяла для меня природу как таковую — нужен не ум, а что-то иное; и вот это иное я изо всех сил старался найти в себе, чтобы понравиться волоокой красавице.

То, что я был ее преподаватель и без пяти минут кандидат наук, для нее словно вовсе не имело значения. Во всяком случае, на занятиях она чуть не зевала, смотрела скужающим взглядом — и мне было трудно выжать из нее хотя бы несколько фраз. А вот то, что я был неплохим бегуном и еще не вполне расстался со спортом — кажется, нравилось Рите куда больше.

Вообще на стадионе она преображалась. Вместо драных джинсов и обвислой футболки (обычной студенческой униформы) на ней появлялись тугие трусы и полупрозрачная майка, на запястьях бряцали браслеты, а на шее посверкивала тонкая золотая цепочка. Это была уже не Рита Полянская, нерадивая студентка третьего курса, едва не отчисленная за неуспеваемость — а прекрасное и вдохновенное божество бега. Она по-кошачьи мягко стелилась по-над дорожкой — по гладким бедрам прокатывались мышечные волны, груди вздрагивали, каштановые кудри взлетали и опадали — а в зеленых глазах загорался огонь. Лишь на бегу она начинала жить полной жизнью — как, кстати, и я, не представлявший себе счастья жизни без бега.

День ото дня Рита Полянская все более занимала мою душу и мысли. Скоро она стала являться и в сны: верный признак того, что любовь снова мной овладела. Но чем было мне покорять красавицу? Ни выдающейся внешностью, ни достатком, ни положением в обществе козырять я не мог. Оставалось надеяться, что глубинная сущность мужчины — которую я в себе чувствовал и которая множество раз помогала мне побеждать — как-то проявит себя и Рита признает: я именно тот человек, который ей нужен.

Интуитивно я понял, как мне поступить, и стал бегать с ней вместе — объяснив это тем, что Рите, дескать, необходим напарник-«пейсмейкер», помогающий улучшить результаты. Она не возражала, но поначалу насмешливо поглядывала на меня, выходящего на старт вместе с ней. Наверное, думала: «Неужели этот худой препод, да еще стайер — может бегать быстрее двадцатилетней чемпионки области?»

Я спринтом не занимался давно, и старт Рите, конечно же, проиграл. Ее шиповки замелькали впереди, и она даже насмешливо оглянулась: мол, где там мой горе-лидер?

Хоть смотреть на ее загорелые гладкие ноги было очень приятно, но на выходе с виража я все же догнал Риту и почти всю прямую мы с ней бежали шаг в шаг. Я раньше не испытывал ничего подобного: наши тела были словно связаны воедино и даже дышали мы вместе, все более часто и горячо. Наши ноги одновременно ударяли дорожку, мой локоть порой задевал ее кисть — и косящийся взгляд девушки поначалу выражал возмущение. Но я упорно не отставал и не отпускал ее ни на сантиметр.

Во второй вираж я входил по наружной дорожке, и пришлось поднажать, чтобы не обрывать нашу связь, которая все более волновала меня. Возмущение в глазах Риты сменилось на удивление, а дышать она стала так запаленно, как будто мы с ней не бежали по стадиону, а занимались любовью.

На последней прямой даже мне было трудно — а уж Рита, я видел, почти умирала. Ее щека стала пунцовой, из груди вырывались короткие стоны, а взгляд умолял: «Пощади!»

Я отпустил ее лишь на финишных клетках — в конце концов, ей, а не мне нужны были эти доли секунд — и никогда не забуду того, как она на меня посмотрела: когда после финиша перешла с бега на шаг. В ее изумленно-измученном взгляде была благодарность мужчине, который смог с нею сделать такое, — и не только глаза, но и горящие щеки, и полураскрытые губы словно мне говорили: «Теперь я твоя...»

44

Когда за дело берется судьба, то все происходит словно само собой. И не можешь понять: как случилось, что вот я уже с молодой женой еду в Крым?

Конечно, нашему свадебному путешествию предшествовал и короткий «цветочно-конфетный период», и встречи в моей холостяцкой комнате — которую Рита наполняла таким же покоем, каким светились ее глаза, — и сама свадьба, которую мы отметили по-студенчески скромно. Моим свидетелем был Женя Сочин, а подружкой невесты — цыганка Земфира, лучше всех в институте прыгавшая в длину. Но все эти суматошные хлопоты происходили словно во сне и будто без моего участия.

Да, это все пролетело стремительно — и вот мы с Ритой оказались в купе поезда «Москва — Феодосия». Мы не просто ехали в рай, ожидавший нас где-то на юге у теплого моря, но мы уже находились в раю. Трудно было поверить, что все это происходит со мной, еще месяц назад разочарованным в жизни циником, презиравшим любовь, — а теперь умиляющимся от каждого пустяка, что сопровождал наше медовое путешествие.

Горячий ветер, путающийся в треплющихся занавесках, стук колес, качка вагона, звякающий в подстаканнике стакан с недопитым чаем, вафельное полотенце, свисающее со второй полки, шлепанцы Риты под сто-

ликом (сама-то она почти всю дорогу спала) — все приводило меня в восхищение, и я поражался тому, как, оказывается, много счастья и радости содержится в самых обыкновенных вещах. А уж на спящую Риту я просто боялся смотреть: так она была хороша! И это при том что спящие люди обычно бывают непривлекательны — то приоткроется рот, то щека увлажнится слюной, то проступит гримаса, которую лучше не видеть — но Рита спала словно ангел, с улыбкой, и при виде ее безмятежного молодого лица у меня начинало сладко ныть сердце.

Чтоб успокоиться, я шел в тамбур или вагон-ресторан, проводил там какое-то время в наблюдении быстро мелькающих за окном видов или в незначительных разговорах с попутчиками, а потом возвращался к созерцанию спящего чуда по имени Рита.

В Феодосии, шагнув на залитый солнцем перрон, я первым делом увидел часы, на которых не было стрелок. Это меня восхитило. Ведь для меня, бегуна, считавшего даже не то что секунды, а доли секунд, время всегда было то назойливым спутником, то упорным противником. А вот мир без времени открывал совершенно иные возможности и сулил недоступное ранее счастье. Например, я мог сколько угодно быть рядом с Ритой, трогать ее за плечо или руку, смотреть ей в глаза — никто нас не торопил, — а моей юной жене было, похоже, все равно, где быть и чем заниматься: потому что она всегда ощущала себя в центре мира, который она наполняет своей красотой и покоем.

На мой вопрос: «Куда едем дальше?» — она так пожала плечами и при этом улыбнулась так беззаботно, что сделалось ясно: куда ни направься, рядом с ней всегда будешь в раю.

Нас приютил Коктебель и предложил нам проверить известное выражение — что, дескать, с милым рай и в шалаше. Шалашом служил беленый сарайчик на улице Жуковского — где, кроме кровати, тумбочки и шести вбитых в стену гвоздей, не было ничего.

Проснувшись ни свет, ни заря, мы бегом отправлялись в Тихую бухту, что километрах в трех от поселка. На лежаках набережной еще досиживали запоздалые парочки, а хмельная богемная публика допивала последние глотки вина: развеселая коктебельская ночь завершалась уже на рассвете. Красневшее солнце отрывалось от моря за мысом Хамелеон и, всплывая в белесое небо, с каждой минутой становилось бледнее и жарче. В Крыму, как известно, день приходит тотчас за ночью, не оставляя для утра и четверти часа: недавно выбежав из ночной тишины и прохлады, мы хрустели кроссовками уже по дневной жаркой тропе, и от наших шагов разлетались кузнечики с розовыми подкрылками.

Обогнув холм Юнге, у подножья которого загорали нудисты, мы то спускались в овраги — до Тихой бухты их три, — то выбегали на гребни полынных холмов, откуда глазам открывались бурые волны земли и жарко блестящая гладь морского залива.

Но куда больше, чем эти красоты, меня привлекали мелькавшие смуглые ноги и копна колыхавшихся русых волос. Рита, откуда на нее ни взгляни — сбоку, спереди, сзади — была так хороша, что рядом с ней меркла даже природа. Точнее сказать, молодая жена и была для меня этой самой природой: ее кожа и губы пахли той же полынною сладкою горечью, что и окружавшая нас киммерийская степь.

Через пятнадцать минут, оставив одежду на песке Тихой бухты, мы плыли в просвеченной солнцем соленой воде. Море принимало Риту, словно сестру: даже я, неплохой пловец, да еще получавший уроки от самого

Жени Сочина, не всегда мог утнаться за длинноногой русалкой, чьи крепкие незагорелые ягодицы то показывались на поверхности, то белели сквозь зыбко-стеклянную толщу воды, среди сиреневых парашютов медуз. И, если на бегу мне приходилось поддаваться, поджидая Риту на затяжных подъемах — то в море скорей поддавалась она. Казалось, плавание нисколько ее не утомляет, а лишь погружает в состояние транса, когда можно парить в воде бесконечно, забыв и о времени, и о собственном теле.

Мы проводили в море полтора-два часа, доплывая до окраины поселка Орджоникидзе и возвращаясь обратно в Тихую бухту — а когда выходили на берег, то нас шатало как пьяных. Мы беспричинно смеялись и словно не узнавали ни места, где оказались, ни самих себя: бег по холмам, а потом долгий заплыв превращали нас в новых людей.

Я-то уж точно был не похож на себя прежнего — на того, кто жил в состоянии одинокого затяжного усилия и считал, что иной образ жизни недостойн мужчины. Теперь я не мог даже представить, как можно существовать без Ритиных глаз и улыбки и без ее совершенного тела — не только касаться, но и просто видеть которое уже было счастьем.

Да, я терял ощущение времени, места, себя самого — в те минуты или часы, когда мы с нею лежали, обнявшись, в укромной ложбине, в тени серебристого лоха, и наши тела переплетались до неразделимости. Ее руки и ноги становились как будто моими — а дыхание, вылетавшее из ее распахнувшихся губ, тут же входило в мою горячую грудь, чтобы через секунду вернуться к Рите...

Где мы только ни сливались в объятиях! И на берегу Тихой бухты, и на перевале Джан-Кутаран — откуда весь Коктебельский залив был виден, как на ладони, а сухая щетина серебристой полыни колола нам голые спины — и в гроте горы Легенер, среди белых цветов камнеломки, и во всех Сердоликовых бухтах, и в кабинках или на лежаках поселкового пляжа, когда ночи были безлунны и непроглядно темны, а рядом поскрипывали лежаки таких же влюбленных, как и мы сами.

Больше того: мне порою казалось, что наше соитие длится всегда. И тогда, когда мы с Ритой идем, взявшись за руки, по курортному променаду — а вокруг нас кипит жизнь хмельноватой вечерней толпы, — и тогда, когда мы с ней едим шашлыки, отрывая зубами куски сочного мяса — и, конечно, тогда, когда бегаем кроссы.

Порою мы выбегали в самое пекло, после обеда и сна в нашем беленом сарайчике, когда разве безумец мог выйти из тени на солнце, которое начинало клониться к зубцам Карадага, но было куда жарче и злее полуденного. Мне же тот зной казался почти прохладой — по сравнению с пылом желания, испепелявшим меня в дни медового месяца. Просто бежать рядом с Ритой, видеть и слышать ее, дышать с нею в такт, порою касаться ладонью плеча или спины мне было едва ли не более важно, чем погружаться в горячую, влажную тесноту ее тела. Может, все объяснялось тем, что лишь на бегу я, рожденный для бега, вполне становился собой — и на бегу моя сущность мужчины проявлялась полнее и ярче? А Рита, как совершенная женщина, не могла этого не ощущать и не разделять мою страсть к бегу.

Кроссы порой доводили нас до такого взаимного возбуждения, что мы едва могли дотерпеть до укромного места, где нас не будет видно с дороги, и вбегали в сухой, шелестящий сумрак крымского леса с нетерпением маньяков, желающих лишь одного: перестать наконец быть отдельными — а превратиться в единое существо о двух спинах...

Но жизнь не давала расслабиться даже в крымском раю: деньги кончились, и пришлось возвращаться. Обратные билеты в плацкартный вагон мы купили уже на последние гроши, и сутки дороги питались одним кипятком — стараясь поменьше смотреть на соседей, ломавших куриные ноги и резавших жирную колбасу.

Как ни крути, одною любовью долго сыт не будешь: суровая проза голодных и нищих девяностых годов заставляла думать и о простом выживании. Зарплату сотрудникам кафедр то и дело задерживали, и даже в долг попросить было не у кого: все мои знакомые и сослуживцы находились примерно в одном положении. Разве что Сочин мог бы помочь; но он к тому времени перебрался в Москву, открыл там частный фитнес-клуб с бассейном, и я с ним виделся редко.

Иногда выручала ночная разгрузка вагонов, знакомая мне еще по студенчеству. Но в последнее время на железнодорожной станции расплодилось так много бомжей, готовых работать за пару бутылок дешевого пойла, что и разгрузочные работы скоро уплыли из моих рук.

Финансирование всех научных программ в институте нещадно урезали, и многие темы и направления оказались закрыты. Кому теперь был интересен сердечный ритм бегунов, когда на страну надвигались холодные и бессердечные времена?

Тяжело было видеть, как жизнь с каждым днем рассыпается. Улицы и переулки любимого города превращались в стихийные рынки, на которых чем только не торговали: от икон и драгоценностей — до оружия и паленой водки. Многие заводы и фабрики позакрывались, а на тех, что еще кое-как продолжали работать, зарплату сотрудникам выдавали той самой продукцией, которую они производили. Ладно, если это был хлебозавод или льнокомбинат, — а чем было платить, скажем, сборщикам на авиационном заводе? Выдавать в дни зарплаты закрылки и шасси?

Еще хорошо, что каким-то чудом — и путем сложных обменов — нам досталась квартира-однушка на улице Исаковского, и хотя бы за съем жилья нам, счастливым молодоженам, не приходилось платить. И хорошо, что у нас с Ритой пока не случилось ребенка: как было растить его в те тяжелые годы?

Но ведь и молодую жену надо было чем-то кормить, одевать, обувать — и постараться не дать ей почувствовать, что они с мужем нищие. Я не видел иного выхода, как стать «челноком», то есть торговать за границей. Со Смоленщины все тогда ездили в Польшу; вот и я, взяв большой чемодан, отправился зарабатывать деньги.

Что было в моем чемодане? Смешно сказать — мышеловки. Знающие люди посоветовали: в Польшу везти лучше то, что не нужно в России, — а возвращаться с товаром, наоборот, неинтересным полякам: тогда меньше риск, что его отберут на таможне.

Рынок при железнодорожной станции, где мы раскладывали товар, мало чем отличался от барахолок тогдашней России: та же грязь, те же толпы людей, тот же хаос стихийной торговли. Даже русская речь слышалась здесь ничуть не реже, чем польская. Порою казалось, что я и не выезжал из Смоленска, а стою где-нибудь в Заднепровье, в начале московской дороги.

Только в России мне было бы стыдно торговать, да еще мышеловками: слишком много людей меня знали как чемпиона по бегу. А здесь, на чужой стороне — кому я был нужен? Вот, разве, небритым громилам в ко-

жанных куртках, которые «крышевали» рынок и время от времени обходили гомонящие, но расступавшиеся перед ними ряды — чтобы собрать дань с торговцев.

Не хотелось, конечно, делиться с ними выручкой, на первых порах не богатой — но со своим уставом в чужой монастырь не суются. «Здесь тебе не стадион, — утешал я себя. — Здесь другой мир — и если хочешь в нем выжить, надо не выделяться, а, напротив, сливаться с толпой...»

Вот я и сливался: часами торча на «барахолке» со своим чемоданом и от скуки шелкая пружинными рамками мышеловок — которые, к моему удивлению, заинтересовали поляков. Порою их брали не по одной-две, а сразу десяток, и я чувствовал, как пачка денег в моем кармане становится толще. Сосед по торговым рядам, инженер из Калуги, даже завидовал мне: его-то товар, электродрели и электрорубанки, привлекал покупателей куда реже.

— И как ты, Георгий, это дело прочухал? — качал он седой головой. — Вроде пустяк, а с каждой такой херовины — доллар навару! Я, пожалуй, в другой раз тоже привезу мышеловки.

— Нет уж, дудки! — смеясь, отвечал я ему. — Конкуренты мне не нужны. Да и не так много в Польше мышей, как ты, Саша, думаешь...

46

Фортуна продолжала мне улыбаться. Во время очередного обхода громил-рэкетиров — когда я наощупь отделял в кармане нужную сумму, — один из сборщиков дани взглянул в меня и воскликнул:

— Георгий! То-то смотрю, вроде рожа знакомая...

Он хлопнул громадной рукою меня по плечу, я едва устоял на ногах — но тоже узнал его:

— Анджей, а ты-то как здесь оказался?

— Тесен мир! — загудел богатырь, обнимая меня. — Вот уж не думал, что встречу тебя в этом гадюшнике!

Лет семь назад, как раз в Польше, проходило одно из последних армейских первенств стран Варшавского договора. Я тогда выиграл забег на пять тысяч метров, а Анджей стал лучшим в метании диска. После соревнований для победителей устроили прием в посольстве, где я познакомился с добродушным польским сержантом, говорившим по-русски почти без акцента: его мать была родом из Сызрани.

Мы тогда с ним прямо-таки подружились. На следующий день Анджей показывал мне Варшаву и даже представил своей девушке, белокурой гимнастке Марысе. Она была худенькой, легкой — и когда Анджей на громадной ладони, как на табуретке, поднимал ее над головой, Марыса визжала так радостно-звонко, что с брусчатки шумно взлетали голуби.

Мой налог на торговлю был тут же уменьшен, а вечером мы сидели с Анджеем в его гостиничном номере и пили водку «Выборова». От непривычки к спиртному я захмелел и все не мог поверить в реальность происходящего. Пол, стол и стены в моих глазах покачивались, и казалось, что нас с раскрасневшимся Анджеем уносит тот же поток, что унес в прошлое и нашу молодость, и Марысю (хмельной Анджей заплакал, когда я спросил про нее, и долго не мог успокоиться) — и вообще весь тот мир, в котором мы были не мелкими торгашами или рэкетирами, а друзьями и чемпионами.

— Я теперь женщин за людей не считаю, — гудел Анджей, открывая очередную бутылку (он мог, наверное, выпить ведро). — Я ими торгую!

В доказательство своей власти над женщинами он достал из кармана громадный мобильник — тогда они были новинкой и редкостью, — потыкал в него толстым пальцем и что-то решительно приказал по-польски.

Минут через десять в номере появилась такая ослепительная блондинка, что я даже чуть протрезвел.

— Барбара, — представилась девушка, посмотрев на меня синими и холодными как лед глазами.

— Правда, шикарная баба? — мотнул головой в ее сторону Анджей. — Хочешь ее? Угощаю!

Не отвечая, я долго глядел на красотку. Ее фарфоровое лицо напоминало картинку с обложки глянцевого журнала. Пухлые губы, блеск жемчужных зубов, ресницы над синевой распахнутых глаз — все было точь-в-точь, как у ее тезки-куклы. Все остальное — грудь, ноги — не уступало лицу, но было столь же безжизненным, сколь и безупречным. И, пожалуй, впервые в жизни женская красота оставляла меня равнодушным: я рассматривал Барбару с той же смесью брезгливости и любопытства — с какой, помнится, наблюдал за вскрытием в морге. Да, жизни в этой фарфоровой кукле — наполовину, скорее всего, состоявшей из силикона — было немного...

По-своему расценив мою нерешительность, Анджей сделал знак Барбаре, и та принялась раздеваться. Раньше видеть стриптиз мне не приходилось, поэтому я смотрел на красотку, не отрываясь, и даже не замечал очередной стопки водки, которую Анджей мне упорно пододвигал. Но вместо желания я испытывал лишь удивление от своего безразличия — это я-то, у которого одна мысль о женщине всегда вызывала эрекцию! — и чувство все нарастающей тошноты.

Возможно, причиной тому была паленая водка — а возможно, те механические телодвижения, которые Барбара совершала посреди номера, перед двумя захмелевшими мужиками. Меня мутило от колыхания ягодиц, от подрагивания груди с плоскими коричневыми сосками, и от цоканья туфель — которыми, словно копытцами, завершались неестественно-длинные ноги. Скоро на Барбаре, кроме туфель и ожерелья, не осталось ничего — и в этот-то самый момент меня вырвало прямо на стол!

Но ни Анджея, ни продолжавшую пританцовывать девушку это ничуть не смутило — видно, на их глазах происходило и не такое — и богатырь лишь похлопал меня по плечу.

— Знаешь, Георгий, меня тоже тошнит, когда я все это вижу, — загудел его бас. — В этих бабах нет сердца — один силикон...

Пока я утирался и переводил дыхание, Анджей коротко бросил:

— Вон! — И синеглазая кукла Барби, подобрав одежду и еще потряся на прощание ягодицами, — скрылась за дверь.

47

Пока я «челночил» и преодолевал разного рода соблазны — вроде водки «Выборова» или красавицы Барбары, — моя жена Рита нашла иной способ зарабатывать деньги.

Тогда появилась возможность участвовать в коммерческих стартах по легкой атлетике. Конечно, до «Бриллиантовой лиги» Рита пока не поднялась, но и те несколько соревнований, где она пробежала — а пару раз даже оказалась в призерах, — ощутимо поправили наш семейный бюджет.

Мне, человеку старорежимной советской закваски, идея зарабатывать на жизнь бегом поначалу казалась дикой. Я бегал, потому что иначе не

мог — бег был моим образом жизни — и за победы, кроме медали или какой-нибудь грамоты, не получал ничего. Я вот именно что защищал честь — самого себя, института, военного округа, даже страны — и кроме чести и радости быть победителем иного от бега не ожидал. Как, кстати, и от любви я не ждал никаких наград, кроме нее же самой: любовь не требует ничего, кроме любви. В этом еще одна точка сближения бега с любовью, этих двух смыслов жизни — которые, где-то в последней своей глубине, представляются мне чем-то единым.

Но времена изменились, и теперь спорт стал бизнесом: свою скорость, выносливость и силу воли начали продавать. «Но ведь это почти то же самое, — думал я, — что торговать своим телом. А если так — то не очень-то сильно все это отличается от проституции...»

Да и сам термин — «коммерческие старты» — говорил о том, что в наступившие новые времена все, даже бег и любовь, продается и покупается. Причем мало того, что продавались быстрые ноги бегуний — так их молодые тела еще и использовались как рекламные площадки. Рита несколько раз выходила на старт в майке кислотно-желтого цвета, на которой спереди краснела надпись: «Живи для себя!» — а на спине помещалась реклама противозачаточных пилюль.

Мне видеть все это было противно, а Рита только смеялась: она вообще все в жизни воспринимала легко.

— Гоша, не бери в голову! — примеряла она перед зеркалом очередную рекламную майку. — Меня же не раздевают, а одевают — да еще и деньги за это дают...

Теперь она собиралась на соревнования, словно знатная дама на светский прием — не жалея денег и времени ни на парикмахера, ни на макияж-маникюр-педикюр, и украшала браслетами не только запястья, но и точечные щиколотки, с которых еще не сошел крымский загар. Ну, конечно: ведь ее ожидал не столько спортивный забег, сколько эффектное шоу, и на нем надо было выглядеть безупречно.

К тому же еще и фотографии, как спортивные, так и рекламные, слетались к моей красавице, словно мухи на мед: они толпились у линии старта — Рита смеялась и шурилась от фотовспышек — и на фоне такого успеха секунды, которые она покажет в забеге, казались не столь уж и важными.

Что секунды, когда и места на пьедестале часто оказывались распределены заранее? Рита рассказывала, как однажды она в вестибюле, ожидая вызова на стадион, услышала разговор между спонсором соревнований, толстяком с золотой цепью на шее, и двумя некрасивыми девушками, чьи предварительные результаты были лучше Ритиных.

— Я хочу, чтобы вон та красотка, — толстяк мотнул головой в сторону Риты, — пришла первой.

Одна из девушек, явный фаворит финального забега, попыталась что-то сказать — но спонсор ее оборвал:

— Не спорить — я так хочу! А за гонорары не беспокойтесь...

Уж не знаю, что там за виды имел этот гнусный толстяк на мою жену — но Рита, отдать ей должное, в каждом забеге выкладывалась по полной. Так что ее победы я все равно считаю в какой-то мере заслуженными.

Как же красиво она выбегала с виража на прямую! Рита летела к финишу вопреки силе тяжести и той чугунной усталости, что наливалась — уж я-то, бегун, это знал хорошо — ее смуглые бедра. Зрители орали как бешеные, ветер трепал флаги и растяжки реклам, болтун-комментатор срывался

в фальцет — а я видел в лице дорогой моей Риты то счастливое изнеможение, которое проявлялось только на финише или на пике любовных конвульсий.

Так что, если уж Рите и не суждено было стать чемпионкой — для этого она была слишком спокойна и начисто лишена честолюбия, — то карьера модели ее, без сомнения, ожидала. И я бы, наверное, потерял сон и покой в угрызениях ревности — если б судьба не решила сыграть с Ритой страшную шутку.

48

Как потом выяснилось, Рита без моего ведома принимала противозачаточные пилюли — те самые, реклама которых украшала ее майку, — и, как потом объяснили врачи, скорее всего, именно эти пилюли оказались причиной тромбоза.

Левая голень Риты распухла и стала горячей. Но и о том, как ей больно, Рита мне не сказала: терпеть моя дорогая умела не хуже, чем я. Когда же я спрашивал, отчего она даже на ночь не снимает с ноги эластичный бинт, Рита только отмахивалась: это все, мол, пустяки, не стоит о них и говорить.

— Нет, ну а все-таки? — беспокоился я. — Ногу, что ли, ушибла?

— Вроде того... Слушай, где у нас был «Апизартрон»?

Этой мазью, чей резкий запах был мне знаком со спортивной молодости, жена натиралась несколько дней, и боль стихла, а отек чуть уменьшился. Рита даже решила не отказываться от очередных коммерческих стартов.

— Ты уверена? — спрашивал я. — Может, черт с ними? Все деньги все равно не заработаешь.

— Ну, не все — так хоть половину! — смеялась Рита. — Мне там и выигрывать не обязательно: лишь бы показаться на стадионе.

На старт Рита вышла в компрессионном чулке — и, хоть он был телесного цвета, нога казалась искусственной. От фотографов не ускользнула пикантная эта деталь — то, что их любимая модель надела чулок, причем только на левую ногу, — и фотовспышки в тот день мелькали особенно часто. Рита вела себя как настоящая звезда: она рассылала воздушные поцелуи, складывала пальцы сердечком и широко улыбалась. Казалось, весь стадион — а народу собралось немало — смотрит лишь на нее. Даже обычный гул на трибунах притих: когда Рита вместе с семью соперницами опустилась на стартовые колодки, затем по команде судьи приподнялась — и под хлопок выстрела вылетела на вираж.

Стартовала она, как всегда, широко и красиво. Но я замечал, что на левую ногу Рита все же слегка припадает и крен ее тела внутрь виража чуть больше обычного. «Рита, сходи!» — хотел крикнуть я ей, но разве расслышала бы она мой голос во все нарастающем реве трибун?

Прямая тянулась мучительно-долго, и мое сердце ныло, словно отзываясь на боль в ноге Риты — которую я ощущал как свою собственную. Порою жену заслоняла соперница, и я вскакивал, чтобы не потерять из виду копну пышных волос: как будто мой взгляд мог ей чем-то помочь.

На втором вираже Ритина хромота стала заметна всему стадиону, и я слышал крики: «Рита, держись!», доносившиеся с трибуны. Вираж она кое-как перетерпела и на финишную прямую выбежала третьей или четвертой.

Вдруг я увидел, что голова Риты, неестественно дергаясь, клонится набок и ее лицо наливается не привычным румянцем, а быстро густеющей синевой. Я еще ничего не сообразил, но в этот момент мне самому стало трудно дышать, и я рванул на себе ворот рубашки: в грудь словно вбили железный клин...

Ноги жены еще по инерции продолжали переступать по дорожке, ее руки лихорадочно рвали горловину майки, а синева на лице становилась чугунной. В расширившихся глазах Риты я видел мольбу о помощи, изумление, ужас удушья — и что-то еще, смысл чего я не разгадал до сих пор.

Не помню, как я перескочил ограждение, как побежал к жене — кажется, сбив с ног девушку, которая финишировала, — но помню, что успел поддержать Риту за плечи: чтобы она, падая навзничь, не ударилась о дорожку затылком. Я упал рядом с ней, потом быстро вскочил, оттолкнул тех людей, что пытались меня оттащить, — но все эти секунды, длившиеся бесконечно, я не сводил глаз с Риты и поражался тому, до чего же спокойным стало ее лицо. С уголка улыбавшихся губ стекала белая пена — я снова и снова стирал ее рукавом, — а остановившийся взгляд будто бы говорил: «Мне теперь хорошо...»

49

Я совершенно не знал: что мне делать и как теперь жить? В институте слишком многое напоминало о Рите, появляться там стало невыносимо — к тому же надежд на финансирование научной работы пока не было — поэтому я бросил и аспирантуру, и свою недописанную диссертацию.

После Ритиной смерти я потерял не только любимую, но и возможность находить утешение в беге — то, что меня выручало всю жизнь и без чего я, бегун по призванию, неизбежно терял самого себя. Но разве мог я бегать, как раньше, — снова и снова с упорством умалишенного вспоминая о том, что именно бег отнял у меня любовь? Теперь я почти ненавидел все то, что было связано с ним, — все эти кроссовки, шиповки, дорожки, трибуны и финишные разметки — как будто бег был орудием беспощадной судьбы. Он сначала нас с Ритой свел, был нашей общей любовью и радостью — был, можно сказать, нашей жизнью, — а потом взял да и отнял ту, без кого все превратилось в беспросветную муку.

Как же мне было худо! А поскольку бегать я больше не мог и перестал ходить на работу — что мне оставалось? Да, только пить...

Запой спортсменов — особая тема: хоть начинай писать еще одну диссертацию. У нас, людей закаленных, и сил побольше, и жалости к себе меньше — поэтому мы можем пить столько, сколько большинству людей и не снилось, и уходить в запой длительные, как марафоны.

К тому же у меня оставались кое-какие «челночные» деньги — я предусмотрительно их рассовал по разным местам, чтоб не сразу найти и не сразу пропить, — поэтому как минимум пара месяцев погружения в хмельные глубины была мне обеспечена.

Но два месяца — это срок календарного, внешнего времени. Внутри же меня оно текло по-иному и, кажется, вовсе порой исчезало в дни и ночи запоя. Для меня словно тянулись одни бесконечные сутки, в которых менялось лишь освещение. Вокруг то становилось темно, и я шарил руками по стене комнаты, пытаюсь найти выключатель и тупо нажимал его клавишу, — лампочка давным-давно перегорела, а заменить ее я не дога-

дывался, — то в окно светило назойливо-резкое солнце, и я раздраженно задерживал пыльную штору, за которой на подоконнике уже некуда было ставить пустые бутылки.

Тяжелее всего было вынести час перед рассветом. Тоска в это время наваливалась такая, что хотелось или завывать, или наложить на себя руки: в самых тяжелых забегах мне не бывало так плохо. Я оказывался словно в безвоздушном пространстве и напоминал себе самому рыбу, выброшенную на берег. Сердце билось отчаянно, стараясь догнать само же себя, а пустой воздух не наполнял опустевшую грудь, но лишь обжигал ее: словно меня засыпали горячим песком.

Может быть, глоток водки и облегчил бы это мучительное состояние, но я не мог пить не то что водку, а даже воду: она выплескивалась из рта и текла по груди, а твердая кружка стучала о зубы и разбивала губы до крови. Одно лишь багровое солнце, поднявшись над дальними крышами и заиграв на бутылках, стоявших на подоконнике, — наконец разделяло мое одиночество, чуть смягчало тоску и разрешало: «Теперь можешь выпить...»

Я дрожащей рукой наливал четверть кружки, переливал водку в горло, давился — но все же проглатывал горький комок. Оставалось ждать, пока станет легче: пока я смогу вдохнуть полной грудью — и наконец смогу выпить кружку теплой противной воды. Есть я в то время почти перестал, как перестал и бриться. А с тем человеком, которого каждое утро видел в надтреснутом зеркале в туалете, я избегал встречаться глазами: было невыносимо ловить его виноватый, потерянный взгляд.

Но не могу сказать, что круглые сутки мне было только мучительно-плохо. Нет, во время запоя случались и просветления: когда, например, похмелившись и чуть пожевав колбасы или хлеба, оставшихся с вечера, я обнаруживал очередную заначку и выходил пополнить запасы спиртного, а заодно выпить пива в ближайшем ларьке.

Мне тогда становилось почти хорошо. Как интересна, подробно, значительно делалась жизнь, и с какой благодарностью я рассматривал мелочи, из которых она состоит! Кто жил в те годы в Смоленске, тот знал пивной ларек рядом с кирпичным заводом: вот туда я обычно и направлялся.

Было сладко вдыхать свежий утренний воздух после затхлости комнаты, где я страдал ночью — и чувствовать, что я еще жив, хоть недавно чуть не отдал Богу душу. Чем-то это было похоже на финиш после мучительного забега, в котором ты почти умер, но все же вернулся к людям и жизни, и какое-то время мог не думать о смерти: как своей, так и Ритиной.

Мысли во мне, залпом выпившим кружку холодного пива — оно впитывалось, словно вода в пересохшую землю, — были такими же легкими, как и утренний воздух. Присев на скамейку за деревянным, грубо сколоченным столиком и взяв еще пару кружек — по граням которых, шипя, оползала пена, — я размышлял, например, о пространстве и времени и о способах преодоления этих вечных противников человека.

Чем я занимался в своей прежней жизни, когда был бегуном? Я боролся именно с ними, с пространством и временем — радуясь каждому километру, что смог пробежать, и каждой секунде, сброшенной со своего результата. Эта борьба требовала предельного напряжения сил, и на нее уходила почти вся моя жизнь — но только сейчас, когда я уже сошел с дистанции, я стал одерживать в битве с пространством и временем неожиданные победы. Время словно исчезло из моего теперешнего существования, и я не мог бы сказать, сколько дней и недель прошло с той поры, как я пустился в свободное плавание запоя. Дни и ночи перемешались в моем восприятии

примерно так же, как перемешаны были пятна солнца и тени меж пивных кружек на мокрых досках стола.

А пространство? Как только я прекратил с ним бороться — оно само стало мне поддаваться. Я теперь без малейших усилий, сам этого не замечая, оказывался то в своей мусорной холостяцкой берлоге, то в овощном магазине, где покупал картошку, то перед винной витриной, где складывал в рюкзак звякавшие бутылки, — то, как сейчас, за столом у пивного ларька под раскидистой ивой, где поправлял свои бедные головы такой же похмельный народ, как и я. Казалось, что это не я перемещаюсь в пространстве, а кто-то невидимый переменяет вокруг декорации — и не успеваю я толком взглянуть в одну, как перед глазами является новая.

Иногда же я ни о чем не размышлял, а просто-напросто созерцал мир, лежащий вокруг. Наивысшей удачей и лучшей наградой, доступной теперь для меня, было достичь состояния, когда я почти исчезал, то есть переставал себя чувствовать и сознавать. Тогда все становилось прекрасным и одинаково важным: и сухой ивовый лист, упавший на стол, и блики солнца на гранях бокала, и доброе морщинистое лицо старика, которого я угощал пивом, и гул хмельных разговоров, и шум шоссе за двухэтажными обшарпанными домами, и синее небо в тугих облаках, и мелькание ласточек в этой густой синеве...

Но эффект «мир без меня» достигался далеко не всегда — и лишь при помощи водки, добавленной к пиву. А это смесь, как известно, опасная: «ерш», он и есть «ерш». И вот ты уже не любишься, а тяготишься тем, что вокруг: тебя раздражают и разговоры, и лица, и резкий солнечный свет, и ветер, взметающий сор вместе с пылью.

Чтобы ни с кем не поссориться или, хуже того, не подраться — а такое, признаться, случалось, — я на нетвердых ногах уходил восвояси, поднимался на свой четвертый этаж, не сразу попадал ключом в замочную скважину, и моя вылазка в мир завершалась тяжелым сном поверх одеяла, часто в той же одежде, в какой я ходил к пивному ларьку.

А когда я уже в сумерках пробуждался — то вновь напоминал себе рыбу, выброшенную на берег. Сердце билось отчаянно, во рту было сухо, а в грудь вместо воздуха был насыпан как будто горячий песок.

И вот так, между глубинами просветления — они становились все более краткими, и их было все труднее достичь — и отмеями похмельного «сушняка», проходили мои дни и ночи, пока не иссякли деньги и силы.

50

В итоге я допился до белой горячки. Когда кончилась выпивка — деньги кончились раньше, — я несколько суток не находил себе места. Особенно худо делалось по вечерам: из углов выползало все то темное, что было в мире, и начинало охоту за мной.

Усидеть в комнате было почти невозможно. То казалось, что стены сдвигаются и вот-вот раздавят меня — то, напротив, мерещилось, что никаких стен больше нет, а по полу и потолку скользят тени, напоминающие змей или ящериц, юрких, стремительных, неуловимых. Иногда эти змеи щекотно скользили по моей коже, и тогда охватывал ужас: сердце начинало чуть не выскакивать из груди, а по холодному лбу и щекам обильно тек пот.

Спасаясь от наваждения, я, в чем был, выбегал на темную лестницу и кое-как добирался до двери подъезда. Змеи шуршали и по ступеням и даже порой обвивали перила — я брезгливо отдергивал руки от их шелестящего

шелка, — и только ночные улицы города были пока что свободны от этих назойливых тварей.

Я шагал и шагал по пустым тротуарам, радуясь их пустоте, пока меня не посещала догадка: змеи есть всюду, но они прячутся! Да, они затаились и вон в тех кустах, и за тем столбом, и за бортиком детской песочницы, и залегли в черной трещине, пересекающей тротуар. И стоит мне потерять бдительность и позабыть о них — змеи тут же полезут из тьмы, оплетут мои руки и ноги, и меня вновь затрясет от их мерзких касаний...

Иногда, схватив палку или камень, я старался напасть на них первым. Но эти хитрые бестии всегда упреждали меня и скрывались за миг до удара: лишь шелест травы да треск сучьев говорили об их недавнем присутствии. Но я был упорен, я знал, что им от меня не уйти, и ночная охота на нечисть увлекала меня все больше. Сейчас-то я представляю, как дико я тогда выглядел со стороны: отошавший, обросший, в неряшливых брюках и майке, бормочущий что-то невнятное — и при этом стегающий веткой газон или швыряющий камни в кусты.

Внезапно в разгар той безумной охоты я услышал слова:

— Гоша, ты?

Они донеслись до меня из того позабытого мира, в котором я не был давно и в который уже не надеялся возвратиться. Этот сочувственный голос ничуть не пугал — как пугало все остальное — напротив, он обещал облегчение, и хотелось еще раз услышать его. Я замер как вкопанный, и вскоре голос раздался опять:

— Боже мой, на кого ты похож!

Поскольку я долго не поднимал глаз — шаря взглядом то по газонам, то по кустам, то по асфальту, скудно освещенному фонарями, — то и увидел перво-наперво ноги: большие, как у мужчины, но, кажется, женские. Они были обуты в кроссовки, а одеты в синие спортивные штаны. Я медленно поднимал взгляд все выше, пока не увидел лицо женщины, смотревшей на меня с выражением боли, сочувствия и доброты.

Несмотря на туман, застилавший мне голову, я ее сразу узнал: да, это Римма Горелова, та некрасивая девочка, с которой я некогда делил школьную парту — и которая, помнится, была безответно в меня влюблена. Теперь она прижимала руки к могучей груди и шептала, качая седой — совершенно седой! — головой:

— Как тебя, бедного, жизнь укатала...

Но меня поразило другое: то, как сразу спокойнее сделалось рядом с Риммой. Та незримая нечисть, которая пряталась где-то по темным углам, теперь нипочем не могла бы поднять головы и явиться на свет. От Гореловой исходила спокойная добрая сила, рядом с которой стихала и дрожь, колотившая все мое тело, и паника, так изнуравшая душу.

— Пойдем, горемыка! — вздохнула моя избавительница, и мы побрели к ней домой.

51

Римма жила как раз возле костела, а работала (но это я узнал позже) тренером в детской спортивной школе. С большим спортом она, как и я, в ту пору рассталась — да и жила, как и я, одиноко. Так что у нас с ней оказалось немало общего — не считая, конечно, моего запоя и белой горячки.

У себя дома она первым делом налила мне полстакана горькой и крепкой настойки — которую я, давась, с трудом выпил.

— Не обессудь, ничего больше нет, — развела Римма руками. — Этой настойкой покойный папаша отпаивался. Теперь лезь в ванну, а то от тебя разит как от помойки...

Кое-как я помылся, ужаснувшись собственной худобе. Поджарым, конечно, я был всегда — но теперь по мне можно было изучать анатомию: кости скелета вот-вот, казалось, прорвут кожу.

Затем Римма, выбросив то, в чем я пришел к ней, выдала мне собственную футболку, тренировочные штаны — и захохотала, увидев, каким огородным пугалом я оказался.

— Садись, постригу, — отсмеявшись, приказала она.

Она и постригла меня, и побрила — и я, да еще после целебной настойки, стал себя чувствовать почти человеком.

— Поешь что-нибудь? — спросила хозяйка.

— Не знаю, — пробормотал я. — Не упомяну, когда последний раз ел...

— Оно и видно: живые мощи!

Пока Римма возилась на кухне, я рассматривал комнату ее одинокой квартиры. Казалось, в ней только иконы и книги — да еще за стеклянными дверцами шкафа ряды золотых и серебряных кубков.

С удивлением я увидел свою фотографию, вырезанную из журнала «Советский спорт». Кажется, это было республиканское первенство, еще до распада Союза — когда я на финише применил свой знаменитый «рывок Ветрова». Да, снимок вышел эффектный: измученный, но вдохновенный бегун вскинул вверх руку, и не понять: он то ли падает, то ли взлетает в небо над стадионом?

«Надо же, какой славный был парень, — с тоской думал я. — И в кого он теперь превратился?» А какова Римма? Я и не знал, что она до сих пор меня любит...

За ужином Римма рассказывала свою жизнь. Оказалось, она перенесла тяжелую онкологию, дважды была оперирована — а во время длительной химиотерапии ей пришлось наголо побрить голову.

— Ты не представляешь, какая я была страшная: люди шарахались, — говорила она, улыбаясь. — А когда волосы отросли снова, они стали седыми.

— Что ж не покрасилась? — спрашивал я.

— Для кого? — удивлялась Римма. — Я и в зеркало-то смотрю, только когда чищу зубы.

— А работаешь где?

— Тренером. Знаешь, с детьми хорошо: всегда есть надежда, что их жизнь будет лучше, чем наша...

Постелила она мне на диванчике в кухне, и я впервые за долгое время провел ночь, хоть и бессонную — как известно, пьянство не дружит со сном, — но по крайней мере без змей, что прежде ползали по потолку и стенам. Видно, в присутствии Риммы — могучего ангела, который был послан меня спасти, — они не осмеливались появиться. Этих тварей отпугивал и наполнявший квартиру запах лампадного масла — и, конечно, молитвы, которые Римма полночи читала за стенкой. Слушать ее монотонно-бормочущий голос было отрадно: я физически чувствовал, как меня защищает поток неразборчивых, но утешительных слов, порожденных любовью и верой.

В ту ночь с очевидностью озарения мне представилось: Римма, конечно, уйдет в монастырь. И, скорее всего, — с ее-то характером! — станет игуменьей. Я даже заулыбался, представив ее в черной мантии и клобуке рядом с какой-нибудь древней каменной башней — такую же несокрушимую и

могучую, как крепостная стена. «Вот и будет нам, бедолагам, защита, — думал я. — Хоть найдется, кому помолиться за нас...»

52

Новый круг моей жизни начался с предложения Сочина поработать тренером за границей. Друг, видно, решил и дальше мне помогать — раз уж Римма вытащила меня из запойной трясины, — и резонно считал, что полезнее всего радикально сменить обстановку.

Знакомые у него были всюду — в том числе в Федерации легкой атлетики — и в скором времени я получил предложение тренировать женскую сборную одной балканской страны.

— Эх, Гошка, завидую я тебе! — восклицал Сочин, провожая меня в аэропорту. — Горы, море... А женщины там знаешь, какие? Огонь!

— Так ехал бы сам, — усмехался я.

— Нельзя, — вздыхал Женя. — Бизнес!

Но я знал, что дело не столько в бизнесе, сколько в молодой жене Сочина, которая была как раз на сносях. Да, мой друг наконец-то женился — и его избранница, кстати, оказалась далеко не красавицей. Зато в Любаше покоряла ее доброта: даже ко мне, непутевому другу своего муженька, она относилась как к брату.

В отличие от женатого друга, меня в родных пенатах ничто не держало, и я был рад покинуть места, полные тягостных воспоминаний. Имущества у меня никакого не оставалось — запой, как пожар, слизнул все сбережения и даже вещи, — и я прилетел в аэропорт с одной небольшой спортивной сумкой, да и ту помогал собрать Женя.

Он подарил мне и хороший спортивный костюм, и кроссовки, и бритвенные принадлежности, и даже неубиваемые дорогие часы с секундомером.

— Ну а презервативы купишь сам, — хмыкнул друг, обнимая меня на прощанье. — Удачи, Георгий!

Уж, казалось бы, повидал я в своей жизни красавиц — но таких, как сербские девушки, еще не встречал. В них сочетались славянская мягкость и южная жгучесть — и взору являлись иконописные, византийские лица. Первое время, проходя по белградским улицам, я оглядывался ежеминутно: не может же, думал я, быть, чтобы такие глаза и такие фигуры встречались на каждом шагу?

Как было не влюбиться в страну, рождавшую столько красавиц? Тем более что и к нам, русским, в Сербии было особое отношение. Нас любили и уважали как старших братьев — а такое в Европе встречаешь нечасто. Я, чужеземец, почувствовал себя на Балканах как дома: словно приехал погостить к родственникам, пусть и дальним, но очень радушным.

— О, Георгий, да у тебя прямо сербское имя! — воскликнул, знакомясь со мной, старший тренер легкоатлетической сборной.

Зоран некогда был прыгуном в высоту. Худощавый, высокий, немного сутулый, он красиво носил свою львиную гриву уже припорошенных седую волос, а пожатие его крепкой ладони было сухим и горячим.

— Откуда так знаешь русский? — спросил я, улыбаясь в ответ на его радостную улыбку.

— Учился в Москве и любил русских девушек! — захохотал Зоран, хлопнул меня по плечу, и я сразу понял: мы с ним подружимся.

Я только успел заселиться в гостиницу и принять душ, как Зоран повел знакомиться с моими будущими ученицами, женской сборной страны по бегу на средние и длинные дистанции. Девушек было пятеро, и все пять пар молодых живых глаз встретили меня с таким любопытством, что я даже немного смутился, представляясь и пожимая горячие женские руки.

С первого раза я запомнил только одно имя — «Милана» — потому что оно принадлежало самой красивой и самой улыбчивой девушке. Ее кожа была оливковой, скулы чуть выдавались, а гладкие волосы медного цвета были стянуты на затылке в такой тугий хвост, что янтарные светящиеся глаза казались немного раскосыми. Вообще в Милане было что-то цыганское: как потом она сама рассказала, ее бабушка пришла в Белград из Венгрии с облезлым худым медвежонком на поводке и с двумя чумазыми девочками, уцепившимися за пеструю юбку матери.

Видно было, что Зоран выделяет Милану из всех: даже голос теплел, когда он к ней обращался.

— Она мне, Георгий, как дочь, — проворковал старший тренер, приобняв Милану за плечи. — Я ее во-от с таких лет знаю!

Он опустил к полу свою красивую длиннопалую руку, но я больше смотрел не на нее, а на смуглые бедра Миланы. Зоран, заметив мой взгляд, хмыкнул, но ничего не сказал.

В ту первую встречу наш разговор мешался в смешную неразбериху: я сербских слов успел выучить немного, а из девушек по-русски чуть-чуть разговаривала только Милана. Выручали простые английские фразы, которыми мы обменивались более-менее бегло, да усилия Зорана: он, смеясь, не успевал переводить все, что мы говорили.

53

Как потом оказалось, слов для общения нужно не так уж и много: улыбки, жесты и взгляды говорят куда больше. Да и о чем будешь особенно разговаривать, бегом поднимаясь по горному серпантину и озирая морскую лазурь, уходящую к горизонту? Наш тренировочный лагерь располагался близ Будвы (Черногория тогда еще не отделилась от Сербии), и я бегал кроссы вместе с девушками — чем, признаться, немало их удивлял.

— Георгий, ты всегда будешь бегать с нами? — спрашивала Милана, удивительно быстро перенимавшая русские фразы.

— Посмотрим! Let see! — смеясь, отвечал я на двух языках.

Поначалу, пока я не набрал форму, бегать по горам было тяжело, и я едва поспевал за своими подопечными. Но животворящий воздух Адриатики и местная пища (такого копченого «пршута» и такого йогурта я никогда раньше не ел) быстро вернули мне силы, и я уже не тянулся в хвосте нашей международной беговой цепочки — а, забегая вперед, бодро покрикивал на отстающих девушек:

— А ну, потерпели, мои хорошие! Тяжело в ученье — легко в бою!

— Что еще за мученье? — спрашивала, задыхаясь, Милана, упорно бежавшая впереди остальных.

— Так у нас говорят, — отвечал я, сначала любясь ее разгоряченным лицом, а затем пропуская бегунью вперед, чтобы можно было смотреть на ее худощавые ноги в белых кроссовках, легко возносившие девушку по каменистой тропе.

Природа в окрестностях Будвы меня восхищала не меньше, чем спортсменки, которых я тренировал. Обычно мы начинали кроссы от Сан-

Стефана — островка, превращенного в роскошный отель, — и то по асфальту, а то по каменным стертым ступеням взбегали все выше, к серевшим над нами залысинам Голого верха.

Тропа, по которой мы поднимались, называлась «Егоров путь». Правда, не в честь меня, а в честь русского монаха-молчальника Егора Строганова, который два века назад укладывал камни на горном подъеме: об этом рассказывала памятная доска, мимо которой мы каждый раз пробегали. Но Милану забавляло именно то, что тропа носит одно имя со мной, и она каждое утро лукаво интересовалась:

— Егор, мы сегодня опять побежим по Егору?

Черногория напоминала мне наши Крым и Кавказ одновременно. В том, как горы прижаты к живописной зеленой полосе побережья, было что-то кавказское. Сами же горные тропы, петлявшие между сосен, дубов или можжевельника, сам жаркий воздух, полный звона цикад, — все это напоминало любимый Крым.

Чудесные виды открывались чуть ли не с каждого поворота дороги. И всегда угрожала опасность споткнуться, засмотревшись на бирюзовое море, лежавшее в солнечной дымке, или на серо-зеленые горы, чей контур, напоминающий кардиограмму (я все не мог позабыть о научной работе, оставленной мною) темнел на густой синеве балканского неба. А поскольку опасность упасть куда выше на спуске, чем на подъеме, горными тропами мы лишь взбирались на перевалы — а спускались обычно по серпантину шоссе, смущая местных автомобилистов, которые провожали мелькавшие загорелые ноги моих учениц восхищенными взглядами и гудками клаксонов.

54

Милана выделялась из всей команды не только красотой, но и результатами. Уж если у кого и был шанс стать призером на европейских первенствах, так это у нее. Неудивительно, что не только Зоран и руководство сборной, но и я обращал на девушку пристальное внимание и составлял для нее особенный план тренировок.

К тому, что мы с Миланой по вечерам убегали в горы вдвоем, скоро все так привыкли, что и местные жители — пастухи и охотники, обитавшие поодаль от шумной курортной Будвы — приветствовали нас как хороших знакомых. Они что-то кричали по-сербски — Милана, смеясь, отвечала им — и почти всегда нас зазывали в гости, предлагая выпить стопку лозы, местной виноградной водки. Но мы с Миланой и без спиртного были словно хмельными: от долгого бега, от горного воздуха и тех видов, что нам открывались.

Я всегда был чувствителен к красоте: как женщины, так и природы. Переводить взгляд с медноволосой бегуни на бирюзовое море с белевшими яхтами, а затем вновь на свою легконогую спутницу — было истинным наслаждением. Я уже и не представлял себе жизни без наших вечерних пробежек, без лукавого взгляда янтарных глаз и без голоса, на удивление низкого для такой хрупкой девушки.

Похоже, что и Милана втягивалась в тренировки на горных дорогах, и ее взгляд и голос теплели, когда она обращалась ко мне:

— Что, Егор — сегодня опять на Егоров путь?

Странно, что мне, привыкшему к одиноким забегам, так понравилось бегать в горах с юной спутницей. Даже на самых крутых подъемах улыбка не

сходила с лица Миланы. Девушка нипочем не хотела мне уступать и не хотела показывать, как ей тяжело. У нас с ней порой начиналось что-то вроде игры: кто кого изматает? Конечно, в моих ногах силы было побольше, да и запас выносливости кое-какой оставался — но и у Миланы были свои козыри: ее легкость и молодость (двенадцать лет разницы — это все-таки много, особенно в большом спорте), и еще то, что моя ученица родилась именно в этих местах, меж горами и морем. Мне почти и не приходилось ей поддаваться — чтобы она обгоняла меня на затяжном подъеме и первой взбегала на площадку к монастырю, торжествующе выбросив вверх свою тонкую руку.

— Победа! — кричала она наше общее с сербами слово — а я, настигая Милану, одобрительно хлопал ее по горячей спине.

Но не эти пробежки по-настоящему сблизили нас — а камень, который неожиданно попал под кроссовку Миланы. Она как раз бежала впереди, и я видел, как ее нога подвернулась и девушка упала.

— Что с тобой? — спросил я, подбегая.

— Нога... — простонала она.

Отек лодыжки нарастал на глазах: о том, чтоб идти, не могло быть и речи.

— Сбегай за помощью, — попросила Милана. — А я пока тут подожду...

Но уже вечерело и в горах становилось прохладно.

— Не хватало еще, чтобы ты простудилась, — сказал я, присел рядом с нею на корточки и приказал. — Хватайся за мою шею!

Я понес ее, как рюкзак, на спине. Девушка казалась легкой лишь поначалу. Мои ноги, уже утомленные бегом, дрожали — а руки, которыми я поддерживал бедра Миланы, скоро окаменели. Но зато ее щека прижималась к моей, губы что-то нежно шептали мне в самое ухо — а ее сердце стучало точь-в-точь напротив моего...

Минут через двадцать трудного спуска по каменистой тропе, меж коренастых дубков и кривых можжевельников, я был измотан — но душа моя ликovala. Мы с Миланой на все это время оказались как будто единым, сросшимся до нераздельности существом: у нас теперь было четыре ноги — две из них, горячих и гладких, я крепко держал в руках — и два сердца, которые бились буквально одно о другое.

Милана, похоже, чувствовала что-то подобное.

— Егор, я к тебе приросла... — шептала она и счастливо смеялась.

Разделились мы только тогда, когда нас обогнала черная «Тойота» — и, мигнув фарами, остановилась.

— Помози нам, брате! — крикнула Милана вышедшему навстречу водителю.

Вдвоем с лохматым бородачом мы осторожно пересадили пострадавшую с моей спины в салон автомобиля — я устроился рядом, — и все время, пока мы катили на спортивную базу, Милана не выпускала моей руки из своих горячих ладоней.

Первую помощь я оказал девушке сам: и осторожно обмыл ее ноги, и дал анальгетиков из своей аптечки, и туго забинтовал распухший голеностоп.

— Егор, не волнуйся, мне уже хорошо, — улыбалась Милана. — А можно, я отдохну в твоей комнате?

...Конечно, отдохнуть нам не удалось. Заснули мы только под утро и проспали почти до полудня: нас уже стали разыскивать. Больше всего я боялся ненароком задеть поврежденную ногу Миланы и берег ее так, что девушка даже сердилась.

— Егор, — задыхаясь, шептала она мне на ухо. — Ты кого сейчас любишь больше: меня — или эту дурацкую ногу?

55

От кого-то я слышал, что новая любовь вытесняет старую — но не думал, что это может случиться так скоро. Всего год назад, после смерти жены, я был безутешен, раздавлен горем и почти утратил как волю к жизни, так и человеческий облик. И вот, сам не веря тому, я снова был в роли героя-любownika, и мне по ощущению опять было двадцать лет — столько же, сколько и моей юной подруге.

Нога ее, кстати, пришла в норму на удивление быстро, и уже через неделю Милана смогла тренироваться: как будто ее, ноги, роль и состояла лишь в том, чтобы нас сблизить.

Конечно, связь между тренером и ученицей не могла оставаться тайной ни для кого, начиная с подружек Миланы и кончая старшим тренером Зораном. Но мы все были взрослые люди, и нам никто не мог запретить друг друга любить: тем более в этой чудесной стране, где к любви относились, как мне показалось, более трепетно и благодарно, чем в прочих местах. Все же народ, так много страдавший — а уж сербы и черногорцы знакомы с горем и бедами, как никто другой, — понимает, что только любовь защищает от смерти, всегда поджидающей нас. И уж если чудо любви на тебя снизошло, так будь благодарен ему и достоин его.

Зоран — который, по его же словам, изучал русский язык в постели с русскими девушками — как-то подошел ко мне, отвел в сторону и, насупя брови, сказал:

— Егор, я все понимаю, вы свободные люди. Только имей в виду: обижать Милану нельзя. Ты услышал меня?

— Да, брат, услышал, — успокоил я Зорана. — Не волнуйся, мы любим друг друга.

— Вот и славно! — просиял старший тренер. — Будут дети — зови меня в крестные!

Но мы о детях пока не думали, а думали только о тренировках — близились национальное первенство — и о том, как бы скорее оказаться наедине.

Милана меня восхищала все больше. Во-первых, она была совершенно неутомима. Как, после дня, проведенного на стадионе или на горных кроссовых трассах, — ночью еще оглашать мою комнату страстными стонами?

Во-вторых, я недоумевал: как можно было оставаться красавицей после таких изнурительных тренировок и бурных ночей? Но утром, за завтраком, лицо и улыбка девушки сияли свежестью — хотя уж я-то знал, что Милане удалось поспать всего пять часов.

Изумлял меня и ее характер. Нрав у подруги был на удивление легкий, отходчивый — и в то же время вспыльчивый и независимый. В Милане сочеталась покорность восточной женщины — я порой ощущал себя с нею словно султан с рабыней: все мои прихоти исполнялись беспрекословно — со своеобразием гордой бунтарки. Чего она не хотела сама, Милана не сделала бы ни за что на свете. И если сейчас она хочет мне покоряться — то неизвестно, в каком настроении она будет завтра.

Как ни занимала нас наша любовь, мы не могли не замечать и того, что происходило вокруг. Обстановка в стране все более накалялась. Говорили уже и о том, что отменяют или перенесут национальное первенство по легкой

атлетике, которое мы все так ждали: для девушек это был важный этап отбора на международные старты.

Тот год для Балкан был непрост: повсюду то тлело, то вспыхивало пламя межнациональных конфликтов. И хоть мы, спортсмены и тренеры, были сугубо мирные люди — нас не могла не волновать всеобщая взвинченность и напряженность.

А меня не могли не тревожить еще и приступы тошноты, которые стали накатывать на Милану. Ей приходилось то прерывать тренировку, то, среди ночи, нагишом выскакивать из постели и бежать в туалет, чтобы вернуться бледной и виноватой.

— Прости, Егор, — бормотала она. — Это я чем-то, наверное, отравилась...

Самое простое предположение — что Милана беременна — отчего-то не приходило нам в голову. Люди часто не замечают очевидного, предпочитая жить в мире грез и иллюзий. Даже врач сборной, седой краснолицый толстяк по фамилии Вучич, согласился с версией Миланы о пищевом отравлении и назначил ей пить активированный уголь.

Но удивительно то, что эти приступы тошноты нисколько не влияли на результаты, которые показывала Милана. От одной контрольной тренировки до другой она пробегала все лучше и трижды в течение месяца улучшала личное время на полторы тысячи метров.

— Это наши с тобой тренировки в горах помогают, — отдышавшись, говорила она, когда я показывал ей секундомер. — Так я скоро национальный рекорд обновлю...

Тогда я не знал, что беременность действует наподобие допинга, особенно в ранние сроки — и женщину начинает нести по дорожке, помимо собственных сил, еще и энергия только что зародившейся в ней новой жизни.

Как-то Зоран мне рассказал, что порой тренеры и их ученицы даже пользуются этой особенностью женского организма, чтобы выигрывать важные старты.

— Представляешь, — приоткрывал мне Зоран изнанку большого спорта, — они специально беременеют, потом побеждают, а потом идут на аборт.

Но нам-то, конечно, победа такую ценою была не нужна. Сама мысль о том, что можно пожертвовать чьей-то жизнью ради того, чтобы прибежать первым, была мне мерзка. И я поначалу даже не верил рассказам Зорана, пока не услышал подтверждение им от самой Миланы.

— Что ты хочешь... — вздыхала она. — Если спорт — это бизнес, то он беспощаден...

56

Но война была еще большим безумием, чем темные стороны спорта, о которых поведали Зоран с Миланой. В каком страшном сне могли мы, выросшие в Югославии и Советском Союзе под имперским покровом — хоть, конечно, и сшитым из разных национальных клочков, но все же целые десятилетия хранившим над нами мирное небо, — в каком сне могли мы представить, что по этому небу вдруг полетят натовские ракеты?

Первые бомбардировки Белграда и первые пожары, озарившие небо Балкан, не просто до глубины души поразили и оскорбили нас всех — но едва не порушили нашу веру в людей. Нельзя было поверить, что все это

происходит в реальности: и возбужденные толпы сербов, проклинающих американцев, и груды щебня на месте домов, и столбы дымного пламени — мосты, нефтяные заводы и склады служили главной целью ракетам — и завывающие сирены медицинских и полицейских машин, и носилки с ранеными, которые в них торопливо грузили, и черные пакеты с трупами, грузить которые никто особенно не торопился.

В одночасье мир почернел и потрескался. Рай, в котором мы несколько месяцев жили с Миланой, — рай моря, гор, сосен, наших пробежек и нашей любви — оказался хрупким, как елочная игрушка: колеса войны вот-вот могли раздавить его в стеклянную пыль.

Но именно в эти тяжелые дни — когда были сирены и полыхали пожары и когда возбужденные горем и ужасом толпы металась по улицам — я осознал, что любовь есть единственное спасение от безумия осатаневшей войны. Никогда прежде я не был так нежен с Миланой, так не заботился и не тревожился о ней — как под содрогания взрывов и в бликах пожаров, что озаряли ночные окна гостиницы.

Несмотря на обстрелы, сербское руководство все же решило провести открытый чемпионат страны по легкой атлетике: это был своего рода вызов безумию, что творилось вокруг. Для меня же лично спорт в дни войны словно объединился с любовью. Оба они, укрепляя друг друга, поддерживали и нас с Миланой, и тех славных людей, с которыми я сблизился в Сербии.

Конечно, бегун на дорожке — это не солдат с автоматом, и он мало что может сделать в прямом столкновении со слепой силой войны. Но недаром Пьер де Кубертен век назад возгласил: «О, спорт — ты мир!» Я уверен: пока люди способны соревноваться, а не палить друг в друга из разнообразных стволов — у человечества остается надежда на преодоление темных кошмаров братоубийства. И тот, кто финиширует на стадионе, под завывание тревожных сирен или зарево дальних пожаров, — он по-своему борется с ужасами войны.

Вот и моя дорогая Милана — как же она была хороша в финальном забеге! Группа лидеров сразу повела бег по графику национального рекорда. Примерно половину дистанции Милана держалась то третьей, то даже пятой — но по ее спокойному, как бы даже скучающему лицу я понимал: сил у нее достаточно, и она ни при каком раскладе не даст лидерам уйти в мало-мальски опасный отрыв.

Трибуны ревели так, словно в этом забеге разыгрывались не просто медали и небольшой, по международным меркам, призовой фонд — но решалась чуть ли не судьба страны. Я тоже кричал, сам не помня себя — то по-русски, то даже по-сербски — вдруг осознав, что Милана бежит не одна, но несет к финишу еще и плод нашей с нею любви.

За полтора круга до финиша главная из претенденток на золото, долговязая белобрысая немка, решила «выстрелить» — и, поднажав, метров на шесть отделилась от остальных. Она словно натягивала незримую нить, пока что соединявшую ее с соперницами, и эта нить должна была вот-вот лопнуть, отпустив лидера финишировать в одиночку.

Только Милана поддержала ее рывок. Под звяканье гонга на последнем круге уже было ясно, что выиграет кто-то из них: либо Милана, либо упорная немка, чей шаг был сантиметров на двадцать длиннее.

— Ми-ла-на! — скандировал стадион, и в его рев вливался мой обезумевший голос.

Мне вдруг померещилось, что не она, а я сам финиширую вместо Миланы. Да, это я вижу спину соперницы, ее ходуном ходящие локти и

мелькающие подошвы шиповок — и это мне командует внутренний голос: «Пора!» Мои ослабевшие ноги почти непослушны, но какая-то новая сила вливается в них, и я обхожу немку на вираже — поймав краем зрения ее изумленный, косящий и яростный взгляд.

На последней прямой ни пространства, ни времени больше не существует, а остается одна только дрожь иступленного тела, да радость победы — на крыльях которой я лечу к финишу...

57

На дорожку выбежала вся наша сборная, и Милану стали качать, высоко подбрасывая ее легкое тело. Сама же она, раз за разом взлетая, то ли плакала, то ли смеялась, и так разводила руками, словно плыла по воздуху. И помню, что каждый хотел прикоснуться к Милане, будто надеясь зарядиться от нее таинственной силой спортивной удачи. Ликовали все так, словно речь шла не о «золоте» открытого национального первенства, а чуть ли не о победе в войне.

Вырос, конечно, и мой тренерский авторитет. Правда, о продлении контракта во время войны говорить было рано — но Зоран пообещал встретиться с влиятельными людьми и решить этот вопрос.

Пока же нам с Миланой предстояла разлука: ей надо было навестить родителей и больную сестру, живших в небольшой деревушке на юге страны, близ города Вране. Поначалу я хотел ехать с ней, но идущие переговоры с руководством сборной задержали меня в Белграде.

Поезд номер «393» — тот, о котором скоро будут писать все газеты — отправлялся на Вране, а дальше следовал в Скопье и Афины. О чем я думал, прощаясь с Миланой на белградском перроне? Помню, что взгляд у нее был особенный, с поволокой печали — и я никак не мог насмотреться в ее янтарные, теперь такие родные глаза.

— Я скоро вернусь, — прошептала она и зачем-то поцеловала мне руку. — Люблю тебя, Егор!

Когда она вспрыгнула в тамбур, мотнув хвостом медных волос — что-то сдавило мне грудь. Я видел в поплывших окнах множество лиц, возбужденно-счастливых от предстоящей поездки — но ни они, ни те, кто их провожал, не представляли, что ждет пассажиров поезда «Белград — Афины».

Первым о катастрофе узнал Зоран. Когда он позвонил мне в отель, то так волновался, что мешал русские слова с сербскими, и я не сразу понял, о чем идет речь.

— Зоран, ты выпил? — смеясь, перебил я его.

Но Зорана словно душили: его голос пробивался ко мне судорожными толчками. Наконец я разобрал слова «поезд», «бомбежка», «погибли» — и догадался, что Зоран рыдает...

Бедая случилась двенадцатого апреля, как раз в наш день космонавтики. Две управляемые натовские бомбы ударили в мост, на который выскочил поезд — и те, кто не погиб от разрывов, рухнули в пропасть.

Потом еще много месяцев мне снился один и тот же кошмар: словно я еду с Миланой в одном вагоне, держу руку на ее животе, и мы мечтаем о том, как назовем сына: я хочу Дмитрием, а она Радисавом. За окном плывут горы в апрельской зелени. Когда солнце освещает лицо Миланы, она жмурится и улыбается — но неожиданно падает на мою грудь! Нас прижимает друг к другу неодолимая сила — я кричу: «Береги живот!» — и солнце вдруг оказывается у нас под ногами. Потом его закрывает черная мгла, и начи-

нается долгий полет на дно пропасти. Я понимаю, что это конец, но все еще судорожно пытаюсь спасти хотя бы ребенка, обхватив Милану вокруг живота. Какое-то время мне кажется, что мы не падаем, а взлетаем — но вдруг страшный удар выбрасывает меня из кошмарного сна в пустую, холодную ночь...

58

Честно признаюсь, жить мне тогда не хотелось. Когда смерть, с небольшим промежутком, забирает любимых — начинает казаться, что все в мире и состоит из одной смерти, непрерывно и беспощадно преследующей любовь. Вот только странно: отчего же меня самого смерть пока избегала — а настигала тех, кого я любил?

В пустоте и тоске, окружавших меня после гибели Миланы, я не слишком вникал в то, что со мной происходит: душа была снова выжжена горем, а телесная оболочка лишь изображала подобие жизнедеятельности. Я ел, пил, куда-то ходил, что-то делал и говорил — и сам поражался собственному безразличию ко всему. Где-то, помнится, я прочитал, что подобное состояние называется «скорбное бесчувствие». Да, я страдал оттого, что во мне больше не было чувств, и я ощущал себя не живым человеком, а мертвою куклой.

Продлевать тренерский контракт я, конечно, не стал. Провожал на родину меня один Зоран, тоже осунувшийся и постаревший.

— Ты, брат, совсем поседел, — говорил я ему в аэропорту.

— Да и ты, брат, выглядишь нехорошо. — отвечал Зоран, обнимая меня на прощанье. — Что поделаешь: горе не красит...

Вернувшись в Россию, первое время я был совершенно потерян и не знал, что мне делать: ночи и дни тянулись бессмысленно и однообразно. Но живым себя в гроб не положишь, как говорила покойница-бабушка, — приходилось и здесь, на знакомых улицах и площадях, изображать подобие жизни.

Приютила меня все та же «однушка» на улице Исаковского: хоть было где ночевать. А работать я устроился тренером, в городскую спортивную школу. Жаль, что в ней уже не было Риммы Гореловой: она в самом деле ушла в монастырь.

Работу я посещал машинально, с бездушием механизма, которому совершенно неинтересно то, что он делает. Какие-то парни и девушки исполняли мои указания — они бегали, прыгали и приседали со штангой, — но я был настолько к ним невнимателен, что то и дело путал их имена. Подростков, впрочем, это не обижало. Они, видно, считали, что я, известный тренер и чемпион, слишком погружен в собственные высокие мысли и мне не до той мелкоты, которая копошится вокруг.

Возникал, и не раз, соблазн вновь погрузиться в пучину запоя. Даже не знаю: что удержало меня от этого шага, который мог стать гибельным? Может быть, обещание, данное некогда Жене и Римме, может, воспоминания о кошмарах белой горячки — а может, остатки безразличия и самолюбия, которые все-таки жили во мне и отвращали от смрадных картин, представлявшихся в воображении и неизменно сопровождающих алкогольную деградацию личности.

Вместо того, чтобы пить, я понемногу стал снова бегать. Именно физического усилия, как оказалось, мне и недоставало: чем тяжелее делалось телу, тем легче становилось душе. Во мне просыпался инстинкт целебного

мазохизма: я чувствовал, что изнурительный бег может вывести из депрессивного тупика.

Так бег, в который уж раз, стал спасением. Туман тоски и тягостных воспоминаний, который меня окружал днем и ночью, — редел с каждым часом, проведенным на беговых тропах лесопарка Реадовка или на обочине Минского шоссе, по которой шлепали мои выдавшие виды кроссовки.

Хорошую форму я набрал достаточно быстро — все-таки я был еще молодым человеком: мне только недавно исполнилось тридцать два года, — да и спортивное прошлое было не столь отдаленным, чтобы ноги, сердце и легкие не могли вспомнить то, чему их учили бесконечные и беспощадные к ним тренировки.

Порой возникала и мысль: а не вернуться ли в спорт, пусть и не самый большой — кому в нем интересен бегун, разменявший четвертый десяток? — то хотя бы такой, что позволит занять время и силы и наполнит опустевшую жизнь подобием смысла.

Месяц за месяцем я стал прибавлять беговые объемы и довел их до ста двадцати, а то и ста сорока километров в неделю: а это, доложу вам, уже уровень серьезного марафонца. Но поначалу я даже не думал о результатах и об участии в соревнованиях. Нет, долгий бег нужен мне был как лекарство, исцелявшее раны души. На бегу я впадал в состояние транса и словно перемещался из жизни, в которой царили смерть и война, — в некое параллельное измерение, наполненное невозмутимым покоем. Возможно, это было подобием буддийского просветления: желания и страдания, два неразлучные спутника наконец оставляли меня, и существование длилось в мерном ритме шагов и дыхания, следить за которыми было так интересно.

И еще, во время долгих, часами длившихся беговых медитаций я всегда чувствовал, что бегу не один. Меня незримо сопровождали сначала живые, о которых я думал и мысленно беседовал с ними, — а потом ко мне стали являться и мертвые. Причем мои дорогие подруги приходили ко мне без той боли в сердце, которая сопровождала их прежние появления в тягостных снах или воспоминаниях. Нет, на бегу они возникали в моем просветленном сознании так беспечально-легко, что я начинал улыбаться, когда представлял себе волоокский и чуточку сонный взгляд Риты или янтарные теплые очи Миланы.

«А вдруг они не исчезли бесследно? — приходила мне мысль, за которую я был рад ухватиться. — Ведь я вижу их так отчетливо, как будто смерть их не коснулась, а они продолжают жить там, куда я проникаю в минуты своих беговых озарений...»

В ином состоянии я не мог познать мир, где любовь торжествует над смертью. Бег вновь и вновь открывал мне ту истину, что любовь не умирает, а продолжает жить в сердце любящего. «Настоящая любовь — она всегда на длинную дистанцию», — убеждал я себя, одолевая километр за километром, оставляя печаль и тоску за спиной и укрепляя свою веру в то, что любовь бесконечна.

Так беды и горести жизни привели меня к марафону. Первый из них я бежал для себя, только чтобы проверить: не опозорюсь ли на настоящих соревнованиях?

А чтобы преодолеть соблазн сойти с дистанции прежде времени, я отъехал от города ровно на сорок километров, вышел из автобуса недалеко от

поворота на Духовщину и побежал обратно в Смоленск. С собой, в небольшом рюкзаке, я взял только пластиковую бутылку с водой и четыре сладких батончика.

День выдался как нельзя более подходящий для бега. Ветерок дул в спину, сентябрьское небо то посыпало мелким дождем, то сквозь просветы растрепанных туч озаряло приветливым солнцем, а желтые волны сжатых полей по обе стороны трассы лоснились, как мокрая шерсть.

После эффектных видов адриатического побережья, где я бегал с Миланой, пейзажи Смоленщины были словно повязка на саднящую рану: они утешали своей простотой и смиренностью и помогали терпеть утомление долгого бега. Поля будто мне говорили: «Посмотри, как безропотно мы переносим невзгоды, что нам выпадают — все эти снега и дожди, суховеи, морозы и засухи. Жить это значит терпеть — потерпи, брат, и ты...»

Так что мне помогали бежать и природа с погодой, и даже машины, которые изредка обгоняли меня по шоссе, и каждый обгон был как взмах тугого крыла, легко толкавший в спину. Все это, взятое вместе, так укрепляло, что даже страшный для марафонцев рубеж тридцать пятого километра я преодолел без особых мучений: тем более что уже начинались предместья Смоленска, и не за горами маячил финиш.

В итоге и время я показал очень даже приличное для новичка-марафонца: два часа двадцать восемь минут. Имея такой результат, не стыдно было сбегать и на Московском международном марафоне, заявку на участие в котором я подал следующим летом.

Так в моей жизни началась эпоха марафонов, длившаяся почти десять лет. Три-четыре раза в году я участвовал в больших соревнованиях, а в промежутках меж ними работал тренером да совершал одинокие пробежки в окрестностях Смоленска. Можно сказать, я жил от марафона до марафона. Едва оправившись от одного — на восстановление уходило две-три недели, — я начинал мечтать о следующем.

Результаты мои подрастали, и я вплотную придвинулся к мастерскому рубежу. Но, поскольку карьера в спорте меня больше не интересовала, достаточно было того, что меня допускали к участию в самых престижных забегах. Женя Сочин — еще раз спасибо ему — и тут выступил в качестве спонсора, нередко оплачивая и мои переезды по миру, и взносы за участие в марафонах, и даже экипировку.

— Ты, как-никак, представитель страны, — говорил Женя, отменяя мои возражения. — Еще не хватало, чтобы ты бегал в дешевых кроссовках!

Уж старушку-Европу я пробежал вдоль и поперек: международные марафоны проводились во всех европейских столицах. Париж, Берлин, Лондон, Рим и Мадрид — на их улицах я оставлял отпечатки подошв, брызги пота и словно часть себя самого: город, по которому пробежал марафон, становился родным. Проживи в нем хоть несколько лет, не проникнешься его духом настолько, как за два с половиной часа бега, когда то почти умираешь на городских улицах и площадях, то возвращаешься к жизни за линией финиша.

Пробежал я и самый древний из марафонов, афинский — тот, с которого началась легенда о бегуне по имени Филиппид, принесшем афинянам весть о победе и рухнувшим замертво. Именно этот марафон и возродил Пьер де Кубертен в 1896 году. А выиграл его, по исторической справедливости, как раз грек. Забавно было читать, как водонос, которого звали Спиридон Луис, по ходу дистанции навесил своего дядюшку, жившего в деревушке Халандри, и с удовольствием выпил поднесенный им стакан

вина — что не помешало Спиридону первым вбежать на дорожку афинского стадиона.

В том марафоне, кстати, и я пробежал очень даже неплохо, и в итоговом протоколе оказался четвертым — хотя и трасса была непростой, с большим перепадом высот, и погода в том октябре выдалась такой жаркой, что сошла чуть не треть бегунов. Но я люблю жару и люблю бег в подъем; а уж если эти два фактора совпадают, так мне ничего больше не надо, как только топать по ленте шоссе, уводящей в сиреневый зной, вверх и вверх, где сквозь зыбкое марево видятся горы и рощи олив... Недаром же я и в Крыму, а потом в Черногории полюбил бегать в самое пекло: когда плавился даже асфальт, а пот капал с кончика носа — зато на душе становилось блаженно-спокойно.

Уж на что было жарко бежать по дороге, ведущей из Марафона в Афины, но зной раскаленных улиц греческой столицы показался совсем уже запредельным, и мы погружались в него, как в огромный котел с кипятком. Смутно помню громаду Акрополя на фоне серого неба, греков в черном, приветливо машущих нам, бегунам, — и помню, как стадион Панаatinaikos взорвался криками и аплодисментами, когда я, на последних метрах, обошел губастого эфиопа, изумленно скосившего на меня красно-белые яблоки глаз.

60

Выступал я и на грандиозном марафоне в Париже, где пятьдесят тысяч спортсменов стартовали под Триумфальной аркой, бежали по Елисейским полям, потом по Большим бульварам и набережным Сены, и почти все это время мы видели парящий над нами ажурный конус Эйфелевой башни.

В культурную программу того марафона входила еще и двухдневная экскурсия по Парижу, и даже речная прогулка по Сене. Так что я, кроме радости бега, получил еще радость от знакомства с самым романтическим городом мира: недаром его называют столицей любви.

Не устоял я и перед соблазном посетить известное заведение — одно из тех, какими Париж славится. На этом визите, провожая меня в Шереметьево, настаивал Сочин.

— Если не посетишь парижский бордель, — говорил он, смеясь, — то считай, что ты съездил зря. Ты же будешь жить на Монпарнасе? Там этого добра — пруд пруди: бывал, знаю!

Действительно, на улице Гёте, рядом с которой я жил, бордели встречались на каждом шагу: чуть ли не чаще, чем булочные, из дверей которых по утрам пахло свежими багетами и круассанами.

Но посещение публичного дома меня ожидаемо разочаровало. Все было так, как я видел в кино или читал в книгах, изображавших любовь за деньги. Гостиная с зеркалами, красный плюш занавесок, скушающий негр-охранник в прихожей, преувеличенно-радостная улыбка распорядительницы и ее воркующее: «Бонжур, месье!», бумажка в сто евро, положенная на барную стойку, стройные голые ноги юной мулатки, поднимавшейся передо мною по ковровой дорожке лестницы, кровать с балдахином в номере, где светильники мутно краснели на стенах, гибкость смуглого тела и заученно-страстные стоны, ловкость общения с моим мужским органом, который сначала оказался облачен в сиреневый презерватив, а потом побывал в самых разных, упругих и тесных, местах, смена поз, напоминавшая гимнастическую тренировку, нараставшая скука и разочарование, мысль о

том, что можно бы кончить все это скорее, но жаль сотни евро, и поэтому нужно продлить всю эту комедию псевдолюбви — наконец короткие судороги, услужливо и расторопно подхваченные затрепетавшей подо мною мулаткой, и ее восхищенное: «Даст из фантастиш!», столь знакомое всем мужчинам по кадрам из порнографических фильмов...

Так что настоящей любви в столице любви я встретил немного, если не считать моего восхищения городом, о котором я мечтал с юности и мог наконец-то ходить по его легендарным бульварам. Вот Париж, он и впрямь был хорош, да еще в те погожие дни октября — которые, как по заказу, выдались для марафона. Каштаны еще не облетели, и фонари мягко светили сквозь их рыжие кроны, закатное небо над правым берегом Сены имело персиковый оттенок, а церковь Сакре-Кёр, хорошо различимая издалека, притягивала взгляд не менее, чем красотки в вечерних платьях, выходившие из ресторанов...

61

Мир марафонов все больше меня увлекал. Отрадно было сознавать себя частью огромного, охватившего всю планету, движения любителей бега, которое несло людям радость спорта и хоть немного, но отодвигало угрозу всемирной войны.

За годы, что я участвовал в международных стартах, у меня появилось немало знакомых и даже друзей на разных континентах. Я потом переписывался с ними по «электронке», договаривался об участии в следующих марафонах, делился собственным опытом или сам узнавал от них что-то новое. Такая переписка помогала подтянуть английский — который мне, как «международному» бегуну, становился все более необходим, — а еще позволяла не чувствовать себя одиноко в паузах между марафонами, в глубине русской провинции, временами все-таки тягостной, особенно в долгие зимние или осенние вечера.

Мои планы становились все более грандиозными. Я уже думал и о «большой шестерке» мировых марафонов, пробежать которую мечтает каждый спортсмен. Из этой шестерки я отметил пока только в двух городах, Париже и Берлине; оставались Нью-Йорк, Бостон, Чикаго и Токио. Но для перелета за океан требовалось куда больше денег и времени, чем для выступлений в Европе. К тому же и отбор на эти знаменитые марафоны был сложен. Но чем больше я бегал и чем лучшие результаты показывал, тем больше шансов пробиться на очередной марафон у меня появлялось: здесь, как и во многом другом, работал закон накопления усилий.

А ведь были еще и сверхмарафоны — многочасовые и многодневные забеги — у которых по всему миру было тоже немало приверженцев. «Отчего бы, — думал я иногда, — не замахнуться на „Тур четырех пустынь“? Если бы удалось пробежать четыре этих сверхмарафона в течение года — так вообще можно стать мировой знаменитостью...»

Я думал еще и о том, что своим интересом ко все более длинным дистанциям я выражаю глубинную тягу к тому, чтобы жить в состоянии бега, прерываясь лишь разве на сон, да еду. «Погоди-погоди, — осаживал я себя, — а как же быть с женщинами? Любовью нельзя заниматься похода и на бегу: это тебе не посещение борделя в Париже. Да и потом, любовью нельзя заниматься — что за унижительный термин? — любовью нужно жить, потому что любовь и есть жизнь...»

Пожалуй, стоит сказать и о том, как в эти годы складывались мои дела на личном фронте. Признаться, не очень. Пережив две трагедии и потеряв двух любимых, я начал думать, что любовь неизбежно приводит с собою смерть, и никак не мог отделаться от этой навязчивой мысли: наверное, должно пройти немало времени, пока раны в душе зарубцуются и память перестанет кровоточить.

Пока же я опасался сколько-нибудь серьезных и длительных отношений. Да, говоря откровенно, я и не испытывал к женщинам прежней тяги. Возможно, сказывался и возраст, переваливший за сорок, — а возможно, так много сил забирали беговые тренировки и соревнования, без которых я уже не мог обходиться, что на романтические утехи пороку просто-напросто не оставалось. Бег отчасти вытеснил женщин и тем охранял мои тело и душу от разного рода соблазнов.

Но соблазны, конечно же, были, и далеко не всегда я мог против них устоять. Какое-то время я встречался с пышногрудой Татьяной, продавщицей из спортивного магазина. Ее муж, капитан дальнего плавания, часто бывал в отлучке — и, каюсь, я несколько раз осквернял капитанское ложе.

Была еще рыжая Вика, медсестра из поликлиники, куда я ходил лечить больное колено: к медикам я, как известно, всегда питал склонность и интерес. Мы с ней порой предавались любви среди бела дня, в процедурном ее кабинете, за закрытой дверью которого кашляли и переминались ожидающие очереди больные. Вика специально включала какой-нибудь гудящий и мигающий лампочками аппарат, чтобы заглушить нашу с нею возню. А потом, как ни в чем не бывало, одернув халатик, она отпирала дверь, выпускала меня в коридор — и, смеясь синими, как васильки, глазами, кричала:

— Кто следующий?

62

Затем в моей жизни появилась девятнадцатилетняя Юлька, бритая наголо девушка-байкер. Мы познакомились с ней на патриотическом фестивале в честь годовщины присоединения Крыма к России — туда заезжал порычать своим мотоциклом сам знаменитый Хирург, — и она подвозила меня до Смоленска на хищно сверкающей «Хонде».

Даже мне, человеку не робкому, было не по себе, когда мы летели сквозь ночь, кренясь на поворотах сырого шоссе и обгоняя автомобили. Я все тесней прижимался к кожаной куртке-косухе: под ней я угадывал женское тело, такое мягкое по сравнению с ревущим металлом, который мы оседлали. Встречный ветер свистел, наши шлемы порой ударялись один о другой, и я себя чувствовал космонавтом, улетающим в незнакомые прежде пространства.

Юлька в своем облачении байкера — косуха в заклепках, ботинки-казаки, штаны-чапсы, краги и шлем — напоминала свой мотоцикл, с которым сливалась в объятии, словно с любимым мужчиной. Но стоило ей скинуть весь этот хитин, как она превращалась в ребенка — только такого, которому хочется выглядеть падшим ангелом. Представьте: нежнейшая белая кожа и пухлые губы, карие глаза-вишни — и при этом зигзаги татуировок по бритому наголо черепу, да серьги-заклепки по краю красивых ушей. И еще кольца: одно в ноздре и два в языке, который она так любила показывать.

Потом, когда мы с ней перебрались с хребта «Хонды» сначала в ее комнату-студию, а потом и в постель, едва уловимо пахнущую бензином, —

оказалось, что колец на Юльке еще несколько: и в глубоком пупке, и в обоих сосках, и даже там, где они мне мешали, когда я погружался в подругу.

— Зачем тебе столько металла? — смеясь, спрашивал я. — Ты же не мотоцикл.

— Что, некрасиво? — отвечала она вопросом на вопрос и обиженно надувала губы. — Ничего ты не понимаешь — ни в мотоциклах, ни в женщинах!

Она была очень мила, и с ней было уж точно не скучно. А рассматривать ее татуировки можно было часами — чем я и занимался, пока мы отдыхали. Юлькины белые, миниатюрные руки и ноги обвивали разноцветные змеи, а на животе и спине жили загадочные драконы, раскрывавшие крылья и пасти и изрыгавшие языки пламени. Тело моей юной мото-подруги напоминало нежнейшую вазу, расписанную старыми китайскими мастерами — но не по фарфору, а по живой, чуткой коже. И я бродил руками и взглядом по разноцветным сплетениям линий, словно в дремучем лесу или лабиринте: все более забывая о том, кто я есть, что я здесь делаю и куда меня заведет долгий путь по узорам, ложбинам, холмам бесконечного женского тела...

Впрочем, наша связь с Юлей не затянулась. Уж очень мы были разными: немолодой и потрепанный жизнью бегун, по складу натуры суровый аскет — и эта лихая девчонка, спешившая взять от жизни как можно больше. Я не мог спокойно видеть, как она с ревом срывается с места, вздергивая байк на дыбы, и как ее «Хонда» в клубах синего выхлопа уносится вдаль по шоссе. Мне все чаще мерещилось страшное зрелище: мотоцикл на боку, Юлька ничком, а шлем откатился к обочине... И отчего-то казалось: чем крепче я привязываюсь к смешной бритой девушке в пирсинге и татуировках — тем неизбежнее приближается катастрофа. Уж я-то на собственном опыте знал, как ревниво и неотступно старуха с косою выслеживает любовь. «Нет, пусть уж Юлька тусуется со своими пузатыми бородачками в цепях и банданах, — думал я, подавляя желание ей позвонить. — А я не хочу быть причиной несчастий этой славной девчонки...»

Так что ни с одной из женщин, встречавшихся мне, мало-мальски длительные и прочные отношения никак не складывались: отчасти из-за моего нежелания стеснять себя ими, а отчасти из-за странных капризов судьбы. Я словно бежал от одной мимолетно-случайной подруги к другой, проводил с ней какое-то время, запоминал ее взгляд, голос, смех, ее тело и запах, а потом шнуровал свои растоптанные кроссовки и пускался бежать дальше в поисках новой любви — которая, в чем я не сомневался, непременно ждет меня где-то в тумане грядущего.

63

Судьба наносила удар за ударом. Серым, слякотным мартовским утром из Москвы пришла страшная весть: мгновенно и неожиданно, от обширного кровоизлияния в мозг, скончался мой добрый друг. Узнав об этом, я вмиг осиротел: ведь многие годы я жил словно под крылом Жени Сочина, всегда ощущая его поддержку и всегда получая от него помощь, как моральную, так и финансовую. Кто теперь будет так искренне радоваться моим успехам на марафонах — и кто поможет со взносами для участия в них?

Но даже и не в деньгах было дело — это, в конце концов, мусор — а в том, что лишь после Женькиной смерти я с болью почувствовал: как же я любил друга! Конечно, признаться в этом, пока Женья был жив, я не

мог — еще не хватало мне подозрений в «голубизне», — но эта любовь согревала душу и помогала терпеть испытания жизни. Недаром же древние греки среди семи видов любви выделяли не только любовь эротическую, но и «сторге» — живую и теплую связь, которая возникает между друзьями. «Может, в такой-то любви самой любви даже больше, и она выше и чище — рассуждал я, — потому что она не замарана грязью похоти?»

Но случались в те грустные дни и забавные вещи. Как-то зашел я на почту, чтобы отправить отцу подарок к его дню рождения: связь с ним и с его новой семьей я поддерживал. Пока писал адрес на бандероли, краем глаза заметил: кто-то дернул с прилавка мою сумку-барсетку и метнулся с ней к выходу.

Машинально я кинулся следом и с удивлением увидел, что преследую голенастую девушку лет пятнадцати. Ее тощие ноги мелькали над лужами и перескакивали через бордюры, а хвост рыжих волос прыгал по потертой джинсовой куртке. Девчонка, видно, не ожидала от меня такой прыти и, нервно оглядываясь, свернула в один переулок, в другой — не выпуская, впрочем, добычу из рук. Откуда ей, дурочке, было знать, что она решила обокрасть чемпиона по бегу?

Но удивлен был и я — прытью юной воровки. Никакая из учениц спортшколы, в которой я преподавал, не смогла бы улепетывать от меня так долго. Я даже стал уставать — когда наконец схватил за плечо эту рыжую бестию.

— Только не бейте! — задыхаясь и закрывая лицо локтем, заскулила девчонка. — Я больше не буду!

Вывав сумку, я рассмотрел веснушчатое и остроносое, некрасивое личико.

— Да не бойся ты, дурочка! — проговорил я неожиданно ласковым голосом. — Лучше скажи, где ты так насобачилась бегать?

Все кончилось тем, что я пригласил ее на тренировку в спортшколу — и она, как ни странно, пришла: видно, жизнь не баловала девчонку, и податься ей было некуда.

Имя-фамилия у нее оказались вполне беговыми: Аня Мухина. А история у нее была самой обычной и самой печальной: безотцовщина, пьющая мать, жизнь на окраине, в двухэтажном бараке, который ждал сноса уже тридцать лет, и профтехучилище, в которое Аня поступила после девятого класса, но теперь бросила, потому что учиться на швею-мотористку ей было скучно, а стипендию платить перестали.

— Учиться скучно — а воровать, значит, не скучно? — съязвил я.

— Не-а, — мотнула она головой. — Это мне по приколу! Не окажись ты таким быстрым, я бы сейчас была при деньгах.

— Была б ты, подруга, на зоне и шила бы там телогрейки, — сказал я как можно строже. — Значит, так: ко мне обращаться на «вы», делать все, что скажу, и не опаздывать на тренировки. Понятно?

— Ага, — легко согласилась Мухина. — А форму дадите?

Я придаю не особо большое значение своим способностям педагога: в том, что Анна начала тренироваться с неожиданным усердием, заслуга вовсе не их, а того редкого бегового таланта, который она, несомненно, чувствовала в себе, и который искал воплощения в худом и нескладном теле пятнадцатилетней девчонки.

Внешности Аня была заурядной и могла вызывать только чувство жалости, а то и брезгливости: когда, например, грызла ногти или всей пятерней чесала немытую рыжую голову. А вот на беговой дорожке она преображалась. Мало того, что ее тело казалось почти невесомым, а ноги мелькали, как велосипедные спицы, но и на веснушчатом лице появлялось вдохновенное выражение: в зеленых глазах загорался огонь, скулы чуть розовели, и в такие минуты ею можно было залюбоваться.

— Анна, шире шаги! — кричал я, бывало, с напускною суровостью.

Но на сердце теплело, когда я видел летящий бег девочки по стадиону. Этот бег завораживал, кажется, даже механический секундомер — чья серебристая стрелка с каждым забегом останавливалась все раньше.

Видеть Анну почти ежедневно, ставить ей технику бега, продумывать планы ее тренировок и радоваться успехам своей ученицы мне теперь сделалось столь же необходимым, как раньше было необходимо участвовать в марафонах. Жизнь неожиданно обрела новый смысл, неразрывно связанный с худой рыжей девчонкой — которую все звали, естественно, Мухой.

Когда она простудилась и несколько дней не появлялась на тренировках — я с конфетами и мандаринами в сумке навестил ее на окраине города, в Ситниках, в том самом бараке, где она обитала с матерью.

Я уже и забыл, что люди могут жить так бедно и неопрятно. На общей кухне в кастрюле кипело белье и сохли кальсоны, пахло кислой капустой, мышами и кошачьей мочой, углы отставших обоев в комнате были подклеены скотчем, и такая же липкая лента закрывала трещину на оконном стекле. На столе стояли тарелки с засохшей едой. Уж на что я не избалован комфортом и не брезглив — но меня чуть не стошнило, когда я увидел все это и почувствовал тягостный дух нищеты и болезни.

Моя ученица лежала, укрытая старым стеганым одеялом. Ее щеки горели, а от приступов кашля, который ее сотрясал, под кроватью позвякивали пустые бутылки.

— Аня, — только и мог я сказать, — да как же ты здесь живешь?

— Так и живу... — И она вновь закашлялась.

— А мать где?

— Не знаю, куда-то ушла...

Мать, правда, вскоре явилась: седая, растрепанная и в стельку пьяная.

— Давай денег, тренер! — заявила она, едва узнав, кто я такой и зачем появился. — Видишь, мне дочь лечить не на что...

Никаких денег, конечно, я ей не дал — а определил Анну в институтскую клинику: помог тот самый Роман Купидонов, с которым когда-то мы изучали сердца бегунов и который недавно стал заведовать кафедрой терапии.

Там ее быстро поставили на ноги, и она продолжила тренироваться. Но теперь я не мог оставить свою подопечную без присмотра: надо было как-то вытаскивать Анну из житейской трясины.

Перво-наперво, я устроил ее на работу. Мухину взяли на должность лаборантки — по сути, уборщицы — на кафедру теории легкой атлетики, где некогда работал и я сам. Деньги там платили хоть и небольшие, но зато теперь у нее была своя комната в общежитии. Питалась она в институтской столовой, по талонам, которые я доставал. Большую часть времени Анна проводила на стадионе или в спортзале: мир спорта стал для нее тем единственным миром, где она чувствовала себя уверенно и спокойно.

В пятнадцать-шестнадцать лет девушки меняются быстро: вот и Анна менялась почти на глазах. Из худой и нескладной дурнушки она станови-

лась стройной и не лишенной грации девушкой. Спина ее выпрямилась, плечи расправились, бедра и голени явно прибавили мускулатуры — не зря мы с Анной налегали на силовые упражнения, — и теперь ее длинным, красивым ногам могла позавидовать любая подиумная модель.

Похорошело и лицо девушки. С него сошла та худоба и затравленность, на которую прежде было больно смотреть, и все чаще являлось задорное выражение. Веснушки не только не портили скул — но в сочетании с зеленой глаз и с рыжею челкой создавали образ радостно-солнечный. Во всяком случае, парни нашей спортшколы все чаще оборачивались на Анну.

Себя же я ощущал чуть ли не Пигмалионом, который создавал красоту из самого заурядного материала и теперь мог гордиться творением своих рук. Из рыжей невзрачной «оторвы» с окраины — которую ожидала лишь колония для малолетних — Анна Мухина стала не просто отличной бегуней, но и весьма привлекательной девушкой.

65

За неполных три года я привязался к ней, словно к дочери — которой, по возрасту, она вполне могла бы и быть. Я выделял Анну из прочих воспитанниц, занимался с ней по особому графику — и, конечно, не мог не ревновать девушку к парням, которые так и вились вокруг. Не то чтоб я имел на Анну какие-то личные виды — не настолько я был развратен, чтобы соблазнять малолеток, — но мне было досадно, что кавалеры все более вмешиваются в жизнь девушки, что ей с ними, конечно, куда интереснее, чем со мной, и что неодолимые законы природы и жизни, вероятно, скоро внесут коррективы в наши спортивные планы.

К той поре Анна уже училась на вечернем отделении физкультурного института — экзамены за среднюю школу она хоть и не с первого раза, но все же сдала — и жила в общежитии, в комнате на четверых. Лаборантской зарплаты ей более-менее хватало на жизнь. К тому же я время от времени подбрасывал Анне деньги: в виде, якобы, премии за спортивные достижения.

Она, скорее всего, догадывалась об источнике этой поддержки: слова «мой спонсор» как-то донеслись до меня, когда Мухина в компании молодежи трусцой пробегала мимо тренерской скамьи. Но меня это даже и не особо задело: спонсор так спонсор. Главное, что я чувствовал внутреннюю потребность ей помогать: это грело душу и придавало моей жизни смысл. Видимо, это тоже была разновидность любви — любовь как забота — и я был рад, что она повернулась ко мне и такой стороной.

Конечно, я понимал, что Анне недолго осталось тренироваться в провинции: чем больших успехов мы с ней добивались, тем ближе и неизбежнее был миг расставания. Так оно все и случилось — после юниорского первенства Центра России, где Аня выиграла финал на восемьсот метров.

Пусть состав участниц там был и не самым сильным — многие уехали на европейский чемпионат, — но победа провинциальной бегуньи все равно стала сенсацией. Анна даже и не затевала никаких тактических хитростей: она просто-напросто, с первых же метров, потащила забег за собой, и все зрители могли вдоволь налюбоваться ее вдохновенным, решительным бегом.

— Кто это такая шустрая? — донеслось до меня со скамьи, где сидели московские тренеры.

— Погоди, сейчас встанет, — прогудел кто-то в ответ.

Но Анна и не думала сбавлять темп. Она не бежала — летела: как будто дорожка обжигала ей стопы, и фаза отталкивания становилась поэтому неуловимо-короткой.

— Нет, ты погляди! — послышалось с «московской» скамьи. — Чисто кузнечик!

Еще не затихло звяканье гонга, обозначавшего второй круг забега, а уже было ясно, кто победит. Разрыв между Анной и остальными все нарастал и к последнему виражу достиг метров пятнадцати: а такое на соревнованиях подобного ранга бывает нечасто. Мне — да, похоже, и всем остальным — было жаль, что забег завершается так скоротечно: хотелось еще любоваться стремительным бегом, напоминавшим полет.

Весь стадион, оживившись, подбадривал Анну.

— Муха, жми! — кричал кто-то из наших.

И вот рыжий хвост взлетел над ее головой — когда Анна кивнула на финишных клетках.

— Ай да девчонка! — загудел толстый москвич. — Как, ты говоришь, ее фамилия?

Что было дальше, понятно и тем, кто далек от мира спорта. Конечно, на Аню обратили внимание тренеры сборной страны — как не заметить такое сокровище? — и, конечно, скоро сделали ей предложение, отказаться от которого она не могла. Не каждую вот так, сходу, приглашают в школу олимпийского резерва, не каждой обещают государственную стипендию, и не каждой предлагают сменить провинцию на столицу.

Я все понимал и искренне радовался за нее. Еще я радовался тому, что в моих чувствах, кажется, не было эгоизма: а это и есть главный признак настоящей любви. Да, сердце сжималось при мыслях о предстоящей разлуке — все же три года жизни были отданы Мухиной — но эта душевная боль была светлой: я верил, что Анина жизнь меняется к лучшему.

Вот только прощание с ней на вокзале меня озадачило. Помявшись у двери вагона — большая синяя сумка оттягивала ей плечо — Анна неожиданно посмотрела мне прямо в глаза. В ее лице проступило страдание, губы чуть задрожали, и она с усилием проговорила:

— Не забывай меня, ладно?

Затем она так порывисто, в губы, поцеловала меня — что я до сих пор не могу позабыть ее долгого и откровенного поцелуя...

66

Что ж, снова надо было искать смысл жизни. И, как это уже бывало на каждом новом этапе, я сменил место работы. Спортивная школа, которой я отдал много лет и где занимался с рыжим кузнечиком Анной — она стала мне тяжела. Я чувствовал: в спорте, нацеленном только на результат, есть какая-то червоточина, обесценивающая спорт как процесс и как образ жизни. «А ведь любовь, — порой думал я, — это тоже процесс, непрерывный, как жизнь. У любви нет и не может быть цели, кроме нее же самой, — и она, сама по себе, есть наивысшая из возможных наград...»

Да и соблазны тщеславия меня больше не донимали. Как я давно поставил крест на спортивной карьере, так поставил крест и на карьере провинциального тренера. Что толку искать и воспитывать будущих чемпионов — когда каждого мало-мальски способного забирает Москва?

Поэтому переход в обычную школу на должность рядового учителя физкультуры для меня самого представлялся вполне естественным. Виделось

в этом и завершение большого, длиной почти в сорок лет, круга жизни. Начав когда-то свой путь бегуна в школьном спортивном зале — в таком же, по виду, спортзале я оказался к своим сорока восьми, уже одержав все победы, какие мне были написаны на роду, но потерпев, вероятно, не все поражения: ведь жизнь продолжалась, и вряд ли она вдруг решила меня пожалеть и оставить в покое.

В обычной средней школе все было, конечно, иным, чем в спортивной: чего стоило одно составление учебных планов и морока с бумажной отчетностью. Но все эти нудные глупости искупала работа с детьми: до чего же они, особенно в младших классах, были живыми и непосредственными!

С ними я вспоминал свои школьные годы — и, конечно, свою любовь в первом классе, Надю Пилькову. Кое-кто из глазастых, вертлявых девчонок мне даже казался похож на нее. «Могло же, в конце концов, быть, — думал я иногда, — что в эту школу ходит Надина внучка: каких только жизнь не сплетает узоров...»

И я с удивлением чувствовал, что до сих пор люблю девочку Надю — ту самую, с хитрым взглядом, белым бантом и пальцами в синих чернилах. Вот надо же: скольких женщин я знал и любил после Нади — а никто из них не только не вытеснил память о первой любви, но как будто ее укрепил!

С таким парадоксом я уже сталкивался: если сильно любишь одну — твое сердце становится больше и способно вместить еще много разных любовей. Разве моя любовь к детям и к школе не была тоже любовью — причем совершенно безгрешной и чистой, свободной не только от похоти или корысти (об этом смешно говорить), но не нуждавшейся даже и во взаимности? Я и думать не думал о том, как дети относятся к своему учителю и как бы мне заслужить их любовь: мне было довольно того, что я могу каждый день любоваться детскими лицами, ощущая какой-то воистину ангельский свет, исходящий от них.

Каждый урок физкультуры становился для меня маленьким праздником. Когда на перемене шумные ватаги детей набивали раздевалки, а потом высыпали в спортзал, то и я себя чувствовал словно десятилетним. Хотелось играть с детьми в мяч, прыгать через скакалку или просто бессмысленно-радостно носиться с ними по спортивному залу, пробегая то мимо стопок гимнастических матов, то по длинным скамейкам, то под шведской стенкой, то под канатами, на которых так весело было раскачиваться.

Я старался все делать вместе с детьми: и кувыркаться на матах, и прыгать через козла, и швырять набивные мячи — которые ударялись о стены с глухим пыльным стуком, — и наперегонки карабкаться на пеньковые, уже изрядно растрепанные канаты. Правда, тут я давал детям фору, поднимаясь на одних руках — в то время, как десятилетние сорванцы с обезьяньей ловкостью старались раньше меня коснуться крюков, на которых канаты качались.

Детям, кажется, нравилось то, как мы с ними играли, и порой было сложно выгнать их после урока на перемену. Казалось, дай детворе волю — так она бы носилась в спортзале с утра и до вечера, оглашая пространство своим топотом, визгом и смехом.

«Вот это я понимаю — напор жизни! — восхищался я. — И куда только после деваются все эти силы?» Даже в пределах школьного возраста, классу к седьмому-восьмому, энергия жизни в детях заметно слабела, и они, превращаясь в подростков, становились либо худыми заморышами, сутулыми и близорукими, либо толстыми, вялыми и непрерывно что-то жующими. Я толком не знал, как им, детям, помочь — как сберечь в них ту радость и

то свечение жизни, с какими они эту жизнь начинают? Но мне казалось, что спорт — в том числе, бег — может как-то замедлить печальную убыль жизненных сил и мой долг учителя состоит в том, чтобы заразить молодежь увлечением всей своей жизни.

Вот я, день за днем, и играл с малышами — бегая с ними наперегонки или перекидываясь мячами, — сам в чудесные эти минуты превращаясь в ребенка...

67

Но, как я ни старался относиться ко всем детям, особенно маленьким, одинаково — я не мог не заметить, насколько по-разному природа их наградила. По поговорке, Бог и лесу не сравнивал — тем более не сравнивал детей.

Разве можно было не выделить в суматошной и гомонящей толпе школьников Никиту Зотова из третьего «Б»? Мальчишка одарен был на редкость, и уж я-то, имевший кое-какой тренерский опыт, хорошо видел и его стартовую реакцию — в любой игровой эстафете он мгновенно вырывался вперед, — и его прыгучесть, и его неустойчивость. Живой словно ртуть, Никита мог весь урок беспрерывно носиться по залу. «Из этого паренька, попади он в хорошие руки, обязательно вышел бы толк», — не раз думал я, наблюдая прыжки и пробежки Никиты.

Но странным контрастом к его неумной подвижности было грустное выражение взгляда: мальчик порою задумчиво останавливался, словно вспомнив о чем-то печальном, и слезы начинали поблескивать в его больших серых глазах. «Что случилось, Никита?» — спрашивал я. Но мальчик, насупившись, ничего не отвечал и оставался какое-то время печален — пока его не увлекала очередная игра.

Еще мне казалось, что мальчик похож на меня самого, каким я был в десятилетнем возрасте. А поскольку свою жизнь я никак не могу назвать безоблачной и особо удачливой — очень хотелось бы, чтобы у этого мальчика все получилось иначе. «Пусть бы он стал чемпионом, — порой думал я, — но при этом без тех несчастий и бед, что выпали на мою долю. Неужели не может быть судьбы яркой и при этом счастливой? Может, моя жизнь была всего лишь черновиком, а у Никиты все сложится лучше?»

Как-то само собой вышло, что я стал уделять Никите больше внимания, чем остальным: и задания давал посложнее, и подробнее разбирал с ним ошибки, и переживал, когда он почему-либо пропускал уроки.

А уроки он пропускал, и не только мои. По этому поводу завуч, как полагалось, должна была вызвать в школу родителей. И вот тут я узнал, что Никита живет без отца: его мать овдовела полгода назад. Сразу стало понятно, отчего мальчик бывает печален: видно, недавнее горе еще не отпустило его.

Правда, в тот раз, когда Никитина мать приходила в школу, я с нею не встретился: у меня был урок в другом классе. Но к Никите я стал относиться еще внимательнее и порою едва ли не треть урока проводил с ним одним — дав другим детям волю бездумно носиться с мячом по спортзалу.

Понемногу Никита перестал сторониться меня и рассказывал обо всем, что его волновало. Так, он поведал, что его отец был военным моряком и совершил подвиг, за который посмертно ему дали орден.

— А что за подвиг, Никита? — спрашивал я.

— Не знаю, это военная тайна, — вздыхал мальчик. — Я думаю, он кого-нибудь спас.

Чем больше я занимался с Никитой, тем больше он нравился мне: не только спортивной своей одаренностью, но и спокойной серьезностью, и добротой, которую прямо-таки излучал взгляд его серых внимательных глаз. «Интересно, от кого у мальчишки такой удивительный взгляд? — думал я иногда. — От отца или матери?»

Оказалось, от матери. Как-то она зашла за Никитой в спортзал, где мы с ним задержались после урока — я показывал, как нужно правильно прыгать в длину — и меня поразили тихий свет доброты и печали, наполнявший глаза невысокой улыбчивой женщины с облаком пепельных пышных волос.

Эта милая женщина протянула мне руку и тихо сказала:

— Надежда.

— Георгий, — ответил я ей, пожал теплую руку и подумал, что таких славных лиц я давно не встречал.

Оно было очень простым — как говорится, без особых примет — но при этом настолько родным, что казалось: мы с Надеждой давно и хорошо знаем друг друга.

— Мне Никита много о вас рассказывал, — улыбаясь глазами, проговорила Надежда. — Он говорит, что такого учителя у них еще не было.

— А у меня не было такого ученика, — признался я, положив руку на плечо подошедшего мальчика, который с застенчиво-доброй улыбкой смотрел то на меня, то на мать.

Она опустила руку на другое плечо сына, и мы какое-то время стояли, касаясь друг друга — через Никиту...

68

Так мою жизнь озарила любовь, которую звали Надежда. Вот уж не думал, что снова влюблюсь как мальчишка — это в мои-то годы! — и по вечерам буду вспоминать сероглазый светящийся взгляд, надеясь, что скоро повстречаюсь с ним и наяву.

Поначалу мы с Надеждой виделись только по выходным, в городском парке — где под нашим присмотром тренировался Никита. Конечно, называть это полноценными свиданиями было нельзя — ведь мы почти не оставались наедине, — но я был счастлив и тем, что могу просто видеть Надежду и что на мне время от времени останавливаются ее серые, хоть порой и печальные, но всегда внимательные и ласковые глаза.

В свете тех глаз все остальное уже не имело значения: ни мои опасения о собственной внешности или одежде, ни воспоминания прошлого, ни тревога о будущем. Что мне было до будущего, когда в настоящем я сидел на скамейке рядом с Надеждой — а Никита, соединивший нас с ней, прыгал с разбега в песочницу или подтягивался на турнике? Нет, о будущем, пусть даже горестном, я не хотел знать ничего: слишком полон и светел был рай настоящего, озаренный сиянием серых внимательных глаз.

Надежде, я чувствовал, было непросто раскрыть свою душу: горе недавней утраты еще затеняло ее.

— Не торопись... — просила она, когда я брал ее мягкую руку или осторожно приобнимал за теплые плечи.

Я и не торопился, и сдерживал себя изо всех сил — опасаясь нарушить то хрупкое равновесие счастья, какое вошло в мою жизнь. Облако легких волос, окружавшее Надину голову, порой представлялось мне пеплом недавнего горя, которое овдовевшая женщина несла в своем сердце, и моя

влюбленность в нее казалась тогда чем-то назойливым и неуместным. «Но ведь она не сказала „уйди!“ — а просила всего лишь не торопиться...» — утешал я себя, сознавая: мне теперь нет и не может быть жизни без этих серых светящихся глаз.

Уже миновало и бабье лето, и морозные, с инеем, дни октября — а мы все невинно встречались в городском парке и лишь изредка позволяли себе, словно робкие школьники, взяться за руки. В том, что наше сближение происходило так медленно, была и осторожность людей, много чего переживших, и мудрость возраста, которая словно нам говорила: «Цените то, что имеете, и будьте уже за одно это благодарны судьбе».

Но, поскольку энергия жизни во мне прибывала — любовь всколыхнула ее, — я по привычке искал выход в беге. Да, я опять начал тренироваться и снова накручивал до сотни километров в неделю. Но марафоны меня уже мало интересовали — это все было в прошлом, — и я решил замахнуться ни много ни мало на кругосветный пробег.

«Почему бы и нет? — думал я, когда волны осенних полей то вздымались, то опускались по сторонам шоссе, а подошвы кроссовок хрустели по гравию или жухлой траве. — Если сложить все километры, что я набегал за жизнь, то я обогнул земной шар уже несколько раз. Отчего бы не сделать еще один круг — но уже зафиксировав это свое достижение?» Конечно, на первый взгляд такая затея представляется дикой и невыполнимой — лишь человек, потерявший голову, мог мечтать о таком, — но чем я больше раздумывал, тем достижимей казалась мечта.

Я легко нашел во Всемирной Сети примеры такого спортивного подвига. В сравнительно недалекие годы сорокалетний полицейский из Великобритании совершил-таки кругосветный пробег: он затратил на него почти шесть лет и пробежал, по разным континентам, сорок восемь тысяч километров. Красавец? Конечно, красавец! Его достижение и стало первым официально зачтенным беговым путешествием вокруг света.

Чем я, в конце концов, хуже какого-то там британского полицейского? Уж беговой-то опыт у меня, без сомнения, больше. Вот только где взять время и деньги для такой авантюры? И друга Жени, который мог бы помочь, уже нет в живых — да и как я могу на целые годы оставить Надежду с Никитой? «А если отложить эти планы до времени, когда Никита окончит школу? — не желал я расстаться с мечтой, так меня захватившей. — Вот бы мы, все втроем, и совершили кругосветное путешествие. А спонсоров, думаю, можно найти...»

Вдохновляло и то, что с каждым десятилетием появлялись новые «кругосветные» бегуны, и они быстрее и быстрее огибали планету — затрачивая на это уже меньше двух лет. «Конечно, — прикидывал я, — придется пробегать примерно одну марафонскую дистанцию в сутки. Ну и что с того? Подумаешь, около четырех часов неторопливого бега — а остальные-то двадцать часов я могу отдыхать! Вот только бы ехала рядом Надежда — да выдержали колени...»

Даже то, что на южных границах России запылала война и нам, россиянам, стало много труднее выезжать за рубеж, — не охлаждало моей головы и влюбленного сердца. Наоборот, мне все чаще казалось: чем больше людей обогнут земной шар не на самолете или корабле, а собственными ногами — тем меньше у нашего «шарика» шансы погибнуть в какой-нибудь мировой катастрофе. Наивно и глупо? Конечно. Но о чем только не мечтают влюбленные люди и каких только подвигов не совершают во имя любви...

Наконец мы условились встретиться наедине. Волнуясь и не зная, чем занять время, я пришел в парк загодя. Хотя стоял и ноябрь, но день оказался неожиданно теплым и тихим, с просветами солнца меж туч серовато-жемчужного цвета.

Я долго сидел на скамейке среди розовевших кустов бересклета и разглядывал мир, окружавший меня. Все, что я видел, будто светилось: и желтый ковер палой листвы, и плитки дорожек, и серо-жемчужные тучи вверху. Они, кстати, были такого же цвета, как и глаза у Надежды, которую я с нетерпением ждал.

Вдруг я увидел двух пестрых бабочек — это были крапивницы, — которые реяли над пожухлым газоном. Удивившись — разве время сейчас порхать бабочкам? — я залюбовался их прихотливым полетом. Они то взмывали, то опускались к земле — но, главное, не отлетали далеко друг от друга. Казалось, их держит незримая нить и трепет этой невидимой связи заставляет дрожать и мое беспокойное сердце.

«Да ведь у них тоже любовь! — сообразил я. — Только что же вы, милые, так припозднились?» Над бурым газоном качалась одинокая желтая кисть золотарника: на нее-то и опустилась влюбленная пара. Вот их тельца ненадолго соприкоснулись, две пары крыльев затрепетали — и, через мгновение, бабочки снова реяли в бледном серебряном свете, лившемся из-за облаков. «Что их ждет? — вздыхал я, наблюдая порхание бабочек. — Холод близкой зимы, о котором они знать не знают, пока продолжают их любовные игры...»

Даже здесь, в опустевших осенних аллеях, любовь продолжала творить чудеса. И я вдруг почувствовал, как любовь наполняет собою весь мир: как она словно растворена и во мне, и в порхающих бабочках, и в просторных аллеях осеннего парка, и в этих скамейках, стволах, фонарях, и в жемчужно-серебряном небе, и в ветре, крутящем последние желтые листья... Давным-давно, с детских лет я не испытывал ничего подобного: когда чувствуешь, что любовь не просто наполняет собой все кругом — но что все в целом мире и состоит из одной лишь любви!

Не помню, как долго я просидел в блаженном оцепенении, радость которого все нарастала. Но свет невысокого солнца, как раз проглянувшего в тучах, вдруг заслонила чья-то фигура. Она приближалась ко мне, и облако ее пышных волос, золотясь в солнечном свете, показалось сияющим нимбом — точнее, еще одним солнцем, какое несла на плечах эта быстро шагавшая женщина.

ГЕННАДИЙ КАЛАШНИКОВ

ВРЕМЯ И ИММАНУИЛ

* *
*

Жизнь повторится. Я не повторюсь.
Занозой в небе загустевшем птица
полёт продлить свой безуспешно тщится,
но всё напрасно — твердь плотна.
И пусть.
Её теперь не вытащить клещами.
А нам дано почувствовать плечами
всю тяжесть тверди —
шага не ступить.
Мы все пронизаны недвижными лучами
и никогда не повторимся вновь.
Пространство, словно бочку обручами,
окольцевали время и любовь.

Балтийская весна

Борису Бартфельду

1.

Здесь в бюргерских садах магнолия цветёт,
цветёт и отцветёт к означенному сроку...
Капризная весна... И эти дни не в счёт
для жизни остальной, что ждёт неподалёку.

Бывает в январе весь берег в янтаре,
как древних городов обломки и руины,
и время не течёт, застывшее в смоле,
и дышат тяжело осклизлые глубины.

Балтийская весна... А где-то там война
ревёт своей обугленной пастью.
К тебе, к тебе пришли, балтийская волна,
вдоль берега бредём на поводке ненастья.

2.

Улиткой свернёшься под снег, под наст,
и будут сны твои пусты,
но время пройдёт, пробьёт твой час,
и тяжкие веки поднимешь ты.

Холодный грунт — суглинок ли, чернозём
под ветром, идущим с запада на восток,
встревожен будет, будет пронзён,
и выглянет острый красный росток.

Двойник воды — хрустящий снег
уйдёт в небеса, снова станет чист,
больно набухнут железы рек,
утиных крыльев услышав свист.

Здесь нет числа и даты нет,
только извечный круг земной.
В круговращении всех планет
такое, наверное, лишь на одной.

Так и живём... Плывёт Земля.
Солнце её освещает бок.
Что это такое, не знаю я,
не знаешь ты и, возможно, Бог.

3.

Что-то брезжит, сквозит в суете,
с суетою настойчиво споря,
так ревущий прибой в темноте
говорит об огромности моря.
Отвлечённость больших величин
только малостью можно измерить,
есть ведь тысяча разных причин
и в бессмертье, и в вечность не верить.
В кроне вылеплен ветра полёт,
бесконечное небо подробно,
и прозрачное время течёт
во все стороны шару подобно,
возвращается вспять, дорожит
облаков кучевой кутерьмою,
так и море куда-то спешит
по пятам за самим же собою.
Словно в жилах бегущая кровь
всё гудит и никак не уймётся,
то рассыплется вечность, то вновь
из песчинок и брызг соберётся.
Этот мир и живёт в мелочах,
в пустяках и пустых разговорах,
в соразмерности разных начал,
в равновесье души и простора.
Тяжкий рокот ночной, этот вой
перемен и несчастий предвестье.
А наутро посмотришь — покой,
каждый камешек вроде на месте.

4.

Гость, прохожий ранний,
 что изведаль вьявь
 Балтики упрямой
 норов, норд и нрав,
 мысы и лагуны,
 тень наискосок
 и текучей дюны
 белый злой песок,
 и волны прилежной
 бирюзовый гуд,
 сети и мережи,
 что добычи ждут.
 Здесь прибой извечно
 катит колесо,
 налетает ветер,
 отвернув лицо,
 чайки, балюстрада,
 тает пенный след.
 Ничего не надо.
 Ничего и нет.
 Но вот это всё же
 видеть довелось...
 Торопись, прохожий,
 что-то светит сквозь.

5.

Гребень волны крут.
 Камень морской груб.
 Волны несут, как встарь,
 в водорослях янтарь.
 Рыжий блесит песок.
 Дюны, встав на мысок,
 видят, поверх голов,
 что горизонт багров,
 и солнца тяжёлый глаз
 смотрит в бинокль на нас.

*   *
 *

Сижу за ширмой. У меня
 Такие маленькие ножки...

Александр Блок «Иммануил Кант»

вещьвсебе вещьвсебе вещьвсебе
 в колдовстве ведовстве ворожке
 вещь в себе как в тюрьме арестант
 непреклонен в суждениях Кант
 транс-
 цендентальный пытливый субъект
 заслоняет собою объект

антиномии вещи в себе
нет побед в бесконечной борьбе
вещь в себе вещь в себе вещь сама по себе
мирозданье скрипит на резьбе
никогда не узнаешь ту вестъ
что несёт непонятная вещь
стынет в Преголе ночью вода
шевелит плавниками звезда
вещь в себе вещь в себе вещь сама по себе
отражается в каждой судьбе

ОЛЬГА СИЧКАРЬ

СЫН

Рассказ

Максим переехал к отцу вскоре после новогодних праздников. Оставлять привычное место обитания у ВДНХ, близко к работе, понятное дело, не хотелось. Да и вещей в съёмной квартире накопилось неожиданно много. Но старик чуть ли не впервые в жизни о чем-то попросил. «Недолго мне осталось», — так и сказал. Это не было связано с каким-то диагнозом. Сомнительно, что Илья Петрович вообще ходил по врачам, хотя, сказать по правде, сын про жизнь отца мало что знал. Не то чтобы не интересовался — а тот не делился, замкнутый, отчужденный молчун. Максиму только ближе к сорока годам пришло в голову, что иметь такого отца, пожалуй, не так-то просто. Посмотрел старый американский фильм про Крамеров, где Хоффман в главной роли, и расплакался, так стало по-детски обидно и жалко самого себя. Вот какие бывают отцы — внимательные, отзывчивые, веселые, легкие. А у него...

Ну что ж, такой отец — значит такой. Зато мама у Максима была чуткая и заботливая. Но она давно умерла. Илья Петрович лишился вместе с ней, вероятно, всей мягкости, что была ему доступна. Может быть, мама и была его той самой теплой, открытой миру частью, отделенной от него физически, и вот — исчезнувшей навсегда. Теперь, в зрелом возрасте, Максим, повидавший разные семьи, понимал, что у его родителей был счастливый, крепкий брак. Мама любила этого черствого нелюдимого человека, угадывая в нем преданность и даже на свой грубоватый лад нежность.

Родительский дом был завален вещами. При маме каждая из них знала свое место, а теперь порядок нарушился и жилье превратилось в эталонную, как называют дельцы от недвижимости, «бабушкину квартиру», хотя и жил в ней — дедушка. Илье Петровичу было восемьдесят. Максиму — единственному, позднему ребенку — сорок шесть.

После смерти отца эта жмущая в плечах захламленная двушка достанется ему. Родители переехали сюда, когда Максим уже был взрослым и жил отдельно, и вот теперь впервые он присматривался к ней другими глазами — хозяйскими. Не потому, что ждал отцовской смерти, — наоборот, страшился, ведь без него у Максима вовсе не останется близких. Отец сам заявил, как только тот приехал: «Хозяйничай! Скоро твое будет!»

Сичкарь Ольга Валентиновна родилась в Красноярске в 1980 году. Закончила Университет Натальи Нестеровой и ВЛК Литературного института им. Горького (семинар прозы Е. А. Попова). Журналист, редактор, прозаик. Работала в газетах РБК, «Культура», «Коммерсант», международном информационном агентстве Reuters. Сейчас — зав. отделом культуры газеты «Коммерсант». Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Урал», «Звезда» и др. Лауреат литературных премий. Живет в Москве.

Странности в поведении отца Максим начал замечать на вторую неделю совместного проживания. Илья Петрович всегда производил впечатление спокойного, практичного и совершенно без амбиций человека. Сколько Максим себя помнил, отец занимался наладкой и пуском лифтовых систем в новых домах и их гарантийным обслуживанием, а ближе к пенсии стал руководителем группы механиков. Мама — Вера Андреевна — работала в детском саду сначала воспитателем, потом заместителем директора. В девятностые она со слезами на глазах рассказывала домашним, как сложно с закупками, когда цены растут ежедневно и непонятно, что готовить детям. Нормально накормить малышня, которую родители им доверили, — проблема, а кухня еще умудряется продукты домой тащить, зла не хватает! С другой стороны — дома у поваров и посудомоек дети тоже есть просят, с их зарплатами не прокормишь. Это у нее муж — добытчик, на стройке в любые времена заработок хороший. А то бы и ей пришлось, что ли, воровать яйца и творог на работе? Вера Андреевна плакала от этой постыдной мысли и обиды на внезапно и неприятно изменившуюся жизнь.

Так вот, Максим заметил странности в поведении отца недели через полторы после переезда, когда их общий быт немного устаканился и они принялись украдкой наблюдать друг за другом. В чем была странность? Спроси Максима, он толком и сам себе не смог бы объяснить, а поделиться наблюдениями — не с кем. Ну что он скажет, например, врачу? На здоровье отец не жаловался. Давление скакало, да. На кухонном подоконнике в потертой картонной коробке из-под белорусских босоножек тридцать шестого размера (у Веры Андреевны была маленькая ножка) выстроилась батарея таблеток и капель от гипертонии.

Непривычность поведения отца была в том, что тот всем своим видом будто хотел сказать сыну что-то, но не говорил. Что в голове у старика? Что он от него ждет? Максима так и подмывало спросить: папа, ну что такое, не понимаю тебя! Но за четыре с лишним десятилетия отцом был выстроен негласный порядок: никто ни у кого ничего не спрашивает, это не по-мужски, и без вопросов надо понимать. Вот Вера — да, ей в этом суровом молчании жить невозможно, и Илья Петрович по своей мужней снисходительности ей всегда отвечал и разъяснял. С сыном не так. Пойми сам, не поймешь, ну и дурак.

А ведь что-то висело в воздухе между ними — массивное, значительное. Максим шел по коридору, и у него возникало чувство, будто бы на дороге стоит некий громоздкий предмет типа кресла или тумбочки, и надо осторожно его обойти, протиснуться между ним и стеной.

Что еще заметил Максим? Отец необычно реагировал на самые пустяковые бытовые мелочи и происшествия. Впадал в задумчивость и всем видом показывал, что на эту ерунду надо и Максиму обратить внимание — муха ли попала в сахарницу и не могла выбраться, облако ли в небе появилось необычной, в виде спирали формы, развернулся ли под окнами поединок между бесхвостым котом и хромой вороной. Илья Петрович застывал, ноздри его раздувались, глаза щурились, пальцы тарабанили по подоконнику. Да он работает на публику, поразился Максим! На него работает. Что ж такое происходит?!

Врача он все же позвал, и отец даже не упирался, равнодушно махнул рукой — наплевать, делай что хочешь. Врач послушал у старика сердце, проверил рефлексы, расспросил про распорядок дня и рацион питания. Максиму сказал, что сердце, конечно, барахлит и хорошо бы положить в стационар на обследование, капельницы поставить, но это если пациент

согласен. Но Илья Петрович — ни в какую, конечно. Тогда вот витамины купите и принимайте...

Вечером в пятницу, вернувшись с работы, Максим принялся за готовку — запек курицу в пиве. Сидели ужинали. Как обычно молча. И тут вдруг отец выдал целую речь: «Так вкусно лет десять не ел! Вот с тех пор, как Вера заболела. В пиве, поди ж ты! А я пиво-то не любил никогда».

Надо же — выговорился. И выговорил! Вот на какие чудеса способен вкусный ужин! Ему раньше в голову не приходило, что старик за годы одиночества, со смерти мамы соскучился по домашней еде. Все пельмени магазинные да макароны с сосисками...

Максим что-то ответил, улыбнулся. Но и это был не конец разговора. Помолчав, Илья Петрович добавил:

— Как увидишь божью коровку — ну вот ползать будет где, мне скажи. Скажи! Ночью разбуди!

— Пап, февраль, какая божья коровка? Апреля дождись.

— Апреля? Хорошо бы, — буркнул он, не подняв головы от тарелки, и больше уж ничего не говорил. Закончил есть, вытер блестящие от куриного жира губы и пошел к себе в комнату.

Максим пристрастился готовить. Он видел, как отца радует какой-нибудь простой грибной суп или борщ — лоб разглаживается, с лица исчезает привычное хмурое выражение. «Глядишь, и потеплеет старик к концу жизни», — надеялся Максим.

Он приходил вечером с сумкой продуктов и принимался за готовку. Отец украдкой заглядывал в пакеты — что там? Максим уже освоил рецепт ленивых голубцов, куриных желудочков в сметане, картошки, запеченной с хеком, супа харчо. Ежевечерний праздник живота принес плоды — с брюк у него с треском отлетела пуговица.

Максим отыскал шкатулку с принадлежностями для шитья — сколько себя помнил, они хранились в голубой жестяной банке из-под индийского чая с изображением танцовщиц. Все детство он крутил ее в руках, решая, какая из девушек самая красивая. Это был важный вопрос: лучшую он собирался, как вырастет, взять замуж. Он повертел не потерявший яркости цилиндр, вспоминая, на какой же он тогда, в свои семь, остановил выбор? Нет, не помнит. Да они почти ничем не отличаются друг от друга, только застыли в разных па. Вот так и в жизни. Эта понравится, потом другая — первый брак, второй, еще какие-то отношения... И вспомнить толком нечего, все заканчивалось примерно одинаково, будто было напечатано с разных боков на одной жестяной банке.

Пуговица сломалась надвое, пришлось искать замену. Благо, танцовщицы на дне банки хранили их целую россыпь, он выбрал подходящую по размеру (пуговицу, конечно) и принялся пришивать.

Следующим вечером, когда Максим с сумкой еды вернулся домой, отец встретил его с недовольным видом. Не успел Максим переобуться, как спросил:

— Нитки ты взял?

Максим принес из комнаты голубую жестяную банку, протянул отцу.

— Тебе пришить что-то? Давай помогу.

Отец носил очки с толстыми стеклами, за которыми его глаза казались огромными и чуть безумными.

— Что на место не ложишь... Я сам.

А наутро — это была суббота — Максим никак не мог дождаться старика к завтраку. Обычно тот был на ногах уже к половине девятого и подолгу

отфыркивался, умываясь в ванной. Время шло к десяти, позднее февральское солнце выглянуло из-за серых соседних домов, а из комнаты не доносилось ни кряхтения, ни скрипа кровати, ни шаркающих шагов. Максим забеспокоился, тихонько приоткрыл дверь в спальню и просунул голову.

Что такое?! Максим обомлел. На уровне плеч, головы и выше были натянуты нити разных цветов. Они пересекались друг с другом, густой паутиной покрывая почти все пространство комнаты. К стенам, ковру и полкам нити были прикреплены кнопками и булавками. Титаническая работа для подслеповатого восьмидесятилетнего старика! Как ему это удалось и зачем он это сделал?! Под куполом этого невероятного сплетения на кровати лежал Илья Петрович и уютно посапывал. Рот приоткрыт, рука свесилась, грудь мерно вздымается в глубоком спокойном сне. Видимо, всю ночь трудился над созданием сумасшедшей нитяной композиции и лег под утро. Возле кровати стояла шкатулка с индийскими танцовщицами — на дне среди пестрой россыпи пуговиц лежали лысые катушки.

Максим сделал несколько шагов, пригнувшись под навесом разноцветной паутины, и принялся трясти старика за плечи. Илья Петрович сонно замычал и стал отмахиваться от цепких рук сына.

— Отстань!

— Папа, да что же ты тут накрутил такое — ни пройти ни проехать?!

— Не трогай ничего! Сейчас встану.

Максим поборол желание широким движением руки смахнуть нитки, а потом сбегать в кухню за кувшином и окатить отца холодной водой. Но тут же злость схлынула, руки опустились. «Спят старик!» Пошел к себе, рухнул в кресло, зажмурился. Горло перехватило.

Он слышал, как отец охал, потирая ноющую поясницу, потихоньку вставал с кровати, расхаживал ноги, неровными шагами, нагибаясь под нависающими нитями, шел в ванную, хлопал дверью, журчал водой, бряцал держателем туалетной бумаги. Потом донеслось жужжание старой советской бритвы. Максиму не хотелось ни шевелиться, ни думать, и жить тоже не хотелось. Ну а чего он ожидал? Либо схоронишь родных пораньше, либо дождешься, пока у них деменция наступит. Заигравшее было красками совместное житье-бытье с вкусными ужинами обернулось беспросветной тоской.

Максиму вспомнились рассказы бабушки о его деде со стороны отца. Дед и с войны-то вернулся чуть не в себе, попивал, а к концу жизни совсем сбрендил. То есть это у деда не от контузии было, а наследственное? Что же с самим Максимом-то будет лет через пятнадцать? На глаза навернулись слезы. Что у него в жизни было? Две жены и два развода, детей не родили, первая сделала аборт, не спросив. И дальше не сложилось. Две Ирины одна за другой, коротко и непонятно с Аней, — из-за чего поругались, почему расстались? И последняя — Лена, с которой не стоило и связываться, с замужней. И вот он один уже почти год. Может, со своей скучной работой он и сам стал скучным и никому не нужным? Да и зарабатывать толком никогда не умел — кому такое понравится? Теперь кроме отца у него никого нет, да и тот не в себе. А что еще? Работа в «Жилищнике», привычная повседневность — почистить зубы, постирать носки. Максим шмыгал носом и не моргая смотрел в потолок.

Заглянул отец.

— Я чай заварил.

Что-то новенькое! Отец сам сделал чай и звал Максима составить ему компанию. Заварка у отца получилась очень крепкая.

— Прямо цифирь! — попробовал улыбнуться Максим.

Отец молчал до конца трапезы. Когда бутерброды с сыром были съедены, а чай допит, он кивнул в сторону своей комнаты:

— Пойдем, что покажу, — и поднялся со стула.

Максим настороженно двинулся за ним.

Едва они зашли, Илья Петрович остановил его.

— Не шевелись.

Сам он, нагнувшись под сетью ниток, прошел туда, где у окна стояла кровать. Снял очки с толстыми линзами и, прищулив глаз как для прицела, повесил их за дужку на одну из нитей. Переплетение пришло в движение, и сверху на Максима что-то посыпалось, он замахал руками, отгоняя от лица какую-то мошкарку. Илья Петрович довольно фыркнул: фокус удался. Под ноги Максиму падали спички — содержимое целого коробка теперь валялось на полу. Вот так «мошкара»! Он задрал голову: над ним болталась прикрепленная к нитям пустая картонная коробочка. Отец наблюдал за его недоумением и криво, одной стороной рта улыбался.

— Вот так это работает!

— Хороший аттракцион у тебя получился, пап! — Максим пытался обернуть все в шутку. — Вот что значит инженерное мышление!

Илья Петрович посмотрел на Максима, будто что-то хотел добавить, но только махнул рукой:

— Ну все, оставь, отдыхать буду.

Максим вышел. С головы его сыпались спички.

На следующий день, когда солнце уже садилось, Максим, выглянув в окно, увидел, что серая корка наледи на тротуаре начала таять, а по стеклу над чахлой геранью ползет маленькая, по одному пятнышку на правом и левом крыле, божья коровка.

Вот тебе и конец февраля!

Тут же вспомнилась просьба отца. Есть свои плюсы в немногословности: если уж что сказано — накрепко врезается в память. Отец сидел за кухонным столом, склонившись над брошюрой сканвордов.

— Пап, там божья коровка. С весной тебя!

Илья Петрович поднял голову, и взгляд его поверх очков был странный и пугающий, будто он смотрел в бездну. Еле заметно мотнул головой и хрипло буркнул:

— Угу.

И больше ничего не сказал.

Снял тяжелые очки, положил их стеклами вниз, потер глаза.

Прошло довольно много времени, когда Илья Петрович поднялся и посмотрел на Максима, посмотрел пристально, настойчиво. Максим заерзал на стуле:

— Что, пап?

— Пойду полежу.

В дверях кухни он обернулся:

— Женщина тебе нужна. Тяжело одному будет.

Наутро Максим обнаружил отца мертвым и уже остывшим, сердце остановилось во сне. Рот был скошен, глаза закрыты, вероятно, он даже не проснулся. Максим укрыл его одеялом по самый подбородок, сам не зная зачем, и сел на краешек кровати. «Вот же только вчера разговаривали... А я ему про весну, про божью коровку...» — вертелось в голове.

Начались унылые хлопоты: скорая, морг, агент ритуального бюро, при разговоре то и дело потирающий руки и похожий на большую черную

муху... Максим не чувствовал ужаса и детской беспомощности, как после смерти мамы, — только камень внутри, давящий на грудную клетку. Теперь он совсем один.

На третий день тело кремировали. Место в колумбарии рядом с урной Веры Андреевны было давно забронировано и оплачено отцом. Эти заботы — неприятные, тусклые — лишили Максима сил. Вернувшись, упал на нерасправленную постель и отключился.

Утром он разлепил веки и тут же зажмурился. Потер лицо ладонями. Опять открыл глаза. Что это? Не пил же вчера. Перенервничал?

Перед ним все рябило, он не узнавал комнату. Бледные линии пересекали пространство в разных направлениях, простираясь за пределы стен и потолка. Их были сотни, тысячи, они чуть различались по цветам, были полупрозрачны и не мешали видеть шкафы, тумбу с телевизором, груды книг возле письменного стола, хилую герань на подоконнике. Божья коровка сидела на листке. Одна из линий-нитей, начинаясь из ее тельца, уходила за окно.

Максим провел рукой перед лицом, рука прошла через полупрозрачные нити беспрепятственно, как через воздух.

«Что-то с глазами...» — испугался Максим. Он еще раз провел перед лицом рукой, очень медленно, и ему показалось — пальцы чувствуют легкое прикосновение, как к паутине. Максим остановил руку в воздухе и тронул одну из нитей, та будто отозвалась, проявилась заметнее, налилась цветом. В голове Максима вспыхнула картинка, она была связана с линией, являлась продолжением ее. Максим всмотрелся. Ферма в сельской местности, большой хлев, возле него развалилась рыжая собака, сытая, довольная, перепачканная в грязи, а в подсобном помещении рядом начинается пожар. Максим потянулся взглядом вдоль нити в другую сторону и увидел какого-то азиата с пучком сальных волос, сидящего за пианино и наигрывающего мелодию с таким перекошенным лицом, будто его сейчас стошнит на клавиши. Ничего не понятно! Максим отдернул палец от нити, и она потускнела.

Он медленно сел, ожидая, что ему придется прорываться сквозь это сплетение, но не почувствовал даже легких прикосновений: густая и одновременно бесплотная сеть ничуть не мешала двигаться. Голова не кружилась. Он встал, в гуще полупрозрачных нитей прошел через комнату и оперся на подоконник. За окном было все то же: нити заполонили все вокруг, уходили в небо, тянулись между домами, как бесчисленные провода или тоненькие следы от самолета. Это странным образом напоминало то, что его старик накрутил недавно в своей комнате. Но Максим ощущал паутину совершенно иначе — она была живая, как грибница, как скрещение ветвей гигантского дерева, как отражающая солнечные блики рябь воды.

Он трогал нити — и они откликались на его пальцы. Яркие вспышки — картинки, картинки, картинки, сменяя одна другую, вспыхивали перед глазами, множились... Свет слепит глаза, ничего не видно... вода стекает в подвал по заплесневелым стенам, двое копошатся внизу... муравьи тащат дохлую зеленую гусеницу в узкий лаз... приборы показывают перегрев, стрелка в красном секторе... собака скалит зубы на ребенка, он плачет... цапля вспорхнула с отдели... узбек молится, уткнувшись лбом в красный коврик... она не сопротивляется, она напугана до немоты, он прижал ее к стене... занавеска колышется, тикают часы... жираф лежит у дороги, большой глаз смотрит, вокруг мухи...

«О, господи, папа, почему ты меня не предупредил?!» Казалось, голова разлетится на тысячу осколков.

«Женщина тебе нужна, тяжело одному будет!» — последние слова отца наполнились новым смыслом. Не просто одному — а с этим всем — вот о чем он говорил!

Следующие двое суток Максим провалялся с температурой, почти не спал, ничего не ел. Голову распирало изнутри и сжимало раскаленными клещами снаружи. С закрытыми глазами он чувствовал себя чуть лучше. Не видеть *их*, зажмуриться, сделать вид, что *они* ему только приснились. А что, если так и сделать? Не замечать нити, считать оптическим обманом?

На третье утро Максим проснулся совершенно здоровым, ничего не болело, голова была легкой. Не торопясь открыть глаза, он вслушивался. Даже с сомкнутыми веками он чувствовал, как нити живут своей жизнью вокруг него. Он может видеть их внутренним взглядом, если захочет.

«Папа, у меня столько вопросов к тебе, но куда их теперь... Что же ты мне ничего не рассказал?»

Только сейчас Максиму пришло в голову: а как складывались отношения сошедшего с ума деда и отца? Может быть, Илья Петрович стал таким — угрюмым, замкнутым — из-за него? Крепко пьющего, с поехавшей крышей, которого он — что? Боялся? Стыдился? Ненавидел? Про деда Максим слышал немного и только от бабушки: воевал, был контужен, вечно в облаках витал, все что-то мерещилось ему в небе. Теперь Максим знал — что. Теперь он и сам видит...

...Здесь сухой лист слетел с дерева — а там маленькая собачка чихнула, официант принес замерзшему посетителю чай с облепихой — и лифт в высотке Москва-Сити снова заработал, в Лос-Анджелесе грузная черная женщина залепила пощечину дочери-подростку — а в Омске ураганный ветер уронил рекламный щит на старенький Форд, Боб Дилан сочинил новую песню — в Тихом океане активность вулкана образовала маленький остров... Все связано-пересвязано, мелкое и большое, натянется одна нить — и где-то далеко что-то сработает, повернется иначе. Изменится. Приведет в движение другие нити. А разом все взглядом и не охватишь.

Красивые картинки — и что? Если он захочет развлечься, сериал посмотрит.

Почему это необыкновенное зрение досталось Максиму, а не кому-то другому — биологу, художнику? Или главе какой-нибудь страны? Вот ему бы точно это понадобилось, он бы смог разобраться и применить с пользой. А Максим не хочет управлять миром, ему плевать, что там в Лос-Анджелесе! Ему вообще ничего не нужно — только забиться в угол, ничего и никого не видеть. Тоже мне дар! Сначала он свел с ума его деда — что было с этим делать деревенскому парню с восемью классами образования? Потом перешел отцу — и вон как тот высох и зачерствел. А теперь этот дар наверняка что-то плохое сделает и с Максимом. У него и так ничего хорошего нету. Осталось только увидеть божью коровку или другой знак, как это было у отца, и понять, что скоро умрет. Отличный бонус! Вот спасибо-то! Зачем Максиму знать, когда он помрет? Помрет так помрет. Хоть завтра!

Максим ходил по квартире, отмахиваясь от нитей, скорее из раздражения: двигаться они не мешали. Надо возвращаться к нормальной жизни — сварить гречку, сосиски и позавтракать. И на работу идти.

Пока он ел, глядя в окно, то и дело пытался почесать спину, но рука никак не могла найти нужное место. Он встал, чтоб было удобнее дотянуться, оглянулся и увидел нить, не похожую на остальные — она светилась

розовым. Странное дело — зудела не спина, а эта самая нить, будто продолжение его тела. Максим потянулся всей пятерней и дотронулся — чесаться тут же перестало. Нить завибрировала.

Едва коснувшись нити, Максим узнал, что у него есть сын.

А он почти и не вспоминал ту историю трехлетней давности. Анна, худая, обидчивая, вечно чем-то уязвленная женщина со светлыми крашеными волосами, с усталой синевой вокруг глаз, на год то ли старше, то ли младше него. Они разошлись нехорошо. Он, если честно, не особо был огорчен. Все же пару раз написал ей, пытался помириться, но она ни разу даже не ответила.

Он прикоснулся к нити и увидел: она родила от него, ребенку теперь уже больше двух лет. Ничего ему не сказала, Анна, Анна! Как же так?! Максим видел сына четко и ясно — белобрысый малыш, он появился на свет с заячьей губой, но детский хирург-косметолог сделал так, что почти ничего и не заметно, даже симпатично, чуть необычная форма рта. Бледный, с синевой под глазами, как у матери, а в глазах-то будто уже все скорби мира... Словно заранее знает, какое наследство получит от отца.

Максим глубоко вздохнул, почувствовал слабость и стал терять равновесие. Инстинктивно попытался схватиться за нити, они, конечно, не могли удержать его — он чуть не упал. Рассмеялся над собой, но тут же ему захотелось плакать. У него есть сын! На этого худенького мальчика после его, Максимовой смерти (а вдруг он умрет рано?!), все перекинется, все эти нити, связи, картинки — ему придется с этим жить!

«Это меняет все, это меняет все, это меняет все, это меняет все...» — повторял Максим, как заведенный, и ходил, ходил по квартире.

Он сделает все по-другому! Он найдет сына и всегда будет рядом, он уговорит Аню... Он вырастит его с любовью, будет разговаривать с ним обо всем на свете, будет наблюдать и исследовать эти нити и что-то сможет понять! У его сына все будет иначе, не так, как у него самого, а так, как должно быть!

Максим набрал номер Анны. Холодея все больше после каждого гудка, он считал их: первый, второй, третий, четвертый...

И тут она ответила.

— Аня, пожалуйста, давай поговорим! Я знаю про ребенка...

...Она не бросила трубку. Их разговор длился почти час.

Марк. Его сына зовут Марк.

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

ТЕМА ГЕРОЯ

Птица

Вот лежу я в темнице сырой —
щели, выкопанной в полях,
шевельнуть я боюсь рукой,
ноги выключены в боях.

Вижу величественный размах
крыльев и взгляд неземной.
Ты висела как Божий знак.
Ах, зачем занялась ты мной?

Хорошо тебе, птичка, летать
вольною надо всем,
на оставших гранаты бросать,
пока те не отстанут совсем.

Где ты, птичка, не вижу тебя —
ты ж меня видишь, боюсь.
Тут же подстрелит меня судьба,
если я шевельнусь.

Если ты птица стальная — орёл,
значит, выходит, я — мышь.
Я бы темнее темницу завёл —
спать, когда ты не спишь.

Чёрен ворон мне вести принёс.
Ворон смерти жужжит боевой.
Но отбросил твой мелкий вопрос
на три метра — ещё я не твой.

Птица, птица, ты символ свобод!
Отчего же ты ищешь убить?
Неужели свободе отвод?
Или так изменила вид?

Козлов Владимир Иванович родился в 1980 году в г. Дятьково Брянской области. Поэт, прозаик, критик, литературовед, эссеист. Окончил филфак Ростовского государственного университета, доктор филологических наук. Автор пяти поэтических книг. Лауреат литературных премий. Главный редактор журнала «Prosōdia». Живет в Ростове-на-Дону.

Пусто в мире без прежних птиц!
Без свободы так душно в нём.
Пусть ранение у ягодиц,
только в месте болит другом.

Птица смерти, не пой соловьем —
сладкой ложью не утруждай.
Если не выберусь я живьём,
заменю тебя в небе давай.

Полечу над своею землёй
и, увидев сверху бойца,
я зависну над ним — и живой
встанет он и дойдёт до конца.

Тема героя

Улыбается человек,
из-под обгорелых век
блещет весёлый луч
вместо солёных луж.

Знание, сколько он
потерял, наносит урон
такой, что сгибает мирян,
а он спокоен и прям.

У него деловой вид,
хотя вид его не отмыт.
Он знает, как быть. Твою мать,
что можно там понимать?

Как из трагедии смог?
Достоинства где исток?
Неужели анабиоз,
спасающий мозг?

Я готовился прыгнуть во тьму
боли твоей, к твоему
достоинству был не готов,
чувствую его ток.

Меньше тебя видал,
меньше, чем ты, отдал,
но имею внутри червя;
ты держишься лучше, чем я.

Прошное лучше забыть,
в будущем лучше не быть,
лучше быть здесь и сейчас,
не худшие место и час.

Плацдарм настоящего от
прошлого пусть спасёт
побитого этой войной,
её правотой и виной.

Может быть, там, на дне
могилы, в её броне
даже часть блика, луны
больше, чем целое тьмы.

Пусть этот режущий звук,
над полем зловонный дух,
под живот ледяная вода
не догонят тебя никогда.

Послание за скобки

Ливень в Ростове идёт ледяной.
Ясно, что кроме немеющих щёк,
он заливает раскоп земляной
не отпускают откуда ещё.

Небо в Ростове два года гудит
где-то внутри облаков —
гулом в скобки взят мирный вид —
и обрушивается недалеко.

И свидетели смерти сквозь город текут,
тихие, скрытые в камуфляж,
стараясь не тревожить тут
быт трудовой, блажь.

Там, за скобками, этот дождь
представляет самую смерть,
просто так под ним не пройдёшь
и нельзя его перетерпеть.

Небо не видит подобных границ,
льёт на них то же, что и на нас,
льёт на нас то же, что и на них,
и мы видим друг друга сейчас.

Жизнь за скобкой отсюда похожа на смерть.
Смерть за скобкой отсюда похожа на жизнь.
Но мы связаны рядом примет
и землёй, так что, как это... ты держись:

ведь солдаты уходят — приходит народ,
тучами тел гасит взрывы гранат,
ты там не думай: народ не тот,
он грызёт по аллеям солёный град.

И сильнее умеющих убивать
только умеющие умирать,
но потом долго некому праздновать,
и нет сил сосчитать утрат.

Тайна горы

Подо мною шумит река,
стекающая в три ручья
на моих глазах с ледника,
покрывающего плеча

трёхголовой, цепляющей облака
горы, что умом далеко,
но так близко её вертикаль,
что колышима ветерком

на вершине штрихи теней,
и неделю мы смотрим за
игрой светотени на ней,
ибо зоркость сошла на глаза.

Это благодаря горе
мы видим свой мир весь,
за нею иные миры, но — тире —
мы остаёмся здесь —

в бездне подробностей, троп
к труднодоступным местам.
Мир показан нам, тих и суров,
в руки, однако, не дан.

Вот мы видим его исток,
ищем проход в горе,
там воды производит ток
из камней кладки древних зверей.

Мы не верим своим глазам,
долго плетёмся вверх,
чтобы вложить в пейзаж
в месте особом перст.

Да, цельность мира не
миф, нам придется признать:
жизнь степенно снисходит ко мне
и стремится потом назад.

Цепь существ собралась в одном
месте, и так пребывает, пока
нас не выдернула в разъём
невидимых рынков рука,
модернизаций тоска.

Это высший консерватизм —
верить, что из-за слов
можно выглянуть в жизнь,
подкорректировать ремесло.

И для смелости таковой,
по военным законам двора,
чтобы гору назвать горой,
требуется гора.

Нужно однажды дойти
до горы, всегда скрытой вдали,
и увидеть начало пути
и сам путь с облаков до земли.

И всю жизнь далеко, потом,
усмиряя ропот сердец,
нести тайну, которая в том,
что гора где-то здесь.

ВИКТОРИЯ КОТЕЛЬНИКОВА

ЗАПАХ

Рассказ

Рассказ Виктории Котельниковой — об одиночестве, которое превращает нас в приманку для чужой беды, способной стать нашей собственной. Универсальность описанной ситуации в сочетании с точно переданной мелкой моторикой жизни делает «Запах» по-настоящему сильной историей.

Леонид Юзефович

— **К**уда до «Физтеха»?
Я молчала.

— «Физтех» где?

Я обернулась.

— Вам на эту сторону. Мы сейчас на «Римской», а «Физтех» — это конечная. — Я указала пальцем на салатовую надпись в самом верху линии.

Он был одет небрежно. Как человек, который не выбирает то, что висит в шкафу и коридоре. В руках держал синюю спортивную сумку и белый пакет.

Сделал шаг к шуц-линии и посмотрел по сторонам. Ничего там не найдя, он повернулся ко мне лицом.

Я печатала сообщение на экране телефона и не обращала внимания на его движения. Он смотрел еще пару секунд, и мне пришлось поднять глаза.

На носу — небольшой шрам. Над правой бровью запеклась объемная корка, красная и коричневая, похожая на островок.

— Что?

Я улыбнулась и спрятала телефон в карман.

Он продолжал смотреть, и мне стало неловко.

— Ну что? Вы меня смущаете! — Он склонил голову набок.

Я обрадовалась, что зрение у меня -3,5 и я не вижу его глаз.

Издали показался свет, я подгоняла.

Он все смотрел, а мои глаза бегали по стенам и рельсам и искали, за что можно было бы зацепиться как за соломинку. Если зацеплюсь, то он и свои ответит в сторону и перестанет меня замечать.

Но он смотрел.

Перед нами остановился поезд.

Мы зашли в вагон, и я села на самый край сиденья, ближе к дверям.

Котельникова Виктория Дмитриевна родилась в 2001 году в городе Шелково. Учится в Литературном институте имени А. М. Горького (мастерская Л. А. Юзефовича). Живет в поселке городского типа Монино Московской области.

Он устроился рядом со мной и протянул руку.

У него были небольшие, короткие пальцы с подстриженными ногтями. Под ними виднелась грязь.

Я протянула свою.

— Ты замужем?

— Что?

Слова пропадали в гомоне колес.

— Ты замужем?

Между нами была синяя сумка, на которой виднелись потертости белого цвета, как будто бы кто-то провел мелом по ее морщинам. На ней лежала рука в сером пуховике в белую крапинку, но уже грязноватую, нечистую.

Голубые глаза смотрели на меня. Мне показалось странным, что они такие глубокие и наливные.

Это был тот взгляд, что и на платформе. Тогда я его не видела, но ощущала, он мечтательный и отдаленный. Когда у мужчины такие глаза, то ты уже знаешь, что он где-то в себе, с твоим телом, придумывает. Это взгляд человека, который строит что нравится, что хочется видеть.

— Нет, я не замужем, но у меня есть молодой человек.

Он поглаживал мою руку пальцами и смотрел.

Я ждала еще каких-то слов.

В его взгляде было спокойствие. Тихое, небольшое. И окрепший налет мечтательности. Что-то продолжало там выстраиваться, а я сидела рядом и наблюдала, как над моей головой двигаются балки.

Я стала вытаскивать свою руку из чужих пальцев. Он отдавал ее с трудом, пришлось приложить усилия.

Мне захотелось поскорее помыть руки, как только я зайду домой. Я не сниму куртку, не сниму обувь, пойду сразу в ванную и помою их. Не люблю, когда за кольца цепляется мыло, но сейчас без разницы, надо помыть руки как можно быстрее.

Он продолжал смотреть.

— Как тебя зовут?

— Вика.

— А я Алексей, приятно познакомиться.

— Это взаимно.

Он смотрел, а я молчала.

— Ты любишь группу Limp Bizkit?

— Это рок?

— Ага.

— Нет, я такую музыку не слушаю, я люблю другое.

— А что ты любишь?

— Да разное, фолк, например.

Он молчал. Все это время он сидел в наушниках, и в них громко играла музыка.

— А «Краски» знаешь?

— Нет, не знаю. Я немного... Как сказать... В другое время родилась.

— Они знаешь как пели...

Он задумался.

— Но он не знает ничего, он просто смотрит и молчит, он не зовет меня в кино и ничего не говорит. Вот такая песня у них есть. А Dabro знаешь? Звук поставим на всю, и соседи не спят, кто под нами внизу, вы простите меня.

— Да, знаю ее, но я обычно такую музыку не слушаю.

— В Жулебино клуб открылся, я туда всех друзей своих вожу. Мы там «Краски» слушаем. Там много чего открылось.

— Я не хожу по клубам. Я больше книжки люблю.

— Я тоже люблю. Мой любимый писатель знаешь кто?

— Не знаю.

— Антон Павлович Чехов.

— Что вы у него любите?

— Я «Мою жизнь» читал. А ты знаешь, что значит Пик Чехова?

— Ну, у каждого автора есть раннее творчество, есть позднее творчество, может быть, это пик его таланта, не знаю.

— Это вершина, она 1045 метров. Знаешь?

— Я этого не знала.

— Как тебя еще раз зовут?

— Вика.

— Вика, а можно вопрос?

Он наклонился поближе, чтобы я могла его слышать, и когда он говорил, я чувствовала запах. Запах горького, затхлого скелета, сигарет, смешанных с чем-то. Какой-то дымный и дешевый, грубый и неуклюжий.

— Да, конечно, можно.

— Я женщину люблю. Мы с ней работаем вместе... Я смешал рабочее и любовное, мы поссорились. Что мне делать?

— Вы ее любите?

— Я не знаю, вроде люблю. Я всех люблю. Мне недавно дали пятьсот рублей, я зашел в магазин, купил себе поесть, а на оставшиеся деньги собакам еды взял.

— Это хорошо! Мне кажется, что одна из миссий человека — помогать другим, я думаю, что это правильно.

— Я так и делаю.

Он смотрел. Его сумка тыкала меня в бок, он навалился на нее всем телом и немного сползал к синему полу вагона.

— Можно вопрос?

— Да, задавайте.

— Я вот сегодня с утра на работу пошел, трезвый был, отработал, а потом напился. Что делать?

Он смотрел и ждал. Мне стало страшно. Теперь я не понимала, что в его глазах. Наверное, он меня ударит, если отвечу неправильно.

— Думаю, что люди пьют, потому что им чего-то не хватает внутри.

Я прижала руку к груди.

— Мне не хватает. Почему?

Я промолчала.

— Еще раз повтори, как тебя зовут.

— Вика.

Люди входили в вагон и выходили из него. Я слушала объявление станций и отсчитывала, сколько их осталось до дома. Напротив нас сел мужчина в очках и с бородой. Он поглядывал в нашу сторону, и мне сложно было сказать, почему: то ли ему было интересно, по какой причине я разговариваю с этим мужчиной и о чем, то ли он был готов заступиться за меня, если что-то вдруг пойдет не так.

— Вика, я на работу ходил, а мне зарплату не выплатили, сказали уходить отсюда, денег не дадут. Почему?

— Вы неофициально устроены?

— Нет.

— Ну, поэтому люди и могут обманывать, у них же нет никаких обязательств.

— Почему?

Он снова попытался взять меня за руку.

— Нет, я оставлю себе мою руку.

— Можно вопрос?

— Да, давайте.

— Мне на работе не выплатили деньги, он мне говорит: денег тебе не дам, уходи, не дам. Я сегодня прихожу, говорю ему: «Здравствуй, ты ошизел?»

От этого «ошизел» он подался назад как от выстрела из ружья.

— Что делать?

Глаза изменились. Их голубизна подернулась красным, они стали объемнее, еще более жидкие, округлились.

Теперь в них было новое.

— Почему?

Он смотрел на меня. Немного как-то согнулся, прижался сам к себе и протянул руку.

Я взяла ее, на совсем чуть-чуть.

— Я 25 кирпичей перетаскал, мне заплатили 300 рублей. Это разве честно?

Он склонил голову набок. Оно проступало в водянистых глазах все отчетливей.

Я думала, что от этой обиды и мне попадет, что сейчас я все-таки неправильно отвечу и он даст мне пощечину или ударит кулаком в лицо.

Но он ждал объяснений.

— Почему так?

— Есть просто недобросовестные люди, они обманывают других. Мир несправедлив. Мне очень жаль, так бывает, но мы ничего не можем сделать с этим.

— Я всего 300 рублей получил, это честно?

— Любая работа должна оплачиваться, но это очень мало.

— Почему?

Моя станция.

— Алексей, мне надо идти, я приехала.

Он потянулся меня поцеловать.

— Нет, Алексей, не надо.

Стараясь его не обидеть, я неловко высвободила свою руку.

Он смотрел на меня. Кажется, ему было жалко, что я ухожу.

— Можно с тобой еще раз увидеться?

— Нет, у меня есть молодой человек. Удачи вам!

— Напиши мне.

Я вышла, и двери за мной захлопнулись. Я пошла к эскалатору и пыталась боковым зрением увидеть, нет ли его рядом, не пошел ли он за мной. В голове крутились мысли, как я буду петлять с ним по улицам, пойду в противоположную сторону от дома, мы будем мерзнуть, будем идти и идти, пока у него не закончатся силы или ему надоест и он где-то останется, или он вспомнит, что ехал до «Физтеха», развернется и по скверной памяти пойдет до метро, а я с облегчением вернусь домой. Я не хотела оборачиваться, я знаю, что не увижу его. Если обернусь, это станет доказательством страха.

На улице шел дождь. Сегодня я вышла в замшевых кроссовках, и они все промокли. Я добежала до дома, быстро сняла куртку, повесила ее на стул, чтобы она могла высохнуть, и пошла в туалет мыть руки.

Я не сняла колеч, мыло осталось на них, синие и белые кусочки. Я не стала их промывать. Как только они высохнут, я скovyрну их.

Мокрые серые брюки я повесила на сушилку, а колготки положила в таз для стирки и осталась в одной футболке.

Мне казалось, что в комнате им пахнет. Если я вдыхала воздух глубже обычного, он стоял в горле.

Тошнотворный, от него тянуло блевать. Это тупой и бесцельный запах человека потерявшегося.

Мне хотелось метаться по квартире, найти угол, где им бы не пахло, но таких мест не было. Я носила этот запах с собой, на себе, он въелся в волосы, в мое лицо, когда мы разговаривали и он наклонялся ко мне. Наверное, это шпион, маленький жучок, который к тебе прикрепляют, и он следит за каждым твоим действием и движением.

Мне казалось, что он проник ко мне под одежду, забрался под ногти, остался на вымытых руках, на сгибах в локтях, между пальцами на ногах, в ушных раковинах, на волосах бровей, на волосах в носу и около губ.

Я шла, и он шел, я стояла, и он стоял, я закрывала глаза, а он все шире их открывал.

Это от моей футболки. Запах проник через шарф, прибился к ткани и телу. Я притянула футболку к носу.

Я им дышала. Я глубоко дышала. Мне надо было им дышать, хоть меня и тошнило. Я боялась отдернуть футболку от лица, он не должен пропасть. Его надо пропустить через себя, как говядину через мясорубку, размешать с молоком и хлебным мякишем. Нужно еще подышать.

Я закрыла глаза. Это запах куцей, тонкой воблы на клеенке в клеточку, его разбитого телефона, наушников с каким-то непонятным узлом, синей, старой сумки и этих водянистых глаз с оттиском красного и грустного.

Я открыла глаза и сняла футболку. Черная тряпка для быка. Ее надо разорвать, сжечь, топтать и топтать, чтобы остались грязные, мокрые следы с крошкой песка.

Бабушкины раскройные ножницы вопросительно смотрели на тяжелую от запаха ткань вытянутым овальным глазом и спокойным круглым.

Лезвие рассекло низ до подмышки, быстро и точно, как брошенное копье древними афинянами, объявление войны.

Здесь надрез, еще тут, отрезать рукава, вспороть живот невидимому человеку.

Я нагнулась над кусками дешевого хлопка, но они пахли. Невыносимо, напоминающе пахли, стесняли и считали, что должны вызывать стыд и рвоту.

Рваными, резкими движениями, я затолкала куски футболки в мусорный пакет под раковиной и потуже затянула белые узелки. Это был большой, липкий снизу мешок, мокрый какой-то странной, повторяющейся жидкостью.

Я поднялась на девятый этаж, подальше от моего первого, и открыла дверцу мусоропровода. Она была черная, как будто бы от копоти, синяя краска слезла.

Из мусоропровода, как из живого места, с движением и скрытой мощностью, дул ветер. Запах гниющих помидоров и огурцов, размозженной

яичной скорлупы, пакетов из-под молока, упаковок из-под сметаны. Это был другой запах: бурлящий и естественный.

Мусорный мешок не помещался в квадратное окошко, ведущие вниз, показывающие грязные, микробные стенки, приходилось выбрасывать его узелками вперед и вталкивать ногой, держась за зеленую стену подъезда.

Я пинала мешок с силой, чтобы он поскорее провалился вниз и пролетел все девять пролетов.

Наконец он исчез. Спустя несколько секунд мешок громко ударился о преюющий мусор.

Дверца мусоропровода захлопнулась, и запахи растворились в подвале дома.

ВЛАДИМИР СЕДОВ

СЛУШАЙ ДА НЕ СЛУШАЙ

* *
*

Всё повторяется: и свет, и суета,
мигающие лампочки вокзала,
до горизонта ржавая черта
и голоса небесного хорала.
Всё смешано в крошку или сон,
построено на зыбком основании,
похоже на нестриженный газон
или кораблик, прыгающий в ванне
родного моря, возле берегов,
но суши не достигший, не доставший,
где буквицы курганов, и стогов,
и Новгородской летописи старшей.
Все силы собирает ураган,
сто голосов поют в надрывном хоре,
спасительные тают берега,
расходится играющее море.

Жара

В комнате жара и ходит ветер,
яростный, жестокий суховей,
так непостижима жизнь на свете,
как её по ветру не развеи.
Вот она в мгновение соберётся
облаком летучего песка,
наберётся влагою колодца,
зеленью и шёпотом леска.
И сквозит бессонною химерой
или светлой нимфой у ручья
сквозь литературные примеры,
вся твоя, но всё-таки ничья.
Никуда не надо собираться,
всё уже присутствует и тут:
ветер, сон волшебного окраса,
краткий вздох и вечный абсолют.

* *
*

Квартира в своём теле заключает
сокрытую и замкнутую жизнь,
в ней что-то совершается ночами,
а днями луч гуляющий дрожит.
Как в черепе здесь собранные книги
стоят на полках, собирают пыль,
на корешках заметны башни Риги
и псковский храмик, серый, как ковыль.
А за окном Москва — то в полном блеске,
а то ли вдруг отверженная весь,
то будто скоморох бежит по леске,
а то вельможа источает спесь.
Так близко до Кремля, что вечно — тайна,
так далеко до плёсов и плотов.
История по-прежнему случайна,
и город к ней, как прежде, не готов.

* *
*

Возможен разговор начистоту?
Я как не знал, так, в общем, и не знаю.
Ты видел там последнюю черту?
На этом горизонте? Наблюдаю.
Но нравится всё менее она,
кровавая полоска на закате,
то киноварной прелестью полна,
то багрецом — как болью об утрате.
Как ехать, как стремиться и куда,
когда уходит время белой ночи
и облаков подсвечена гряда
кораллом и кармином, и грохочет
за бурым лесом медленный состав,
который кто-то вряд ли остановит,
пока он сам, до тошноты устав,
момента остановки не уловит.

* *
*

Я когда-то хотел узнавать этот город,
но тогда же увидел в нём ящик Пандоры.

И когда покидал его, он сразу снился,
будто яростный свет проникал сквозь ресницы.

Переполненный силой неисчислимой —
это город без дна, без конца, вроде Рима.

И сейчас вижу то же: он вечен и молод,
и на улицах, если пахнёт, — то ли хмель, то ли солод.

Но смотреть можно лишь из почтительной дали:
абрис здания есть — ни единой детали.

Всё готовится стать — и готовится к сносу,
в небо синее кто-то подлил купоросу.

На лобастых холмах и в покойной низине —
всюду теплится жизнь — как котята в корзине.

И я здесь, но никак не сказать, что привязан,
просто столько прожил — как кому-то рассказан.

Недоумение

Затем потекли уже странные ночи,
потом разлились эти странные дни,
бывает, что время хранит, это время — морочит,
просторное вроде, а только на ощупь — гранит.
Вещают — кто может, но их и не слышат,
кто может — любви посвящает свой пыл,
шуршит или звякает что-то по крыше,
я вспомнил что это, но тут же поспешно забыл.
На внешней поверхности быта — сверкает,
и бухает глухо у быта внутри;
вот только понять бы: на что намекает
полоска над городом алой вечерней зари?

Новгород перед 1478 годом

Мой город спит под низким тёмным небом,
не зная ничего о будущем и прошлом,
а только собирая сны под крыши
натопленных до одури домов.
И в этих снах сверкают очаги
и бисеринки пота или бусы,
и яхонт собирает синеву
в лазоревые всполохи по избам.

Всё это жизнь. А я — как неживой,
почти что отказавшийся от сонных
видений, что от завтрашнего дня
приходят в ночь и в грёзы накануне.

Я тут не сплю. Сижу и сожалею
о всём, что вижу, видел или слышал,
о всей бессмысленной, нехваткой, неумелой,
но вечной жизни города во сне.
А этот город должен пасть и даже,
не только пасть, но после превратиться
в своё подобие, согбенное той силой,
что только подбирается к нему.

А эта сила — молодая жизнь,
что так легко даёт и отбирает,
и так не чувствует оттенков, полуправды,
и роскоши всегдашних полумер.

Той силе служат лучшие умы,
и переплёты книг её волшебны,
как, впрочем, и заставки, и иконы,
и росписи на стенах их церквей.

Но это только внешняя краса,
Внутри же только молодость и сила,
и жадное стремление всё дальше
и к большей власти. Больше-то куда?

Мой город не пример для подражания,
здесь свод законов искони не писан,
здесь злоба наполняет переулки,
и улицы, и площади его.
Но посреди уродливого веча
возносятся такие к небу церкви,
а в них стоят великие иконы,
и где-то в небольшом монастыре
ты вдруг увидишь греческое чудо:
кудрявый ангел держит полусферу,
не отрываясь — смотрит на тебя.

Из этих вот разрозненных чудес,
из книжности наивной, но упрямой,
внезапно получилось украшение
беспечной жизни города в дыму.

Над морем душевных изб и мостовых,
над каждодневным торгом и обманом
растут такие чудеса и связи,
что можно жить внутри и не страдать.

Вся эта жизнь, вся нутряная жизнь,
что заплетает странные узоры,
имеет мало силы, но зато она
поёт и обладает тайным свойством:
остаться после нас, жить навсегда,
рассказывая после наши сны.

Мне жаль падения всей этой суеты,
мне больно видеть смутные картины
попрания домов и мостовых,
но я гляжу. И в тесной темноте
меня, как всех мечтателей, обманет
сиянье вечной жизни книг и сновидений,
прочтённых много позже, после нас.

* *
*

Ночная тишина объемлет этот город,
холодная вода то встанет, то течёт,
а в теплоте метро проращивают солод
для завтрашнего дня, играя в чет-нечёт.
Дожить бы этот день, заботясь и листая,
читая со страниц знакомые слова,
и пусть он шелестит, а к полночи истает,
и погрузится в сон больная голова.
И я увижу сны, обычные, не злые,
как ветер шевелит цветные паруса,
и маковка сидит на безупречной вые,
и как моря синеют бескрайние леса.

Сын Одиссея

А я живу в боярском терему
в каком-то там от Сотворенья лете,
и сквозь настольной лампы бахрому
я вижу мокрый город на рассвете.
Мой путь лежит уже перед зимой
к реке — через соседние кварталы,
а после — возвращение домой,
а не поход к твердыне небывалой.
Я только что высматривал из тьмы
митрополита бранные останки
и вынимал их — будто из тюрьмы,
а нынче — я старею спозаранку.
Но крепко я привязан посреди
солёной палубы, а бедные сирены,
что ждут нас беспокойно впереди,
похоже, зря надсаживают вены
на вознесённых к путникам руках,
зря надрываются на островах и суше:
мы медленно плывём, и в облаках
синеет надпись: «слушай да не слушай».

ДЕНИС БОНДАРЕВ

СОЛДАТИКИ

Рассказ

— **А** что было самое жуткое? — Она смотрела жадными глазами человека, которому сколько ни давай, все будет мало, он будет просить еще, снова и снова, у которого просто такая привычка — выпрашивать, пока уже точно не станет понятно, что все, больше никак. Этот взгляд его когда-то и купил. Ему особенно понравилась эта всегдашняя ненасытность ее глаз — понравилась тогда, в другой, уже ушедшей жизни, которая, к слову, не так уж давно и была.

— Да так и не скажешь, — отвечать не хотелось, особенно говорить об этом с ней. — Понимала б ты, шо спрашиваешь, — добавил он тише.

Его голос прозвучал раздраженно, даже зло. В последнее время он постоянно ловил себя на том, что речь его оказывалась намного жестче, чем он планировал. Часто получалось неуместно угрожающе, как будто до серьезного конфликта остается всего полшага, хотя особого повода и не было. Замечать это было неприятно и страшно. Казалось, кто-то за него решал, как он будет разговаривать. И от этого незначительные ситуации бесили. Вот и сейчас хотелось только закончить разговор, а получилось, что он ее заткнул и этим, наверное, обидел. А еще он старательно боролся со своим малороссийским говором, но тот все равно прорывался, и это тоже добавляло злости.

Он встал со скамейки и пошел к песочнице, где таким местным князьком, вальяжным набобом, развалился мальчик двух лет, распластал ноги вокруг желтого бархана и увлеченно вершил судьбы своих игрушек.

Дунул ветер, и в нем почувствовался холодок. Дыхание осени — так называют эту новую свежесть воздуха, которая вдруг появляется после кажущегося бесконечным густого зноя августа. Но называют неправильно. Это дыхание — которое намекает, что все прошло, что дальше зима, — не прохлада, которая начинает сквозить повсюду. Дыхание осени — это особое шуршание, которое вдруг появляется со всех сторон, сухое, тревожное. Хрипотца природы. Астматический шепот подбирающегося угасания. Сохнувшие листья — на земле и еще висящие на ветках — начинают жаловаться, что хорошее закончилось и дальше будет туга. В эту осень такое дыхание слышалось ему особенно отчетливо.

— Ну что, возишься? — Голос снова предал, вместо панибратского окзался каким-то командирским.

«С малым-то зачем, с ним же точно этого не надо», — подумал он.

Бондарев Денис Игоревич родился в 1987 году в Польше. В начале девяностых переехал с семьей в Россию, в город Орел. Первое образование инженерное. В 2019 году закончил магистратуру «Литературное мастерство» в ВШЭ, учится в Школе «Сеанс». Работал журналистом, редактором. Живет в Москве.

Мальчик посмотрел на отца, и его детский взгляд, удивленный сначала, через секунду подернулся испугом. Появившийся рядом дядя был угрожающим — тем, как медленно и хищно он приближался, как сел орлом рядом, уперев локти в растопыренные ноги, и особенно — пристальным серьезным взглядом, в котором не было и намека на игру.

Отец достал из висевшей у него на плече тряпичной сумки зеленый водяной пистолет, направил его на малыша и тонким голосом пискнул: «пиу-пиу».

Торчавшие из задравшихся бриджей ноги мужчины были разными — одна нормальная, а вторая высохшая, втрое тоньше, будто вяленая. Кожа на ней была сморщенной, как мятая калька, буграми проступали серо-синие вены. Взгляд ребенка остановился на этой ноге, видимо, в очередной раз пытаясь понять, почему дядины ноги отличаются, когда у всех они одинаковые. Отец мальчика заметил это, и на лицо его накатила угрюмость. Она как будто поднялась внутри него ко лбу, там перевалила через край и полилась сквозь брови вниз.

— Ну шо ты пялишься? Такая нога у батька твоего теперь, да. И ты тоже привыкай.

Отец посмотрел на оловянных солдатиков, разбросанных вокруг малыша, и от их вида что-то в очередной раз дрогнуло в нем. Они неизвестно от кого переходили из поколения в поколение в их роду, ему от отца, тому от деда, а тому, возможно, от еще более далеких советских предков — точно историю этих игрушек было уже не узнать. Солдатики были своего рода семейным трофеем, наградой новому мужчине. Раз в пару десятилетий они вылезали из каких-то древних чемоданов с детскими игрушками, когда в семье появлялся мальчик, и каким-то мистическим образом каждый раз становились главной радостью ребенка. В тяжелых фигурках чувствовалась ценность, в сосредоточенных позах с оружием — важность дела, в их грубоватой форме — простота и смирение.

У сидевшего на корточках мужчины мгновенно понеслись смутные воспоминания, которых обычно в голове было не найти. Его маленькие руки расставляют металлических бойцов по кухонному линолеуму. Он находит за книжным шкафом потерявшегося шпиона и бежит показывать его отцу. Цепочка бойцов держит позицию у настольной лампы. Теплая шершавость клетчатого пледа колет щеку, а он, лежа на животе, рассматривает своего любимого снайпера.

Мальчик в песочнице держал в руке автоматчика, припавшего на одно колено и напряженно глядящего в прицел. Малахитово-зеленая краска на фигурках облезла почти полностью, только местами пятна покрывали серое железо, образуя подобие камуфляжа. Отвлекаясь на отца, малыш уронил солдатика в песок и, растерявшись от всей ситуации, вдруг заревел.

Плач одновременно разрядил обстановку и добавил ей нового напряжения. Мать, внимательно следившая за происходившим между ее мужчинами, встала с лавки и двинулась к ним с видом единственного человека, который может решить возникшую проблему. Но вместе с решительностью в ней было заметно и расстройство — от того, что что-то идет не так, что ее ребенок плачет при появлении отца.

Мужчина услышал шаги жены за спиной.

— Сиди, сами разберемся, — бросил он через плечо и снова повернулся к ребенку. — Ну и шо мы реведем?

— Тише-тише-тише, кто тут у нас плачет, кто плачет? Что такое, Тимоша, что случилось? Да ладно, разберетесь, знаю, какие вы разбиратели, ничего без мамки решить не можете, да? Да, Тима, что можно решить без мамки? — И уже обращаясь только к мужу добавила: — Не пугай его, будь с ним помягче.

— Да чем я пугаю-то?! Сел рядом просто. Че он ноет-то без повода все время?

Повисла пауза. Мужчина встал и двинулся обратно к лавке, как бы уступая место матери, оставляя ее с профессиональными обязанностями, к которым он не имел прямого отношения. Его калечная нога разогнулась еле-еле, медленно, с напряжением и отдала пульсирующей болью в верх бедра, где когда-то была раздроблена кость и порваны мышцы и где при восстановлении что-то пошло не так.

Он не знал, что больше ему не нравилось — то, что боль в ноге не проходит так долго, или то, как уродливо она смотрелась в сравнении со здоровой ногой. Оба эти факта были очень неприятными и скорее не соревновались, а дополняли друг друга, превращая мысли об увечной ноге в мрачное ядовитое облако, которое периодически заслоняло все мысли, из которого было сложно выйти, а уж если и выберешься, переключишься, то шлейф от него все равно чувствовался внутри, и любые мысли, которые приходили на смену, как будто всходили на отравленной, горькой почве.

Оставшись с матерью, ребенок быстро успокоился и снова с интересом потянулся к упавшему в песок автоматчику.

Рождения ребенка он не застал, это случилось, когда он был уже там. Виделись они два раза, когда получилось приехать в отпуск, еще до ранения. Все тогда было как-то скомкано — короткий приезд, сын был еще в полубессознательном состоянии, только ел, спал и ревел. Да и было не до него, не до новых забот, хотелось только отключиться от того. Особого контакта не случилось, ни отец не воспринял ребенка, ни тот его. А сейчас, когда он приехал уже окончательно, они встретились как два чужих человека, оба не понимающие, как быть друг с другом. Казалось, со временем это должно пройти, но вот не проходило, а как будто становилось только сложнее, впрочем, как и со многим другим.

Там ему нравилась мысль, что он — отец, что теперь он по-особенному нужен в этом мире, что появились еще причины беречь себя, хотя и было понятно, что полноценно он не понимает своей новой роли. Слишком заметной была та жизнь, которая стояла перед глазами прямо сейчас. Но тогда казалось, что стоит вернуться, и все наладится. Сын протянет руки к отцу и засмеется детским, наивным и искренним смехом. А отец подхватит его на руки, прижмет к себе, горделиво улыбнется и начнет покачивать. Но радостной сцены из советского фильма не случилось, в реальности ребенок испугался чужого, вечно сурового дяди. Оба они не увидели в глазах друг друга то свое отражение, на которое рассчитывали. Но самым сложным было то, что отцу не нравился его ребенок — каким бы удивительным этот факт не казался ему самому. И это невозможно было обсудить ни с кем.

Точнее — ему теперь не нравилось почти все. Ему не нравилась квартира, ее теснота и мебель — правда, это было полбеды: улучшить жилищные условия было как раз-таки в планах, во всяком случае это особенно любила обсуждать его жена. Ему не нравился маленький южный город, в котором он прожил всю жизнь и где на каждом углу встречали воспоминания. По возвращении эти воспоминания стали почему-то кривыми, болезненными.

В каждой детали памяти что-то было не так, каждый кирпичик прошлого оказывался частью базы здания, которое в итоге получилось не таким, как хотелось. Ему не нравились встречи со старыми друзьями, которые теперь стали знакомыми: разговаривать с ними было не о чем, понять они ничего не могли, вели себя с ним либо настороженно, либо заискивающе, либо, что хуже всего, боялись его. Некоторые холодно сторонились, что он понимал как презрение — прикрытое, тактичное, но именно презрение. Ему не нравилась нудная атмосфера продуктовых магазинов и маршрутных такси, скучные лица прохожих, общая вялость жизни и полное непонимание того, какое место в этом мире он хотел бы занять.

В себе же он быстро обнаружил ко всем страшную зависть, жгучую, злую, какой еще никогда не бывало в нем. Зависть к тому, что они не видели и не слышали, что им не задают вопрос: «А что было самое жуткое?», что их не коснулось. Они не знали и не узнают, хотя он ничем не заслужил это знание больше, чем они.

Но особенно ему не нравилась теперь его жена. Все чаще, засыпая ночью (правильнее сказать — долго лежа без сна), касаясь своей сухой морщинистой ногой гладкой кожи ее бедер, он думал о том, что любви-то никакой и не было, что он просто соблазнился ей, что она сыграла на струнах его желаний так, что он принял это за что-то вроде «навсегда». А теперь, когда то чувство прошло, на его месте остались только скука и раздражительность. Он думал, что задним умом и раньше понимал это, догадывался, что это не то, про что снимают фильмы, но теперь осознание стало таким ясным, что его никак не получалось выкинуть из песни их семейной жизни. Она была такой же чужой, как и все остальные, ничего не объединяло и не связывало их, кроме довольно неказистого прошлого два бесконечно далеких года назад. Примерно то же лезло ему в голову и при виде ребенка, с которым они наотрез отказывались признавать друг друга. Как будто мальчик был частью жены — причем самой веской, которая не позволит ему попробовать по-другому.

Он часто думал странную, немного мистическую для себя мысль: что единственной очевидной связью между ним и сыном были эти солдатики, спустившиеся с антресоли, и за время, которое его не было, ставшие любимыми игрушками мальчика. Они были железным доказательством их родства, не могли обманывать. Если б не они, то подтверждения, что это его сын, плоть от плоти, как будто и не было бы.

Он отошел к лавке и закурил. В дальнем конце двора из-за угла дома выехал старый форд и медленно покатился мимо подъездов в их сторону. Машина была ему хорошо знакома еще с других времен, когда в его жизни не существовало ни жены, ни всего остального. Смотревшее из-за лобового стекла лицо тоже было знакомо. Правда, в Стасе, приятеле его юности, многое изменилось — он стал самоуверенным и независимым, ни в ком теперь не нуждался, а общался с окружающими не из болезненной потребности в других, а исключительно из любопытства.

Машина затормозила напротив лавок. Стас высунулся в открытое окно, давая понять, что намерен о чем-то поболтать. С сумкой, полной детских вещей, на плече и пластиковым зеленым пистолетом в руке мужчина чувствовал себя по-дурачки, неподходяще для пацанской беседы: только что значка «приличный семьянин» не хватало на его полосатой футболке-поло.

— Братан, здаров, — по-свойски сказал Стас. — Вадика не видел, не выходил он ща? Дозвониться не могу. Мы с ним в гаражах состыковаться должны были, а он пропал.

— Я чё, дежурный по двору? — с вызовом ответил он и тут же про себя подумал: «Почему ж опять так резко?» И сразу разозлился еще сильнее и на себя, и на Стаса за то, что не получилось шутливо, легко. За то, что ничего не получалось легко.

— Ладно, понял, нет так нет, — смешавшись, ответил Стас и сразу подался обратно, внутрь форда. И после добавил уже как будто необязательное: — Ты заходи вечером, если свободен, мы с пивком там планировали посидеть, сосиски пожарим, то-се.

Последнее Стас сказал уже другим голосом, как будто обжегшись или вспомнив что-то.

— Домашних дел хватает, — тихо ответил мужчина, поправляя на плече сумку.

Водитель кивнул. Трогаясь, он бросил в окно: «Понял, бывай», и медленно покатился дальше по узкому проезду вдоль дома.

Пока он смотрел вслед отъезжающему форду из его юности, к лавке подошла жена и села на край, в двух шагах от него.

— Вам надо больше времени вместе проводить, качественного времени, — сказала она и повернула лицо к песочнице, намекая на сына. — Вы совсем как неродные. Ну не совсем, но есть немного, — поправились она. — Поиграл бы с ним в солдатики, что ли, ему это понравится. Близость с ребенком наработывать надо, понимаешь? Пойди, а? Или что, не в настроении сейчас?

Последнее она сказала с совсем не подходящей к ситуации интонацией, немного кокетливой, жеманной, в которой было как будто какое-то обещание и которая была так хорошо отработана у нее, что иногда срабатывала автоматически и не к месту. Он узнал эту особую мелодию ее голоса, которая когда-то ускоряла в нем ход крови, делала безрассудным и диким, от которой он был готов плюнуть на дела и договоренности, схватить эту дерзкую, смешливую девицу и не отпускать, держать, спрятать ее куда-то понадежнее и себя вместе с ней. Сейчас же она вызывала только тупую ненависть, катившуюся волнами в груди. Она звучала для него как приговор его будущему, его жизни, которой не перевалило еще и за четвертак, но у которой не было путей назад, как ни желай этого. Не было по стольким разным причинам, каждая из которых казалась железобетонной, а одна из них — особенно.

Быстро глянув на жену, он затаился сигаретой, бросил бычок себе в ноги и закрыл глаза. Внутри что-то давило, будто диафрагма поднималась вверх.

Он поднял руку с пистолетом и направил его в лицо жене. Бэнь. Длинная тонкая стрела вылетела из ствола и вонзилась ей под левый глаз, рядом с носом. Испуг на ее лице сменился растерянностью, все оно исказилось и будто поплыло под разлетевшейся брызгами жидкостью. А потом покрылось глубокими черными трещинами, стало проламываться внутрь, кожа начала менять цвет на темно-желтый и оранжевый, пошла буграми и смялась. Через мгновение вся фигура жены двинулась множеством мелких движений, зашелестела и посыпалась вниз валом лепестков бархатцев.

Ребенок в песочнице закричал в плаче, увидев, как его мать превратилась во что-то совершенно иное, чем он привык видеть. Тогда мужчина быстрым шагом двинулся к песочнице, перевел водяной пистолет на сына, прицелился и выпустил серию струй и в него. По лбу ребенка покатались прозрачные волны жидкости, от которой четкий образ его пополз во все стороны разом, как будто внутри него был воздух и давление его вдруг

прорвалось. Кожа малыша стала голубеть в тон его байковой футболке и шортам, по телу побежала сетка мелких трещин, и через секунду он также рассыпался на стаю голубых лепестков.

Мужчина задышал часто, отрывисто, как астматик, у которого вот-вот случится приступ. Он перевел взгляд с одной кучки лепестков на другую. Как будто подступали слезы, он ждал, что сейчас они прорвутся, но их так и не случилось.

Тогда он вставил зеленый пистолет себе в рот, крепко зажмурился и начал быстро-быстро нажимать на спусковой крючок. Струи зашекотали нёбо, стекая в глотку жидкой прохладой. За закрытыми глазами рванула ярко-красная вспышка. Что-то внутри него треснуло, и раздалось шуршание — звук, похожий на дыхание осени. Только он был мягче, будто теперь в нем были нотки надежды и прощения. И мужчина почувствовал, как тоже становится бесформенным, как все привязки к определенности счастливо теряются, и он осыпается вниз рифлеными лепестками красной гвоздики, превращаясь в бесформенное пятно цветов на земле.

— Не пойдешь? — кажется, в очередной раз, на этот раз громче, спрашивала жена. — Ну не ходи, если не хочется. Мучить себя не надо, все должно быть, как это... естественно. — После паузы она добавила: — Я вечером по магазинам хотела пройтись с Оксаной, посидишь с ним пару часов?

Он открыл глаза. Жена смотрела куда-то сквозь его ноги, голос ее был бесцветным, как будто она что-то поняла, когда он ей не ответил. Но это «что-то» не было новым — ни для нее, ни для него. Мужчина знал, что она давно во всем разобралась, причем разобралась правильно. Притупленное чувство тревоги от того, что она тоже не знает, как им всем жить дальше, было в ней постоянно. Просто обычно у нее хорошо получалось скрывать это.

— Посижу. Сходи, тебе нужно переключиться, вижу, что устала. — На этот раз голос подчинился, и он сказал это так, как и хотел: ровно, спокойно, равнодушно.

ФЕЛИКС ЧЕЧИК

БЕЛЫЙ ЧЕРНОВИК

* *
*

Сходящему с ума,
сошедшему уже
даруй покой, зима,
безмолвием в душе.

И выступи печаль,
и дай забыться сном
не только по ночам
и белоснежным днём.

И с головы до пят
укутай до весны
в *тишайший снегопад*
и в мартовские сны.

* *
*

Просыпаешься всего лишь
для того, чтоб покурить:
и кириллишь, и глаголишь,
и прядёшь, как Парка, нить.

В парке белые деревья
и чернеет вороньё.
Утончилась нить. И время
перерезало её.

Будущее без былого,
как небес ночное дно...
Слово за слово. И снова:
снегопад, веретено.

Чечик Феликс Михайлович родился в 1961 году в городе Пинске Белорусской ССР. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор нескольких поэтических сборников и публикаций в литературных журналах, альманахах и на интернет-порталах. Лауреат «Русской премии» (2011) и международной премии им. И. Ф. Анненского (2020). С 1997 года живет в Нетании (Государство Израиль).

* *
*

И, не заламывая руки,
всего на несколько минут —
простые запахи и звуки
тебе родителей вернут.

Чем не классическая проза,
точнее — музыка её:
в дом принесённое с мороза
окаменевшее бельё.

Державин

чистоту эксперимента
соблюсти ложись в сугроб
чтобы лету чтобы бренту
чтобы чтобы чтобы чтоб
не тревожить понапрасну
и не баламутить вод
ляг в сугроб и жизнь прекрасну
жди она придёт вот-вот

* *
*

И когда на седьмом десятке
я задумался с бодуна:
«Ну, к чему эти игры в прятки,
если ноги коснулись дна?

А не лучше ли наконец-то,
успокоившись навсегда,
возвратиться обратно в детство,
как с небес речная вода?

А не лучше ли — между делом
и потехой, — душа-дитя,
распрощаться с последним телом,
бесконечное обреть?»

Нет, пожалуй, не лучше — хуже
(уходи, китайчонок Ли) —
затяни ремешок потуже,
дырку новую проколи.

И покуда в полях дехкане
крепко спят, образуя тень,
заглядись, затаив дыханье,
на дымящуюся сирень.

* *
*

Да, я из бывших. И бывалого
запомните, быть может, вы
зелёным дымом над Измайлово
едва проклюнувшей листвы.

Шмелём апрельским, вербным облаком
и Серебрянкой поутру.
Короче — невозможным обликом,
когда частично я умру.

Ну а покамест не откинул я
копыта, лапами звеня,
прижмись ко мне покрепче, милая
жизнь, разлюбившая меня.

Сосновый триптих

1

Бесконечный, немного наклонный
дождь становится явью и сном.
Стал салатovým грязно-зелёный
цвет иголок сосны за окном.

Сна и яви размыта граница,
сон становится явью во сне.
И поёт незнакомая птица,
на салатовой сидя сосне.

2

За окнами сосна —
с утра подарок соне:
салатовая на
небесно-синем фоне.

Покачиваясь чуть,
шептала шестикрыло:
— Прости, не обессудь
за то, что разбудила.

Ты спал и видел сны
и сердцем чуял холод,
как иглами сосны,
печальями приколот.

Покамест птицы спят
и спит музыка птичья —
ты бабочкой распят
на ложе безразличья.

Скажи спасибо, что
ты возвратился к жизни,
как свет — лет через сто —
в поруганной отчизне.

Благодари зарю,
пропахшую сосново...
— Спасибо, — говорю.
И засыпаю снова.

3

Мои несветлые печали
и горечь дыма без огня
как будто воздух откачали
из бесконечного меня.

А за окном античной одой,
не зная отдыха и сна,
живёт в согласии с природой
вечнозелёная сосна.

* *
*

Гипноз, волшебство и обман,
как вброд пересохшую реку:
полезу за словом в карман,
а там обнаружу прореху.

Нет слов и, наверно, давно,
но шарю в карманах для вида,
а там пустота и темно,
как в покусе у Копперфильда.

* *
*

черновики побелели от злости
к беловикам от руки
боровики не торопятся в гости
летним дождям вопреки

и несмотря на отсутствие ветра
в белых барашках река
а на молчанье наложено вето
белого черновика

ДМИТРИЙ ЛАГУТИН

ОСТАНОВКА

Рассказ

От Смоленска ехать было всего ничего — четыре часа с хвостиком, — но поезд то и дело останавливался, маршировал подолгу то на станции, то в темном, с зарницами, поле. Сомов понял, что к полуночи не доберется, написал, когда мелькнула сеть, жене, попросил не волноваться и ложиться спать.

Проводники на расспросы пассажиров объясняли: из-за грозы где-то впереди произошла авария, обрубилось электричество, ведутся работы, извините, мы все понимаем, остается только ждать.

Стояли по полчаса, по сорок минут, плацкарт нагревался, тучные женщины ходили к проводникам ругаться, требовали держать температуру в вагоне в пределах нормы. В половине одиннадцатого лампы приглушили — чтобы те, кто хочет спать, могли попробовать, — ближе к двенадцати вагон погрузился в желтоватый полумрак — чтобы уснули даже те, кто не хотел. Тусклый восковой свет медленно расплывался по потолку, по углам багажных полок, едва касался верхних пассажирских, а до пола уже не дотягивался, и все таяло, сливалось одно с другим.

Сомов то лежал на своем месте, внизу, сунув под голову жидкую подушку, то садился и выкладывал на столешницу локти, смотрел в окно. Соседняя полка пустовала, на верхней по диагонали сопел, свесив мясистую руку в проход, мужик, бормотал бессвязно во сне. На мизинце свешивающейся руки мутно поблескивал в восковом свете перстенок-печатка.

— Это свинство, — вполголоса возмущались за перегородкой женщины. — Сколько мы уже стоим?

— Двадцать минут.

За окном чернел, врастая в небо, неподвижный лес, от поезда его отделяла насыпь с масляно поблескивающими рельсами.

В конце вагона храпели, время от времени раздавался тоненький детский лепет. Кто-то позвякивал ложками в чае, кто-то кашлял, кто-то сморкался, у кого-то гудел беззвучно, нащупав сеть, телефон. Пахло лапшой быстрого приготовления и потом.

Когда поезд приходил в движение, кашель, звяканье ложек, даже храп таяли в стуке колес, Сомов слышал, как под ним и над ним со всех сторон

Лагутин Дмитрий Александрович родился в 1990 году в Брянске. В 2012 году окончил юридический факультет БГУ имени академика И. Г. Петровского. Печатался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Москва», «Новый берег», «Волга», «Нева», «Юность», «Урал» и др. Лауреат премии «Русские рифмы», «Русское слово» в номинации «Лучший сборник рассказов» (2018). Лауреат премии журнала «Нева» (2021). Победитель международного конкурса «Гайто» (2023). Рассказы переведены на китайский и немецкий языки. Живет в Брянске.

что-то грюкает, лязгает и скрипит, под потолком шумел, наверстывая, кондиционер.

— Приморская... — бормотал мужик, поблескивая перстнем. — Может быть...

Поезд ехал какое-то время, мимо окон тянулись истыканные столбами поля, черные хребтины лесов, незнакомые города и поселки, провожающие Сомова шифером крыш. Потом раздавался лязг, вагон качало и встряхивало, под полом шипело, и поезд останавливался. За перегородкой возмущались, кто-нибудь решительно шел к проводникам за объяснениями, курильщики хлопали вагонной дверью, намереваясь если не прыгнуть на перрон, то хотя бы высунуться со ступеней, вагон наполнялся шепотом. Потом снова лязгало, вид за окном нехотя уползал в сторону, поезд набирал скорость, затем останавливался, содрогаясь — и так по кругу, Сомов даже сбился со счета.

Если Сомов лежал — ехали ли, стояли ли, — то его обволакивала какая-то мутная, восковая тоже, дрема: он и спал, и не спал, а болтался между сном и явью как буй на поверхности воды. То его обступали видения, солнечный Смоленский парк с колесом, кабинеты и конференц-залы в экранах, то выплывала маяком желтая лампа за багажной полкой, и его стискивало как карандаш в пенале: стенка с одной стороны, крышка столешницы с другой, полка наверху, еще одна по диагонали, со свесившейся рукой, выше багажная, похожая на дверцу холодильника, еще выше желтый, в швах и щелях вентиляции, потолок. Сомов садился, тер лицо, смотрел за окно, шурился в телефон, со скуки листал фотографии, прикидывал, сколько еще ехать с учетом остановок, и чувствовал, что погружается в какое-то отрешенно-меланхоличное настроение, в какую-то мечтательную усталость, когда растягивание недолгого, казалось, пути уже не вызывает ни раздражения, ни досады: задержусь и задержусь, ничего страшного, остановкой больше, остановкой меньше, подумаешь.

— Я пишу диссертацию, — бормотал мужик. — Магистерскую...

Когда остановились в очередной раз на какой-то крошечной, без вокзала даже, станции, Сомов, отчаявшись уснуть, пошел от нечего делать к проводнику и нашел того нависающим над металлическими ступенями, у выхода из вагона. В распахнутом проеме светлел под фонарем перрон.

— Авария, — машинально протянул проводник, не дожидаясь от Сомова вопроса. — Обрубило электричество по области...

— Да я просто так, — поднял руки Сомов. — Подышать.

Проводник посмотрел с благодарностью — тучные женщины за поездку раздергали его допросами и угрозами.

Съехала в сторону дверь, и из вагона на площадку вывалился парень в растянутой майке с пачкой сигарет в руке.

— Начальник, — кивнул он проводнику. — Долго стоять-то будем?

Проводник вздохнул, развел руками.

— Минут двадцать точно.

— Я тогда курну, — кивнул парень и пролез мимо Сомова к ступеням, прыгнул на перрон.

Прикурил, сплюнул под ноги и шагнул в сторону, исчез из виду.

— А я тоже тогда... — крикнул Сомов. — Ноги разомну.

Проводник безразлично повел плечом, сдвинулся, пропуская. Сомов спустился по ступеням, шаркнул подошвой по асфальту, потянулся, заведя руки за спину.

Перед ним, за асфальтом, щетинилась высокая трава, а за травой, в нескольких метрах вытягивалась вдоль перрона дорога. За дорогой стояли рядком домики в один-два этажа, сложенные из плит — вряд ли жилые, скорее отведенные под магазины, напоминающие — подумалось почему-то Сомову — что-то арабское, бедуинское.

На домики падал наискосок бело-желтый свет фонарей, резко очерчивал углы и края черных, как тушь, теней. Домики с готовностью подставляли свету бледные стены, смотрели черными квадратами окон.

Пахло на перроне железом и пылью, в неподвижном воздухе плавали туда-сюда табачные облака — парень сидел напротив соседнего вагона, на лавке, под навесом, поджав одну ногу под себя и выставив колено к подбородку. По всей длине перрона маячили редкие фигурки пассажиров — выбравшихся покурить или просто постоять, как Сомов.

Домики манили.

— Двадцать минут? — переспросил Сомов, обернувшись на проводника.

— Не меньше, — кивнул тот. — Сам устал, да ведь...

— Я пройдуся немного.

Проводник пожал плечами.

— Пройдитесь.

И добавил беспокойно:

— Только недалеко.

— Да я тут... — махнул рукой Сомов, уже шагая в траву. — Перед поездом помаячу.

Он перешел дорогу, увидел, как его тень — непроницаемо черная — обернула вокруг него полукруг, точно стрелка в часах, вытянулась и сжалась. Остановился под фонарем на узком тротуаре, постоял, руки в карманы, глядя на поезд, почувствовал, как потянуло в животе каким-то мальчишеским волнением, посмотрел на часы и зашагал вдоль дороги к ближайшему перекрестку.

«В крайнем случае, — думал он. — Запрыгну в любой вагон, их вон сколько».

Поезд вытягивался по ту сторону улицы и отказывался заканчиваться, вагоны с мутными пятнами окон терялись во мгле.

На перекрестке Сомов остановился, всмотрелся в убегающую вверх, изгибающуюся улочку. Бело-желтые тротуары, черные шели между домами, блики на водосточных трубах и канализационных люках, освещены всего два или три окна — теплятся оранжево занавески. Редкие вывески — прачечная, изготовление ключей, провисающие паутиной между столбами провода, на самих столбах — бахрома объявлений. Вдалеке моргает желтое пятно — от светофора.

Сомов оглянулся на поезд и двинулся вверх по улочке, чувствуя, как слетают с него остатки сонной одури.

«А ну как опоздаю, — улыбался он сам себе. — Вот смеху будет, папа потерялся».

И думал, что в случае, если поезд и впрямь уедет без него, вещи — портфель с документами, с запасной рубашкой и носками — нужно будет возвращать через транспортную службу, но это ведь ничего, предусмотрен же наверняка какой-то порядок. А он не пропадет — дождется следующего или вообще снимет номер в местной гостинице, переночует, выпитися в тесном, не чета смоленскому, номере, на продавленной кровати... И получится как будто что-то вроде приключения, про которое весело будет потом рассказывать коллегам или за семейным столом...

И посмеивался над собой, зная, что не опоздает, что без него не уедут, что придется сейчас туда-обратно, свернет вот здесь...

Из-за домов вставали горбами темные кроны, доносился шелест листьев. В арки видно было бока припаркованных машин. Тихо было и загадочно, под подошвами Сомова поскрипывали песчинки. Над желтыми улицами лежало совсем низко черное небо, куцые облака ползли, цепляясь за овал луны.

«Ночные города... — думал Сомов, поднимаясь по улице. — Тихие, пустынные, с черными окнами. Тени, свет от фонарей».

И ему думалось, что ночью города — такие вот, крошечные города, далекие от столицы, — ничьи, никому не принадлежат. И каждый — да вот хоть он, Сомов — кто вдруг оказывается на их улицах, населяет их своими воспоминаниями, мыслями, картинками из воображения, грустью, даже если весело.

«Что это за грусть? — думал Сомов, сворачивая на перекрестке, оглядывая аптеки. — Что она значит и зачем нужна?»

Он вспоминал, как гулял по ночным улицам — своего города, не этого — когда был студентом, как мог пройти пешком из района в район, шагать по часу-полтора, не уставая и ничего не боясь. Гулял один или в компании, тихо или шумно, песни даже горланили — а сейчас он таких вот удальцов, которые рвут глотки под окнами, терпеть не может, ни такта, ни совести, кругом спят, а они орут.

Вспомнилось, как однажды ночью, добираясь вот так на своих двоих домой, нашел телефон — тот лежал в траве у дороги и пиликал тоненько, жалобно, светился зеленым экранчиком, а на экранчике моргало: «Викуся». Подумал и ответил, сообщил, что шел мимо и обнаружил телефон в траве — а теперь, чтобы его просто было забрать и чтобы при этом он не достался кому-то менее честному, он, Сомов, спрячет находку... да хоть бы вот сюда, под изгиб водосточной трубы, устроит на жестяной скобе, на уровне колена, экраном в стену, чтобы не светился, сообщите, пожалуйста, собственнику... Устроил и пошел себе дальше.

Сомов посмотрел на часы и ускорился. Потом пригляделся и увидел, что ему навстречу шагает по тротуару человек. Человек был еще вдалеке, домах в пяти, и Сомов мог перейти на ту сторону, чтобы... ну, мало ли. Но пристыдил себя и переходить не стал — и когда поравнялся с единственным на округу прохожим, твердо посмотрел тому в глаза. Прохожий — невысокий и сухощавый, шагающий не совсем уверенно — тоже посмотрел на Сомова и даже задержал взгляд, даже голову повернул, всматриваясь. А потом окликнул Сомова из-за спины, оставшись позади:

— Сомов?

Сомов сделал на автомате еще пару шагов и остановился, обернулся едва ли не боязливо.

Прохожий прищурился, шагнул Сомову навстречу, чуть склонил голову набок, затем глаза его округлились.

— Сомов? Коля, ты?

— Я... — неуверенно протянул Сомов.

Он присмотрелся к прохожему, и да, лицо — нос с горбинкой, глубоко посаженные, но все равно как будто навывкате, с тяжелыми веками, глаза — показалось ему знакомым.

«Кто это?» — стал лихорадочно вспоминать Сомов.

Прохожий между тем вскрикнул радостно и схватил руку Сомова, затряс ее в своей.

— Вот так встреча, дружище! — восклицал он. — Это ж надо, а! Ты какими судьбами?

— Да... — забормотал Сомов, высвобождая руку. — Это...

Прохожий отступил на шаг и оглядел Сомова с ног до головы, точно любуясь.

— Ну, вымахал! — всплеснул руками он. — Здоровенный стал, а! — и со смехом хлопнул Сомова по плечу.

От прохожего пахло алкоголем.

«Откуда я его знаю? — думал Сомов растерянно. — А он меня?.. Лицо знакомое, а вспомнить не могу... И почему — здесь?»

Он оглядел улицу, точно искал подсказку.

— Вот бывает же, — продолжал удивляться прохожий. — Идешь посреди ночи, зеваешь, и вдруг — на тебе! Сомов собственной персоной! — Он снова хлопнул Сомова по плечу. — Где бы мы еще встретились!

— Да-а, — выдавил из себя улыбку Сомов. — Бывает же...

А сам подумал: «И правда — а где?»

Названия городка он не знал.

— Как семья?

«Семья, — подумал Сомов. — Значит, познакомились уже после свадьбы... Или он про родителей?»

— Семья? — переспросил он. — Да все хорошо, спасибо.

— Ну и славненько, — прохожий кивнул удовлетворенно. — А курить-то ты бросил? — и посмотрел с хитрецей.

— Б-бросил.

«Еще когда курил, общались, получается... Кто же это такой?»

— Молодчина! Я тоже бросил, но ты не представляешь, каких мне это трудов стоило! — Прохожий заматал головой. — Сто раз срывался, веришь? До сих пор, если выпью... — Он тронул пальцем шею, потом махнул рукой. — Но я так-то редко пью, ты не думай... А что сегодня, так это так... Друг... Да и с Нинкой поругался, нервы вытрепала...

Прохожий вдруг замолчал и посмотрел на Сомова восхищенно.

— А пойдем ко мне, Коль! Опрокинем по маленькой, мне кум «Бехеровки» привез... Во такая «Бехеровка», у нас такой не купить... Пойдем, а? Я через улицу живу! Поговорим за жизнь, столько всего обсудить надо... Сто лет же не виделись, Коль!

И прохожий замер, блестя глазами, ожидая ответа.

— Нет-нет, — заматал головой Сомов, точно просыпаясь. — Я... Ты... Ты это... прости, я же проездом... Там вон поезд стоит, мне через... — Он бросил взгляд на часы. — Через пять минут уже на перроне быть надо, а то... — выдавил усмешку. — Ну, уедут без меня.

По лицу прохожего пробежало разочарование, грусть даже, потом он развел руками.

— Понял, Коль, нет вопросов. — Он взгляделся в лицо Сомова. — А все-таки раздобыл же ты, а!

И засмеялся.

Сомов улыбнулся как будто виновато и показал за плечо, на перекресток — надо спешить.

— Понимаю, Коль! Конечно! — затряс головой прохожий. — Прости-прости, я ж не это...

Он засучил рукав и всмотрелся в свои часы, нахмурился, пожевал губу. Сомов протянул руку для прощания, в мыслях уже рисовалась картина отходящего поезда: клубы дыма, проводник высовывается в открытую дверь,

удаляется, осуждающе качая головой, а Сомов бежит, задыхаясь, карабкается на насыпь, спотыкается, вскакивает, продолжает бежать, хотя видно уже, что смысла в этом нет...

— Так давай я тебя провожу! — воскликнул весело прохожий. — Я-то все равно вон... — Он коснулся шеи, махнул рукой. — С Нинкой поругался, на грудь принял... Мне теперь гуляй не хочу!

Сомов пожал плечами и двинулся к перекрестку. Прохожий зашагал рядом, картинно выбрасывая перед собой ноги.

— Нет, ну вот бывает же, да? — поражался он. — Идешь себе идешь, никого не трогаешь... Я во-он там живу, только ипотеку выплатили... А ты как, Коля? Свободен, — смех, — от кредитного рабства?

Сомов качал ладонью — постольку-поскольку. И косил глаза — откуда же он его знает? По студенчеству? Оттуда не мудрено позабыть, но не так же...

А прохожий все говорил и говорил, и спрашивал Сомова, и Сомов отвечал, сам даже задавал аккуратные наводящие вопросы — способные пролить свет, но и не выдать при этом свое беспамятство, — и прохожий отвечал, но ничего не прояснялось.

Вышли на улицу с бедуинскими домиками, и поезд развернулся в обе стороны — длиннющий, мерцающий окнами.

У вагонов курильщики растирали бычки подошвами.

— Скорее! — крикнул Сомову проводник. — Отбываем!

Сомов почти побежал, прохожий побежал рядом, вместе они перепрыгнули траву, оказались у вагона.

Парень в майке лениво ковылял от скамеек, докуривал сигарету до фильтра.

— Ну что, Коля! — воскликнул прохожий. — Береги себя, дружище, всем приветы передавай! Нинке расскажу, не поверит. — Он рассмеялся. — Решит, что я ее дую, внимание отвлекаю...

Он сжал Сомова за плечи, посмотрел с чувством.

— Бывает же, Коля!

Сомов встряхнул протянутую руку, чувствуя себя виноватым, и сам постарался посмотреть как можно дружелюбнее.

— Желаю... помириться с... Ниной, — выдавил он.

— Да помиримся, — махнул рукой прохожий. — Дело житейское! Иди, иди, уедут сейчас.

Он подтолкнул Сомова к ступенькам, Сомов влез в вагон, ткнул пальцем в дверь, та отъехала в сторону.

— А вы? — услышал он голос проводника.

— Да я ж это! Проводил просто, встретились вот, поразительное дело... — Голос прохожего.

Сомов прошагал по темному и душному после улицы — пот и лапша — вагону, увернулся от перстенька, сел у окна.

Прохожий стоял на перроне руки в карманы и улыбался, искал Сомова глазами. Нашел и достал одну руку, козырнул пальцами от виска, как в фильмах. Сомов кивнул и подумал вдруг, что все вокруг странно, нереально, захотелось дернуть спящего мужика за палец, чтобы убедиться в обратном.

— Это ужас какой-то, — ворчали за перегородкой. — Первый раз такое...

Поезд вздрогнул, под полом загремело, перрон вместе с прохожим, с дорогой и домиками, с фонарями и козырьком над скамейкой, качнулся и

поплыл в сторону удаляясь. Прохожий поднял руку и стал махать ей — и махал, пока не скрылся из виду.

Поезд набрал ход, городок остался позади, и мимо окон вновь потянулись поля и лес, поля и лес.

— Пароход... — пробормотал мужик и перстенок блеснул в восковом свете. — Республика...

Сомов как мог взбил подушку и улегся, вытянул ноги.

«Кто же это такой? — подумал он. — Нина еще... Что за Нина?»

И он остановился на мысли, что да, следы знакомства нужно искать в студенчестве — тогда общались большими компаниями, много пили, оно-то, конечно, странно, вот так забыть, начисто, как корова слизнула, но мало ли, сколько лет прошло...

Он стал перебирать в памяти знакомых по университету — одногруппников, однокурсников, знакомых на курс младше и на курс старше, учащихся других факультетов, друзей друзей, случайных каких-то гостей на попойках, вспомнил даже малого, который вытащил у него из кармана куртки пятьсот рублей, а потом уверял всех, что нашел их под вешалкой, что нашел и подобрал специально, чтобы вернуть, но кто-то видел, как он совал руку в карман куртки, так что его вытолкали с позором, а Сомов еще и пендаля отвесил, чувствуя свою правоту и что коллектив за него... Вспомнил девицу, которая ходила и всех нюхала — шею, волосы — и по запаху определяла, хороший человек или плохой. Сомову она сказала, что он, конечно, хороший и только хочет казаться плохим, но это защитная реакция, главное — не увлечься...

Сомов вспоминал и вспоминал лица — десятки, сотни лиц — но лица прохожего среди них не было.

«Бывает же, — думал Сомов. — Кому расскажешь, не поверят...»

С этой мыслью он уснул — и проснулся на следующей остановке. Приподнялся на локте, выглянул в окно — поле, уходящие шеренгой вдаль опоры ЛЭП, завязшая в облаках луна.

— Сколько же можно... — заворчали за перегородкой.

Мужик всхрапнул и втянул руку с перстеньком под простыню. Сомов перевернулся, скрипя койкой, покрутил так и сяк мокрую от пота подушку, уткнулся в нее лицом. Уснул и спал до самого прибытия.

На следующий день, сидя в прохладном светлом офисе окнами на площадь, попивая кофе и одним ухом слушая, как коллеги обсуждают недавно вышедший сериал, Сомов прочел в новостях, что где-то на рельсах того направления, которым он ехал из Смоленска, ближе к ночи обнаружили устроенный между шпалами сверток. Из-за манипуляций со свертком — изучения, извлечения, проверки остальных участков дороги — поезда раз за разом и останавливали.

ЮРИЙ ЛАВУТ-ХУТОРЯНСКИЙ

МЕЧТА ВОДЫ

Ручей

Испуганной испариной расщелин
Невольно возвращаясь в облака,
Один, в громадах каменных потерян,
Ручей, мечтающий — река,

Решится — и, захлёбываясь звоном,
Горстями радуг в воздухе пыли,
Поводопадничав, рванёт с разгона
Поить цветущие поля,

Леса, луга, деревни, скот, заводы,
Сбирая дань окрестных мутных рек,
Приняв осадки, паводки, отходы,
Грузнея, замедляя бег,

Достигнет моря полным, гибким телом,
За годы одолевшим стыд и страх,
Мечтая не о счастье в мире целом,
А лишь о детских берегах,

Где вечные, божественно-немые,
Толкучку облаков пронзив насквозь,
Под воспалённым солнцем ледяные —
Вершины с жизнью врозь,

Где кончится круговорот рождений —
О чём ещё мечтать воде? —
О высоте, о чистоте, об испаренье —
И льде, и льде, и льде, и льде.

Лавут-Хуторянский Юрий Владимирович родился в 1955 году в Москве. Окончил Московский институт электронного машиностроения (факультет прикладной математики). Освоил ряд специальностей: от обивщика дверей и детского воспитателя до экскурсовода и программиста на Братской ГЭС. 15 лет проработал в полуподпольной театральной студии, параллельно окончив ГИТИС. Автор трех поэтических сборников, книги для детей «День рождения, или Шоколадное воскресенье» (М., 2005) и романа «Клязьма и Укатанагон» (М., 2019).

Живет в Москве. В «Новом мире» публикуется впервые.

* *
*

Утро, млечный наряд растеряв на рассвете,
Солнцем вспыхнуло, красками не дорожа,
Забежало за полдень и, вечер заметив,
Растерялось, застыло, закатом дрожа, —

И сгорело, и кануло, будто и не было,
Разбросав за чертой горизонта угли.
Словно дым облаков по вечернему небу
Разлетается то, что с утра подожгли.

И мятежный закат, уходящий под землю,
И всплывающий леса небесный причал —
Не нуждаются в звуках. И я молча внемлю
Языку, речь которого не замечал.

* *
*

Эй, ветер равнинный! Владея равниной,
Подхватывай то, что звучит вдоль дороги.
Напрасно ты хочешь расквашенной глиной,
Нам с детства вперёд нагружающей ноги,
Пластами костей, потерявших гражданство,
Уральским разбитым хребтом позвоночным
Скрепить распадающееся пространство,
Ведь там, где ничто не является прочным,
Ни вера, ни память, ни цель, ни идея,
Где пепел сердца не преследует стукотом,
Одна только женская рифма умеет
Пространство протяжно пронизывать звуком.

* *
*

Медленно в памяти мама
Выйдет на старенький двор,
Где фортепьянная гамма,
Денег важнее уговор,

Где для шпиона находка
Каждый случайный болтун,
В праздник — под шубой селёдка,
В будни — дрова и колун,

Кислые щи и картошка,
В очередь велосипед,
Из алюминия ложка,
На деревяшке сосед,

Ключ на лохматой верёвке
Шею безжалостно трёт —
Высыпалось из кладовки
Воспоминаний старьё.

Грозная туша стальная
Двинет зелёным хвостом,
С мамой легко ускользая
В чёрный тоннель под мостом.

Мама, я скоро приеду,
Раз ты не можешь сюда.
Вымою руки к обеду,
Ключ — на хранение соседу,

И — за тобой навсегда.

* *
*

Мы десертных семейных историй салат
собирали в альбомы, под плёнку,
чтобы этих картинок цветной мармелад
поддержал хоть кого-то вдогонку.

...Не кого-то, тебя! Мы сидим за столом
для тебя, хоть тебя мы не знали.
Пусть альбомы кричат про грядущий разгром,
где герои погибли в финале, —

не бросай нас, и так от тебя каждый день
нас на сутки относит течение
будто выброшенную за борт дребедень,
но мы здесь, мы за чаем с печеньем,

за столом, без тебя, но всегда там, где ты,
мы беззвучным присутствуем эхом —
мы как будто кусты у потока, кусты,
из которых ты выпал орехом,

из зелёной лещины, родного куста,
и поплыл как семейное семя —
так фиксируй, как мы, и людей, и места
в это временно новое время,

для другого родного, вдогонку, пока,
замирая, не соединила
нас с тобою река, и над ней облака,
и застывшее в небе светило.

ЕГОР МОИСЕЕВ

ВОДОЛАЗ

Рассказ

1

Весна. Потеплело. Обнаглевшую Москву покидали прошлогодние однокурсники. Три года подряд они выбирались на майские в походец. Ни Западная, ни Восточная, ни, конечно, Южная МО им не зашли. И вот на последней, выпускной, весне они угадали Северную область. С нее и надо было начинать, куда не стыдно возвращаться, где мягкая вода и свежий воздух. И последняя поездка друзей перед выпускным не смешается с прищуренными от пива хануриками и визгливыми фикспрайсовскими семействами.

Всегда трезвый Арсений застегнул протез, дохромал до минивэна и поехал забирать друзей: Соню, Валю, Лешу, Колю, Елену с ее новым, вставшим, по всей видимости, на якорь, женихом.

Покидая апартамент, Валера подумал, что страх от протекающего крана — стихийная противоположность прежнего страха. Теперь не спалить свое и соседское жилище боязно, а затопить. Затем надвинул дужку наушников на темя и позволил идиотской гробокопательской песне дребезжать в одиноком объеме. Настолько Валере было погано... *Веселая будет природа...* убедился Арсений, усаживая друга подальше от Лены и вставшего на якорь жениха. Валера поздоровался со всеми через наушники — как через перчатку. Везся и помалкивал.

2

*...При участье Кемерона
я поеду в Комарово.
Мы за то, чтоб в море синем
не дичали корабли... —*

пел Валера, сидя на вековом дереве.

Осенью в крону хлопбыстнуло молнией. Мне хочется думать, что перед смертью дерево ощутило мелкий душеобновляющий трепет и зубную боль. И такая расслабленная — да, это была ива — она подпала под ветер. Корень, выпроставшийся из песчаного берега, и за ним другой, подлиннее, потом еще один, соседний, потом еще, но уже противоположный, и дерево, изгибаясь и вывертываясь, рушится. Медленно съезжает в реку. Друзей не волновала перемена.

Моисеев Егор Олегович родился в 2003 году в Саратове. Учится в Литературном институте им. А. М. Горького (мастерские А. Василевского и Ф. Нагимова). Публиковался как поэт в «Волге», «Поэтике», «Хиже», на «Полутонах», в «журнале на коленке» и др. Живет в Москве.

Только Валера, уже в сумерках, когда поставили палатки, открыли двери и задрали багажник Сениной машины, чтобы станция Монте-Карло звучала громче, несколько минут оглядывал и обстукивал кору, желая найти сердечко, в которое были втиснуты «В» и «Л», и так напоминавшие верхнюю и нижнюю половины валентинки. Это было точно то дерево, потому что — вон — торчала в ветвях тарзанка из цепи и велосипедного руля.

Но (словно бутерброд на масле) дерево завалилось на отметину. Валера пощупал в кармане открывашку, чтобы нацарапать заново, но — слава Богу — мимо прошла Лена со своим бутюгом под руку, прижимаясь щекой к волосатому плечу, и сказала... *вот бы рыбки сейчас, вот бы рыбки, заюш...*

И заюша достал откуда-то из подмышки розовый пакет, раздвинул белые складки, побегал пальцами внутри и вынул воблу. И, улыбаясь, треснул рыбкой по стволу. Лена схватила рыбку и помчала, припрыгивая, к лагерьку, оглядываясь на заюшу.

Никому в компании не понравился этот молчаливый основательный богатый человек. И однокурсником их не был. И не общался. Только хмурился в пути, вникая в их воспоминания. И все следил за глазами и ногой Сени, нечувствительно выжимающей газ. Но что поделаешь. Валерка потому и напился, и голосил никому неслышные каламбуры, что ничего не поделаешь. Иначе бы он, конечно, вновь пробороздил глубокие царапины в валентинке.

Он наорался. Сунул гитару в салон. Ребята сидели у костра. Подошел к ним и сел между Лешей и Соней. Леша хрустел длиннющими семечками и отцыкивал шелуху с подсознательным спокойствием, доставшимся нам от прачеловека, для которого подобный хруст, но жучками, значил, что не сдохнет. Соня затягивалась самокруткой, от которой остался уже крошечный рыжий сапожок.

Как раз тогда, когда подошел Валера, она затаивала дыхание. Увидев его, улыбнулась, но воздуха не выпустила; горели карие глаза. Она вдруг обхватила его голову и тесно поцеловала, выдохнув дым в него. У Валеры зазвенело в мозгу, огонь и лица заплясали. Он стал вертеть шеей, и Соня слегка надавила ему на висок. Он обмяк. Лопатками ощутил ее колени, и, поерзав, сдвинул спину на песок, чтобы лечь на них головой. В небе дрожали звезды. Соня гладила его лицо. Слышался Колин рассказ

...Когда похолодало, ему стало легче.

Гена отказывался от медицинской помощи. О веществах и близко не было речи. Это ведь с них и началось. Я слышал, что в Коране написано о стражниках, помещенных в грибы, с которыми нужно поладить. Гена, видимо, не поладил.

Однажды пришел в храм, встал между дверями и церковной лавкой. Ему полегчало от запаха и цвета, и от того, что нужно было сосредотачиваться на словах, возводивших красивое, похожее на скелеты древних рачков, строение, но потом он услышал откуда-то... свечечки восковые. Забрус... И ему представились пчелиные соты, а потом и осиные гнезда. Он выбежал, расчесывая торцы ладошек и горло, и рухнул на заднее сидение ожидавшей машины, держа правую руку так, словно в ней разорвался пистолет...

Он боялся раздеваться. Не мылся. Сходил с ума во все более одинокой жизни. Незадолго до ремиссии трипофобии — как раз на Новый год — брат подарил ему пять часов моей режиссуры. И мы решили снять о нем мини-сериал. Я поэтому так много и узнал про Гену. Он пригласил меня в гости. Квартира на Лубянке. Шел ремонт. Я подарил его жене конфеты: фундук, словно метеорит, врезался в шоколад, и секунды этих столкновений застывали, образуя остролистые тазики, в которых торчал орех. Она кивнула, улыбнулась и накрыла коробку полотенцем.

Под Рождество Гена понял, что не выкарабкается. Водку пил, обезбразживая себя изнутри. Его немного еще успокаивала статейка, памятная с детства, о том, что несколько алкоголиков самовоспламенились... Если так... думал он... то никто во мне не поселится. Это же как в соломенной избушке на солнцепеке...

Но, в принципе, он приобрел неизбывное убеждение, что у него под кожей уже сидят маленькие одноглазые червячки и ждут момента, чтобы проклюнуться.

Когда он закрывал глаза, то ясно видел, что на краю его ладони — твердая лиловая опухоль, испещренная шишка, из пор которой выглядывает что-то такое же твердое, но желтое. О члене он старался не думать. Не спал с женой. Не включал света. Лежал лицом к стене и плакал.

Десятого января его жена отвела их маленького Сашу на вечеринку по случаю конца зимних каникул. Саше купили детализированный костюм шерифа, и мальчик был очень рад.

Потом я видел запись с их домашней камеры.

В огромном черно-зеленом зале стоит софа. На ней в одинокой позе лежит человек. Ни с того ни с сего он вспрыгивает на ноги, бросается в угол, пугая двух собачек, дремавших там. Они тут же раздракониваются. А человек копошится под самым веком камеры, роется в каком-то шкафу.

Потом достает маленький револьвер и направляет его дульце себе между глаз. Видимо, он хотел не просто умереть, а разрушить мозг и глаза, чтобы, не дай Бог, не перенести свое состояние на тот свет.

Вы представляете барабан револьвера? Шесть отверстий для патронов. И знаете, что он увидел перед щелчком? Он увидел, как прямо ему в лицо, окруженные глубокой пыльной темнотой, слегка выглядывают тупоголовые пули с пятнышками по середине. Это зрелище ничем для него не отличалось от пестика лотоса, или насадки душа, или пузырьков на фруктовом льде. Разве что те образы возникали в уме, то есть тускло, по ту сторону глаз. В сущности, его призраки никогда не показывались на глаза. А эти тупоголовые пули, проклюнувшиеся из барабана, были наяву. Стояли перед лицом, как бы выбивались наружу, на него: чтобы, взвизгнув теми собачками, укусить и заразить.

Гена отшвырнул револьвер, побежал в ванную и долго, долго тер глаза, и, наверное, ослеп бы, но подросла жена...

3

...Эдик... орала Лена... Эдик...

Просветлело внезапно, словно в стакане для кисточек переменяли воду.

Заботливая чья-то рука накрыла Валеру полотенцем. По берегу ходила Лена. Стакан упал на нее и заслонил... Опохмелись... пробасил Сеня, сидевший за спиной, и вытер холодную руку о шею Валеры. Тот вскочил, словно было от чего отмахиваться. И по старой привычке делить утро с Леной побрел к берегу. Она шурилась: выглядывала что-то.

...Чего там?... Эдик... Кто?... Лена посмотрела на него... А. Нырять?... Минуты три назад пропал... Пропал?... Не знаю. Все спали, а я увидела, когда он заплыл уже далеко... И она снова сосредоточилась, как будто бы даже внюхиваясь.

Из воды вылетела темная бутылка. Голова Коли показалась следом. Потом — Сони и Леши. Они старались нащупать огромное тело, которое, кажется, надрывалось в последних спазмах, но не могли.

Глубже всех занырнул Коля: теплая мутная вода внезапно охладилась, и света стало меньше, чем воздуха. Он попал в слой настоящего страха и, с трудом его оборов, совершил еще один рывок, и пальцы его окунулись в ил, словно в затылок прогнившего чудовища. Тогда он вытолкнулся.

Друзья были встревожены, и еще пару минут оглашали реку именем потонувшего, словно стоял Посейдонов день в детском лагере, а он был Посейдоном. Вода около Сони слегка провалилась. Всплыла голова Эдика с крутым иссиня-рыжим порожком от шеи к затылку и углублением у макушки. Лена рванула ему навстречу.

...Зачем так надолго, я волновалась... сказала она. Он молчал. Из глубины подплыли друзья... *Мы думали, ты утонул...* сказал Леша... *Перепугал нас...* докончила Соня... *Ну что же? Что же ты делал?.. Я...* сказал он... *ставил раковку...*

И друзья направились к палаткам и подстилкам, игнорируя Валеру, не принявшего участия в этом идиотском, а главное, как ему показалось, несчастном случае.

Случай сплывал. В поисках его, собственно, собираются старые компании (ради дружбы собираются по двое или по трое). А Валера безнадежно выпал.

Правда, Господь послал ему второй шанс.

У Сени пропал протез.

...Немецкий!.. суетился он, ползая по лагерю... *Я вечером отстегнулся, и ногу в полотенце замотал, а то раскалилась бы с утра на жаре. Утром Вальку поднял и сам хотел встать, посмотреть, что вы там наплавали, и все...* так он пояснил и снова начал бить полотенца и покрывала... *А что датчик? На современные сейчас устанавливают...* спросил Эдуард... *Да. Но нет сигнала. Кто последний спать лег?.. Я...* сказал Алексей... *Кто-то еще на речке был?.. Дети какие-то на мопеде... Все, хана им...* и он, опираясь о бампер, поднялся. Валера юркнул ему под руку, чтобы поддерживать... *Валера, со мной поедешь. Лех, не обессудь... Арсень, не надо...* сказал Коля... *Ничего такого. Леху не беру. Будем разговаривать с их родителями... Арсень, колес на тачке нет...*

Машина даже не заводилась.

Пропало еще по мелочи и по горечи: гитара Валеры, узорчатая трубка Коляна, туфельки Сони; у Лехи, Лены и ее жениха не пропало ничего, но подозревать их было бы глупо.

Эдик вызвонил пятерых своих братьев... *Эй, на шхуне, лом не проплывал?..* несколько раз повторил... *на развороте...* а когда Сеня поправил... *да пофиг, пусть по прямой едут, мост обычную машину выдержит. Это нам на разворот пришлось...* Он кивнул, немного оголив клычки, но исправлять не стал... *они на грузовике. Колеса же...* пояснил он, сбросив трубку. И братья уже мчали с новыми покрывками.

Ближайшее село было небольшим, но обивать пороги с несуразными обвинениями стоило, действительно, только с нашхунями. И потому друзья ждали.

4

...Коль, а что это за историю ты вчера рассказал... спросил Валера, когда уже нечего было спросить... *Про бомжа и тележку?.. Нет... Про Толстого и стиральные машины?.. Д-нет, про мужика, который застрелиться не мог?.. Что? Не было такого...* Ну, блин, про трипофоба, которому казалось,

что из него черви полезут?.. Фу, н-н-н-н-н-н-прекрати... вменялся Эдик, макнувший горбушку батона в глубокую консерву... Делов такого не было... сказал Коля... Это просто ты гниловатый... сказала взведенная Лена... Не говори мне такого, поняла?.. ответил Валера.

Эдик выдохнул и сказал... *Так, я понимаю, что м-мы с-сейчас на эн-нервах... и он мороснул слюной себе на грудь... но д-давай, чтобы таких слов т-типа «поняла», н-н-не было. Хорошо?.. Ты вообще заткнись, падалицк-чудила... Мы не будем ссориться... сказал Алексей.* Его лицо, помятое в боях на голых кулаках, было очень, соответственно, мягким и умиротворяющим: светлые брови почти отсутствовали, верхняя губа чуть приподнята в право, на переносице — нежные ямки, словно из них вылетели облачка. Он захотел рассказать

...Я, знаете, когда в последний раз на нервах был? Перед прошлым турниром в лиге «Тяжба». У них задумка такая была, суперрусское движение. Например, не «экс-чемпион», а «эх-чем-бы-он» говорили. У публики спрашивали: эх, чем бы он занялся, если бы не дрался. Публика выбирала ответ из списка: уборщик, строитель, курьер, дружинник в метро, листовщик, сторож в храме и еще какую-то ерунду. И проигравший обязывался работать так целый год: в контракте у бойцов были прописаны фирмы, куда их в случае поражения определяют.

Мне предстояла защита титула (они переименовали его в тютельку). А я только с шиномонтажки свалил. Вообще не хотелось ничего, кроме спорта. За неделю до боя тренер видит, что я пропадаю, огрызаюсь. Спрашивает меня... что ты... Я говорю типа... бабла поднять надо побыстрее, а то хрен знает куда засунут... Лешка, какое бабла. Ты лежать сейчас должен и думать о бое. А ты горишь... И я пошел развеяться. И пришел в боулинг. За вечер в итоге шаров сто закатил. Тяжелых, которые выбивают кегли зараз. На следующий день пальцы и запястье правой руки превратились в корягу, зашнуровываться — боль. Вот тогда очень нервно стало, тем более, когда тренеру сказал... Но ты победил?.. уточнила Соня... Ох, еще б. Но до сих пор, когда шары для боулинга вижу, представляю, что в дырках мои пальцы торчат, а я рядом полы одной левой рукой натираю...

Валере почудился подвох. Уже вторая трипофобная тема. Он встал и ушел в темноту. За ним неохотно пошла Соня.

...Ты на него больше не наезжай... успела она услышать голос Сени... Да... похрустывая, присоединился Леха. Сеня продолжил... мы сюда с Валеркой сто лет ездим, а тебя так, через Ленину постель пропустили, и общее твоё впечатление не одобряем. Ты, кстати, что заикаться начал?.. Эт-то, когда в-выпью, тик промелькивает... и он снова плюнул краем губы, затаив обиду.

5

Только у кромки слегка синело, а так — чернота. Что-то рябило в воде... Ребята уже далековастенько... подумал Соня и вдруг ахнула, ударившись голенью о какой-то ствол.

...Осторожнее... сказал Валера, когда она упала на него...

Потом он отошел в речку, чтобы ополоснуться, а Соня — вся в песке — перекаtywалась на спинке и смотрела созвездие. Когда он вернулся, она уже была готова к робкой нестабильной перековке... *Нужно ли было огрызаться, милый, агрессивовать... О, ты заметила, что это, по сути, однокоренные слова? Как стресс и потряслось... Нет. Но при чем здесь слова, Валя? Ты же видишь, Эдик особенный человек, странный. Хотя Лена и не могла найти другого, в смысле не странного, и слепому видно, что он аутист, но я почему-то до*

последнего надеюсь, что этот более вменяемый. Вменяемой тебя, по крайней мере... Она взвизгнула... Чтоточточточто!.. Это рак, дорогая. Он сидел под веточками ивы. Видишь, я тоже умею ловить раков, но никого не заставляю нервничать... Соня тут же успокоилась и даже нащупала колючий хвостик, чтобы погладить. Рачок пятился к ее щекотной косточке... Как жалко дерево. Вот бы обернуть время вспять. Какое замечательное студенчество. Да и теперь — посмотри на нас — все хороши. Леха чемпион по кулачному бою, Сеня протез за три миллиона может себе позволить, Коля...

Валера озлобился, перестал слушать. Он, хотя и не бедствовал, но постоянного счастья — то есть успеха — еще не знал.

Конечно, в пересказе чужой успех — особенно легкость пути до него — неправдоподобно приукрашены, однако, что уж тут — здравомыслием зависть не заслонишь.

Валера уже вступил в тот возраст, когда была пора чертыхаться, кайфовать и цепенеть в труде над неизгладимой книгой. Но вдохновение на роман его не посещало, и он разменивался на тугопечатаемые стихи и хорошие, но все-таки, рассказы

...Может быть, расскажешь уже, почему с Леной порвал? Вы же были такой страстной парой... У нас ничего не было... угрюмо сказал Валера... Да брось ты, не верю... В один чудесный день мы так сладко обнимали друг друга, что я решил оголить сердце перед ней, понимаешь? Ну как Толстой... Ты изнасиловал ее в такси?.. ужаснулась Соня... Нет. Образ Толстого, что, навсегда отравлен для вас?.. Соня ничего не ответила... Я показал ей свой дневник...

...Пойду проверю твою раковку, Эдик... сказал Леша, потому что Сеня спал, а Лена о чем-то шепталась с Коляном. Эдик играл на телефоне в гонки... Н-ну п-п-пробуй... сказал он и поднял глаза, в которых отразилась авария... Вон, б-бутылка блестит...

...Ладно, что он дом в детстве спалил. Ладно, что из лука в девочку выстрелил. Ладно, что в армии паренька какого-то под кроватью завязанного оставил, так что бедолаге чуть самоволку не объявили. Так он еще и баб сколько! В дневничке было написано не просто, с кем, ну, как Донжуанский список, а сколько раз и куда... Ничего себе... мотал головой Коля... Да. Но, блин, что за человек, рядом с именем нашей Сонечки стоял страшный знак примерного равенства, а числа не было. Когда я увидела волнистые черточки, похожие одновременно и на ленты матроски, и на платочек, которым машут вслед мобилизованному, и на складки постели, и на завивающийся след от шин, едущих по скользкому серпантину, а главное, они похожи на самое большое число этого списка, я поняла, что он любит одну только Сонечку, и ушла из его жизни, хотя мы вместе снимали квартиру пять лет — брат братом, сестра сестрой — а вы даже не верили, что мы не вместе. А это правда. Хотя последний год мы очень хотели, ну, полюбили друг друга, короче... Жесть. Но теперь, я надеюсь, ты счастлива. Эдик хороший парень... Да, но...

...Кто это мельтешит... проснулся Сеня... Убавил бы ты звук и яркость, гонщик... Да, милый, сделай, пожалуйста, потише... Лена жалостливо посмотрела на Сеню... Дело в том, что... Ну да, прямо называйте. Кар эксидэнт. Там и поколечился... сказал Сеня и повернулся ко всем спиной

...Не знаю... говорил около погибшей ивушки Валера... какой-то он псих...

И действительно, Эдик отложил телефон. Он встал прямо за спиной засопевшего Мити и захлестнул голень, очень мускулистую, так что она исчезла. Он сделал ладонью жест иллюзиониста, означающий, что с кроликом все в порядке, что ассистентка не проткнута насквозь, а потом отвел руку за спину и развернулся бочком.

Лена и Коля устали на него. Ветер шевелил мусорный пакет в районе утерянной Сениной пятки.

Эдик махал свободной рукой в фигуру из сцепленных руки и ноги... *Лена, п-прыгай, типа ты тигр, п-прыгай...* Лена весело посмотрела на Колю и прыгнула в кольцо... *Теперь т-ты, К-к-коля в ко-колечко...* Коля прям покатился со смеху. Но чтобы не смеяться в цвет, он вспомнил пустоту под Сениным бедром. Ему представился золотогривый зверек по имени Смешинка, который барахтается в обочине, тянет ручки, а рядом горит машина, и кровь вперемешку с рваниной штанов накрывает Смешинку

...Коля, д-давай... за этим человеческим снарядам — прямо в кольце, как в телевизоре — призывно махала Лена, ну же, мол, так надо. Но Коля отказался... *П-п-п-ожалуйста, друг. Ну очень н-надо!. Лена, он не н-н-намерен меня в-в-в-в-еселить. Я вам тогда шоу покажу...* и убежал за машину.

6

Послышалось шлепанье по песку. Леша подошел как раз в ту секунду, когда Эдик скрылся во тьме. Сказал, вытираясь... *не смог донырнуть. Но веревку пощупал — не поднимается. Много, значит, набралось. Э, где этот раков?*.. В кусты, похоже, побежал. *Лена, ты кого, блин, нашла?.. Вон он бежит...* сказал Леша, включая дальний свет на фонарике... *к дереву... У него ведро-туалет в руках. Валерка с ним дерется, бежим!*

Коля, Алексей и Лена рванули к иве, а осоловелый Сеня принял фонарик и остался с лучом.

Валера не позволял Эдику плеснуть из ведра на ствол, взмахивая перед ним цепью, служившей некогда для тарзанки. Соня кричала.

Когда друзья подросли, дерево уже облили.

...Ты чего, милый, милый. Все хорошо, иди ко мне, поцелуй... И Лена почувствовала, что изо рта у Эди прет бензином.

Коля развернул Эдика лицом к себе и, подняв от негодования брови, затряс указательным пальцем перед его лицом... *Ну что ты, на хрен, делаешь. Ну ни ума, ни фантазии...* Эдик плюнул ему в глаза и одним махом откинул далеко от себя. Затем вынул что-то из кармана и с кратеньким иком швырнул в дерево. Оно мгновенно занялось.

Друзья отбежали... *Он в ведро бензина отсосал...* догадался Валера и потаенно макнул цепь в огонь, чтобы как следует хлестануть неистово хохочущего Эдуарда, когда все отвернутся, или обжечь его — ну хотя бы.

Леха заметил, видимо, это и сказал... *не смей...* Он ясно понимал: проломленная голова этого дебила = проломленные головы всей честной компании, если его братья, которые вот-вот уже приедут, от того же родителя, что и он.

Коля встал, потирая глаза. Соня заметила, что он не в состоянии проморгаться, и повела его к воде — промывать. Но в этот момент Валера, черт бы его побрал, решил не слушать Леху и замахнулся цепью. Она посекала огромное ухо Эдика.

Но прежде — промелькнула совсем рядом с лицом Коли, и жары в звеньях было достаточно, чтобы, не соприкасаясь с кожей, воспламенить капли бензина, которые плюнул истерический Эдик.

7

Утром приехали братья, или нашхуни. Никаких покрышек у них не было. Один из них грубо спросил, где раколовка, а второй, не дожидаясь, пока Эдик сообразит, указал на буюк пивной тары.

Третий элементарно разделся, вытащил из багажника лебедку и сплавал к буйку. Алексею, Соне, Лене было не до этого. Они ждали скорую. А Валера догадывался.

Тачка медленно отъезжала и тянула что-то из воды. Через пару минут она вытянула несколько здоровенных пакетов и укатила с ними за поворот в кусты.

Когда Лена отошла от Коли и сунулась туда же, ее окоротили... *не лезь...* Четверть часа, и — о чудо — братья стали выкатывать колеса, потом коробки с — выяснилось — аккумулятором, магнитофоном и всем, что можно отъединить от машины. Затем принесли гитару, трубочку и наконец, заматанный в полотенце, словно то был подохший кобель, протез.

Потом они позвали Эдика. Четвертый брат говорил... *ты что за разворот устроил? Так повторял — разворот, разворот, будто реального наворовал. Куда мы это денем. А тут еще и инвалиды... и безногий и слепой сразу. Дуй в тачку... Вы хоть не военные?..* спросил пятый. Потом один из них обратился к Лене... *Ты с ним?..* Она ничего не ответила, и машины, отъезжая, зашипели прочь. Так закончилось приключение с посрамленным водолазом.

Рак уполз обратно. Дерево сгорело верхней частью вдоль, а нижняя оставалась в сырости, так что Валера сумел перевернуть ствол.

Машина была оживлена, и друзья укатили в больницу. Между Леной и Соней сидел Валерка. На коленях он вез черный пенек, а на пеньке было вырезано сердечко с инициалами «В», «Л». Пенек этот при случайном касании напоминал голову, отрубленную у самой его чистой любви.

8

Позже мы встретились с ним на Тверской у шаурмечной. Лицо мое зажило, но левый глаз был поврежден на 40%. Я вставил датчик, так что из глазницы торчал маленький робот. Видимо, поэтому Валера после односложного извинения спросил, зачем я это затеял — вспомнил. Я спросил... *что затеял...* Он накатил пористую губу на бурундучью спинку шаурмы, да так, что она остановилась только на пальце, всхлюпнул соус и бросил на меня косой вкрадчивый взгляд... *Рассказ про трипофоба... В смысле, рассказ про трипофоба... Потом еще и Леху подговорил. Ваши истории были объединены одной чертой: что-то высывалось и всовывалось в дыры. Ты полагал, меня это напугает?.. Я засмеялся... да там ведь не только ты сидел, чудик... А то другие слушали?.. Вообще, если хочешь знать, то скажу. Я считаю это у тебя на фоне расставания было. Ленка с другим. Да. Вот у тебя и мотив фрикций мелькал. У меня такая версия. Знал бы, что ты нес во время этого рассказа — после того, как София тебя гашеным дымом поцеловала. Ты, кстати, как — с ней?.. Втроем...* сказал он. Мы попрощались. По лицу было видно, что моя версия с фрикциями его поразила. Произвела впечатление.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

ИЗ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЦЫГАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Переложения Ляли Чертковой

Трудно представить литературу более многоликую и неоднородную, чем литература цыган. Ее мировая история насчитывает около ста лет. До настоящего момента ни в одной стране мира регулярного книгоиздания на цыганском языке не существует. Под цыганской литературой правильнее всего понимать не произведения, написанные на цыганском языке или авторами цыганского происхождения, но творчество людей с определенным культурным и историческим багажом, включенных в жизнь цыганской общины. Кроме того, цыганские авторы пишут не только на диалектах родного языка, но и на языках окружения.

В России переводная цыганская литература практически не известна читателю. Так, мало кто знает, что в СССР в период активного книгоиздания на цыганском языке (конец 1920-х) переводами этой молодой литературы занимались Арсений Тарковский и Евгений Сокол. Но наиболее популярные публикации появились гораздо позднее. Несколько переводов стихотворений поэтов 1920 — 1970 годов включены в сборник «Костры» (1974), изданный на русском языке под редакцией Николая Саткевича.

Иностранная цыганская литература до последних лет на русском языке практически не была доступна. На постсоветском пространстве с творчеством европейских цыган знаком в основном узкий круг специалистов. В настоящую публикацию включены произведения поэтов Польши, бывшей Югославии, Словакии, Прибалтики, а также советского цыганского поэта из многонациональной семьи.

Республика Польша представлена стихотворениями Папуши (Брониславы Вайс, 1908 — 1987), первого цыганского литератора в истории этой страны, которая прошла путь от кочевой неграмотной цыганки до всемирно известной поэтессы. Сборник ее стихов выдержал более 20 переизданий. О Папуше сняты документальные и художественные фильмы, написаны биографические книги. В городе Гожув-Велькопольски поэтессе установлен памятник, ее именем названы премии цыганоязычной литературы. Следует добавить, что житейская судьба обошлась с Папушей жестоко: в какой-то момент, обласканная польскими этнографами и поэтами (так, ее личностью и творчеством живо интересовался Юлиан Тувим), она была отвергнута цыганской общиной.

Искусство Папуши вполне может быть определено как «наивная» поэзия, в которой автор раскована и по-своему откровенна. В ее стихах нет намека на «востребованные» властью темы, чем, увы, изобилует советская литература цыган (что в конечном счете делает ее весомую часть неактуальной и малоинтересной для современного читателя). Главная тема немногочисленных стихотворений Папуши — связь человека с природой.

В основе переложений — подстрочники, подготовленные кандидатом филологических наук, ассоциированной сотрудницей Отдела устной традиции, литературы и литературной критики Института исследований цыган Европы (Белград, Сербия) И. Ю. Махотиной, чьи материалы были также привлечены и для вступления к настоящей публикации.

Поэма «Кровавые слезы» (фрагмент которой представлен ниже) посвящена трагическим событиям, постигшим кочующий табор Папуши во время Второй мировой войны.

Одним из литературных преемников Папуши является польскоязычный литератор Кароль «Парно» Герлиньский (1938 — 2015), для которого легендарная поэтесса стала «цыганским Норвидом». В настоящую подборку, помимо прочих, включен перевод стихотворения, в котором поэт встречает тоскующий призрак Папуши. Листок, слетающий на воду золотой сережкой, отправляет к ее стихотворению «Серьга из листка».

Тера Фабианова (Словакия, 1930 — 2007) также относится к наиболее известным и самобытным цыганским авторам. Тера происходила из оседлых цыган и говорила на четырех языках. Получила начальное образование; тридцать пять лет проработала крановщицей на машиностроительном заводе. Стихи поначалу писала на венгерском языке, со временем перешла на диалект словацких цыган. Одно из ее стихотворений было использовано в проекте пражского метро «Поэзия для пассажиров». Произведения Фабиановой связаны с ее личным опытом жизни в цыганском поселке. Помимо положения цыганской женщины они затрагивают проблемы социальной стигматизации цыган, вынуждающей некоторых из них скрывать свое происхождение.

Вослед переложениям из Фабиановой в публикации представлено стихотворение одного из наиболее образованных и литературно эрудированных цыганских авторов Словакии — поэта, педагога и издателя Дезидера Банги (1939 — 2020).

Плеяду замечательных цыганских авторов подарила миру Югославия: в настоящую подборку включены стихи поэта, журналиста и педагога Куйтима Пачаку (1959 — 2018), а также советского и латвийского литератора, художника-наивиста и гражданского активиста Карлиса Рудевича (1939 — 2002).

Завершает публикацию переложение Лялей Чертковой лирического стихотворения советского цыганского поэта, лингвиста и этнографа Лексы Мануша (А. Д. Белугина, 1942 — 1997).

При создании переложений учитывались особенности русской речи цыган, так как эти переводы адресованы и русскоязычному цыганскому читателю.

ИЗ ПАПУШИ (БРОНИСЛАВЫ ВАЙС)

Лесная песня

Ах, рощи родные! И злата не надо —
Пусть только пронизут вас солнца лучи!
Камням у реки я, цыганочка, рада,
И я не завидую вам, богачи, —

Листва изумрудная прячет над нами
Рубины рябин в заповедных лесах;
А так, как блестят светлячки меж ветвями,
Не вспыхнут и кольца на жадных руках!

Ах, сколько от блеска камней пропало
Охочих до роскоши грешных людей!
Я звёзды, как искры, в костёр собирала,
Смотрелась в луну — в дорогое зеркало,
Брильянтов же мне доставалось немало
От лившихся с неба весенних дождей!

Что влаги небесной отрадней на свете?
Танцуют по лужам цыганские дети,
Допрыгнуть им хочется аж до небес!
Ни голод, ни жажда ребят не пугают,
И травы от радости благоухают!
А ветер душой, как листочком, играет —
Таковыми нас вырастил девственный лес.

Отрывок из поэмы «Кровавые слёзы»

Больна моя душенька, плачет она,
Как только вспомню я те времена,
Что жизни с собой унесли...

Но что же поделать? Сквозь слёзы пою
О страшной беде в нашем бедном краю,
О ранах во чреве земли.

Еврейский малыш и цыганская мать
В тех ранах остались навеки лежать,
Сквозь них прорастает полынь —

Полынь нашей скорби и горестных слёз,
И ужас навеки в сердца наши вмёрз,
Вошёл, как в молитвы «аминь».

О, те, кто опять затевает войну!
Представьте вдовой молодую жену,
О сыне скорбящую мать,

И плоть без души, и без жита поля...
Не вынесет мрака без солнца Земля!
Оружием мир меж собою деля,
Нельзя нам друг друга терять.

Я прихожу к вам

Оставив шатёр свой, я путь к вам держала,
Но я не еды и не денег хочу;
Под шалью я руки молитвенно сжала,
Сухими губами я тихо шепчу:

От снега шатры наши белыми стали,
А вы в серебристых живёте домах;
Жильё наше сроду мы не запирали,
А ваши квартиры всегда на замках.

Я к вам обращаюсь: и к малым, и к старым,
От умных учёных до тёмных крестьян:
Обрадуйтесь песням, внимлите гитарам,
Согрейтесь цыганского танца пожаром!

Сердца отомкните для нас, для цыган.

ИЗ КАРОЛЯ (ПАРНО) ГЕРЛИНСКОГО

* *
*

Вот карты ложатся на дряхлый занозистый пенъ —
По ним и предскажет судьбу мою старая Зоя:
Одну за другой их коснётся дрожащей рукою —
Что было вчера? Что готовит мне завтрашний день?

На ярмарке куплены карты в забытом году,
Уже потемневшая горсть разноцветных картонок;
Кому-то любовь предрекут, а кому-то — вражду,
У старых — болезнь, а у юных родится ребёнок.

Как это возможно? Вот дама, валет и король,
Но все их истории так далеки друг от друга;
Тому будет счастье, тому — нестерпимая боль;
Удачи ли ждать или сердцу дрожать от испуга?

Темнеет над картами Зои морщинистый лик;
И кто такой Фрейд — разве старая женщина знает?
Не выучив буквы, не может читать она книг;
Но тот, кто по линиям рук своё дело постиг,
Тот судьбы людские по картам легко прочитает.

* *
*

Когда поднимаешься в гору, прошу я идти
Помедленней — не раздавить бы соцветий духмяных;
А коль можжевелик тебе попадётся в пути —
Старайся не выломать пальцев его безымянных.

Гнездо обойди — там ещё перепёлки живут;
Не рви меж кустов всю в бриллиантах росы паутину!
Разрушить легко, а создать — кропотливейший труд,
А ранишь любовь — и, глядишь, превратишь в мертвечину.

Ты в гору идёшь, ты подняться спешишь на вершину,
Откуда белеет небесных снегов молоко?
Ну вот, ты вскарабкался, выдохнул, выпрямил спину,
На звёзды взглянул — но всё так же они далеко.

Папуша

Всё тот же парк над тою же рекой;
Над гравием дорожек смутно мрея,
Плывёт она, цыганка-ворожея,
Теряя от стихов своих покой.

Вздохнула, приласкав птенцов в гнезде,
Перемигнулась с голубем знакомым...
Папуши нет нигде? — она везде!
Не город — воздух почитая домом,

Над памятником собственным грустит;
Всё тот же изжелта-зелёный Гожув
Не хочет отпускать её, стреножив,
Но и печальных виршей не твердит...

«Как прежде, в землю втаптывают лист
Моих стихов» — пожаловалась белке;
А на звезде — на голубой горелке —
Ночной талант её кипит, искрист.

Две пани по-цыгански говорят,
Коляску в парке детскую толкая...
Что? Ворожея? Кто она такая?

А ветер им её напомнить рад,
Лист золотой серёжкой бросая
На воду, на тропу, на этот град.

ИЗ ТЕРЫ ФАБИАНОВОЙ

Пойдём со мной

Там мать моя живёт; пойдём туда,
Где каждой ночью — сказок волшебство,
Пойдём со мной! Не бойся ничего —
Не будет ни беды и ни стыда.

Увидят наши, что тебя веду,
Настроят скрипки на весёлый лад;
Не месяц ясный сватает звезду —
С тобой счастливей буду я стократ.

Не так уж беден я, но негде спать;
Когда придёт серебряная ночь,
Охалку листьев можно подостлать,
Да и рубаху я отдать не прочь —
Ту самую, что вышивала мать,
Которой будешь ты теперь как дочь.

Не бойся, не замёрзнешь ты со мной!
Довольно неба — пусть его покров
Оберегает юную любовь;

Господь нам дал единый путь земной,
Чтоб дружно жить, одну судьбу деля —
Я — чёрный хлеб, ты — чёрная земля.

* *
*

...всё потому, что я стара, стара!
Тяну бессильной клячей жизни воз.
Лишь только неуёмные ветра
Оценят вес седого серебра
И спляшут чардаш в прядях длинных кос.

ИЗ ДЕЗИДЕРА БАНГИ

Осень

Как парус истаял вдали —
Туман отошёл от земли;
А звёзды на скатерти синей
Брильянтами в небе зажглись,
И тайная клинопись птиц
Уже незаметна на глине.

А ходики тихо стучат:
Уж осень — минут листопад.

На арфе (она же гора)
Так ладно играли ветра,
А нынче — лишь хрипы надсады;
Спускаются с пастбищ стада,
И рыбы глядят из пруда
На медные кудри левады.

А ходики тихо стучат:
Уж осень — часов листопад.

Не тыквы — костёр на полях
Каштаны полопались — ах! —
Как будто хотели напомнить
Ту нить на колёсах дорог,
Которую выпрясти смог,
Чтоб душу стихами наполнить.

А ходики тихо стучат:
Раз осень — то дней листопад.

Нет, лето промчалось не зря!
Пусть осень плывёт, как заря,
И плещет туман парусами;
Запомню, как, медью горя,
Стрелял револьвер ноября
В траву золотыми плодами.

А ходики тихо стучат:
Да, осень; и годы летят.

ИЗ КУТИЙМА ПАЧАКУ**Если хочешь быть цыганом**

Не говори, браток, что ты цыган,
Коль ты любить до смерти не умеешь;
Коль не бываешь от слезы ты пьян —
Той, что пролить прилюдно не посмеешь.

Гордись происхождением своим;
Все молятся, а мы воспели Бога.
Мы жарким танцем душу веселим,
Хоть наша жизнь — нелёгкая дорога.

Открыто сердце так, чтобы принять
Любого, независимо от расы;
Мы склонны уважать и почитать
Тех, что давно живут и седовласы.

Любить в наследство принятый язык,
Детей учить словам его духмяным...
И только тот, кто все это постиг,
Действительно считается цыганом.

Один день в году

Есть день в году, когда нам нужно сжечь
Всё, что должны, — и тем освободиться
От лишнего и душу уберечь;
Но прежде сердце в уголь превратится.

Есть день, когда неумогу молчать,
И горько откровенны мы со всеми;
Пусть молчанья сломана печать,
Но нас освобождает боли бремя.

Есть день — лишь стоит шевельнуть плечом,
И мы оковы тяжкие ломаем,
А потянувшись за шальным лучом,
Как счастье, солнце яркое поймаем.

Все остальные дни — такие дни,
Когда себя мы от себя же прячем...
Послушай, друг! Ты с этим не тяни,
Всё, что должно сгореть, — в костёр швырни,
Освободись — и заживёшь иначе.

ИЗ КАРЛИСА РУДЕВИЧА

Утро и сны

Просыпайтесь! Выходите
Из пьянящих разум снов!
И ушами зачерпните
Гомон ранних голосов!

Поглядите, что за утро:
Хлынул свет из облаков —
На осколках перламутра
След сверкающих подков —

То навстречу вам, засони,
Тени бликами дразня,
Мчатся солнечные кони
Наступающего дня.

* *
*

Как мыльная пена, кудрявый дымок
Окутал тела облаков;
Цыган топил баню — вспотел потолок
От жара берёзовых дров.

Ошпаренный веник — его аромат
Промытую душу пьянит;
Ах, баня! Одна из телесных усад...
Как мальчик безгрешный лет сорок назад,
Под звёздным покровом он спит.

ИЗ ЛЕКСЫ МАНУША

* *
*

День плачет от обиды за окном,
И я, мужчина, слёзы не сдержал;
Тебя увидеть хоть одним глазком,
Как звёздочку на небе, я мечтал.

Мне не смеётся солнце без тебя,
Его на небосводе словно нет;
Бьёт сердце в грудь, изводится, скорбя:
Верни свою любовь ему в ответ!

Беснуется на воле ветер злой,
Безжалостный, рвёт с дерева наряд;
Любимая, где я гулял с тобой,
Теперь лишь листья мокрые лежат.

Но верю — стихнет ветер, дождь пройдёт,
Пропавшую любовь я отыщу;
Душа, уставшая от непогод,
Возвеселится, песню запоёт,
И радостью я сердце угощу.

Ляля Черткова (Черткова Елена Викторовна) — писательница, поэтесса, переводчица, преподавательница русского языка, автор поэтического сборника «Кочевые костры» (2018). Родилась в городе Каменск-Уральский. Детство и юность провела в Молдавии, где окончила факультет журналистики и коммуникации Кишиневского государственного университета. Жила на Кубе и в Швеции. В настоящее время проживает в городе Лодердейл Лейкс (Флорида, США). Публиковалась в России (в частности, в журнале цыганской культурной автономии РФ), в русскоязычной периодике бывших советских республик, а также в США, Греции, Чехии, Финляндии и Израиле.

«...Перевод поэзии с ромского имеет свою специфику, ведь язык ромов продолжает, в сущности, оставаться бесписьменным. Хороший цыганский поэт может передать многослойные смыслы, пользуясь достаточно скупой, по сравнению с русским языком, лексикой, за счет многозначности образов и ритма стиха. Поэтому качественный перевод цыганской поэзии требует от переводчика особой чуткости, интуиции, как поэтической, так и человеческой, и собственной эмоциональности, темперамента. Всего этого не занимать поэту Ляле Чертковой... Сейчас она выступает в качестве переводчика, что, на наш взгляд, большая удача для авторов, которые в ее лице встретили не просто „поводыря“, переводящего слова и буквы с „цыганской стороны улицы“ на русскую, но тонко настроенный камертон. Не последнюю роль в этом играет ее влюбленность в цыганскую культуру — ведь и в ней есть часть цыганской крови. Ляле Чертковой удастся прикоснуться к нерву произведения и зазвучать на той же волне — уже на русском языке...»

(Георгий Цветков, писатель, филолог, член Международной ассоциации цыганских писателей [Финляндия], переводчик библейских текстов на цыганский язык, PhD in philology).

Марианна Сеславинская, культуролог, редактор художественных текстов на цыганском языке, член Международной академической сети цыгановедов при Совете Европы, PhD in philosophy).

ЮБИЛЕИ

КОНКУРС ЭССЕ К 100-ЛЕТИЮ ЮРИЯ ТРИФОНОВА

28 августа 2025 года исполняется 100 лет со дня рождения Юрия Трифонова. Редакция «Нового мира» объявила конкурс коротких эссе, посвященный этой памятной дате, а также 50-летию публикации повести Юрия Трифонова «Другая жизнь» в журнале «Новый мир» (1975, № 8).

Конкурс проводился с 6 июня по 6 июля 2025 года. Любой мог прислать на конкурс свою работу. Главный приз — публикация в журнале. На конкурс было принято 63 эссе. Они все размещены на официальном сайте «Нового мира»¹. Решением главного редактора было выбрано 13 победителей.

Победители Конкурса в порядке поступления работ: Александр Марков, Андрей Анпилов, Александр Мелихов, Антон Осанов, Николай Подосокорский, Татьяна Зверева, Елена Долгопят, Вячеслав Огрызко, Кирилл Анкудинов, Евгений Кремчуков, Михаил Визель, Александр Рязанцев, Елена Некрасова.

Поздравляем лауреатов и благодарим всех участников. Эссе публикуются в порядке поступления.

Владимир Губайловский, модератор конкурса

Александр Марков, профессор РГГУ и ВлГУ. Москва.

ЗЕРКАЛА И ДОЖДИ ЮРИЯ ТРИФОНОВА

Дождь у Трифонова — не стихия, а тихий собеседник безвременья. Он не обрушивается ливнем, а шепчет сквозь подоконные щели, напоминая: время — это не прямая, а бесконечные лужи, в которых отражается небо — но только перевернутое, уже ушедшее. Капли стекают по стеклам, как слезы по щеке несуществующего бога, которого никто не оплакивает.

А зеркала... Зеркала у Трифонова — не поверхности, а двери быта. Они не отражают — они принимают в себя тех, кто осмелился взглянуть, и возвращают их уже другими. В них — не лицо, а след лица, его отпечаток, как на полотенце после утреннего умывания. Герой смотрится в зеркало — и видит не себя, а того, кто мог бы быть, если бы история повернулась чуть-чуть иначе.

Трифонов пишет не о времени, а о его следах — о том, как оно оседает в углах квартир, в складках штор, в некогда новизне обоев, в привычных жестах, ставших ритуалом отсутствия. Его сюжеты — не истории, а места, где что-то когда-то случилось — или могло случиться, но не случилось, и от этого стало еще реальнее. Это литература невысказанного доверия к миру, который уже не верит ни во что, кроме тишины. Его правда — не в словах, а в паузах между ними, в том, как человек, сам того не замечая, становится сторонним наблюдателем собственной судьбы.

---

¹ Все эссе на Конкурс к 100-летию Юрия Трифонова <<https://nm1925.ru/events/konkurs-esse-k-100-letiyu-yuriya-trifonova/>>.

Зеркала в прозе Юрия Трифонова, как и столы и стулья — это не просто детали интерьера, а автономные объекты, обладающие собственной темной реальностью. Они не отражают — они существуют, сопротивляясь полному схватыванию, оставаясь вещами-в-себе в кантовском смысле, но еще более непроницаемыми. Говоря словами Грэма Хармана, зеркала у Трифонова — это не пассивные поверхности, а акторы, участвующие в драме распада, втягивающие персонажей в свои глубины и возвращающие их уже измененными.

Дождь у Юрия Трифонова — это не погода, а метафизический диверсионный акт. Он не идет — он вторгается, размывая не только мостовые, но и саму ткань реальности. Это не природное явление, а аффективный вирус, внедряющийся в советский быт, превращающий его в зыбкое болото, где персонажи тонут, даже не заметив начала конца.

В «Доме на набережной» зеркала и вообще поверхности быта не просто показывают Глебова или других героев — они взаимодействуют с ними. Когда персонаж смотрится в зеркало, происходит не самопознание, а столкновение с чем-то чуждым. Отражение — это не копия, а самостоятельная сущность, которая может быть более реальной, чем сам герой. «Ведь каждый день Юлия Михайловна не пешком ходила на девятый этаж, а ездила в этом лифте вверх-вниз, смотрела на себя в зеркало и дышала запахом дорогих папирос, дорогих собак и дорогого всего прочего». Прямо в духе философии Хармана, зеркало отказывается от полного раскрытия своей сущности: оно всегда удерживает какую-то тайну, какую-то «темную материю», недоступную для восприятия.

В «Доме на набережной» дождь — хронофаг, пожирающий время. «Дождь, слава богу, еще льет, поэтому двор пуст, никто не видит, как мы уезжаем». Он стирает границы между прошлым и настоящим, превращая воспоминания в мокрые пятна на стенах. Глебов не просто вспоминает — он тонет в этих воспоминаниях, потому что дождь сделал их текучими, ядовитыми. Это не ностальгия — это интоксикация временем, где каждая капля — удар по витрине социалистического благополучия.

В «Обмене» зеркала становятся местами, где реальность дает трещину. Когда Дмитриев усердно обустраивает быт, он видит в зеркале быта не себя, а версию себя — возможно, ту, которая уже сдалась, уже совершила предательство. Зеркало быта здесь — не метафора, а настоящий разлом, через который просачивается иная онтологическая реальность. «Лена закончила шитье, надела кофточку и подошла к зеркалу, глядя на себя высокомерно». Оно не принадлежит ни внутреннему миру героя, ни внешней действительности — оно между, как объект в философии Хармана, всегда ускользающий от полного определения.

В «Обмене» дождь — не фон, а полноценный участник драмы. Он не просто мешает Дмитриеву — он разбедает его решимость, превращая каждый шаг в мучительное усилие: «сбегая по грязным, скользким от нанесенной тысячами ног дождевой мокряди ступеням метро». Это не атмосферный эффект, а акт саботажа: вода просачивается сквозь щели сознания, растворяя иллюзии, обнажая трупные пятна компромисса. Дождь здесь — не символ очищения, а жгучий ливень, оставляющий после себя только обугленные остатки «нормальной жизни».

В «Другой жизни» зеркала — молчаливые свидетели, но не нейтральные. Они накапливают время, как черные дыры, вбирая в себя взгляды, жесты, моменты слабости. «Но оно было зеркальным отражением другого слова, истинного, в которое она бесконечно верила, — „взгляд“». Они не просто фиксируют распад — они его активно формируют. Когда Ольга Васильевна смотрится в зеркало языка, она видит не просто лицо — она видит следы времени, но не как линейный процесс, а как хаотическое нагромождение утраченных возможностей. Зеркало здесь — не метафорический «экран души», а самостоятельный актер, который предлагает ей определенный образ, но никогда не отдает его полностью.

В «Другой жизни» дождь — не явление, а агент: «дорога ныряла, опять белыми горами среди елей возникали новостройки, редкий дождь пластами лип к стеклу, вдруг пропадал». Он не падает с неба — он ползет, как плесень, заполняя трещины в отношениях, в карьере, в самоощущении. Кто оказывается под дождем или даже в час дождя — тот инфицирован им. Вода здесь — не стихия, а паразит, внедряющийся в тело реальности и размножающийся в виде мелких катастроф: деревенского деревянного неуют, испорченных судеб, невысказанных слов.

Зеркала у Трифонова — не просто элементы нарратива, а полноценные объекты в хармановском смысле: они не сводятся ни к своим функциям, ни к восприятию героев. Они — агенты онтологической нестабильности, через которые просачивается иная реальность, более чуждая и более истинная, чем та, в которой существуют персонажи. Они не отражают мир — они его дополняют, вносят в него трещины, через которые утекает сама возможность целостности. В этом смысле, Трифонов — не просто бытописатель, а философ вещей, понимающий, что настоящая драма разыгрывается не между людьми, а между ними и объектами, которые всегда остаются чужими.

Дождь у Трифонова — это не погода, а оружие. Он не приходит и не уходит — он ведет войну, тихую, медленную, но тотальную. Его цель — не намочить, а разложить, превратить жизнь в сырую массу, в которой уже невозможно различить, где кончается внешний мир и начинается внутренний распад. В этом смысле, трифоновский дождь — это манифест: человек не умирает от удара — он растворяется, капля за каплей, пока от него не останется только мокрое пятно на асфальте советской истории.

Когда дождь стучит в окно, а зеркало молчит — происходит встреча. Встреча несостоявшегося с невозвратным. Дождь смывает следы, зеркало их хранит. И между ними — человек, который уже не помнит, кто он: тот, кто вышел под дождь, или тот, кто остался в отражении. Все тексты Трифонова о щелях — между каплями, между взглядами, между прошлым и тем, что мы называем прошлым. Его мир — это тонкая пленка на поверхности зеркала, за которой — ничто. Или все, но растекшееся проливным дождем.

Андрей Анпилов, поэт. Москва.

РАССКАЗ ПРО МЕНЯ

В новое время про Юрия Трифонова стали писать, что он, выиграв недомолвками возможность печататься в СССР, проиграл в более дальней перспективе, не договаривая страшное. Как-то так сложилось общее мнение во время перестройки, а потом всем стало и не до того.

Те советские писатели, кто дожид до отмены цензуры, досказали то, о чем прежде не могли сказать, а Трифонов умер раньше и возможности досказать не имел.

Сам я про это никогда не писал и не особенно думал.

Потому что мне казалось всегда, что Юрий Трифонов — подобно Чехову — выговорил именно столько, сколько надо, чтобы почувствовать правду и ее вещество.

Анна Сергеевна, дама с собачкой, говорит Гурову: я не знаю, где служит муж, чем занят на работе — но он лакей!

Радикальная дореволюционная критика могла призвать писателя к ответу — а что это за умолчания и утаивания, что значит сей намек? Не служит ли муж Анны Сергеевны в полицейском управлении или в тайной канцелярии? Не гонитель ли он всего прогрессивного и охранитель всего отжившего и неприятного?

Но все же сработало понимание, что не об этом рассказ.

А о тоске обыденности, о чуде любви, о грехе и безнадежности, о пыльной набережной и ранней оттепели, и все же о слабой надежде бог весть на что... о живом человеке, короче...

Чехова читают — про себя, про свою жизнь.

И Юрия Трифонова я читал всегда — про себя.

Взрослые и старики из бывших революционеров, которых я знал в шестидесятых-семидесятых, действительно — умалчивали о многом. Фронтовики не любили рассказывать о фронте, бывшие комиссары (а именно дядя Федя) — почти ничего не рассказывали о революции, о гражданской войне, о репрессиях тридцатых. Мама и ее сестры — о холокосте.

Все открывалось каждый раз почти случайно, из намеков, из косвенных высказываний, из признаний кому-то третьему, чему я становился сторонним свидетелем.

Но каким-то образом душа все понимала, все чувствовала. Читая по лицам, по складкам одежды, по особому запаху вещей 20 — 30-х, по необычным навыкам и привычкам, по мимике и движению губ — как читают глухие.

И эту фактуру, голоса лиц, рук, предметов, запах и светотень — я узнавал в прозе Трифонова. И более того — вполне вероятно, что и обратил на них внимание в жизни после того, как прочитал и понял, что и это может быть предметом искусства.

Главный «рассказ про меня» — «Игры в сумерках».

Теннисная площадка на дачах, звук ударов ракеток, мелькающий в сумерках светящийся шарик, середина тридцатых, местные мастера-чемпионы и начинающие игроки, мальчики — и юный автор — вечера напролет только следят за игрой, крутя юными головами, — красивые яркие девушки, заочная симпатия, почти влюбленность в одну, внезапная, как бы беспричинная пощечина красавице от маленького неприятного крепыша, слова «дрянь», и изумление мальчика — как она принимает удар и слова — как заслуженное, и дышащим фоном, контрапунктом — некий ужас, сумеречный праздничный воздух пронизан им — чувство, что с человеком может произойти что угодно, самое беспощадное — война, арест, навет, — и все равно юность, праздник, белые брюки и платья, обреченное предчувствие счастья.

Именно так мальчик из временно благополучной семьи середины тридцатых чувствует на каникулах летнее мироздание и себя в нем — остротой прикосновения к празднику жизни на грани неведомой катастрофы — которые с душой рядом будут и в 60-х, и всегда.

Если прописать все, что происходит за кадром, без утайки, без намека и светотени — самое главное исчезнет. Правда проживания, многомерность бытия.

И писатель бережно сохранил живое, доверяя уму и воображению читателя — сказал сердцем сердцу.

Александр Мелихов, писатель. Санкт-Петербург.

НИТИ ИЗ ПРОШЛОГО

Отец классика был профессиональным революционером: подполье, тюрьмы, ссылки, в Гражданскую высокие военно-политические посты, затем высокие хозяйственно-политические, в 38-м расстрел. Мать — зоотехник, инженер-экономист и детская писательница Евгения Лурье тоже была репрессирована, но осталась жива. Юру воспитывала бабушка, в прошлом тоже революционерка и участница Гражданской войны с высокими политическими связями, более опасными, чем полезными.

Так что Юрий Трифонов прошел суровую советскую школу. При всей тяге к литературе потрудился на авиационном заводе слесарем, дослужившись до диспетчера цеха. Весной-осенью 1945-го редактировал заводскую газету, уже будучи студентом-заочником Литературного института. Потихоньку начинал печататься, а его дипломная работа — повесть «Студенты», в 1950 году опубликованная в главном тогдашнем журнале «Новый мир», принесла молодому автору шумную славу и Сталинскую премию третьей степени. «Столько писем приходило только Ажаеву». Правда, после этого триумфатор чуть не вылетел из комсомола за сокрытие ареста отца.

«Студенты» на тогдашнем фоне и правда подавали заметные признаки жизни, хотя все соцреалистические каноны там были соблюдены: профессор-космополит изобличен, блестящий молодой человек оказался прохвостом, а простой, не хватающий звезд с неба парень — надежным и «нашим», — и т. п.

Роман 1963 года «Утоление жажды» о строительстве Каракумского канала художественными качествами был изрядно выше, но не настолько, чтобы привлечь внимание интеллигентных ценителей литературы. Производственный роман — это было не комильфо. «Я не люблю про пустыню», — сказала незнакомая девушка в библиотеке, узнав, что я читаю. Документальная повесть 1967 года «Отблеск костра» затрагивала острую по тем временам тему репрессий, но на основы не покушалась: романтизация реабилитированного отца воспринималась общепринятой в ту пору романтизацией комиссаров в пыльных шлемах, на чьих лицах лежит отблеск костра истории. Тот факт, что отец, председатель Военной коллегии Верховного Суда, наверняка сам расшлепал немало «контриков», во внимание не принимался, пламя истории было очищающим. И мы, читатели и почитатели Трифонова, к таким мелочам тоже не придирались: главное, была затронута полузапретная тема, — покушение на запреты искупало все.

Высочайший авторитет у либеральной интеллигенции Трифонов завоевал тогда, когда с 1969-го по 1976 год начали выходить его «московские повести» — «Обмен», «Предварительные итоги», «Долгое прощание», «Другая жизнь», «Дом на набережной». Точная живопись, лиризм, тонкий психологизм... К тому же для тех времен, требующих оптимизма и героев без страха и упрека, сквозная тема «обмена» юношеского романтизма на мещанский комфорт была сама по себе пикантной. Обыкновенная история, случившаяся на этот раз в советской России, претендующей на то, что со всем обыкновенным она покончила. А если в каких-то затхлых углах еще прячется недобитое мелкобуржуазное мещанство, то ему не место в серьезной литературе, а разве что в журнале «Крокодил».

Трифонов вспоминал, что в боевитом «Новом мире» Твардовского первым делом спрашивали: против чего написано? И весь новый Трифонов был написан против советской демагогии: люди живут собственными будничными заботами, а не буднями великих строек. Но кто же этого не знает? Что дважды два равно четырем, тоже истина не новая, но если полвека ее запрещать, люди будут гоняться за малейшими намеками на нее.

Мало кто обращал внимание, что упреком нестойким персонажам служат проходящие на дальнем плане все те же революционеры былого... В «Обмене» у этого «монстра» еще и изуродованные тяжелой работой руки, — для понижающих намеков на лагерь.

Но, собственно, что на что обменял герой «Обмена»? Какая участь его ждала, если бы он выстоял? Он «облукьянился», уподобился страстно любимой когда-то жене и ее «умеющему жить» семейству. Бросил увлечение живописью и с отчаяния поступил в первый попавшийся институт. Не поехал работать в Туркмению. Не женился на бесконечно преданной возвышенной Тане. Решился предложить умирающей матери съехаться с ним и его мерзкой женой. И вот кара: «Он как-то сразу сдал, посерел. Еще не старик, но уже пожилой, с обмякшими щеками дяденька».

А что было бы, если бы он всюду проявил «верность идеалам»? До упора поступал в художественный вуз и продолжал иступленно писать? Но там тоже возникло бы множество соблазнов и шансов на непреходящую тоску — почитайте хотя бы письма Левитана или Ван Гога. И ни Туркмения, ни новая женитьба с большой вероятностью не избавили бы от разочарований и тем более от смертельной болезни матери. А быт продолжал бы давить точно так же, а может быть, и еще более безжалостно. Когда перечитываешь «Обмен», из-за массы будничных подробностей и уточнений даже начинает казаться, что эти люди и эти события не заслуживают столь детального описания. И лишь постепенно доходит, что именно эти подробности и передают удушающую силу быта.

От которого невозможно избавиться не только в Туркмении или в Академии художеств, но и на луне.

Когда Толстой в «Смерти Ивана Ильича» душит читателя бесконечными бытовыми подробностями, в том числе и устрашающими, он подводит нас ко всегдашней своей идее: «Все то, чем ты жил и живешь, — есть ложь, обман, скрывающий от тебя жизнь и смерть». А есть единое на потребу.

Смерть — самое большое, что есть в жизни, и все великие русские писатели тем или иным образом искали возможности примирения со смертью. Толстой подводил к тому, что нужно опроститься, превратиться в мужика, а еще лучше в лошадь, а то и в дерево. Достоевский — нужно возвыситься до истинного христианства. Чехов не находил ничего утешительного, разве что поэтические предсмертные видения, вроде стада необыкновенно красивых и грациозных оленей, пробежавших через палату № 6. А как же решает проблему смерти Юрий Трифонов?

В «Обмене» он остается советским писателем, не пытающимся возвыситься в какую-то метафизику из-под социального небосвода, все жизненные ошибки сводятся к неверному выбору в конкретных жизненных обстоятельствах, хотя в принципе был возможен и верный выбор. Идея неустранимого трагизма человеческого существования Трифонову эпохи «Обмена», судя по всему, была чужда.

Но в великолепной «Другой жизни» удушающей силой выступает не быт, с которым любовь справляется, а ревность. Представляющаяся почти счастьем, когда является главная неодолимая стихия — смерть. О которой так отзывается безбашенный историк Сергей: «Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду...» Но — нити из прошлого весьма чреватые.

Кажется, для мыслящих людей другого суррогата бессмертия великий советский писатель не предлагает. А немыслящие в трифоновском мире спасаются ослеплением, которое им дарует погруженность в удушающий быт и окрыляющие страсти.

Антон Осанов, литературный критик. Омск.

ПРИПЛЫВШИЕ НА ПАРОХОДЕ

В рассказе «Игры в сумерках» двое одиннадцатилетних мальчишек любят наблюдать за игрой в теннис. Мяч отбивают жители Серебряного Бора, молодая советская элита. Мальчики влюблены в смуглую Анчик, завидуют аристократу Татарникову, посмеиваются над нервным Дрожащим. Москва, год сначала 1936-й. Потом уже следующий.

Все в рассказе неявно. Такой час перед тьмою, теплый еще полутон. Годы считаются через одиноко поставленные слова. Почему в 1936-м отец Анчик, выйдя из черного сверкающего «Роллс-Ройса», не пошел в дом, а остановился «в странной задумчивости... подставив лысую голову дождю»? А дочь с визгом рванулась, дочь счастлива, дочь — не знает. Почему в 1937-м на «теннисном корте появились новые игроки»? Почему новенький, Борис, резко, «ребром ладони», бьет Анчик, а та — не против, та уже знает, в чем виновата, и страшно то, что дело вовсе не в подростковой любви.

Как раз июль. Может быть, август. Столпившиеся на корте хоть и грозятся покарать Бориса, но тоже что-то предчувствуют. Сложно сделать удар по женщине чем-то трагическим, даже сближающим. У Трифонова удается. Анчик признает справедливость удара, и то, что школьница обязана вытерпеть боль, говорит о полной испорченности происходящего.

«После этого жизнь на корте стала как-то быстро, непоправимо меняться. Одни вообще исчезли, перестали приходить, другие уехали. Приехали новые. Много новых».

Потом случается катастрофа. Из-за прорытого канала река Москва поднялась, по ней приплыл пароход, и подгулявшие горожане, проломившись сквозь лес, наводняют корт. Нет, это не пришествие хама — люди просто хотят поплясать, но от этого все равно не по себе, ведь на свете должны оставаться места, где этого делать нельзя. Гости становятся метафорой общественной перестройки, когда одних, конечно, увезли, но другим-то дали приехать. В шестьдесят восьмом Трифонов физически не мог написать иначе, поэтому воспроизвел миф, что репрессии коснулись элиты, хотя в основном от них пострадали как раз приплывшие на пароходе.

Дачная идиллия распадается. В этом вообще смысл рая — быть разрушенным. Гибнет рай не от варвара, а в естественном взрослении человека. Через многие годы, уже после войны, герой наведывается в родные места и спрашивает о цементном корте, по которому ходят беззаботные дачники. Ему уверенно отвечают, что это с войны, так здесь немца бороли. Историческая память сбоит, и это важная для зрелого Трифонова идея о нарушении связности поколений. Приплывшие на пароходе ничего не помнят. А ведь приплывшие на пароходе — это мы. Вы понимаете? Приплывшие на пароходе — это мы.

«Я подошел к реке, сел на скамейку. Река осталась. Сосны тоже скрипели, как раньше. Но сумерки стали какие-то другие: купаться не хотелось. В те времена, когда мне было одиннадцать лет, сумерки были гораздо теплее».

Река осталась... Очевидно, что река не может куда-то деться, для этого нужен геологический сдвиг, но *время было такое*, что в короткий срок река могла и вправду исчезнуть, куда-то вся стечь — и герой отмечает, что вода на месте. И сосны. И все же... все же этого не хватает. Детство погружается в сумерки, становится игрой с памятью. Победить невозможно.

Рассказ Трифонова — это большое взаимное умолчание, когда смысл раскрывается посредством противоположностей вроде исчезновения-присутствия или частного-общего. Право-лево, налево-направо — теннис, политика. Неотлично. Причем каждый участник пары двойственен: исчезают не только люди, но и память. И одно другое преобразает: быт становится бытием, повседневное — историческим. Очень пасующий текст: спорт в советской литературе был разрешенной политикой. Но одна противоположность недорабатывает. У «игры» в рассказе нет антонима. Не подходит серьезность (отдыхающие веселы) и не подходит работа (дачи), поэтому пусть будет беспорядок (не совсем то). Теннис в рассказе — это правила, четкое расписание, в нем есть иерархия. Это понятно устроенный мир, с которым можно взаимодействовать, даже если приносишь мячик. Явление толпы расстраивает все договоренности. Мешающую сетку просто сдирают. Игроки к такому беспорядку не готовы: Савва заранее теряется в Ленинграде, Анчик возвращается на станцию Лось, а Татарников... Татарников «сел на „Эренпрайз“ и уехал».

Это не ребус. Ничего не надо угадывать. У рассказа крепко сшитый подтекст. Вот «Татарников, лучший игрок, аристократ, владелец велосипеда «Эренпрайз»». И сразу все о юном дворянчике ясно — откуда он еще мог иметь латвийский «Эренпрайз», если тот ограниченно экспортировался в СССР в партиях по паре тыс. штук? Очевидно, отец Татарникова приближен, занимает какой-то пост, может даже в торговле, отсюда эти замашки и этот желанный велосипед. Татарников приспособлен, он не спешит заступаться за Анчика. У него бледное лицо и прическа «политзачес». Нет сомнений, что именно такие и выжили. Но Трифонов не судит и уж точно не ударяет, а тихо показывает.

Летом 1937-го у него взяли отца, а в 1951-м писатель получил премию имени того, кто его отца убил. Трифонов родителя обожал, и то, как осторожно он обходит свою собственную трагедию, поразительным образом показывает врачуемую им травму. Вот это очень важно. Очень. Можно молчать, не зная. Можно зная — молчать. А можно зная — не говорить. Трифонов не говорит, чем озвучивает свою боль и эпоху. Он знает, мы знаем. Из ниоткуда протягивается невидимая рука: большая русская литература пожимает нашу маленькую ладошку.

Повседневное у Трифонова сцеплено с вечным. Все это сопряжено в самых простых вещах. Одиннадцатилетние мальчишки в шутку называют владельца японской ракетки «шпионом», так как он не пускает их на корт. Они не задумываются о своих словах. Почему шпион? Ну... как почему. Никакого ужаса, ничего такого. Или... да? У пристани встал пароход.

Приплывшие на нем уже высадились на пристань. Приплывшие на пароходе прошли по лесу. Приплывшие на пароходе явились на корт.

И готовятся танцевать.

Николай Подосокорский, старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Великий Новгород.

«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В ПОВЕСТИ «ДОМ НА НАБЕРЕЖНОЙ» Ю. В. ТРИФОНОВА

Достоевского можно назвать одним из «вечных спутников» Трифонова — он упоминается в повестях «Студенты» (1950) и «Долгое прощание» (1971), романах «Нетерпение» (1973), «Исчезновение» (1976), «Старик» (1978), «Время и место» (1981). Ему же посвящено специальное эссе Трифонова «В чем загадка Достоевского?» (1981), в котором, в частности, дается такое объяснение величия таланта классика XIX века: «Он описывает то, что наименее доступно описанию, — характеры. И для этих описаний — я бы назвал их психологическими пейзажами или пейзажами души — не жалеет ни красок, ни подробностей, ни зоркости, ни многих страниц. <...> Магма характеров находится в недрах, под великою толщей — ее надо прорыть, прогрызть. Мы, обыкновенные сочинители, находимся на поверхности, где пейзажи, а лазерный луч Достоевского проникает вглубь».

Н. Б. Иванова в своей книге «Проза Юрия Трифонова» (1984) называет Достоевского одним из литературных учителей Трифонова, полагая, что, когда Трифонов в своем эссе отмечает различные стороны могучего таланта Достоевского, то во многом он пишет и о себе самом. Нисколько не сравнивая Достоевского, у которого каждая страница проникнута метафизикой, и Трифонова, сосредоточенного исключительно на исследовании тех характеров и ситуаций, в которых нет места для Бога и сверхъестественного, невозможно не отметить, что, действительно, целый ряд трифоновских сочинений создан в напряженном диалоге или отталкивании от наследия Достоевского. Особенно

это характерно для самой известной повести советского прозаика «Дом на набережной» (1976).

В этой повести есть три значимых обращения к Достоевскому, причем все они относятся к т. н. срединному времени произведения, а именно ко второй половине 1940-х годов, то есть к эпохе позднего сталинизма, когда были почти одновременно развернуты репрессивные «антидостоевская» кампания и кампания против космополитизма и низкопоклонства перед Западом. Эти события напрямую затронули семью профессора Ганчука, прототипом которого является советский историк, академик Исаак Израилевич Минц. В ходе развернутой в СССР с 1948 года борьбы с «безродными космополитами» (которых зачастую видели в советских специалистах-евреях) заслуженного профессора Ганчука, участника Гражданской войны на стороне красных, пытаются развенчать и уволить, втягивая в операцию по его дискредитации его морально неустойчивого дипломника, а также потенциального зятя, Вадима Глебова. Но первый удар по Ганчуку был нанесен через увольнение из университета его любимого ученика, филолога Аструга, про которого почти мимоходом сообщается, что он (судя по хронологии, совсем незадолго до начала «антидостоевской» кампании, начавшейся в декабре 1947 года по личному указанию Сталина) «всего полгода» читал у столичных студентов «спецкурс по Достоевскому».

Примечательно, что эта во многих отношениях странная кампания (официального запрета на изучение и популяризацию Достоевского при позднем сталинизме не существовало, но негласное указание с самого верха исполнялось всеми инстанциями почти неукоснительно вплоть до начала эпохи оттепели) произвела на Трифонова очень сильное, незабываемое впечатление, ибо о ней же он косвенно написал еще в новомирской повести «Студенты», вышедшей в разгар борьбы советской власти с «реакционным» Достоевским. В «Студентах» профессора Козельского (его тоже зовут Борисом, как и филолога Аструга), читавшего в университете русскую литературу XIX века, травят как раз за его книгу «Тень Достоевского», обвиняя в «формализме» и «низкопоклонстве».

Что же касается двух других обращений к Достоевскому в «Доме на набережной», то оба они отсылают к роману «Преступление и наказание», который таким образом можно считать стержневой книгой в книге для этого произведения. Сперва о Достоевском и его герое, пьянице Мармеладове, вспоминает оставшийся ночевать в доме профессора Ганчука некий пьяный парень, описываемый как «лохматый развинченный губошлеп в очках, в галстуке, какой-то очень здоровый», имевший «вид штангиста». Он случайно затесался в компанию дочери Ганчука, Сони, и, перед тем как Глебов почти насильно выпроводил его ранним утром за дверь, процитировал Достоевского, как в иных случаях цитируют Библию:

«— Куда ты меня толкаешь, ирод? Мне же некуда идти, дура ты непонятливая...

— Откуда пришел, туда и при.

— Откуда я пришел? Можешь ты понять, что писал Достоевский Федор Михайлович... Когда человеку пойти некуда...

В те времена были такие полунищие студенты, ведущие почти уличный образ жизни: постоянно их исключали, отлучали, они мотались по приятелям из общежития в общежитие, ночевали на вокзалах. На „терема“, из которых его изгоняли, он смотрел с тоской».

Полунищий студент в данном случае процитировал мармеладовские слова из его пьяной исповеди Раскольникову: «А коли не к кому, коли идти больше некуда! Ведь надобно же, чтобы всякому человеку хоть куда-нибудь можно было пойти». Отметим здесь и характерный для поэтики Трифонова прием, когда подобная цитата указывает на то, что и вся предыдущая сцена должна быть прочитана и понята с учетом отсылок к соответствующему роману. Так, если в «Преступлении и наказании» Мармеладов заявляет: «...и не один раз

уже бывало желаемое, и не один уже раз жалели меня, но... такова уже черта моя, а я прирожденный скот!», то у Трифонова «губошлепу в очках», развязная речь которого компании не понравилась, кто-то лаконично говорит: «Молчи, скот».

Снова об этом романе Достоевского Глебов слышит в том же доме, но уже от профессора Ганчука, которого он предал, хотя и не выступил по чистой случайности на Ученом совете, где клеймили его учителя. «Был какой-то странный, мятый, прыгающий разговор. Почему-то о Достоевском. Ганчук говорил, что недооценивал Достоевского, что Алексей Максимыч неправ и что нужно новое понимание. Теперь будет много свободного времени, и он займется. Юлия Михайловна смотрела на мужа с печальным и страстным вниманием. Он говорил что-то в таком духе: мучившее Достоевского — все дозволено, если ничего нет, кроме темной комнаты с пауками — существует донине в ничтожном, житейском оформлении. Все проблемы переверотились до жалчайшего облика, но до сих пор существуют. Нынешние Раскольниковы не убивают старух процентщиц топором, но терзаются перед той же чертой: переступить? И ведь, по существу, какая разница, топором или как-то иначе? Убивать или же тюкнуть слегка, лишь бы освободилось место? Ведь не для мировой же гармонии убивал Раскольников, а попросту для себя, чтобы старую мать спасти, сестру выручить и самому, самому, боже мой, самому как-то где-то в этой жизни...»

Здесь обращение к Достоевскому опять заставляет взглянуть на его творчество как на сверхактуальное для человека, ставшего изгоем, отринутым обществом. Одновременно слова Ганчука — это и ключ к образу самого Глебова, преступление которого менее явное и заметное, чем у Раскольникова, но от этого не менее отвратительное и разрушительное, прежде всего для его собственной личности.

Татьяна Зверева, профессор Удмуртского государственного университета. Ижевск.

ИГРА НАОТМАШЬ: ЮРИЙ ТРИФОНОВ И АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН

У всякого «общего места» есть удивительное свойство — удерживать смысл в словесной формуле, препятствуя его движению во времени. Потребовалось почти 40 лет для того, чтобы понять очевидное — трифоновская недоговоренность лишь отчасти связана с политическим компромиссом хотя бы потому, что большой писатель на этот компромисс вряд ли способен. «Мерцание смысла» — имманентное свойство трифоновской поэтики. В отличие от многих своих современников, Трифонов понял главное — история сокровенна и невыразима так же, как сокровенно и невыразимо время.

Один из самых гипнотических рассказов Трифонова «Игры в сумерках» можно трактовать по-разному: усматривать в нем текстуальные переключки с «Теннисом» О. Мандельштама, «Лолитой» В. Набокова или даже с «Генрихом V» В. Шекспира; видеть отсылки к автобиографии (в юности Трифонов увлекался теннисом и много писал об этом в своем дневнике); обнаруживать важнейшие темы, ставшие визитной карточкой автора (исчезновение, память, возвращение и т. д.), говорить о недостоверности повествования...

В каком бы направлении ни двигалась интерпретаторская мысль важно, что сам писатель с читателем никогда не играет — Трифонов практически лишен того, что принято называть авторской иронией. Да и иронизировать можно только над явленным, а предмет трифоновского рассказа, как, впрочем, и прозы в целом — не-явленность, скрытость смысла. Не случайно в «Играх в сумерках» развернуты оптические метафоры: это и одиннадцати-

летний рассказчик, зрение которого не в состоянии увидеть ни дальнего («звездный июльский и ненужный нам мир»), ни близкого (любовная драма); и два очкарика (Дрожащий и «человечек в квадратных очках»); и сама летняя мгла, плотно укрывающая и теннисную сетку и мелькание шарика. К тому же, трифоновский рассказ безымяннен — имена почти всех его героев недо-стоверны. Мысль о безымянности мира, ускользающего от определяющих его слов, — едва ли не основная для этого текста. Человеческое зрение не способно различить подлинного смысла событий (да и есть ли у реальности этот непреложный смысл?). Только память оформляет прошлое, наделяя *Былое* возможным содержанием (отсюда авторская акцентуация условных конструкций: *может быть, вероятно, трудно сказать, возможно, кажется...*). Собственно, в «Играх в сумерках» есть только одна реальность, в которой невозможно усомниться, — это реальность ударов (удары теннисной ракеткой, удары по лицу Анчика, удары Истории), а человек оказывается лишь исполнителем Времени-Истории-Судьбы.

Сумеречный, мерцающий, загадочный фильм Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин» выкроен по лекалам трифоновского рассказа, хотя в основании кинокартины лежит повесть Юрия Германа. По оригинальному замечанию М. Гаспарова, в истории человеческой культуры есть тексты с «отброшенным ключом». К подобным текстам принадлежит и киноповествование о Лапшине. Тем не менее в конце фильма режиссер передает одну из отмычек в руки зрителю: на последней минуте звучит фрагмент, текстуально близкий к финалу повести Трифонова «Долгое прощание». Трифоновское произведение отбрасывает тень на германовское творение (к моменту окончания работы над фильмом и его выходу на экран Трифонова в живых уже не было). Говоря о феномене германовского кинематографа, критики обычно упоминают имя А. Чехова. Справедливость этих суждений не подвергается сомнению, но при одной существенной поправке. В 1970-е гг. опыт чеховской прозы был существенно переработан Трифоновым, и в германовском фильме обнаруживается прежде всего трифоновское понимание Чехова. Чеховский принцип недоговоренности, на который была ориентирована проза Трифонова в целом и рассказ «Игры в сумерках» в частности, имеет собственное философское основание. Если у Чехова необязательные слова и паузы ограждали уязвимый мир героев от внешнего проникновения, однако у самого автора оставалось право на знание сокровенного, то у Трифонова доступа к сокровенному нет ни у читателя, ни у автора.

Эту проблематику подхватывает Алексей Герман. «Мой друг Иван Лапшин» — фильм не столько о 1930-х гг., сколько о том, что достоверно рассказать об этом времени нельзя. Именно поэтому и потребовалось введение «недостоверного свидетеля» — девятилетнего мальчика с биноклем в руках (несмотря на бинокль, мальчик не видит реального расклада событий). Только по прошествии времени повзрослевший рассказчик наделяет прошлое смыслом. Помимо этого, сам разговор о «немеющем времени» требовал принципиально иного кинематографического языка. Алексей Герман в полной мере усваивает «мерцающую поэтику» Трифонова, буквально визуализируя ее принципы — фильм соткан из теней, бликов и отсветов... Случайная работа камеры, нарочитая хаотичность кадра способствуют расфокусировке взгляда — главное и второстепенное неотличимы друг от друга. И, конечно, «Мой друг Иван Лапшин» построен на умолчаниях всякого рода (как и в случае с Трифоновым, к цензуре никакого отношения не имеющим).

Поразительно, но очевидное сюжетное сходство германовской картины с «Играми в сумерках» еще не было замечено. И в рассказе и в фильме любовный треугольник скрыт, лишь иногда остриями своих вершин он прорезает фабулу, выходя на поверхность. «Я Ханина люблю», — выдыхает Адашева, и этот выдох-удар для зрителя еще более внезапен, нежели тот, который получает Анчик в «Играх в сумерках». И тут же — горестная и отчаянная попытка Адашевой смягчить, кажется, нечаянно вылетевшую фразу: «А как было бы хорошо... Ваня.

Как было бы хорошо! Как было бы хорошо...» Общим для Трифонова и Германа оказывается и мотив неосуществленного самоубийства: в «Играх в сумерках» «не тонет» некий так и не обретший имени человек, в фильме «не застреливается» Ханнин.

И Трифонов, и Герман были большими Художниками, т. е. ощущали вещество времени, его сгустки — отсюда пресловутое внимание к бытовым деталям, в котором и того и другого часто упрекали. Оба осознали главное: время, как пыль, оседает на конкретных вещах — велосипеде «эренпрайз», черном «ройлс-ройлсе», мотоцикле «Л-300», жокейских шапочках, фетровых ботиках и лапшинском кожаном плаще... Герои играют в теннис и шахматы, репетируют «Маленькие трагедии» А. Пушкина и «Аристократов» Н. Погодина, а между тем обваливается время их существования, незримо вершится История. И в рассказе и в фильме время развернуто не только в историческом, но и в онтологическом аспекте.

Наконец, смысловая близость угадывается в финальных строках и кадрах. В «Играх в сумерках» через много лет герой-рассказчик возвращается к месту, где происходило его взросление: «Я подошел к реке, сел на скамейку. Река осталась». В заключительных кадрах фильма взгляд камеры также обращен к реке. Два Художника ведут речь о безусловном торжестве Времени, о той игре, в которую оно играет с человеком, — сумеречной и беспощадной игре наотмашь... А еще это две истории о невозможности вернуться туда, где «сумерки были гораздо теплее»...

Елена Долгопят, писатель. Подмосковье.

ВРЕМЯ

(заметки о романе «Старик» Юрия Трифонова)

Киновед Владимир Всеволодович Забродин (земля ему пухом) сказал мне когда-то: Плюшкин — это не скупость, это старость. А старик из романа Трифонова словно продолжает: «Если бы меня спросили, что такое старость, я бы сказал: это время, когда времени нет».

Плюшкин подбирал обрывки, осколки, огрызки, которые ничего не стоили, вернее, чего-то стоили только в его безумных глазах. Плюшкин словно бы пытался собрать распадающийся мир.

Но ведь и старик берег, собирал своего рода обрывки и осколки — мусор, прах, оставшийся от давно прошедших времен, и большинству людей этот прах был не нужен, они не видели в нем ценности. А старик видел: «Бог ты мой, память — штука ненадежная. Нужны старенькие бумажки, истлевшие на стигах документы, выцветшие чернила, бледный шрифт „ундervуда“...»

Он заново собирает исчезнувший мир. Который он переживает вновь и вновь. А текущее настоящее — едва различимые голоса. Белый шум. Помехи. «Глухо, будто сквозь слой воды, доходили до его сознания голоса и зовы детей, внуков, в жизни которых что-то происходило, но Павел Евграфович не прислушивался».

Не знаю, с этого ли надо начинать мои заметки о романе «Старик», или, может быть с другого. Например, с рифм.

Павел (молодой, живущий не памятью, а настоящим) думает об умирающей матери: «Можно убить миллион человек, свергнуть царя, устроить великую революцию, взорвать динамитом полсвета, но нельзя спасти одного человека».

А вот из «Войны и мира», Николай Ростов: «Можно резать, украсть и все-таки быть счастливым...»

Это даже не рифма, анти-рифма. А если их свести вместе, эти анти-рифмы, то что получится? «...нельзя спасти» — «...и все-таки быть счастливым».

Николай Ростов молод.

Павел — моложе, чем ему хотелось бы. Он никак не может догнать себя взрослого, скажем так. Он — это *почти* он (еще не стал собой, не состоялся, не дорос). Это его мука — быть *почти*. Почти пятнадцатилетним. Почти (в старости) живым. Если понимать «быть живым» как «жить настоящим».

В финале романа старика нет. Умер. Молодой историк думает о том, что старик не помнил, как на вопрос о Мигулине (главный герой не романа, но всей жизни старика), «допускает ли он возможность участия Мигулина в контрреволюционном восстании, ответил искренне: „Допускаю“, но, конечно, забыл об этом, ничего удивительного, тогда так думали все или почти все».

Почти все.

И Павел — в числе «почти всех».

Но вернемся к рифмам.

«Велик был год и страшен год по Рождестве Христовом 1918, от начала же революции второй» («Белая гвардия»).

«Свиреп год, свиреп час над Россией... Вулканической лавой течет, затопляя, погребая огнем, свирепое время...» («Старик»).

А вот еще:

«Как же объяснить, что люди в этих условиях — смертной битвы — действуют не под влиянием чувств, симпатий или антипатий, а под воздействием мощных и высших сил, можно назвать их историческими, можно роковыми» («Старик»).

«Для истории признание свободы людей как силы, могущей влиять на исторические события, то есть не подчиненной законам, — есть то же, что для астрономии признание свободной силы движения небесных сил» («Война и мир»).

Ну да бог с ними, с рифмами, с отзвуками, с эхом (а сколько я всего не услышала!)

Поговорим о времени.

Старик Павел думает: «Когда течешь в лаве, не замечаешь жара. И как увидеть время, если ты в нем?» А я отвечаю: никак, только стариком, когда время иссякнет, а ты останешься.

Мне думается, что старик находится в своего рода чистилище. И гарь, которой дышит (в которой задыхается) Москва и Подмосковье, — гарь адского пламени. «Жара нечеловеческая, нездешняя, жара того света».

Не в том дело, что настоящее тускло (и дымно) на фоне грандиозных, космического масштаба, событий прошлого, а в том, что время старика вышло, и его прошлое стало много больше настоящего, а будущее превратилось в ничто. Что-то вроде обратной перспективы.

У каждого персонажа романа (и у каждого его читателя) своя жизнь, свое прошлое, свое настоящее, другими словами — свое время, которое когда-нибудь непременно кончится.

Вячеслав Огрызко, литературовед, публицист. Москва.

«НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИЙСЯ ИЗ СТУДЕНТОВ-ПРОЗАИКОВ»

Так Юрия Трифонова оценивал Константин Федин

До сих пор в точности неизвестно, что Юрия Трифонова побудило в разгар войны подать документы именно в Литературный институт. У него к тому времени уже имелись профессия слесаря-станочника и опыт работы на заводе, однако продолжать учебу по технической части он не захотел.

Заявление Трифонов подал 15 июля 1943 года. «Прошу зачислить меня в институт, — написал он, — на факультет прозы». Позже другими чернилами им по чьему-то требованию была сделана существенная приписка: «От воинской повинности освобожден по сост<оянию> здоровья» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, л. 1).

К этому заявлению Трифонов приложил короткую автобиографию. Он сообщил:

«Я родился в 1925 г. 28-го августа в гор. Москве в семье служащего. Мой отец работал в Совнархозе, мать училась в Тимирязевской с.-х. академии. Жил я на квартире у своей бабушки Словатинской Т. А., кот<орая> работала в ЦК ВКП(б). Отец мой умер, когда мне было 12 лет, я учился в 5 классе, это было в 1937 году.

Мы остались вчетвером — бабушка, мать, сестра — 10 лет и я. Мать в это время окончила Акад<емию> и работала в Наркомземе, бабушка вышла на пенсию — как старому большевику с 1905 года, ей дали персональную пенсию в 450 руб. До войны я успел окончить 9 классов, затем осенью 1941 был мобилизован в роту пожарной охраны Ленинского р-на, где и работал 1,5 месяца. Мать была в это время на работе в Казахстане в животноводческом колхозе.

В ноябре 1941 г. я с бабушкой и сестрой эвакуировался в г. Ташкент, где нас поместили вместе с другими семьями старых большевиков в бывш. д/о (доме отдыха «Медсантруд» — В. О.). В Ташкенте я окончил 10-й класс, после чего месяц работал на Северном Ташкентском канале. Вернувшись со стройки, я поступил работать на чугунно-литейный завод, где проработал 4 месяца. Осенью 42 года я завербовался слесарем 3-го разряда на московский авиационный завод и в декабре приехал в Москву.

Теперь я работаю на 124 з-де НКАП слесарем 5-му разряду.

Писать стихи и мелкие рассказы я начал еще в 8-м классе и с тех пор интерес к литературе, а именно к творчеству, у меня вырос в серьезное желание посвятить свою жизнь литературе, стать журналистом или писателем» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, лл. 10, 10 об.).

В этой автобиографии обращают на себя внимание некоторые моменты.

Первое. Трифонов пишет, что его отец — Валентин Трифонов умер в 1937 году. Это было неправдой. Уж кто-кто, а он-то знал, что его отца 21 июня 1937 года арестовали по обвинению в троцкизме. Он сам на следующий день записал в свой детский дневник: «Сегодня меня будила мама и сказала:

— Юра! Вставай, я должна тебе что-то сказать.

Я протер глаза.

Таня (сестра Юрия Трифонова — В. О.) привстала с постели.

— Вчера ночью, — начала мама дрогнувшим голосом, — у нас было большое несчастье, папу арестовали, — и чуть не заплакала.

Мы были в отупении».

Другое дело, что Юрий Трифонов долго не знал о судьбе своего отца (его расстреляли в марте 1938 года).

Второе. Не совсем верные сведения Трифонов при поступлении в Литинститут указал и о своей маме — Евгении Абрамовне Лурье. Ее потом тоже арестовали. 16 мая 1938 года она как член семьи изменника родины получила восемь лет и была направлена из Бутырской тюрьмы в Акмолинск в Карлаг. Соответственно она в войну в Казахстане работала в колхозе не в качестве вольнонаемной, а как заключенная.

Трифонов не мог не знать, что ему могло грозить за неправильно указанные сведения о близких родственниках. Тем не менее он на это пошел. Почему? На авось? Или ему кто-то так посоветовал, пообещав в случае чего защитить? Скорей всего, этим кем-то была его бабушка — Татьяна Словатинская, которая когда-то работала в аппарате ЦК ВКП(б) и за которой, несмотря ни на что, видимо, продолжали стоять некоторые весьма могущественные фигуры.

И третье. Смотрите: Трифонов в 1943 году вернулся в Москву не из эвакуации. Он приехал в столицу как завербованный рабочий. А ведь Трифонов

был уроженцем Москвы и до войны жил в столице. Почему же ему пришлось столь сложно возвращаться к себе в родной дом?

Как выяснилось, он в отличие от бабушки и сестры официально в эвакуацию не убывал. Осенью 1941 года Трифонов числился по мобилизации в пожарной охране. Но начальство разрешило ему взять отпуск, чтобы помочь отвезти бабушку и сестру в Ташкент. Разместив родных в Ташкенте, он собрался назад в Москву, но правила уже успели измениться — и ему без спецпропуска сесть на поезд в Москву не позволили. Так он и остался в Ташкенте, поступив в десятый класс школы № 137. Но нормально заниматься возможности тогда никто не имел. В частности, класс, в котором учился Трифонов, бросили на строительство Чирчикского канала.

Весной 1942 года Трифонов подал документы в военное училище. Но его забраковала медкомиссия — из-за близорукости и проблем с сердцем. И тогда он пошел работать на Ташкентский чугунолитейный завод.

Позже знакомые выслали ему в Москву переводное свидетельство, подтверждавшее факт его обучения в десятом классе ташкентской школы № 137. В этом документе были шесть оценок «отлично» — по литературе, геометрии, тригонометрии, истории, Конституции и иностранному языку, две оценки «посредственно» — по физике и астрономии и остальные — «хорошо».

При поступлении в Литинститут от Трифонова потребовали рукописи. Он принес почти все, что у него имелось: стихи, поэтические переводы и рассказы. И все это попало к Константину Федину.

Старый мастер был приятно удивлен. «Самое удивительное в трудах Трифонова, — написал он в своем отзыве, — что они принадлежат человеку, которому еще не исполнилось 18-ти лет» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, л. 30).

Федину понравилось почти все. «В стихах он (Трифонов — В. О.), — подчеркнул Федин, — проявляет разнообразие ритмов, свободу и находчивость выражения, легкость рифм». Его зацепили и поэтические переложения Трифонова («В переводах из Бехера слышен голос поэта-немца»). Не вызвали у Федина отторжения и новеллы Трифонова («В прозе — в наличии неплохая игра рассказчика — живые отступления от сюжета, перебивки речи, задержки»).

Вывод Федина был таким: «Не произойдет никакой ошибки, если Трифонов будет принят в Институт в числе первых и лучших молодых авторов». Однако молодого талантливому парня зачислили 27 октября 1943 года только на заочное отделение.

Продолжая работать на заводе, Трифонов в сентябре 1944 года вступил в комсомол и почти сразу был избран вторым секретарем комитета ВЛКСМ 124-го завода Наркомата авиационной промышленности по политмассовой работе, а затем в нагрузку ему еще поручили выпускать общезаводскую газету.

А какие в это время у Трифонова были успехи в литинституте? Сохранилась его зачетка с записями за 1 семестр. В этих записях указаны название предмета, преподаватель, оценка и дата сдачи экзамена. Читаем:

«История народов» СССР — Кантор — отл<ично> — 28/ XII-43.

История Гр<ечии> и Рима — Радциг — зачет — 3/III-44.

Ист<ория> ср<едних> веков — Радциг — хор<ошо> — 5/V-44.

Фольклор — С. К. Шамбинаго — отл<ично> — 9/XII-44.

Др<евне>p<усская> лит<ература> — С. К. Шамбинаго — отлично — 9/XII-44.

Вв<едение> в языкознание — Н. С. Пospelов — отл<ично> 14/XII-44».

К слову, на втором курсе Трифонов изучал у Баскакова казахский язык.

На дневное же отделение Трифонов перевелся лишь осенью победного 45-го года, успев перед этим получить выговор от Октябрьского райкома ВЛКСМ — «за утерю комсомольского билета» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, л. 7 об.).

Осенью 1947 года Трифонов написал на казахском материале, точнее на маминых воспоминаниях о работе в казахском животноводческом колхозе, рассказ «Синее небо», который очень понравился руководителю его семинара Федину. «Вещь написана в манере близкой Чехову, — отметил мастер, — спокойное, точное, строгое описание. Но по сравнению со «Степью» Чехова здесь много нового. Традиционна она лишь с первого взгляда — на каждой странице чувствуешь наше время и свежесть человеческого отношения, внесенная в суровость степного быта советским народом» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, л. 26).

Правда, в самом рассказе даже намек не было на то, что его герои — это заключенные. Главный же недостаток этой вещи мастер увидел в перегруженности спецификой животноводства.

В конце разбора рассказа «Синее небо» Федин сделал приписку: «Трифонов этим рассказом оправдывает надежды, которые вселял в меня прежде». Он даже потом выбил тогда своему студенту повышенную стипендию имени Алексея Толстого.

Позже Трифонов отдал учителю свою новую рукопись: «Дорога». Мастер эту вещь назвал рассказом на тему «трудового патриотизма». Особенно его впечатлил образ старика.

Давая в конце 1948 года своему студенту характеристику, Федин написал: «Трифонов. Наиболее выдающийся из студентов-прозаиков по изобразительным достоинствам» (РГАЛИ, ф. 632, оп. 1, д. 2393, л. 27).

Ну а 30 июня 1949 года Трифонов защитил уже в качестве диплома свою знаменитую повесть «Студенты».

Кирилл Анкудинов, доцент Адыгейского государственного университета. Майкоп.

РЕЦЕПТ ОТ ГАРТВИГА

Знакомьтесь: главный герой повести Юрия Трифонова «Предварительные итоги» Геннадий Сергеевич, 48 лет, переводчик стихов по подстрочникам, женат вторым браком, отец семнадцатилетнего сына.

Живет скверно: работы стыдится, жену раздражает, отношения с сыном доходят до рукоприкладства, мысленно признает себя «помешанным» и «тотальным правонарушителем». При этом ратует за нравственность, видит «меркантильных эгоистов» и «лицемеров» повсюду (особенно в своей семье, а также в ее ближайшем круге), искренне возмущается мерзостями жизни, сбегает от них в Туркмению (к переводимому поэту). Как ни странно, скверна существования этого героя проистекает именно из его «нравственного подхода».

Нет, я не сомневаюсь в нравственности. Она нужна. Но дело в том, что нравственность, в отличие от милосердия, любви, сочувствия или уважения, рациональна; это бытовая математика, она выстраивается на системе обязательных платежей. Все хорошее (или представляющееся таковым) должно быть поощрено, все плохое (или кажущееся таковым) должно быть наказано. При неплатежах обесценивается нравственный эквивалент, вот почему выплачивать Геннадию Сергеевичу за его добро (а он видит себя добродетельным) надобно непременно. Но окружающим не до выплат золотыми карточками за чужую добродетель, у них куча своих забот. Моральному капиталу Геннадия Сергеевича это не вредит; напротив, это способствует его сохранению и умножению, поскольку сей капитал складывается не только из золотых карточек похвал, но из черных карточек негатива преимущественно.

Долгое время было принято считать, что человеку естественно стремиться к осуществлению собственных планов, к победам. Некоторые направления

психологии XX века открыли удивительное: люди часто хотят не побед, а поражений, укрепляющих их базовое самоощущение. Классический пример — поведение Юлия Капитоновича Карандышева (из «Бесприданницы» А. Островского), персонажа очень неумного, но все же не безумного, отдающего отчет в том, что созыв местной элиты на домашний пир с дрянным вином его не возвысит, а, напротив, унизит. Карандышев желает не побед, он вожделем унижений для строительства пьедестала себе как истерзанному «маленькому человеку». У Геннадия Сергеевича, конечно, случай помягче. Он возводит скромный памятник самому себе в облике «трудаги-кормильца, жертвы общей неблагодарности».

Геннадий Сергеевич переводит со всех языков мира, кроме двух, которые немного знает. Сын как-то сказал ему: «Производишь какую-то муру». После этого отец ударил сына. Поэма туркменского поэта Мансура «Золотой колокольчик» действительно смотрится мурой, но лишь потому, что мы знаем о ней от переводчика. Мне приходилось заниматься восточными переводами по подстрочникам; при этом я никогда не считал, что произвожу муру. У восточной поэзии своя красота, своя сила, своя правда. И разве так отреагировал бы впрямь переводчик на запальчивую реплику сына? Он бы прочел ему свои переводы и спросил бы: «Разве это мура?» А Геннадий Сергеевич прекрасно понимает, что производит именно халтурную муру по шестьдесят строк в сутки; сорвался же он потому, что оскорбили его драгоценный нравственный (иерархически-трудовой) эквивалент («на эту муру я тебя поил и кормил семнадцать лет»).

Или вот еще: жена Рита увлеклась религиозной литературой — не той, что в СССР была запрещена, а той, что не рекомендовалась. Геннадий Сергеевич возмущен — по причинам материальным («все эти Леонтьевы, Бердяевы или, как я говорил, белибердяевы стоили порядочных денег») и типа идеальным («чтение таких книг теперь — ненужная роскошь, все равно что держать дома арабского скакуна»). А ничего, что Николай Бердяев и Константин Леонтьев говорили противоположное? Или не важно, что они говорили?

Между прочим, вот такие «геннадии сергеевичи» ныне почти свели на нет интеллектуальную беседу как времяпрепровождение: ведь для них все имена, тексты, темы и методы — не смыслы, а лишь эквиваленты (одной из иерархий). Все, что выше их ординара, — «фу, умничанье, высокомерие». А то, что ниже — тоже «фу», только иное. Вот и страшишься в незнакомой компании упомянуть Хайдеггера или Дарью Донцову (о которой тоже можно вести интеллектуальные разговоры, например, как о наследнице ренессансного плутовского романа): не знаешь, на чей и на какой ординар нарвешься.

И тут в жизни Геннадия Сергеевича появляется некто Герасим Иванович Гартвиг, 37 лет, репетитор сына, а вообще — институтский преподаватель, исследователь средневековой философии и современной социологии, а также (временами) матрос, землекоп, дорожный рабочий, сборщик яблок и лесоруб. И с его явлением мы оказываемся в поле очень странных суждений героя-повествователя.

«Говорят, ему предлагали место заместителя директора в институте, но он отказался. А сколько кругом людей больных, одиноких, несчастных по разным причинам, умирающих в раннем возрасте!».

Какая-то косая логика. Если Гартвиг отказался от места заместителя директора в институте, это значит только то, что он не карьерист. Карьеризм Юрием Трифоновым осуждается — как в активном варианте, так и в пассивном («см. «Дом на набережной»). Гартвиг добровольно уступает место замдиректора другим людям, в том числе «больным, одиноким, несчастным». В чем же его грех супротив «больных, одиноких, несчастных»? На деле грех — не перед ними, а перед теми же эквивалентами Геннадия Сергеевича. Уж если положена тебе пайка благ, то не смей отказываться! Иначе блага не достанутся другим, кому они нужны. Дают — бери!

Все остальные интерпретации поступков и побуждений Гартвига со стороны Геннадия Сергеевича носят столь же кривой (попросту — комичный) характер. Гартвиг одевается как попало. Будь он социально ниже Геннадия Сергеевича... но он выше, он преуспевает. Стало быть, высокомерен (а если б Гартвиг, напротив, одевался бы в самое дорогое и модное?). Гартвиг живет с некрасивой женщиной и говорит, что «красивые женщины его не волнуют». Значит, фанфарон (то, что и некрасивая женщина может быть любима, интерпретатору не приходит в голову). Гартвиг отпусками уходит в землекопы-матросы-лесорубы (для получения социального опыта). Рисуется. Перед кем? Не перед землекопами-матросами-лесорубами: высокомерного барина они б сразу раскусили и прогнали. Значит, рисуется перед собратьями-интеллигентами — они ему уж так внимают после походов (то, что человек с необычным опытом может быть интересен другим людям, нашему судье не приходит в голову тоже). Для того чтобы понять Гартвига, у Геннадия Сергеевича нет категорий понимания, нет драйверов: его толкования всегда сводятся к иерархическим мотивам. Но Гартвиг живет вне иерархий, ему не нужны золотые и черные карточки, он не думает, какое впечатление произведет на окружающих. И оттого окружающим с ним легко и радостно. Вот и жена Рита в восторге от Гартвига, и сын Кира. У Геннадия Сергеевича, естественно, это рождает супружескую и родительскую ревность; но суть не в ревности. Свободный человек всегда будет вызывать ненависть у раба, упивающегося несвободой, возведшего несвободу в смысл и основание собственной жизни. Вот Гартвиг неосторожно признается Геннадию Сергеевичу в том, что, общаясь, старается получить как можно больше информации, и это вызывает у Геннадия Сергеевича ярость.

«Значит, в разговорах со мной он не надеется приобрести никаких мыслей, только лишь информацию...»

А разве «информация» — не синоним «мыслей»?

«Делиться своими мыслями и знаниями с людьми, которых он считал ниже себя и бесполезными для себя, он не желал, не умел, он хотел только обогащаться».

Ну, неправда. И с Ритой, и с Кириллом Гартвиг делится своими мыслями и знаниями.

«Я не успел прочитать так много книг и вызубрить иностранные языки потому, что жил в другое время: работал с малых лет, воевал, бедствовал».

Разве Лихачев и Бахтин не бедствовали? Разве Лотман не воевал?

«Не приписывайте себе чужих заслуг — они принадлежат времени. Мы сдавали другие экзамены».

С Геннадием Сергеевичем снова случилась обычная для него история: слово «мысль» в его лексиконе — значит «нечто, предполагающее похвалу»; золотую карточку он в этот раз не получил, а черную карточку можно добыть из чего угодно. Хоть из своего невежества.

В общем, рецепт от Гартвига оказался не востребованным. Для героя, для Геннадия Сергеевича. В какой мере он был востребован автором, Юрием Трифоновым? Не знаю.

Евгений Кремчуков, поэт, прозаик, эссеист. Чебоксары.

МАНИФЕСТ ТРИФОНОВА

Ключ даже от самой гигантской, самой массивной двери узок и мал. Важны не размеры ключа, а его совпадение с сердечником дверного замка — тем замысловато устроенным цилиндром со штифтами, который в просторечии называют «личинкой». Когда мы говорим, что мастерство писателя —

особенно если речь заходит о большой прозаической форме — заключается в чувстве стиля и ритма, архитектоники и композиции, в психологической достоверности, в затейливых арках персонажей, в диалектическом единстве и множественности смыслов, да много в чем еще, — мы, конечно, говорим верно. Но к этому всему у мастера почти всегда прилагается еще и способность в несколько слов, в одну короткую фразу раскрыть, распахнуть книгу перед читателем. Такая фраза гарантирует мгновенное подключение читательского воображения к огромному миру и его истории, что ждут впереди, за раскрывающейся дверью, еще не ясные в деталях, но уже необратимо явленные в своей глубинной таинственной сути. Дело в том, что искусство — это не *продукт*, а *рецепт*; или, если уж быть последовательным, — не *картины*, а *карты*; совсем не «потребителя» предполагают они снаружи себя. У каждого из нас есть образцы подобных фраз-ключей. Конечно, вспомнится Гарсиа Маркес, то самое: «Пройдет много лет, и полковник Аурелиано Буэндия...» Я, скажем, люблю приводить в пример начало «Столпов земли» Кена Фоллетта: «Первыми к месту казни сбежались мальчишки». Хорошо, правда? Фраза-ключ не обязательно начинает текст, но всегда открывает его: «Все смешалось в доме Облонских». Такая фраза вообще может явиться даже в свободном пересказе, оказываясь, однако, именно открывающей: когда моя жена Нина рассказывала мне сюжет «Рассечения Стоуна» Абрахама Вергезе, она начала с того, что «монашка умерла при родах», — на этих словах ключ уже пророчивается в замке, дверь распахнута.

У Юрия Трифонова есть короткий рассказ «Путешествие». Миниатюра, в которой на все про все — десяток абзацев, три с половиной странички в книге. Вход в рассказ таков: «Однажды в апреле я вдруг понял, что меня может спасти только одно: путешествие. Надо было уехать». О причинах этой острой («вдруг!») необходимости не говорится: надо — и все. Какие-то причины имелись, но «почему мне стало так худо — это другая история, рассказывать ее долго и ни к чему». Обезличенная тягость этого слова категории состояния («надо» — даже не «мне надо», а просто *надо*) отражает странное мерцание «я» героя-писателя — его мерцание между субъектом и объектом. Отчасти дело в терзающей всякого писателя жажде новых впечатлений, о которой герой говорит случайному собеседнику на лестнице в редакции газеты, где он собирался взять командировку, чтобы «немедленно уехать»: «Ну конечно! — сказал я. — В том-то и дело, что мне нужны впечатления, черт бы их побрал! Я остался совершенно без впечатлений. Это как-то глупо звучит, но это так». Да, герой не лукавит, да, это правда — да не вся. Есть что-то еще. Суть не в поиске «каких-нибудь конфликтов, страстей, производственных драм, в которых скрывались бы судьбы людей и разные точки зрения на жизнь», — как уверяет герой заведующего отделом редакции. В сущности, безымянный завотделом совершенно прав, когда быстро (и со скорбной надменностью) отвечает: «Это вы найдете где угодно». Такая невыносимо пустая, бесплотная, но грузная тоска по чему-то и от чего-то подобна парадоксальному давлению (одновременно снаружи-изнутри, сразу из-за избытка и недостатка), которое тяготит героя в начале «Путешествия» — «на рассвете, в апреле, когда раскрытая рама слегка раскачивается от ветра и скребет по подоконнику сухой неотодранной бумажной полоской».

У нас есть достаточно веские основания для того, чтобы соотнести героя этой истории с самим Трифоновым. «Я» рассказчика, конечно, не строго равно авторскому «я», эти два голоса не совпадают вполне, но при этом они, безусловно, конгруэнтны, со-гласованы. И не только потому, что писатель из рассказа живет в квартире Трифонова последних двадцати лет его жизни — в квартире на шестом этаже дома № 8 по 2-й Песчаной (этот адрес и домашний телефон Ю. В. доступен и сейчас читателям «Справочника Союза писателей СССР»). Дело в другом: мысль рвущегося уехать героя «Путешествия» проходит воображаемый путь от промышленных новостроек Соликамска, Кондопоги, Тюмени, Иркутской обл. и Узбекистана, куда готова командировать его редак-

ция газеты, — к Курску и Липецку, где, по словам его случайного юного собеседника, «не менее интересно, чем в Сибири», — к подмосковным Наро-Фоминску и Мытищам, в которых писатель, по его собственному признанию, не бывал и которых не знает, — к самой Москве, где, оказывается, есть совершенно неведомые ему улицы и районы, — к дому, в котором он живет, — к своему подъезду и собственной квартире на последнем этаже — и наконец, в финале, к самому себе. «В зеркале мелькнуло на мгновение серое, чужое лицо: я подумал о том, как я мало себя знаю». Эта могучая центроостремительная сила мысли по спирали приводит писателя туда и к тому, откуда и от чего он всего несколькими часами ранее пытался сбежать. Округленно говоря, таким же оказывается к 1969 году — году создания «Путешествия» — и путь его автора: от экзотики цикла туркменских рассказов «Под солнцем», от производственного романа «Утоление жажды» к «городской прозе», к тому, что составит будущее классическое наследие Трифонова, — к бытовым «московским повестям» конца шестидесятых — семидесятых годов.

Мне уже доводилось говорить, что «осознавая то или нет, писатель всегда *собирает* мир». Однако (и мысль-то не нова) мир этот не обязательно растет из географии, из далеких земель, других городов. Подобно герою «Путешествия», и его автор обращает взгляд на своих «соседей» по площадке или этажом ниже, на их *быт*. Спустя семь лет Трифонов напишет в одной из статей, что «в русском языке нет, пожалуй, более загадочного, многомерного и непонятного слова». Поясняя: «То ли это — какие-то будни, какая-то домашняя повседневность, какая-то колготня у плиты, по магазинам, по прачечным. Химчистки, парикмахерские... Но и семейная жизнь — тоже быт. Отношения мужа и жены, родителей и детей, родственников дальних и близких друг другу — и это. И рождение человека, и смерть стариков, и болезни, и свадьбы — тоже быт. И взаимоотношения друзей, товарищей по работе, любовь, ссоры, ревность, зависть — все это тоже быт. Но ведь из этого и состоит жизнь!» И бытовая эта жизнь, обнаруживается, ох как сложна — так же, как непутевый сосед из «Путешествия», живущий в коммунальной квартире напротив жестянщик трамвайного депо Дашенькин — она посложнее, пожалуй, строительства комбинатов-исполинов и чудес ирригации.

Мастер подтекста и недосказанности, Трифонов умещает путешествие, и возвращение, и преображение своего героя в несколько часов одного апрельского дня — от бессонницы на рассвете до минуты, когда тот «открыл дверь своим ключом и вошел в квартиру». И — с последними словами понимаешь — сам рассказ Трифонова оказывается таким же миниатюрным ключом к его «большой» городской прозе. Его незначительным манифестом.

Михаил Визель, журналист, переводчик. Москва.

«СМЕРТЬ В СИЦИЛИИ»

Поскольку это конкурс нон-фикшн, скажу сразу начистоту: Юрий Трифонов — не мой любимый писатель. Мне, мальчику, пошедшему в школу во второй половине 70-х, не было нужды искать в книгах подтверждения той семидесятилетней «липкой усталости, которая накрывала всех», как писал Андрей Левкин в эссе о Трифонове для проекта «Литературная матрица».

Но это я прочитал сильно позже, а тогда, что называется, впитывал это ощущение если не с молоком матери, то уж точно через стояние с ней в очередях, шуточки отца с друзьями — такими же умеренно диссидентствующими учеными, размеренную речь застывших телевизионных дикторов и прочий шум и сор времени. И уже став старше, решив связать себя с русской литературой и даже поступив в Литературный институт, я не смог полюбить Трифонова.

Трагедии детей советработников из Дома на набережной были и оставались для меня, ребенка блочной девятиэтажки, совершенно чуждыми. И сам облик его — плотный дядька неопределенных, но определенно неюных лет (сейчас я с изумлением понимаю, что эмблематичные для него 70-е — это всего лишь его 40+, а прославился он вообще 25-летним, как рок-звезды) в кожаном пиджаке с квадратным лицом и больших квадратных очках — виделся мне воплощением тяжеловесной советской литературы, от которой я так страстно стремился уйти в литературу итальянскую — легкую, вибрирующую и разноцветную, как мне тогда казалось — и, в общем, кажется до сих пор.

Но именно итальянская литература позволила мне открыть Юрия Трифонову с неожиданной стороны, о которой сейчас и речь.

В начале этого года — да, именно в связи с предстоящим столетием — мне попался в руки «Опрокинутый дом», сборник его путевых очерков, травелогов, как сказали бы мы сейчас, опубликованный в итоговом для Трифопова 1981 году. А среди них внимание сразу привлек очерк «Смерть в Сицилии». Не только словом «Сицилия» в названии, но и неожиданной переключкой со «Смертью в Венеции» — такое перемигивание с классиком в мои представления о Трифопове не укладывалось.

Начав читать очерк, я, впрочем, быстро убедился, что ничего игрового в нем нет. Автор честно описывает, как несколько лет назад он оказался приглашен в Монделло, под Палермо, на вручение одноименной этой рыбацкой деревушке литературной премии. Где ему в одно ухо шептали, что премия, считай, у него в кармане, а в другое — что премию получит не он, а не называемый по имени чешский писатель, живущий в Париже.

В эпоху Википедии не составляет труда выяснить, что речь идет о сезоне 1978 года этой премии и, разумеется, о Милане Кундере. Но это действительно оказалось не столь важно. Важнее другое: автор откровенно описывает неловкое положение, в которое он, взрослый человек, состоявшийся писатель, попал в чужой стране — вынужденный общаться на примитивном английском, не понимающий местных обычаев и трепещущий как девочка на школьном балу, в ожидании: ему дадут премию или этому парижскому чеху, эмигранту?

«В прошлом году здесь вышли две мои книги: „Долгое прощание” и „Дом на набережной”. Ну и отлично. Зачем же еще премия? То, что книги вышли, это и есть премия. И то, что я упал на этот остров вблизи африканского побережья, тоже премия. Не надо о ней думать. Она не нужна. То есть нужна, разумеется, но в то же время не нужна. Нужна и не нужна вместе, одним слитком. Глупо о ней думать. Человек не может себя заставить не думать о глупостях».

Все это очень по-человечески понятно и неожиданно трогательно. Но в центре повествования — не эти рефлексии советского писателя, который и на благоухающем свежешареной рыбой сицилийском берегу не может оторваться от мыслей об очередях и пьяненьких грузчиках в магазине «Океан» на «Соколе», а его встреча с писателем итальянским. Причем довольно особым: богатой итальянской дамой русского происхождения, которую он называет Маргарита Маддалони.

«Синьора Маддалони живет в старинном замке, который, разумеется, перестроен и приспособлен для жизни. Его основали норманны, потом он был разрушен, восстановлен, опять разрушен, опять восстановлен, наконец, тотально разрушен во время последней войны и полностью отстроен покойным синьором Маддалони, промышленником и судовладельцем. Синьор умер одиннадцать лет назад. Вот с тех пор от тоски и ужаса перед одиночеством она стала писать книги и написала восемь романов. Ее всегда интересовали драгоценные камни, но не как богатство, а как мистическая сила, повелевающая судьбами людей. Каждый знаменитый алмаз таит удивительные сюжеты, с ним связанные. Один из романов посвящен России, императрице Екатерине и графу Орлову».

Добравшись до этого места, я «сделал стойку»: может, стоит издать сейчас эту историческую беллетристику по-русски? Конечно, ждать пропущенных шедевров не приходится: сам Трифонов пишет о ее сочинениях с тонкой иронией, переходящей, впрочем, в явную зависть:

«Смуглый, с курчавыми бачками, в белых перчатках Сильвио прикатил тележку с напитками, фруктами и печеньем. <...> Синьора Маддалони говорит, что диктует романы на диктофон, потом их немного правит. По существу, они пишут втроем: она, Сильвио и диктофон».

Но мало ли писателей первой волны заняли сейчас подобающее место в издательских портфелях. А если все, что про нее Трифонов пишет — бегство из Ростова в 1920 году, скитания по Франции и Турции, — правда, то это же само по себе роман.

Но мои предположения разбились об удивительную преграду. Фамилия Маддалони на юге Италии весьма приметная: в центре Неаполя на виа Маддалони стоит огромный Палаццо Карафа ди Маддалони, в котором я и сам однажды ночевал, а в городке Маддалони возвышаются руины XII — XIII веков величественного Кастелло Маддалони. Так что Трифонов точен, говоря о замке и муже-аристократе. Но замок этот отнюдь не на Сицилии, а в неаполитанской Кампанье. А главное — я не нашел в итальянском интернете никаких следов книжной продукции, подписанной именем Margherita Maddaloni!

Как могла эта продукция («стопки книг в ярких обложках, запечатанных в целлофан») настолько глубоко кануть в Лету? Неужели Юрий Трифонов все это просто сочинил, вплетя в фактографическое повествование полностью выдуманную фигуру? Но зачем?! Неужели только для того, чтобы рассказать о коллизии гражданской войны в России:

«— Милый мой, — синьора Маддалони накрывает мою руку сухонькой ладошкой, — ваш папа был на другой стороне. А дядя, комендант Новочеркасска, может быть, преследовал моего брата. Все это история... И она мало кому интересна — мне, вам... Но самое страшное знаете что? — Она смотрит в глубь меня пронизывающим бессильным оком. — Смерть в Сицилии...»

Или, может быть, осмотрительный Трифонов имел какие-то совсем другие причины укрыть свою собеседницу под чужим звучным именем?

Наверно, последний, кто мог бы сейчас разьяснить эту недоговоренность и найти следы таинственной синьоры — вдова Юрия Трифонова, Ольга Романовна. Я не знаком с ней лично, но предполагаю, что она читает тексты, присылаемые на конкурс. И если сейчас благодаря ему эту запутавшуюся ниточку русско-итальянских культурных связей удастся распутать — я сочту цель этого эссе достигнутой.

Александр Рязанцев, прозаик, литературный критик, член Союза журналистов Москвы. Москва.

ДАЧНОЕ ПРОКЛЯТИЕ

О рассказе Юрия Трифонова «В грибную осень»

Поместье, а впоследствии дача в русской литературе — это особое пространство, связанное с идеями уединения, покоя, рефлексии и скуки. Дворяне, получив образование и культурный опыт в Европе, возвращались в Москву или Петербург, вступали в брак, вели социально активную жизнь, чтобы затем, под влиянием возраста или прихоти, перебраться в родовую усадьбу, где пытались применить имеющийся культурный опыт в среде, далекой от европейских институтов и норм. Читали французских авторов, занимались писательством, охотой, устраивали приемы, встречали гостей — и все чаще сталкивались с

ощущением разрыва между собой и окружающей реальностью. Это порождает внутреннюю неудовлетворенность и растущее чувство отчуждения — одним из самых точных примеров выступает финал пьесы А. П. Чехова «Чайка», где отчуждение достигает предела: Треплев оказывается неспособен принять неопределенность и бессмысленность собственного положения. Смерть становится последствием не трагедии как таковой, а невозможности найти в мире устойчивую опору. Так формируется проклятие дачного пространства в русской литературе — его зыбкость, неопределенность, неуверенность ни в завтрашнем дне, ни в следующем годе.

Советская литература, особенно проза Юрия Трифонова 1960-х годов, продолжает эту линию, но расставляет иные акценты. У Трифонова дача — не пространство рефлексии, а место распада и утраты — уже окончательно. В рассказе «В грибную осень» дача не просто холодна и неудобна — она изначально кажется чуждой и враждебной. Надя, главная героиня рассказа, не хотела ехать за город, к маме, называла дачу напрямую, без обиняков — «проклятой». Поэтому нет ничего удивительного, что Надя становится жертвой проклятия — на даче умирает ее мать.

Дача в рассказе лишена черт уединенного покоя, ее обстановка случайна, обветшала и не предназначена для проживания, тем более — для достойного ухода из жизни. Единственное, что, на взгляд Нади и ее мамы, хорошего в даче — близость «к базарчику». Все остальное вызывает у героини внутренний протест: хозяйка-хапуга, холодные дощатые стены, необходимость топить дом даже летом, одиночество. Именно туда отправляют мать, чтобы «дать ей отдохнуть», — а на деле, чтобы избавиться от необходимости постоянного участия в ее жизни.

Ключевая сцена, смерть матери, — почти не прописана. Она подана сдержанно, без эмоционального наращивания, без кульминации. Фраза «в ее глазах оставалась жизнь» становится пределом художественного высказывания. Как будто между жизнью и смертью остается небольшой промежуток — в котором все еще можно что-то изменить. Но любая попытка героини вернуть все обратно оказывается бессильной: бег, крик, поиск лестнички, падение, травма ноги, проникновение в пустой дом — все бестолку. Это не трагический финал, а момент резкого обрыва, не укладывающийся в привычную логику событий.

Надя, не до конца осознав произошедшее, сразу начинает действовать: звонки, телеграммы, вызов врача, покупка валокордина и снотворного. Все, что раньше требовало внимания и участия, теперь совершается автоматически, без размышлений. Этот переход от чувств к процедурам не выражает безразличия — это единственно возможный способ оставаться на ногах. Мир не предлагает инструментов для того, чтобы выразить утрату — и Надя, как и окружающие, вынуждена использовать язык организации, логистики, дел. При этом Надю не отпускает понимание близости смерти — хоть и неосознанно, но героиня схватывает те намеки, что дает ей жизнь: «Из шашлычной вышли два человека. У одного на груди болтался транзистор, из которого раздавалась музыка. Надя отчетливо подумала: „Это Моцарт“. И еще: „Он давно умер“». Надя понимает и одновременно не понимает, что смерть покоится во всем, что ее окружает — даже в прекрасной музыке.

Важно, что первая внятная реакция на смерть — не от близких, а от подруги Ларисы: «Обязательно достань снотворное и прими на ночь. Завтра у тебя будет очень тяжелый день». Начинается новая жизнь. Не та, где можно скорбеть — а нужно выживать, принимать решения, продолжать жить и нести ответственность за своих близких, в первую очередь детей. Переход между жизнью «до» и жизнью «после» оформляется не в речи, а в действиях. И при этом первое, что чувствует Надя при пробуждении — неизвестно откуда взявшийся страх. Второе — воспоминание, что мама умерла. И оно теперь никуда не денется.

Надя переживает утрату не столько эмоционально, сколько физически. На поминках, когда тетя Фрося, теперь единственный ей близкий по крови человек, внезапно обвиняет Надю в том, что она «заездила мать», у героини буквально отключается сознание. Ее уводят в комнату, она погружается в уже привычный мрак. Это не слабость, а форма несогласия. Даже не с обвинением — с самим порядком, который требует переживать горе публично, объясняться, оправдываться. Когда она возвращается в себя глубокой ночью, первое, что делает Надя, — идет мыть посуду. Этот жест возвращает ей минимальное ощущение контроля. Мытье тарелок — не ритуал чистоты, а способ снова почувствовать связь с телом, с бытом, с возможностью действовать. Это не пустое бытописание, за которое немудро обвиняли Трифонова некоторые критики; это максимально точная и естественная реакция человека на горе. Он остается наедине со своей болью, вынужденный искать спасение в малом — в звоне тарелок, в скрипе половиц, в монотонном ритуале быта, который хоть ненадолго, но возвращает иллюзию устойчивости.

В рассказе, кстати, никто не может назвать смерть родной мамы прямой. Даже на почте, сообщая о случившемся, Надя говорит: «Умер человек». Язык обходит трагедию, как бы не допуская ее окончательного признания. Пространство вокруг остается нейтральным: аптека, почта, транспорт, соседи, даже родственники — никто не способен вступить с этим горем в прямой контакт.

Так работает дачное проклятие у Трифонова: оно не зловещее, не трагичное, но абсолютно безучастное.

Современные загородные резиденции — те же трифоновские дачи в новом формате. За высокими заборами и системами безопасности люди, состоявшие в жизни и уставшие от города, сталкиваются с тем же экзистенциальным одиночеством, хоть и не всегда это понимают. Как писал британский социолог польского происхождения Зигмунт Бауман, для таких людей жизнь на даче, вдали от города, превращается в эскапизм, который не решает скопившихся проблем. Русская литература давно это знала. И в прозе Трифонова мы видим, как даже самое будничное пространство — дача, кухня, комната с раскладушкой — становится сценой для тихого исчезновения. Не драма, не надрыв — просто человек остается наедине с пустотой. И даже камеры видеонаблюдения не фиксируют главного: того, как стирается грань между добровольным затворничеством и приглашением на казнь.

Елена Некрасова, культуролог, кинокритик. Санкт-Петербург.

СШИВАТЬ ВРЕМЯ

Я не любила писателя Юрия Трифонова. Читать его книги было как в детстве класть горчичники на пятки во время болезни. Сначала горчичник, на него целлофановый пакет, потом шерстяные носки. Сначала ничего не чувствуешь, только целлофан хрустывает в слишком широком носке. Потом становится горячо, а потом очень горячо. Зовешь маму, кричишь, что жжется, но мама непреклонна. Терпи.

Так и книжки писателя Трифонова. Их надо было «перетерпеть». Продираться через неприятных, недобрых героев, бытовые подробности, обрубленные предложения. Но не прочитать было нельзя — его книжки были в каждом советском доме. Как носки домашнего изготовления, холодец или квашеная капуста. Ведь в советские времена невозможно было себе представить, чтобы хоть кто-то в семье не умел вязать или готовить. Этим кем-то, конечно, были женщины, но тогда этому еще не предавали такого большого значения. Сам Трифонов в своих книжках теме эмансипации тоже, кажется, большого значения

не предавал и женщин воспринимал крайне традиционно. Не в том смысле, что они у него непременно должны были вязать или варить борщи. Совсем нет. Это в трифоновских книгах очень часто делали домработницы. Нигде в советской городской прозе, к которой принято относить Трифонова, мне не попадалось такое большое количество прислуги. И это при том, что в московских повестях он описывал не партийную верхушку, а городскую интеллигенцию, средний класс, как сейчас сказали бы. Но в этом (как и во многом другом) он, видимо, придерживался консервативной позиции — социальные различия, даже если ужасали его — именно так обстоит дело в «Предварительных итогах» и в «Доме на набережной», — должны были сохраняться. На них держался дом его героев и вся жизнь. Видимо, такой консерватизм был неизбежной реакцией на все пертурбации XX века.

Нет, консерватизм в «женском вопросе» выражался в другом. Нежные, жертвенные, как Соня Ганчук, или откровенные стяжательницы вроде Лены в «Обмене», они всегда оставались загадкой. Несли в себе неискоренимую тайну женственности. Черную дыру, в которую героя затягивало, если он вовремя не проявлял осмотрительность. При этом героини Трифонова были как-то очень явно связаны с тем, что называется «повестка». Те, что чисты, — всегда были как бы поперек повседневной советской жизни. А те, что, наоборот, — воплощали всю ее гадость. Последние всегда отлично устраивались, были витальны, обеими ногами стояли на земле. Казалось, их женская власть усиливалась за счет слияния с повседневностью. Но главное — именно они были виноваты в том, что герой не состоялся, не смог, не осилил. Меня, тринадцатилетнюю, это страшно раздражало.

При этом нелюбимый писатель обладал странной притягательностью. Например, нелюбовь не помешала мне запомнить некоторые его фразы и пользоваться ими почти как цитатами из фильмов Гайдая. Так, благодаря «Предварительным итогам» я усвоила, что англичане — немusыкальная нация. И ведь действительно — не музыкальная. Гендель, например, немец. А «Битлз» и Эндрю Ллойд Уэббер вообще не в счет. Раньше это считалось попсой, а сейчас — старьем. Много позже я узнала про Бриттена и Герни, но было уже поздно — концепт сформировался. Как и герой трифоновских «Предварительных итогов», я, наверное, была не интеллигентна и поверхностно образована. Да не наверное, а точно. А может быть, просто эта емкая фраза из трех слов была удобна для запоминания. Как вопрос из кроссворда. Рыба из семейства лососевых, пять букв. Самая немusыкальная нация в мире, девять букв. Так удобна, что ты произносишь ее, не отдавая отчета в ее смысле. Как-то случайно я ляпнула это в присутствии знакомого музыковеда. Он возмутился, но втайне преисполнился ко мне невольным уважением. Еще бы, так просто и лаконично, а звучит как приговор — ан-гли-ча-не — не му-зы-ка-ль-ная на-ци-я! Откуда фраза, он не вспомнил.

Все это относилось, конечно, к московским повестям. Ранние — «Студенты» и поздние — «Старик» я прочитать не успела. Советский союз кончился, и на нас обрушилась лавина совсем других книг. Читать и перечитывать Трифонова я начала много позже — уже в начале десятых годов нового века, — на даче начали делать ремонт, и пришлось производить ревизию перевезенных туда книг. Вот тогда-то стало очевидно, что тексты Трифонова двоятся.

На первый взгляд, это были книжки для современников. Про советское «здесь и сейчас». И, как любое «сейчас», оно было не склонно думать про «вчера». Герои, как и те, кто читали эти тексты, воспринимали прошлое как что-то невероятно далекое, принадлежащее другой эпохе. В «Доме на набережной» умирающая баба Нила рассказывала про свое детство, то есть, как думает ее внук, «сказать страшно про какую даль — лет семьдесят назад». Это странно. С точки зрения взрослого человека, прошедшего школу, может быть, университет, похоронившего уже деда или бабушку, семьдесят лет не такой уж серьезный срок — это время одной человеческой жизни. Целой жизни, но с понятным ее временным измерением — детство, молодость, старость.

Однако герои Трифонова, для которых старики стары, как Мафусаил, а сами они — вечно молоды, как только что созданные Адам и Ева, семьдесят лет это глубокая древность. Потом стало понятно, что этот инфантилизм не случаен, что он пестовался и даже усиливался. Главный герой «Дома на набережной» изо всех сил пытается убедить себя, что забыл подробности своего предательства. Или ошибки. Не важно, главное — забыл. Начал жизнь заново. Это очень сближало героев и читателя. Когда писались и выходили московские повести и позже — когда их читала я, было только свинцовое «сейчас». Можно приписать эту наивность потрясениям отечественной истории — весь XX век мы противопоставляли «тогда» и «сейчас». Периодически наступали «иные времена», накатывала «другая жизнь». Инфантилизм был неизбежен, даже спасителен. Трифонов это, безусловно, чувствовал. Вероятно, и в самом себе, определенно — в других.

Но одновременно с этим «сейчас» за текстом стояло время. Проникало через воспоминания стариков, возраст домов, коротких, очень коротких упоминаний о войне, о репрессиях, о смене литературных традиций. Исподволь Трифонов сшивал время. Выстраивал его в ряд. Заполнял пустоты.

В 2004 году вышел фильм Урсуляка «Долгое прощание». Я смотрела его на занятиях по сценарному мастерству в ленфильмовской киношколе «Кадр», где преподаватели — младшие трифоновские современники — хотели привить нам вкус к хорошему кино. Я сидела в маленькой, темной комнате с телевизором в углу. На экране замечательно-красивая артистка Полина Агуреева детским голосом пела романс на стихи Цветаевой. Бушевала музыка Моцарта. А во мне оживало в точности то томительное ощущение остановившего времени, какое я переживала в самом конце 80-х, читая в первый раз книгу. Наша преподавательница Фрижета Гургеновна Гукасян, легендарный ленфильмовский редактор, помнившая Авербаха и Муратову, и лучше нас, сосунков, понимающая про всю эту советскую жизнь, терпеливо пыталась объяснить, чем хорош фильм и, собственно, сама трифоновская повесть. А на улице начинался XXI век. Опять приходилось сшивать время.

ИГОРЬ СУХИХ

КНИГА «ТРИФОНОВ»: БИОЛОГИЯ ПРОТИВ ИСТОРИИ

«Ты читал книгу „Чехов“?» — реплика провинциальной гимназистки в романе Л. Добычина с гоголевско-чеховским заглавием «Город Эн» (1935). Имя как книга — претензия на классика, его надо заслужить.

Книга «Юрий Трифонов», безусловно, существует, хотя осознано это далеко не всеми.

Трифонов — типичный советский писатель эпохи застоя, причем из средне-верхнего интеллигентского слоя, который это время изобразил и в нем остался? «Трифонов просто описал эту липкую усталость, которая накрывала всех. А его читатели — из самого среднего слоя, инженеры, а не ученые и переводчики — узнали ее по себе. <...> Можно почитать или перечитать Трифопова, чтобы понять, что она такое, и не вестись на это чувство» (Эссе Андрея Левкина, между прочим, впервые напечатано в сборнике «Советская Атлантида».)

Бросьте, он не более советский писатель, чем Чехов — певец сумерек империи, несмотря на свой краткий век успевший пожить при трех императорах.

Говоря о Трифонове прежде всего вспоминают пять московских повестей. К ним добавляются пять романов, включая конъюнктурных «Студентов», исключая неоконченное «Исчезновение». Но наряду с ними есть и Трифонов-рассказчик. Эти тексты могут составить полновесный том (а, может, и два) собрания его сочинений.

Рассказы он начал писать еще в детстве, с рассказами пришел в семинар К. Федина, они, а не «Студенты», стали его первыми публикациями (1948), и последняя его работа — посмертно опубликованный цикл из семи рассказов «Опрокинутый дом» (1981), сознательно соотношенный с «Домом на набережной» (1976).

Трифонов-рассказчик разнообразен. «Вера и Зойка», «Голубиная гибель», «Игры в сумерках» — психологическая проза, в духе тех же московских повестей.

Но есть у него не только рассказы-фрагменты, но *рассказы-конспекты*, представляющие любимые трифоновские *вечные темы* сжато, четко, наглядно — едва ли не в виде *художественной формулы*. Таковы «Прозрачное солнце осени» (1961) — микророман о разных точках зрения на одну и ту же жизнь, почти «Расемон» Акутагавы-Куросавы; «Путешествие» (1969) — итоговый взгляд на себя в зеркало, как на незнакомца; «Кошки ли зайцы?» из послед-

---

Сухих Игорь Николаевич — критик, литературовед, доктор филологических наук, профессор СПбГУ. Родился в 1952 году в Курской области. Окончил филологический факультет ЛГУ. Автор многих исследований о русской литературе XIX — XX веков, а также школьных учебников по литературе. Из последних изданий: «Книги XX века. Русский канон» (СПб., 2019), «Русская литература для всех» (в 3-х т. М., 2022 — 2023) «Структура и смысл. Теория литературы для всех» (М., 2023). Постоянный автор «Нового мира». Живет в Санкт-Петербурге.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00636 <<https://rscf.ru/project/24-18-00636/>>, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

него цикла — снова разные точки зрения, но одного, изменившегося, героя-повествователя.

Таков и «Победитель» (1968)¹.

Подробная дневниковая запись (14 мая 1965 года) о встрече со старым революционером, случайно видевшим трифоновского отца почти шестьдесят лет назад, вдруг сопровождается внезапным уколом-размышлением: «Старики отличаются тем — глубокие старики, — что их больше всего вдохновляет и радует мысль о том, что они пережили своих сверстников. Дух соревнования. У очень глубоких стариков оттого бывает веселое настроение. Они чувствуют себя чемпионами. Все остальное их волнует гораздо меньше».

Через три года фигуральные выражения дух *соревнования* и *чемпион* приобрели полновесный предметный смысл, стали основой новеллистической фабулы.

Рассказ идет от первого лица, хотя о самом повествователе мы узнаем крайне мало. Во время олимпиады в Гренобле (это год написания рассказа) он вместе с друзьями, спортивным журналистом Базилем, который в давней студенческой жизни был Васькой Потапычем, и неким Борькой, о котором мы больше не узнаем ничего, едет во французский провинциальный городок, где живет 94-летний участник парижской Олимпиады 1900 года, занявший последнее место в беге на 400 метров².

Поездка оказывается бесполезной: «О чем говорить с ним? Он ничего не помнит. Годы труда, годы житейских невзгод и удач, войны, смерти, болезни, революции, праздники перепутались в его мозгу, уже где-то цепенеющем и откликающемся на что-то одно, свое, случайное, как полумертвый радиоприемник, в котором все лампы вышли из строя, кроме одной».

И вдруг (кульминация новеллы) эта лампа оживает, вспыхивает: «Продолжая улыбаться, старик повторяет что-то невразумительно, но настойчиво. Он бубнит одну фразу несколько раз, пока, наконец, Базиль не обращает на него внимание.

— Он говорит, что он победитель Олимпийских игр.

— В каком виде? — спрашивает Борька.

— Во всех, — говорит Базиль, выслушав ответ старика. — Когда-то он занял последнее место в беге на четыреста метров, но теперь он победитель. Все умерли, а он жив.

Я вижу, как в глазах старика возникает огонь, безумный огонь. Вот лампа, которая еще теплится в этом полуистлевшем радиоприемнике. Тщеславие старости! Гордость Мафусаила! Пережить всех. Победить в великом жизненном марафоне: все, кто начал этот бег вместе с ним, кто насмеялся над ним, причинял ему зло, шутил над его неудачами, сочувствовал ему и любил его, — все они сошли с трассы. А он еще бежит. Его сердце колотится, его глаза живут, он смотрит на то, как мы пьем виски, он дышит воздухом сырых деревьев февраля — окно открыто, и, если он повернет голову, он увидит в глубоком, густо-синем прямоугольнике вечера дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета. Никто из тех, кто когда-то побеждал его, не может увидеть этой дрожащей серебряной капли, ибо все они ушли, сами превратились в звезды, в сырые деревья, в февраль, в вечер».

Трифонов был прав, когда спорил с критиками: *я пишу на вечные темы*. Выдуманный неудачник-француз повторяет наблюдение из беседы с реальным русским революционером.

¹ Рассказ не входит в условный трифоновский канон. Его нет в единственном четырехтомном собрании сочинений. Обычно его, наряду с очерками и репортажами, печатают в сборниках спортивной прозы Трифонова.

² Трифоновская фабула выдумана (хотя рассказ иногда выдают за очерк). В предварительных забегах на 400 метров летней Парижской олимпиады французы Жорж Клеман и Шарль-Робер Феди заняли 3 и 4 места (из пяти) и в финал не попали. Общего забега не было.

Но важна не сама по себе эта вспышка сознания «победителя», а три взгляда на нее.

«— Просто надо жить долго, вот и все. Надо жить долго! — говорит Борька, когда мы, выйдя из дома, идем гуськом впотьмах по каменистой дороге к воротам».

Тридцатисемилетний Базиль, за спиной которого блокадное детство, смерть родителей, два инфаркта, бурная журналистская жизнь, отвечает не спутнику, а кому-то неназванному: «— Не надо жить долго, — бормочет Базиль, открывая дверцу машины. — И тот малый, который выиграл тогда четыреста метров, семьдесят лет назад — пускай он сгнил потом где-нибудь под Верденом или на Марне, — все ж-таки он... А этот со своим долголетием слоновой черепахи...»

Повествователь не спорит ни с тем, ни с другим, а пытается поймать и передать *это мгновение* (любимый трифоновский прием пунктирного пейзажа): «Через полчаса, миновав растянувшееся на двадцать километров озеро, мы останавливаемся на шоссе. Выходим из машины. Слева — гора, справа — долина, огни. Какое-то голое деревенское шоссе, ни одной машины, тишина, холод и близкая ночь. Мы стоим на некотором отдалении друг от друга под небом, ошеломительно бледным и пестрым от звезд. Пахнет землей, пролитым на асфальт бензином и какой-то гарью, вроде прелых, чадающих в костре сучьев. Жгут костер на склоне, это далеко, но ветром доносит запах. Меня знобит, не могу унять дрожь во всем теле. На холоде после вина всегда чертовски знобит. Я думаю о старике, который где-то там, далеко, вдруг почует — пронзительно, до дрожь — этот запах горелых сучьев, что тянется ветром с горы...»

Героическая ранняя гибель или полная уступок и компромиссов долгая жизнь-выживание? Что выбрать, если конечно, такой выбор возможен и предложен? Русская классика обычно выбирала первый вариант.

Калмыцкая сказка Пугачева в «Капитанской дочке» (1833 — 1836) завершается пословицей: «Орел клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!»

К уже погибшему автору романа присоединяется его лицейский друг: «Блажен, кто пал, как юноша Ахилл, / Прекрасный, мощный, смелый, величавый, / В середине поприща побед и славы...» (В. Кюхельбекер, «19 октября 1837 года»).

В посвященном пушкинской эпохе романе XX века появляется сходный контраст, но уже без возможности выбора: «Благо было тем, кто псами лег в двадцатые годы, молодыми и гордыми псами, со звонкими рыжими баками! Как страшна была жизнь превращаемых...» (Ю. Тынянов. «Смерть Вазир-Мухтара», 1927 — 1928).

В бунинской «Чаше жизни» (1913) на фоне трагической судьбы других героев философия победителя Горизонтова, продающего свой скелет Московскому университету, представлена в явном ироническом освещении.

«— Давно слышу я, Горизонтов, о причудах твоих. Ответь мне: юрод ты или мудрец? Зачем живешь ты на свете, уподобясь тем, которые жили во времена зоологические, на первых ступенях развития?»

Горизонтов, держа над головою зонт и опираясь на костыль, долго думал, глядя в землю и насуپя свои ежом торчащие серые брови.

— Но скажите и вы мне, отец Кир, — ответил он наконец, — зачем *вы* живете?

— Я тебя не о цели жизни спрашиваю, — сказал о. Кир. — Я тебя спрашиваю о ее образе.

— Но ведь образ соответствует цели?

— Ага! Цели! Ну, допустим. В чем же заключается твоя цель?

— В долголетию и наслаждении им.

— Но наслаждаешься ли ты?

— По мере сил и возможностей. Крепко и заботливо держу в своих руках драгоценную чашу жизни.

— Чашу жизни? — строго перебил о. Кир и широко повел рукой по воздуху. — Жизни здесь? На этой улице? Я не могу спокойно говорить с тобой! Ты достоин своей позорной клички! (Мандрилла — И. С.)

— В земле не распознаешь костей человека от костей животного, — ответил Горизонтов и медленно двинулся по улице, опираясь на костыль».

Но в сцене из романа другого поэта мысль о жизни как соревновании-выживании вдруг появляется если не в положительном, то нейтральном контексте: «Он <Юрий Живаго> подумал о нескольких, развивающихся рядом существованиях, движущихся с разной скоростью одно возле другого, и о том, когда чья-нибудь судьба обгоняет в жизни судьбу другого, и кто кого переживает. Нечто вроде принципа относительности на житейском ристалище представилось ему, но окончательно запутавшись, он бросил и эти сближения. <...>

Дама в лиловом была швейцарская подданная мадемуазель Флери из Мелюзеева, старая-престарая. Она в течение двенадцати лет хлопотала письменно о праве выезда к себе на родину. Совсем недавно ходатайство ее увенчалось успехом. Она приехала в Москву за выездною визой. В этот день она шла за ее получением к себе в посольство, обмахиваясь завернутыми и перевязанными ленточкой документами. И она пошла вперед, в десятый раз обогнав трамвай и, ничуть того не ведая, обогнала Живаго и пережила его» («Доктор Живаго», 1945 — 1955; Ч. 15, гл. 12).

Для позднего Трифонова это одна из вечных — и сквозных — тем. Вообще книга «Трифонов» скрепляется такими лейтмотивами, протекающими темами и приемами, создающими эффект вовсе не прозы быта, а «поэтической прозы» (Т. Бек), о чем надо писать специально и подробно.

Интересно читал ли, помнил ли писатель «Пир победителей» Шиллера-Жуковского? «Счастлив тот, кому сиянье / Бытия сохранено <...> Спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий!» (1803, перевод 1828).

Да, можно позавидовать молодым и гордым псам, вышедшим на Сенатскую площадь или победившим на Олимпиаде, а потом сгинувшим в бессмысленной бойне под Верденом. Но этот кратковременный победитель (в конце концов, что такое двадцать шесть или девяносто четыре года в сравнении с вечностью?) еще может увидеть *дрожание маленькой острой звезды серебряного цвета* и почуять *запах костра* (о трифоновских кострах надо писать отдельное эссе).

Два взгляда, две позиции — история и биология — словно взвешиваются на невидимых весах. Но Трифонов не выбирает, а показывает и размышляет.

Через три года появилась повесть «Другая жизнь», в которой четкий, почти геометрический конфликт «Победителя», приобретает психологический объем. Муж — историк, занимающийся немодными и неперспективными темами («То история московских улиц, а то охранка, а то и вовсе посторонняя наука») и внезапно умирающий от «сердечного приступа» (еще не инфаркта!) в сорок два года. Жена — биолог, пытающаяся передумать жизнь, понять, как и почему (свекровь считает ее виновной в этой смерти).

Их профессии становятся позициями, жизненными философиями. И — уже в сознании Ольги Васильевны — они продолжают спор о главном.

Он: «Из того, что она уловила когда-то: человек есть нить, протянувшаяся сквозь время, тончайший нерв истории, который можно отщепить и выделить и — по нему определить многое. Человек, говорил он, никогда не примирится со смертью, потому что в нем заложено ощущение бесконечности нити, часть которой он сам. Не бог награждает человека бессмертием и не религия внушает ему идею, а вот это закодированное, передающееся с генами ощущение причастности к бесконечному ряду...»

Она: «Человек уходит, его уход из мира сопровождается эманацией в форме боли, затем боль будет гаснуть, и когда-нибудь — когда уйдут те, кто испытывает боль, — она исчезнет совсем. Совсем, совсем. Ничего, кроме химии... Химия и боль — вот и все, из чего состоит смерть и жизнь».

В конце повести Ольгу Васильевну исцеляют те же, только не ночные, как в «Победителе», а утренние подробности бытия: красный шар солнца, летящий со стороны парка ветер, — и она начинает другую жизнь с другим человеком.

«Наверху был ветер, вдруг ударило резким порывом. Она потянулась к нему, чтоб заслонить, спасти, он ее обнял. И она подумала, что вины ее нет. Вины ее нет, потому что другая жизнь была вокруг, была неисчерпаема, как этот холодный простор, как этот город без края, меркнувший в ожидании вечера».

И Глебов в «Доме на набережной» оправдывает предательство бытовым наблюдением (в повести этот эпизод возникает дважды): «И вдруг за стеклом кондитерской на улице Горького, вблизи Пушкинской, Глебов увидел Ганчука. Тот стоял у высокого столика, за которым пьют кофе, и с жадностью ел пирожное „наполеон“, держа его всеми пятью пальцами в бумажке. <...> А ведь полчаса назад этого человека убивали. Глебов потом часто рассказывал историю с кондитерской. Да, мол, было что говорить. Много всякого. И то, и это, и пятое, и десятое, о чем лучше не вспоминать. А все-таки стоял и ел „наполеон“ с громадным аппетитом!»

Анатолию Королеву, участнику столь уже давней первой (и, кажется, последней) международной конференции в РГГУ «Мир прозы Юрия Трифонова» (1999) «легендарная сцена в кондитерской» представляется «драматическим столкновением *наполеона* с идеалом», в итоге которой «Советский Бонапарт слопал наполеон, то есть себя»³.

Это эффектное, но слишком простое социологическое объяснение. (Вообще, участники знаменского круглого стола, собранного по материалам конференции много говорили о политике, но мало — о поэтике.)

Подсмотревший плотоядное уничтожение наполеона Глебов видит одно (ничего такого особенного с профессором не произошло), автор же другое — мучительную вечную тему. Жизнь, биология (*с жадностью ел*) и здесь побеждает историю (*полчаса назад этого человека убивали*).

Финал, последняя сцена повести строится на той же коллизии: Ганчук не хотел вспоминать «шум и гам двадцатых годов», но «зато с удовольствием разговаривал о какой-нибудь многосерийной муре, передававшейся по телевизору, или о новости, вычитанной из „Науки и жизни“» И, возвращаясь с кладбища с могилы дочери, он просит шофера ехать побыстрее, что бы успеть на какую-то телепередачу.

Даже через тринадцать лет после приведенной дневниковой записи, уже после «Дома на набережной» Трифонов упорно повторяет ключевой мотив «Победителя» в подписи к фото для журнала Geo: «На встрече ветеранов 9-го мая можно увидеть потрясающие сцены: здесь, на аллеях Парка, встречаются люди, которые помнят друг друга юными, стройными, веселыми, отчаянными...

Они победители, и они живы, но Время побеждает всех. Слишком многие не пришли сюда. А тех, кто пришли, — трудно узнать.

И поэтому они плачут».

Легко заметить, что существительное *победители* двусмысленно. И метафизика (кратковременные победители Времени) перекрывает историю (победители в войне).

Но сам писатель — если читать книгу «Трифонов» в целом, без изъятий — вопреки биологической очевидности и этической безнадежности выбирает историю. Человек как *тончайший нерв истории* — это один из его ключевых мотивов.

Материалы к «Нетерпению» — двадцать толстых тетрадей с использованием трехсот источников, комментирует вдова писателя. Примерно так же шла

³ См.: «Юрий Трифонов: долгое прощание или новая встреча?» — «Знамя», 1999, № 8. Здесь сразу два участника вслед за комментатором дневников приписали Трифонову неточно процитированный фрагмент стихотворения Алексея Недогонова «Шуточное послание друзьям» («В тыщу девятьсот восьмидесятом...», 1948). Ошибку позднее исправили Константин Ваншенкин и Аркадий Ваксберг.

подготовка к написанию других повестей и романов. Еще в одной тетради — «конспекты трудов Авраама Дж. Хеншела, Паскуале Виллари, афонского монаха Максима Грека, Савонаролы, Сократа, Кальвина; статей об иконоборчестве, иконописании, статей В. В. Стасова об искусстве XIX века».

А началось все, оказывается, в девять лет, 31 августа 1934 года, когда «девятiletний Юра разлиновал тетрадь в твердом сером переплете и написал крупным детским почерком „Дневник Юры Трифонова“».

Говорите безотходное производство, Москва в пределах Садового кольца, время действия — «всегда сейчас»? На самом деле, в книгу «Трифонов» вмещаются не только драматические коллизии личной судьбы, но большая история за целое столетие — от Великих реформ (еще не народовольчества) до советских семидесятых.

Я уже где-то писал: мионовские сцены в «Старике» не уступают аналогичным страницам «Тихого Дона» и даже превосходят их в экспрессивной краткости. И вообще, предысторию и эволюцию советской идеи, а также конкретную советскую историю можно изучать по Трифонову: от «Нетерпения» и «Отблеска костра» — к «Дому на набережной», «Старику» и «Времени и месту». Он (как и совершенно с другой позиции — Солженицын) был летописцем эпохи, советским Пименом.

Но везде в поздней трифоновской прозе сквозь плотный грунт истории и быта. обязательно проступают вечные темы. Однако многие — и профессиональные — читатели останавливались только на поверхности.

Задетый вечными толками о быте, Трифонов однажды огрызнулся, обнажив главный принцип своей поэтики: «Я пишу о смерти („Обмен“) — мне говорят, что я пишу о быте; я пишу о любви („Долгое прощание“) — говорят, что тоже о быте; я пишу о распаде семьи („Предварительные итоги“) — опять слышу про быт; пишу о борьбе человека со смертельным горем („Другая жизнь“) — вновь говорят про быт. Я думаю, это вот отчего: разучились читать книги» («Как слово наше отзовется...» Беседа с Л. Аннинским. 1980)

Ольга Мирошниченко-Трифопова в заключении к публикации дневников цитирует письмо неназванной читательницы (31 декабря 1981 года):

«Я не мыслю своей жизни без трифоновской прозы.

Для меня он то же, что Чехов (но Чехов не ранний, а поздний: „Скучная история“, „Три года“, „Моя жизнь“ — и особенно писем.)

Время покажет, но мне кажется, что Ю. В. Трифонов будет через энное количество лет для потомков тем же, чем Чехов для нас».

Увы, пока не стал. И будет ли? Даже нормального собрания сочинений не существует почти через полвека после его ухода.

И путь по лабиринтам его художественного мира пока еще не пройден.

Другая жизнь продолжается для тех, кто остался.

КОНТЕКСТ

АННА АЛИКЕВИЧ

ПОЧЕМ СОЛЬ В СТРАНЕ НЕГОДЯЕВ: КАК ЕСЕНИН И АЙСЕДОРА СВОДИЛИ БЮДЖЕТ ЗА РУБЕЖОМ

Источники, пресса, исследования и коллективные представления

Что уж точно известно каждому об экономических взаимоотношениях блистательной пары, в основном из тенденциозных, но популярных воспоминаний Ирмы Дункан и Аллана Макдугалла (Дуги), так это как крестьянский гений любил свою жену... обкрадывать. Делал он это не только в наличных деньгах, которые якобы тщетно раздавал в *Америках невозможных* журналистам, дабы общегазетное выражение «молодой супруг» заменилось на «гениальный поэт». Но, что больше смущает, в нарядах и белье¹. Учитывая, что гардероб великой танцовщицы был весьма специфическим, а также факт, что являлась она дамой, как сейчас говорят, оверсайз, а других таких знакомых у Сергея Александровича не водилось, — не для Кати Эйгес же *ходил он воровать*, будем реалистами, — такие пассажи вызывают смущение и даже понятный смех. Причин для современного негодования тут несколько. Мы привычны к мысли, что «муж и жена — одна сатана», особенно если брак по взаимности. Не то чтоб у супругов автоматически становится общим все их достаточно неказистое имущество и их последующий заработок, исключая таким образом самую возможность «хищения друг у друга» (хотя и это тоже!). Но неужели выдающаяся артистка могла *действительно* пожалеть для своего возлюбленного, который одел ее в свои гениальные строфы и увековечил в мировой истории в очередной раз с ее *синими брызгами*, некоторое количество старых туник или летних комбинаций? Это кажется оскорбительным для

Аликевич Анна Анатольевна родилась в Москве. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького (семинар поэзии Евгения Рейна), училась в аспирантуре при кафедре новейшей литературы. Как поэт публиковалась в «5х5», «Формаслове», «Litterature», «Prosōdia», «45-й параллели», «Урале», «Авроре» и др. Автор книги стихов «Греческие» (2024). Как критик сотрудничает с «Литературой», «Формасловом», «Уралом», «Новым миром», «Prosōdia» и др. Преподаватель грамматики. Живет в Подмоскowie.

¹ См. хотя бы воспоминания Ирмы Дункан и Аллана Росса Макдугалла «Русские дни Айседоры Дункан и ее последние годы во Франции»: «Укладывая разные вещи, необходимые для поездки, Ирма, к своему удивлению, обнаружила удручающую бедность гардероба своей учительницы: у нее не было даже ночной сорочки. <...> В ответ Айседора печально улыбнулась и сказала: „Да, у меня нет ничего. Все новые вещи, приобретенные в Нью-Йорке и в Париже, исчезали вскоре после того, как я их покупала. Затем однажды я случайно обнаружила, что новое черное платье от ‘Фортюн’... оказалось в одном из новых чемоданов Есенина. А уж что до моих денег!...”» и т. д. и т. п. — В кн.: «Есенин/Дункан: Воспоминания». М., «ПРОЗАиК», 2011. Несмотря на то, что мемуар очевидно пристрастен и, мягко говоря, не расположен к русскому классическому, содержит элемент журналистского преувеличения, он хорошо демонстрирует противоречивость и сложность личности великой босоножки.

самого ее образа, даже если допустить, что, заворачивая эти странные вещи в свой дорожный узелок (теперь уже саквояж)², Сергей Александрович думал о матери или сестре Кате. Может быть, это искусная попытка снова привлечь внимание, эпатировать, разжечь дискуссию — то, чем всю дорогу от Берлина до Берлина, простите за правду, скандальная чета и занималась? Сегодня такое называется «жизнь в ТикТоке», частная реальность как сцена или, как говорила антагонистка Элен Курагиной у Льва Толстого: «Не ты, матушка, это первая придумала!» Впрочем, нас интересуют не мотив или аналогии, а факты.

Дело в том, что современники крестьянского классика принадлежали вовсе не к советскому поколению, «испорченному» социалистическим понятием об общей собственности³. А совсем напротив, их вскормила еще культура Российской империи — или же *консервативный* Запад. Возможно, кто-то будет потрясен, но до революции в России, в отличие от Англии, например, даже в «бесправной» крестьянской семье чисто юридически частное имущество женщины, вступающей в брак, оставалось ее собственностью. И муж не имел прав на ее посуду, наряды и предметы личного обихода, даже если бы и захотел подарить их родителям или продать⁴. Об этом можно с удивлением прочесть в работе о российском купеческом бизнесе. Если речь шла о чем-то более существенном, дворянских земельных владениях, к примеру, вспомним, что Стива Облонский не мог продать без одобрения жены *ее* лесок; права собственности же на территориальные владения и постройки в крестьянской многопоколенческой общинной семье находились в еще более сложной системе. Исходя из этих дореволюционных представлений о специфическом раздельном владении имуществом в браке — причем законов российских (в Европе и США все было иначе), воспоминатели, даже если это были обрусевшие иностранцы, имели возможность оставить пассажи, звучащие для современного уха так оскорбительно, абсурдно, смешно.

Разве не смешон человек, стащивший у собственной супруги нижнее платье? Безусловно, если сестры Есенина и могли видеть взаимоотношения в паре именно так — «с позиции уголовного права», то сама американская ирландка Айседора вряд ли воспитывалась в подобной культуре⁵. Если почитать подробнее ее автобиографию спартанки и бесребреницы, ночевавшей на досках и танцевавшей под небом, то сама позиция подсчета сорочек вызовет недоумение. Либо Ирма очерняет свою приемную мать, выводя ее настолько буржуазной, постоянно считающей червонцы, либо *республика наша — bluff*,

---

² На самом деле по прилете на Родину у поэта был чемодан, запирающийся на ключ, впоследствии Татьяна Есенина оставила воспоминания об этом предмете, уже пустом и, видимо, отпирающемся гвоздем.

³ Иронично, что любимый вопрос американских журналистов к Дункан был связан с обобщением собственности, но у нее самой никогда не возникало тяги обобщить ее владения, несмотря на все ее проповеди, — скорее всего, босоножка в действительности не очень-то симпатизировала подобному строю.

⁴ См., например, монографию Галины Ульяновой «Купчихи, дворянки, магнатки. Женщины-предпринимательницы в России XIX века». М., «Новое литературное обозрение», 2025.

⁵ Если судить по автобиографии самой танцовщицы, экономические отношения в ее неблагополучной родительской семье были невероятно запутанными. А уж если рассуждать о коллективном хозяйстве, которое вели впоследствии *взрослые* дети Доры Дункан, вопросов возникнет еще больше. Подобие мини-коммуны из двух девушек и двух юношей, возглавляемое матерью, с вето на брак и совокупным доходом, конечно, больше напоминает артель или цирковую семейную труппу по организации, чем какое-то социалистическое новаторство на уровне отдельно взятой «семьи». Впоследствии Айседора всегда отрицала интерес к социальным и политическим построениям, говоря, что ее удел искусство, и все же любому читателю наших дней описание ее семейной жизни до взаимоотношений с Гордоном Крэгом покажется минимум нестандартным. См.: Айседора Дункан. Моя жизнь. — В кн.: «Есенин/Дункан: Воспоминания». М., «ПРОЗАиК», 2011.

то есть автобиография великой босоножки мало соотносится с исторической истиной и ее настоящим лицом. Конечно, есть еще один вариант, он совсем обиден для Сергея Александровича: Ирма Дункан и *Дуги* никогда не воспринимали его всерьез как мужа босоножки. А также как великого поэта и вообще как историческую личность. В стихах они ничего не понимали, а видели перед собой пьющего, не слишком интеллигентного молодого человека, занявшего их место в эскорте королевы — и изменившего все, но, может, и не в лучшую сторону.

Отсюда рассуждения об имущественных потерях (кстати, и Ирминых тоже, ведь Дункан поддерживала московскую школу и дела ее временной управительницы Ирмы в основном из своих средств⁶) и мифические украденные червонцы, сверкавшие в чемодане и... уплывшие к московским друзьям поэта. И вообще, таинственно исчезающие *большие суммы* у женщины, вынужденной все гастроли постоянно занимать то у «Лоэнгрина», то у горничной, то у брата. Скорее всего, красть в прямом смысле было особо нечего — но важно, что речь не о каких-то сложных обстоятельствах, дескать, капитал и так подходил к концу, а поэт еще и последнее прогулял. Жить в долг (кредитами) для Дункан было нормой всю жизнь: как у нас для многих семей становится лейтмотивом жизнь по средствам, так для «артистической семьи» Дункан жизнь в кредит была до такой степени органична, что даже с собственных арендаторов она с трудом взыскивала положенное. Аргументируя тем, что у них плохие времена. Углубляясь в ее гастроли по Европе⁷, мы видим интересную систему кредитов, открытых на ее имя во многих отелях и ресторанах Берлина и Парижа, погашаемых ею или ее поклонниками постфактум в очень растяжимый временной период. Можно предположить, что к 20-м годам Дункан пользовалась своим «социальным капиталом», «накопив» исправным потреблением в бытность гражданской женой Зингера особую систему оплаты. Во всяком случае, она могла жить в долг неделями, и лишь затем ее выдворяли в очередное место, где она снова жила в долг. Для современного российского читателя в этом есть нечто анекдотическое и даже постыдное, но возможно и более простое объяснение. Зная о наличии у нее недвижимых активов, ресторанно-гостиничная система Европы таким образом обирала ее, пополняя свой бюджет максимально и с гарантией. Тем не менее вряд ли у Айседоры на рю де ла Помп, ее основном месте обитания, не простаивающем и неделю без аренды, или в отеле «Крийон», где она любила проживать, хранился золотой эквивалент, который мог бы расхищать поэт. Учитывая, что Сергей Александрович не владел языками (а значит, подозревать его в подделке чека или каких-то других махинациях такого рода смешно) и периодически клянчил у горничной 50 франков на свое здоровье, очевидно, что самостоятельного доступа ни к каким средствам жены у него не предвиделось. Даже если представить, что они у нее были.

Однако и настоящих мотивов переходить на социалистическую систему потребления, выраженную, по словам Дункан, в черном хлебе и воздухе свободы (именно этим переходом она постоянно угрожала своим соотечественникам-американцам после неудачного турне), у нее не было — империалистический образ жизни подходил ей, как рыбе вода. Чем больше мы ее узнаем, тем меньше мы ее узнаем. Есенину же, заметим в скобках, «большой» капитализм и правда не приглянулся, и вот почему. По сравнению с миллионером в соседнем номере, он был всего лишь *мелким предпринимателем*. Однако шумел и причинял моральный ущерб на неподъемную сумму. В России его бы просто облили холодной водой и выкинули из номеров, скорее всего, но в Европе его

⁶ Вспомним письмо А. Б. Мариенгофа к И. И. Старцеву от 12 сентября 1922 г.: «Изадора с ними поступила поганно. Попросту: плюнула, ни денег, ни писем. А — выезжать — изволь».

⁷ Этот путь можно подробно отследить по «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина», вторая книга третьего тома. М., ИМЛИ РАН, 2008.

белая горячка пересчитывалась на фантастические суммы ущерба, выраженного в сотрясании воздуха и оскорблении воплями слуха богатых постояльцев. И все это превышало кредиты Дункан и вовсе лишало ее их! Таким образом, то, что в России скорее всего ударило бы поэта по уху, в Европе било по «карману» кредитов его жену. Психологически перестроиться было сложно: каждый выпад обращался из «абсолютно бесплатного» сотрясания воздуха или стола в некоторую сумму, в репутационные потери, в закрытые границы — и еще в вынужденные траты на врачей, подтверждавших, что поэт болен, хотя в таком случае надо было лечить половину державы.

Частное пространство, права личности *состоятельного человека* обеспечивались за рубежом золотым запасом. И, хотя сословная система (в отличие от дореволюционной России) там работала хуже, однако «господин доллар», которого так любил и одновременно ненавидел Есенин, регулировал не только состав меню и качество простынки, но и децибелы, которые гость не должен превышать. Конечно, это *взвешивание свободы* было, видимо, внутренне неприемлемо для личности поэта, и именно оно стало основой несчастий — а вовсе не количество спиртного. Это лишь маленькие примеры всевозможных расхождений по поводу вроде бы простых фактов. И чтобы понять, что там на самом деле происходило, на темной экономической стороне медового месяца, который растянулся более чем на год (15 месяцев), обратимся к документам.

1

Основная проблема заключается в том, что мы хорошо понимаем характер финансовых взаимоотношений супругов, порядок трат, примерный их эквивалент — то есть в общих грубых чертах все очевидно. В то же время, по поводу деталей, мелочей, нюансов, может быть, мы никогда не придем к единому мнению. И вот почему. Мы привыкли, что один и тот же продукт в одно историческое время примерно на одной территории стоит в одной ценовой категории. То есть, конечно, бутылка воды за 70 р. может стоить 700 р. в аэропорту, но, как говорится, это особый случай. Однако, если мы попытаемся рассчитать, сколько стоила одна и та же бутылка не самого элитного (мягко говоря) алкоголя в 1922 году в Бостоне, в Чикаго, в Филадельфии, в отеле «Крийон» и на заднем дворе того же отеля, из-под полы на судне эпохи «сухого закона», идущем на восток, и так далее... А потом захотим еще перевести эти суммарные деньги в рубли той эпохи, особенно не в бумажные, а в *черwonцы*, то от сути статьи мы отдалимся — но, скорее всего, не придем к истине. В то же время, мы можем просто согласиться друг с другом в том, что 50 франков тех лет могли удовлетворить питейную потребность классика на родине Эйфеля. На 300 франков компания из четырех человек (Айседоры, Рэймонда, Есенина и секретаря) могла очень прилично угоститься крабами, шампанским, фруктами и выпечкой. Общий долг портному за *роскошный гардероб* Есенина и его жены составил 3000 франков. А домик Айседоры в Нейи (пригород Парижа) был продан с молотка за долги в 1926 году (10 000 франков неоплаченного содержания) всего за 310 000 фр.⁸ Из этого примерно понятен и уровень цен, и их эквивалентность.

Конечно, в Европе была постоянная инфляция, марки, например, были «инфляционные» и полноценные, ходили разные валюты, меняли их с разным курсом. А уж в условиях «сухого закона» срочная потребность взбодриться могла превратить сумму из 50 фр. в 250 и выше (например, бутыл условно коллекционного вина стоила 300 фр.)! Тем не менее, все мы здесь понимаем, что речь обычно все о той же недорогой бутылке алкоголя примерно одного вида. И не будем уподобляться анекдотическому персонажу в пустыне, взвешивающему воду на золотой вес. Если мы договоримся по этому пункту, то приз-

⁸ См. указанные выше мемуары Ирмы и Макдугалла.

рачная Аграба сразу исчезнет, а останется не такое уж роскошное пиршество. Возможно, и Цветаева «проела» в 1919 году огромные капиталы, распродавая наряды матери и фолианты отца за городом, — но съела она гнилой картошки и ржаного хлеба даже не досыта. Мы же не называем ее от этого транжирой и не пересчитываем на бумажные и золотые рубли то, что по факту удалось сбыть лишь за кулек муки!⁹ Так и «уровень потребления» классика за рубежом кем-то оценивается как феерический, но выпил-то он только посредственного алкоголя да сшил концертные штаны, хотя может и из натуральных «корабельных» материалов. В любом случае, мы можем хотя бы откреститься от самых недостойных обвинений и констатировать: пропить свою бедовую голову крестьянский гений еще мог, а вот особнячок жены — нет: *на столько* и слон не выпьет за год в одиночку. Да и штаны, как их ни оценивай, мердеседом (или, например, «Рено» за 20 000 фр., привезенным тем же Маяковским из Парижа в 1928 году¹⁰) все равно не станут.

2

Поскольку наше исследование посвящено не романтике, а экономике легендарного брака и партнерства (кстати, ряд исследователей считают, что она преобладала в данных отношениях), то отсчет начнется с момента юридически-правового союза между танцовщицей и поэтом в 1922 году. Это произошло 2 мая, через месяц после смерти матери танцовщицы Доры, на следующий день после Первой и за неделю до отлета. Как мы помним, для босоножки это был ее первый и последний гражданский (т. е. муниципальный) брак, а для классика второй и последний *законный*. Справедливости ради, в декабре 1924 года Дункан пыталась брак расторгнуть — ввиду того, что муж уже более года как не с ней, да и, по разумному размышлению, что «для мужа он не годится»¹¹. Однако это дело затянулось, и Софье Толстой так и не пришлось остаться законной вдовой классика. Некоторые исследователи (особенно зарубежные) объясняют этот фантастический союз сугубо утилитарно: не желая повторять мытарства Максима Горького с его незаконной пассией за рубежом, Есенины-Дункан благоразумно оформили себе новые паспорта со штампом¹². Безусловно, объяснить факт вступления в брак таким аргументом — значит не уважать самих брачующихся! Но признаем: предстоящая в советском воображении чуть ли не свободомыслящей провозвестницей феминизма, в реальности Дункан старалась не иметь конфликтов с наиболее яркими пуристами как за рубежом, так и в Стране Советов. Ее революционность во многом была элементом пиара, «декоративной конструкцией» — по крайней мере до катастрофы в Индианаполисе. И в реальной жизни, несмотря на долю эпатажности, она была ближе к буржуа по менталитету. Не будем здесь рассуждать, в какой мере на самом деле был революционным и крестьянский классик, иначе плохо это закончится, а лучше обратимся к материальным ценностям. Безусловно, «клюевская» позиция, что союз был продиктован со стороны довольно расчетливого Есенина меркантильными соображениями¹³ (он уже попробовал себя в роли сводника, сдавая комнаты в

⁹ См., например, воспоминания Анастасии Цветаевой. — «Воспоминания». В 2-х томах. М., «Бослен», 2008.

¹⁰ Общеизвестный факт, подробнее, например, здесь: <<https://www.drive2.ru/c/550982320182526042/>>.

¹¹ Письмо Айседоры Дункан к ученице Ирме от 16 декабря 1926 г.

¹² Этой позиции придерживается и импресарио Илья Шнейдер, чьи «Встречи с Есениным» были долгое время чуть ли не единственным авторитетным в России источником сведений о заграничной жизни четы.

¹³ Возможно, что эта позиция лишь приписывается Клюеву Мариенгофом в его «Романе без вранья», в известной сцене, где бывший учитель якобы завидует предприимчивости Сергея Александровича, взявшего «богатую бабу», и недоумевает по поводу ссор между супругами, способными вновь оставить российского гения ни с чем.

«Стойле» сомнительным девицам, а теперь и сам выступил в роли компаньона немолодой, но состоятельно особы) — глубоко ошибочна. В первую очередь, фактически — статья эта не посвящена нравственным вопросам.

Прозвучит комично, но на момент встречи супруги обладали примерно одинаковым статусом. Оба они принадлежали к миру богемы, кормились за счет гастролей и малого бизнеса (у Есенина это «Стойло», книжная лавка, издательство, публикации, кстати, приносящие доход, у Айседоры — две аренды в Европе). Оба пользовались поддержкой своих родительских, многодетных семей (хотя и там, и там отношения никогда не были простыми) и не были по факту обременены иждивенцами. Дети Айседоры погибли, братья не зависели от нее, а поддерживали, хоть и с переменным успехом. Бывшие богатые покровители сохраняли блестящий нейтралитет и иногда помогали, особенно Зингер. Ситуация Есенина была более безоблачной, чем могла бы: отец и мать держались, любимая сестра Катя уже выросла (кстати, несмотря на все слезные письма Есенина в пользу ее поддержки!), собственные дети жили при матерях без его особого, в том числе экономического, участия, бизнес поддерживался на плаву компаньонами... В некотором отношении это был паритет. Насколько различалось их материальное положение на тот роковой момент, когда эти двое зарегистрировались в самой прогрессивной стране мира с постоянно реформируемым законодательством и теряющимися документами?

Как Есенин по факту никогда не был крестьянином-землепользователем, так воспоминания Айседоры о ее савоярском детстве — явное преувеличение. Есенин рос сыном столичного лавочника, а Айседора — дочерью преподавательницы музыки. Как и у родителей Сергея Александровича, в многодетной семье Доры Дункан отношения были очень плохими. Отец не только не отличался верностью, но оставлял у меркантильных пассий те средства, которые причитались его законным детям. Несколько раз он всплывал со дна благодаря банковским махинациям, и тогда четверо отпрысков наслаждались недолгим благоденствием, как и его вторая семья, по-видимому. Но в конечном итоге удача оставила его, и он утонул при не совсем ясных обстоятельствах — впрочем, дочь он любил, и это было взаимно. Впоследствии Айседора, благодаря своему обаянию и искусству танца, не раз находила себе состоятельных покровителей, но собственный ее статус был ближе к положению гастролирующей актрисы, нежели к негласной спутнице нувориша. «Имения ее и все аренды» — пара перезаложенных, оставшихся от лучших времен особнячков в Европе (вилла в Грюневальде, дом на улице де ла Помп). Которые покрывали ее дополнительные расходы на содержание школы, материалы для выступлений, аренду транспорта, сдаваемые на 5 или 10 лет мелким промышленникам или деятелям искусства. И которые, видимо, пришлось продать с молотка впоследствии, дабы покрыть долги. Хотя ранее они и приносили доход, на который можно было жить, как и бизнес Сергея Александровича до поры его поддерживал. Да, у Есенина никакой личной недвижимости, несмотря на все возможности, так никогда и не было, но это уж не его вина, а советской истории.

Анализируя мемуар Айседоры, женщины умной и противоречащей самой себе, сложно сказать однозначно, почему ее экономические дела представляются в таком вопиющем беспорядке на протяжении большей части ее жизни. Дочь консервативной, прагматичной, но с большим самолюбием и странными идеями матери, Айседора, подобно ей, металась между независимостью, чего требовала ее гордость, и нуждой в покровительстве, чего требовал ее образ жизни. В своих речах она повторяла мудрость Чуковского, что больше платят за бескорыстное искусство¹⁴, то есть ее отношение к экономике как к некоему второстепенному моменту было умышленным. Вопреки бюргерской морали

¹⁴ «Пишите бескорыстно — за это больше платят» (из стихотворения Валентина Берестова «Парадокс Чуковского»).

Германии, религии материализма США, Айседора публично учила тому, что деньги лишь следствие и необходимость для пропитания, но не основа и причина, и уж, разумеется, не цель. Не знаю, понимаем ли ее мы, но современники ее не понимали определенно, и уж подавно ее не понимал муж. К счастью, как видно из ее жизненного пути, ей почти всегда удавалось балансировать на краю... Что помешало танцовщице сделать свое положение стабильным, когда были такие возможности? Скорее всего, на роль жены европейского магната она категорически не подходила по причинам приемлемости, и именно в этом заключалась истина; вожаденная стабильность в ее случае могла быть гарантирована либо классическим браком, либо сменой рода деятельности. Все это было абсолютно невозможно. Но, в любом случае, как и Сергей Александрович, с хлеба на квас в перерывах между гастроями в 1922 году она не перебивалась, хотя и позволить себе накидку на куньем меху, которую предложили ей приобрести советские представительницы за наличные, увы, не смогла¹⁵.

3

Все мы знаем горькие и обидные жалобы Есенина, и не только Шнейдеру, о том, что в Европе у Айседоры не обнаружилось не то что захудалой виллы, но даже серебряной вилки¹⁶! Обычно в этом месте начинают рассуждать о тяге классика к положению альфонса, в то время как все намного проще. Он сам был предпринимателем, авантюристом и специалистом по сомнительным манипуляциям, и тут столкнулся с человеком, который до какой-то степени был подобен ему самому. Кого может порадовать такое открытие! Однако, говоря о вилле, мы неизбежно возвращаемся к моменту бракосочетания. Сколь бы прогрессивным ни был советский ЗАГС, скорее всего, контракта о владении имуществом он не составлял. До революции в России существовало сложное имущественное законодательство, далеко не сводимое к совместной собственности супругов, как в счастливые советские времена. И в Европе, и у нас принципы наследования и совладения были весьма сложными. Революция, которую осуществила революция (простите за игру слов) в российском *сословном* брачном законодательстве, до сих пор не оценена в полной мере, а эта реформа по значению и масштабу не уступает реформе образования. То, за что боролась мать Есенина большую половину жизни, — видимо, за возможность развода с выходом из *верви*, хотя бы и ценой лишения земельного надела, переходящего от тестя к свекру при сделке, — стало в один миг несуществующим в 20-е годы. Ее сын теперь без каких-либо особых условий мог юридически жениться хоть на мещанке, хоть на иностранке, хоть на дворянке, что, кстати, последовательно и осуществил.

Но можно сказать, думаю, определенно: как Айседора не претендовала на долю в бизнесе Сергея Александровича «по этой лягушачьей бумаге», так и классик не стал бы оспаривать права на ее аренды. Как это делают представители сильного пола сегодня, особенно в Европе, претендуя с помощью прописки (либо вида на жительство) на жилплощадь жены, укрытие для автомобиля и сам автомобиль, требуя компенсации и даже пенсион. Указывая при этом на потраченные годы жизни, психологические вложения, моральные страдания и еще Господь знает, какой, *трудно поддающийся исчислению*, но,

---

¹⁵ В своих мемуарах Дуги обозначает сумму в *несколько тысяч золотых червонцев*, запрошенную за небольшую шубку с куньими лапками или за нечто подобное из хранилища императорских вещей. Не совсем ясно, что подразумевается под «самым скромным из предложенного» танцовщице советскими сотрудниками, очевидно, хотевшими нажиться на ней, однако никакого золота при ней не оказалось.

¹⁶ См., например, письмо Илье Шнейдеру от 21 июня 1922 г. из Висбадена: «У Изадоры дела ужасны. В Берлине адвокат дом ее продал и заплатил ей всего 90 тыс. марок. Такая же история может получиться и в Париже. Имущество ее: библиотека и мебель расхищены, на деньги в банке наложен арест и т. д.».

несомненно, весомый ущерб. Так что образ Есенина, похищающего женину ночнушку Иосифа, волшебным образом превращается в достаточно адекватного юридически и достойного по современным меркам персонажа. Хотя добавим в рамках отступления, что как муж он был человеком тяжелым, а как творческий деятель — лишенным определенной чуткости, позволяющей ощутить, где проходит грань между образом, эпатирующим *американскую* публику, и реальной личностью, распугивающей персонал и навлекающий неприятности с местными властями. Все же будем справедливы — не немцы и не французы, даже не *русские эмигранты* и не *еврейское сообщество*, а именно американцы не приняли крестьянского классика. Делая из него то Сусенина, то Сери, то Юсенина, то просто «неуемного муженька» и всячески преувеличивая в пуританской печати его степень нетрезвости¹⁷. Лишенный опыта европейского сценического деятеля, которым в избытке обладала Айседора, видимо, классик не мог скорректировать под американскую публику свое прилаженное к советской действительности амплу «с лишком». В то время как Айседора до поры до времени искусно лавировала между своей «революционностью», «прогрессивностью» и «древностью», избегая опасных расщелин, в которые Есенин проваливался с головой.

4

Сначала все было хорошо. С мая по ноябрь 1922 года (полгода) Айседора и Есенин успешно гастролировали в Германии, Франции, Италии, а вот в Америке после первых двух выступлений что-то случилось. Важно отметить, что и концертную, и лекционную деятельность вели они оба, каждый — свою, а Есенин вдобавок занимался издательским посредничеством, переводами, налаживал связи с журналами. Его сидение в задней комнате во время представлений Айседоры — не что иное, как романтизированный миф. В июне Государственный ученый совет при Наркомпросе совещается насчет «академического обеспечения» для Сергея Александровича и решает положительно, хотя и по III категории. Тогда же в Берлине Есенин договаривается с Гржебиным об издании, видимо, совместной его с Мариенгофом книги стихов — на английском. Несколько днями позже Элленс и Милославская начинают готовить книгу французских переводов из ранней лирики. В конце июля в Германии выходит поэма «Пугачев» (стоит 50 марок). В августе начинается работа с Кинел, поскольку Есенин хочет перевести не только «Исповедь хулигана», но и ранние стихи — на английский, а в середине месяца уже выходят во французском переводе в Le Disque Vert «Кобыльи корабли» в адаптации Милославской и со статьей Элленса. Не будем распространяться подробно о незамедлительных реакциях и откликах газет на переводы из Есенина («Руль», «Накануне», «Последние новости», «Разрезной нож» и т. д.), скажем лишь, что в основном это положительные или восторженные обстоятельные материалы. В начале сентября «Скифы» предлагают купить за 30 марок книгу Андрея Белого и Сергея Есенина «Россия и Инония». В сентябре Госиздат издает его «Избранные стихи» и должен перевести отчисления... Думаю, темп покорения мира и успешность уже понятны, можно не продолжать? Очевидно, что никакой изоляции, непонятости или отсутствия издательского диалога у поэта в Европе не было. Что бы он там ни преувели-

¹⁷ О всех трансформациях фамилии Есенина под пером очевидно недружественных американских обозревателей любопытствующие могут в подробностях прочесть во второй книге третьего тома «Летописи жизни и творчества С. А. Есенина (10 мая 1922 — 2 августа 1923 гг.)». М., ИМЛИ РАН, 2008. Примечательно, что имена других авторов, хотя бы и менее известных у нас, достаточно редко коверкались иностранными публицистами: запомнить какого-нибудь Мережковского они могли без проблем, зато относительно простую фамилию Есенина увели до абсурда.

чивал в своих письмах к Мариенгофу, а факты вещь упрямая. Вот финансовые успехи — вопрос другой.

Да, даже Госиздат ухитрился Есенина, в отсутствие Есенина, обмануть в тиражах и объемах, что уж говорить о Мариенгофе, пишущем из далекой Страны Советов сопайщику про «жалкие 6 миллионов в день» (инфляционные рубли) от «Стоила» — читай, и на Катю-то не хватает. Все же в Берлине поэт дает вечер в «Доме искусств», еще в мае, и он финансово успешен, если сравнивать с «концертами» в США. Эренбург упоминает в письме к знакомой художнице, что Есенин получает оплату за ангажемент 5 000 марок в месяц, однако проверить их получение вряд ли возможно. В июне Сергей Александрович продал «Универсальному издательству» антологию стихов за 1918 — 1922 годы, но уже через две недели после этого события он вынужден занять через Кусикова у Крандиевской 100 марок, чтобы спрятаться от Айседоры на Уландштрассе. Либо Есенин был не способен с умом распоряжаться получаемыми деньгами, либо он их недополучал, либо он отсылал их в Россию сестрам и родне (проверить это сложно, потому что в переписке много темных мест и утрат, а очевидцы противоречат друг другу). Как бы то ни было, очевидно, что управление капиталом за рубежом поэту не давалось, хотя его издательские и гастрольные дела до определенного момента были успешны. В финансово-бытовом отношении он был достаточно неприспособлен в гастролях без своей жены — нет, вовсе не беспомощен, просто его образ жизни вел в направлении финансового краха, а Айседора сдерживала этот вектор.

Да, она была в чем-то на него похожа, не ей было учить его уму-разуму: то арендатор не заплатит и сбежит с вещами, то концерт не окупит даже аккомпаниатора, то женская натура не сдержит себя — и вот уже танцовщица получает непомерный счет за разнесенные в крошки буржуазные статуэтки. Да, у него были собственные средства и активная деятельность, он «вертелся», как и его жена. Но у него не было кредитов в отелях и ресторанах, не было европейских связей, вернее, были, конечно, и немало — вот только он не умел ими правильно пользоваться — чаще эмигранты пользовались им. И потому, имея фактические доходы, поэт не мог в реальности функционировать самостоятельно *в направлении успеха*. Хотя он немало гастролитовал на Родине и удачный опыт у него был, здесь так не получалось, и эта организационная зависимость задевала, видимо, его мужскую гордость. Айседора была его промо-локомотивом и исправно выполняла свою задачу, но вдруг оказалось, что Сергей Александрович не хочет выступать в роли вагона и, как бы это выразиться корректно, но в то же время сродни его мышлению, въезжать в мировую славу на бабе.

В октябре Сергей Александрович ступает на обетованную землю Америки, которая была его изначальной целью, прибыв туда на пароходе «Paris», где коммунизм уже наступил: *вино и пиво бесплатно*, так что поэт вполне мог бы счесть это билетом в рай. Правда, в газете «Русский голос» его называют Александром, а Айседора дает клятву властям, что ей 38 лет, но это же мелочи. 14 октября возникают первые тучки на горизонте: в Карнеги-холл Айседора выводит своего супруга, заматанного в длинный шарф и наряженного в русский национальный костюм, на сцену и сравнивает его с Уолтом Уитменом. Какой знакомый сюжет, только другой год, другие лица! В то время как в Париже выходят его стихи в Clarte, а в Норвегии Mot dag публикует о нем статью, здесь, в Америке, он превращается в Есенина и Юсенина, «неуемного муженька» и ряженого. 21 октября происходит катастрофа в Бостоне, когда журналисты искажают слова Дункан о том, что она — красная, затем их выставляет Чикаго, и, судя по всему, от пережитого стресса и психологического удара обухом, к ноябрю у поэта начинается запой. 1 ноября Ярмолинский берет у растерянного Сергея Александровича рукопись его сборника в Нью-Йорке, но вовсе не намерен ее издавать. Тогда же появляется неопределенная информация в печати («Накануне») о вечере Есенина в Америке, причем так

и неясно, прошел ли он, где и когда. 12 ноября классик отправляет отчаянное письмо Мариенгофу¹⁸ и тогда же отменяется его лекция-декламация, за которую «левая» газета предложила поэту 50 долларов.

Очевидно, что дело здесь не клеится, и в надежде на сборы 21 ноября Дункан выступает в театре Индианаполиса, где ведет себя минимум странно, шокируя пуританские нравы. Далее ее ждут Луисвилл и Канзас, все эти выступления финансово не оправдывают себя, босоножка получает постоянные предупреждения от администрации о выдворении ее с супругом в случае хотя бы небольшого эпатажа. А к декабрю становится очевидно, что придется продать что-то из недвижимости, чтобы продолжать — временно помогает займ у Зингера в 60 000 долларов¹⁹ «на школу в Москве». В Кливленде местная газета пишет о запросе Есениным американского гражданства, Айседора представляет мужа как «величайшего поэта со времен Пушкина», а в Нью-Йорке в продажу поступает «Пугачев» Есенина за 30 центов. И в общем, все понятно. Ну и что же, мог бы удовольствоваться, как Зевс, и одною Европой, тоже неплохая часть суши.

5

Учитывая, что мы располагаем в основном газетными отзывами и что они часто противоречат друг другу (сегодня это называется тенденциозностью, но речь может идти просто о домыслах), каждый сам выбирает, во что ему верить. Лично у меня складывается впечатление, что скачкообразный ритм гастролей 47-летней танцовщицы, в сопровождении взбудораженного поэта, секретаря-переводчика Ветлугина (мутного интеллигента, неожиданно оказавшегося за решеткой за шантаж) и вечно сетующего на безденежье аккомпаниатора Рабиновича (и других сменяющихся пианистов) просто вымотали Дункан. Видя, что публика не проявляет уже бывшего ажиотажа (газеты стали писать про «усталые ноги танцовщицы»), Изадора прибегла к своему проверенному средству — шокированию, двойственности, играм с понятием красного цвета как символа жизни и политического направления. Но то, что в Европе воспринималось как игра, видимо, в Америке стало удобным поводом уцепиться за возможность исказить факты.

Скорее всего, танцовщица не предвидела такой спровоцированной волны пуританского возмущения, которая обескровила финансово три последних месяца ее гастролей (ноябрь, декабрь, январь). Здесь есть некоторая неясность: почему такая умная, опытная женщина, коренная американка, спровоцировала по отношению к себе негатив ряда штатов, словно бы умышленно, если сведения в печати о ее выступлениях правдивы хоть наполовину? Возможно, не питая иллюзий в отношении степени прогрессивности своей родины, она хотела поддержать Есенина? Которому была запрещена «большевистская пропаганда», который с ноября находился в сумеречном состоянии после двух отмененных его лекций и неизданной в США книжки избранного. И в качестве протеста, а вовсе не из интереса к политике, разумеется, привлекал к себе внимание хоть так — шокирующими пуритан репликами о революции. Впрочем, много ли он мог сказать им на своем скудном английском? Скорее всего, причина фиаско турне заключалась в самом духе определенной свободы этой пары, неприемлемом для консервативных штатов, но трудно

---

¹⁸ «Совершенно лишняя штука эта душа, всегда в валенках, с грязными волосами и бородой Аксенова. С грустью, с испугом, но я уже начинаю учиться говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это так же неприятно, как расстегнутые брюки...» — письмо Анатолию Мариенгофу от 12 ноября 1922 г.

¹⁹ Сколько на самом деле Айседора получила от Зингера, до конца не ясно, потому что озвучены приличные деньги, но фактически школа не получила особых дотаций, да и Дункан вскоре вынуждена была продать свою студию. Возможно, речь об обещании Зингера, но в реальности он дал меньше.

«уловимом» законодательством. Конечно, это моя догадка, потому что исследователи признают, что в этой истории много темных мест.

Итак, по факту плохо приняли поэта и босоножку лишь Штаты. И два фатальных события — протест мера Индианаполиса против большевизма, давший толчок газетчикам в других штатах, и неудачная декламация небезызвестного пассажи о Чекистове, озлобившая американско-еврейское литературное сообщество и переводчика стихов самого Есенина на иврит²⁰ Мони-Лейба, — стали причиной *финансовых неудач* Сергея Александровича²¹. Говоря грубо, примерно с января 1923 года классик перестал приносить доход публикациями, выступлениями и отчислениями от издательства, в силу совершенных им тактических ошибок и просто не слишком расположенного к нему американского сообщества, а стал приносить убыток — и себе, и супруге. На сумму, занятую у Зингера, Айседора довезла супруга на пароходе «Джордж Вашингтон» до Берлина. Совершенно очевидно, что никаких дополнительных средств, которые великая босоножка могла бы потратить на продолжительное лечение или проживание своего супруга «на ее счет», у нее просто не было. Поэтому навязчивая идея зарубежного литературоведения о «содержании» поэта босоножкой — увы, лишь плод, выращенный на журналистских измышлениях да на провокативных интервью поэта «под занавес», что он-де женился ради денег, чтобы жить получше. «Получше!» Какая ирония.

В действительности, *необходимость* по законам перформанса жить на широкую ногу в сочетании с прорехами во всех местах (вернее, даже не жить, а *пить*, потому что в остальном меню супругов было довольно скудным, за исключением публичных ужинов для репортеров и гостей) создавала эффект благоустроенности. Ведь у Айседоры не было ни своего автомобиля, ни свиты из танцовщиц, ни изобилия драгоценностей — вспомним, в критической ситуации ей пришлось продать единственную брошку-стрекозу, чтобы накормить ужином троих друзей! Она передвигалась в сопровождении аккомпаниатора, работавшего в долг, секретарши-переводчицы (или секретаря) и импресарио, которых также оплачивала с выступлений. И такая же ситуация была у Есенина — его антрепренер Юрок (Гурок), секретарь Ветлугин, «случайные» переводчики — вся это маленькая команда, вынужденная организовывать сами выступления и еще упорядочивать освещение в прессе, кормилась и крутилась вокруг скандальной пары, пытаясь сшить штаны из воздуха. Большое количество шумихи, дыма и блеска вокруг артистов скрывали под собой грустную правду, что они жили одним днем — но все-таки пока не за счет Айседоры.

6

Поскольку, если мы не забыли, Есенин был не только поэтом, но и предпринимателем, к январю он понял, что экономический смысл его поездки утрачивается. А имя его — вот оно, перед глазами европейцев, стоит в газете в одном ряду с такими разномасштабными фигурами, как Мережковский, Клюев, Белый, Маяковский, Блок, — а вовсе не возвышается над ними. Галоп по Европе произошел, поэт пронес слух о себе в мировом пространстве, как он это пространство понимал, то есть максимальная цель была достигнута, а вот эскалации не произошло. Европа так же спокойно продолжала «жевать» за завтраком газеты или журналы с солянкой из Мережковского, Бунина,

²⁰ Видимо, под «еврейским языком» В. М. Левин понимает иврит.

²¹ Ужасный пьяный скандал в еврейско-американском сообществе (впрочем, некоторые биографы утверждают, что поэт умышленно напоили недоброжелатели для этого события, дабы увидеть во всей красе), связанный с «бескупорной» декламацией фрагментов из «Страны Негодяев», случился 26 января.

Есенина и *других* переводных авторов, а Америка еще и выдворила его по моральным причинам, унизив в печати и как человека, и как поэта. Любовь Айседоры не иссякла, но иссякли совместные перспективы супругов, их деловые отношения. Примерно к февралю, то есть не пробыв и года за рубежом, Есенин пережил кризис, видимо, не справившись с психологической нагрузкой и общим давлением, это очень видно по перемене его реакции на репортерское внимание. Если раньше он говорил о своих планах, то теперь его ответы кажутся насмешкой или злой шуткой выгоревшего эмоционально или утратившего чувство реальности человека²².

Конечно, когда мы говорим о непомерных издержках, которых не покрывали такие насыщенные гастроли, нужно учитывать «эффект аэропорта» — уровень потребления чьей-то не включая в себя ничего сверхъестественного, никаких по-настоящему больших трат, однако сам образ жизни в стиле вояжа требовал затрат. В наши дни практически любой обыватель может позволить себе «путешествие» с остановками в хостелах, питанием в кафе, развлечениями в парке аттракционов — в этом нет никакой экзотики, скорее даже демократическая заурядность, под которую приспособлена широкая *массовая* индустрия. Однако в эпоху Айседоры такой стиль жизни (пусть даже пара вела ее не для удовольствия, а в профессиональных целях) вовсе не был средней нормой, лишь относительно небольшой процент граждан мог себе в принципе позволить «выезд». Система ресторанно-гостинично-развлекательного сектора была гораздо более специфической, элитарной и предполагала плату за комфорт и «самую атмосферу», рассчитанную на человека с доходом. Что касается России, старшее поколение, родившееся в селе до революции, в соответствии с опросами, даже к тридцатым и сороковым годам XX века напрочь не могло осмыслить, что такое путешествие, если это не сбор милостыни, а также выходной и пенсия, сами эти понятия не могли уложиться в его сознании²³. Зная об этой огромной разнице между сословным мышлением человека той эпохи (мы должны задуматься об этом, помня, кем были предки Есенина) — и усредненной нашей парадигмой, мы понимаем, сколь условны и сложны были категории затрат для современников 20-х годов.

Деньги, потраченные супругами на найм изношенного автомобиля «бьюик», распитие не самого лучшего спиртного и жизнь в двух продолговатых комнатах отеля «Крийон», могли бы показаться фантастическими сестре Есенина Кате, как и сам его образ жизни. А чего стоил выброшенный в окно туалетный столик или разбитые Айседорой керамические статуэтки в скромном пансионате, куда укрылся от нее муж со 100 марками на двоих с Кусиковым? Эти вещи вряд ли были дороги по себестоимости, однако сам такой стиль поведения требовал финансовой компенсации за моральную сторону вопроса... В то же время разве это могло сравниться с уровнем потребления Маяковского, к примеру, с его заграничными покупками для Лили Брик? Сергей Александрович не вдевал бриллиантовых булавок в галстук и не катался на лошадях, его корзинка для пикника сменилась чемоданом с надписями, но, как говорится, этот чемодан был набит грязными сорочками, а не долларами. Поэт заплатил за воздух, как и сам он всегда брал за него плату в своем знаменитом кафе.

---

²² См., например, интервью парижскому изданию «Toledo Blade» 15 февраля 2023 г.: «А! Моя жена устроила в гостинице торжество в честь ее возвращения во Францию из вашей дикой Америки, — продолжил он. — Меня вдруг охватила жажда самовыражения! Что тут поделаешь?.. Я нарушил правила приличия, да? Поломал мебель... Но правила — их ведь и надо нарушать. А мебель — подумаешь!»

²³ См., например, воспоминания о XX веке вологжанина И. Я. Юрова («История моей жизни») и шекснинца П. И. Зайцева («Записки пойменного жителя»). Рыбинск, «Медиапрост», 2023.

7

Самое интересное, что, когда совместные дела, если называть вещи своими именами, у Айседоры и Есенина закончились, — это был февраль 1923 года, Берлин, — она дала ему небольшую сумму «на дорогу», сказала о желании расторгнуть брак и... дальше Есенин некоторое время гастролировал по Европе один. В сопровождении горничной-француженки, как переводчицы. Об этом втором, самостоятельном путешествии пишут значительно реже. Пока Айседора решала вопросы со своими арендами, «доедая» деньги, взятые в долг у Зингера, Сергей Александрович, вопреки постоянным ответам репортерам, что он вот-вот поедет в Москву, имел дальнейшие планы... заработков! Ему хотелось привезти домой дивиденды от турне, а не только коллекцию вырезок — поэт никогда не был каким-то инфантильным, витающим в облаках человеком, для которого успех не имел материального выражения. В то время как в Союзе осуществилось решение обеспечить его писательским пайком по третьей категории (от 21 февраля 1923 года, довольно унижительно, ни одной известной фамилии больше в списке нет, возможно, это спровоцировало его слова о «пасынке»), здесь, в Берлине, его пригласило выступить за приличное вознаграждение общество Российских студентов в Германии²⁴. Потом 29 марта он читал с Кусиковым на Люцовштрассе в Шуберт-зале²⁵, дал несколько подразаивающих интервью скандального характера, в том числе даже одно, где упоминает о перезаложенных владениях жены и своей доверчивости — подыгрывая представлениям журналистов о союзе «мерзавца и старухи». Однако состояние здоровья его стремительно ухудшалось, и уже в начале апреля он послал жене, по всей видимости, наводящей справки, есть ли у нее теперь шанс вернуть себе американское гражданство, если она оформит развод, известную отчаянную телеграмму про браунинг и дарлинг²⁶. О, если бы в этот момент выдворенный из США поэт действительно закончил отношения с женой, гастроли — и отбыл на историческую Родину, пусть не в прибытке, но и без особого ущерба, взяв несколько написанных им стихотворений (в том числе «синие брызги»), «Москву кабацкую», две легендарные поэмы и знаменитую корзинку с вырезками! Тогда самого худшего, то есть разорения Айседоры и усугубления его синдрома до пограничного состояния, может быть, и не случилось бы. Настоящее несчастье — болезнь поэта, «украшенная» тем, что и сама Айседора имела проблемы с алкоголем, началось в апреле и хотя бы условно завершилось 2 августа, когда классик ступил на родную землю.

За эти четыре месяца Айседора безвозвратно потеряла свое американское гражданство (в конце марта 1923 года такое решение утвердил глава департамента труда Девис), а Есенин — возможность *легально* обитать в США и Париже. Вроде бы ничтожные долги врачу, написавшему заключение, что нужно срочно ограничить потребление, владельцу подержанного автомобиля, на котором Айседора перевезла супруга в Париж из Берлина, и администрации отеля, где поэт зачем-то прихватил скатерть и халат²⁷, — привели к продаже ее студии в Нейи. Она оказалась должна небольшие суммы в пределах 1 000 франков Кусикову, кухарке, ресторану, где заказывала вино, и так далее. Не катастрофические цифры в условиях временного отсутствия доходов и привычки к жизни в отеле, хоть и с очень условным комфортом, привели Айседору на грань разорения. Кроме того, она долго лежала в постели, болея чем-то типа инфлюэнцы после расставания с поэтом в феврале. Вспомним,

²⁴ Это произошло 11 марта в помещении германского аэроклуба, по воспоминаниям Р. Б. Гуля, и состояние Есенина уже было весьма скверно, ходил он пошатываясь.

²⁵ Некоторые указывают, что учреждение называлось иначе.

²⁶ «Isadora browning darling Sergei lubich moja darling scurry scurry».

²⁷ По другой версии, покрывало (странные поступки, однако в таком состоянии человек слабо сознает себя).

ведь ей было 47, она гастролировала чуть меньше года, в самых разных условиях. Несколько раз в результате стычек с мужем (да, Есенин действительно бил жену, но и она не оставалась в долгу) она не могла выйти к публике почти месяц! И затем, в начале апреля, только начав восстанавливать свое здоровье, — о репутации уже речи не шло, да и чем можно «восстановить» потерю гражданства, обвинение в старческих причудах, политические инсинуации с обличениями в коммунистических симпатиях, — ей пришлось снова срываться. И, перезаняв денег у своей подруги Мэри Дести и чуть ли не у швейцара, мчаться за супругом в «Адлон».

Дункан заложила всю свою живопись Каррьера за 60 тыс. франков и стала решать, сдать вновь или продать дом на рю де ла Помп, по адресу, который Есенин указывал для обратных писем, обращаясь к сестре (он обещал приехать в Москву в июне). Она организовала «прощальный» вечер Есенина в театре своего брата Раймонда Дункана 13 мая, пока газеты по-прежнему комментировали их жизнь во всех низменных подробностях. И несколько раз выступила во дворце Трокадеро, но в финансовом отношении это была капля в море. К плохому состоянию поэта (буйство, приступы беспамятства, приводы в комендатуру, освидетельствования врачом — возможно, действительно, американский паленый алкоголь его подкосил) прибавилась, судя по документам, еще одна проблема. Дело в том, что Айседора, видимо, от отчаяния, что она не может удержать свой брак, что она потеряла родное гражданство ради своего возлюбленного, что ее любимая студия и дом на де ла Помп вот-вот будут проданы, а новых прибыльных ангажементов после всех скандалов не ожидается, — тоже начала проводить время с алкоголем. Каждый день ее навещали кредиторы, требуя то 3 000 франков за пошитые когда-то для пары наряды, то 800 франков за обслуживание в отеле, то счет за врачебное освидетельствование ее супруга.

В конце апреля, по свидетельству Бальмонта, они могли «пропить до 800 франков за вечер», «можно подумать, что они поят лошадей шампанским». Даже если это преувеличение, очевидно, что и с Айседорой происходит нечто скверное. Все более понятно, что ее разорение было вызвано комплексом причин и общей ситуацией, а не только потребностью поэта в контрафактном алкоголе. Примерно в середине августа, спустя 2 недели после возвращения в Россию, видимо, экономические взаимоотношения Дункан и Есенина заканчиваются. Он уходит с Пречистенки, Айседора уезжает в Кисловодск и затем в, мягко говоря, неуспешное турне по Закавказью, довершающее общий крах ее экономического хозяйства. Впрочем, уже без деятельного участия Сергея Александровича. Примерно в середине ноября происходит их последняя встреча²⁸. Как мы знаем, их брак так и не был расторгнут никогда.

8

Если уделить некоторое время итоговой рефлексии, то безусловно, оба они были большими артистами, и возможно, европейско-американская трагедия Есенина состояла именно в его неспособности «совпасть» с местной публикой, видящей его скандалы гипертрофированными, его «большевизм» оголтелым, «русскую любовь» оскорбительной и так далее. И хотелось бы ска-

---

²⁸ Если мы будем опираться на даты, указанные в четвертом томе «Летописи», то это будет 15 ноября. Хотя точное число не так уж важно. Потому что с момента приезда Есенин получает финансовую и даже «натуральную» помощь со стороны «Стойла», в каком бы упадке оно ни находилось, поддержку Мариенгофа и Бениславский в плане жилья. И продолжает свои взаимоотношения с советскими литчиновниками, тоже способствующими его благосостоянию, хоть и ограничено. Таким образом, это полтора года фактического брака в сумме.

зять, что причины бед крылись в изначальной разнице менталитетов, но это не так. Скорее, речь о различиях в сценическом амплуа и восприятии фигуры актера / выступающего, об отношении к роли художника в обществе в целом, в том числе и к пониманию самим художником своей «прикладной функции». Можно долго рассуждать, как традиционная фигура скомороха для просто-народа и придворного поэта для знати эволюционировала в России чуть ли не до масштаба пророка и демиурга к революционной эпохе, тем более что было это явление очень *временное*. Но видимо, за океаном такого развития не случилось, и капиталистический мир на момент 20-х годов более четко отделял сферу развлечения и досуга от религии и нравственно-политический области.

Для нас сочетание политического и нравственного звучит не просто комично, а абсурдно, однако в Америке существовал альянс пуританства, гражданского комплекса и представлений о достоинстве личности, подкрепленных ее финансовой состоятельностью. Нет, это вовсе не было нечто, подобное «православию, самодержавию и народности». И тем не менее, даже если не было никакой глубинной разницы между обывателем России и обывателем Америки (склонна думать, что обыватели всех цивилизованных стран по своей сущности похожи), воспитание и условная традиция прививали несколько иное отношение к степени близости между артистом и публикой. Их взаимовлияние и особенно представление о ценности и важности творческой фигуры — определяющие понятия в России того времени. Сравните с этим досуговые, «зеркалящие общество» и дидактические ниши в США, когда местом артиста была сцена, а не трибуна, когда он сводился к своей профессиональной функции, к четким временным рамкам и к положенным ожиданиям от него. Артист был в большей степени марионеткой запроса, нежели диктовал или привносил что-то «сверху». Уже устоявшееся на Родине целокупное амплуа Сергея Александровича не было «заточено» под американско-европейскую публику — в этом отношении лавирующая Айседора превосходила его. Кроме того, поэт активно шатал вышеупомянутый комплекс американского гражданина-обывателя, столь дорогой сердцу последнего, начиная с пуританской и финансовой и заканчивая этической и гражданской составляющими. Чего же он, собственно, ждал в ответ, неужели оваций, которые получал за то же самое на Родине?

Усугубляющееся неадекватное поведение не было следствием тяги к буйству, реакцией на «незаметность» для прессы или тем более вызванным завистью к популярности жены. Все проще: профессиональный тандем, *турне*, как очень верно выразился, сам того не ведая, кто-то из окружения поэта, постепенно проседало с его стороны. И вместо пути к вершине маршрут вел к финансовому краху, а что предпринять, поэт не знал, и возможно, он стал методом подбора применять свой старый арсенал. Кстати, о маршруте: судя по всему, летать на аэроплане Сергей Александрович боялся и с радостью предпочел бы любой другой вариант транспортировки себя еще из Страны Советов — отнюдь не из экономии. Астрономическую сумму за перелет (тысячу золотых червонцев), разумеется, тогда заплатил не он. Думаю, это единственная реальная крупная трата, которую не мог позволить себе поэт — обратно добирался сухой. Вообще-то, доходы у него предвиделись с самого начала — и от изданий за рубежом, и от выступлений в Берлине и в Париже, и от участия в антологиях, и от идущих на Родине проектов; немало даже удалось — однако самолет и пароход «Париж» с личной палубой все равно находились в другой ценовой категории. Привычка представлять поэта достаточно беспомощным, тонущим в океане щенком, с легкой руки Максима Горького, унаследованная затем и позднесоветским литературоведением, не соответствует действительности. Возможно, такой взгляд позволяет сделать поэта достойным сочувствия, а не осуждения, либо продемонстрировать, что крестьянский классик не сумел прижиться на чужой земле.

Да, есть сведения, что он узнавал о возможности получить американское гражданство, но видимо, граждане Штатов не очень-то хотели приобрести такого земляка, а напротив, мечтали сбыть землячку. Реалии были сложными, и единственное, что мы можем сказать определенно, — так это что декабрь, вообще роковой для поэта месяц, действительно совпал с его алкогольным кризисом. В Европе все прошло относительно неплохо: он выступал, стихи переводились и входили в антологии, публиковались в газетах, а значит, приближались и отчисления (тогда это были вполне приличные деньги, а не кошачьи слезы, как сегодня). Никакой особой «непонятости» со стороны Старого Света у Есенина не было. Элленс и Милославская помогали ему с адаптацией стихов, Юрок (Гурок) организовывал публичные выступления, «Дом Искусств» в Берлине встретил с распростертыми, в Париже его поэма «Инония» частично входит в антологию «Пять континентов» (в переводе Извольской) — и это только начало. Слезные послания Мариенгофу и Кате — об этих письмах поэт прекрасно знал, сколько глаз их читают, и даже прямо об этом говорил, — не воспринимаются мною как некий подлинный отчет (к чему склонны некоторые литературоведы). Кроме того, вспомним, Есенин был учеником Клюева, чьи послания о злоключениях до сих пор повод для смеха, хотя и недоброго.

Театральная сторона, жизнь как театр, безусловно, нашла выражение и отражение в этих *публичных*, простите, письмах. Ибо некоторые из них и правда публиковались в «Гостинной», к целомудренному негодованию обывателей! Так что нет, все было далеко не так скверно за рубежом. И образ страдальца, формируемый для читателя, даже из ближнего окружения, а возможно, и для вышестоящих покровителей, имел лишь некоторое сходство с оригиналом. Преувеличение охватившей классика ностальгии (это в такой короткий период), неспособности прижиться в иноземье — скорее напоминают попытки сохранить пути отступления на случай неудачи и не разочаровать ожидания покровителей на Родине. То есть, называя вещи своими именами, здесь видна склонность Есенина играть на обе стороны, которая проявлялась и раньше, которая была присуща его двойственности всегда, как и большинству крупных артистов, — природа гения не может быть одномерной. Как Цветаева в переписке поддерживала свой определенный образ перед покровителями и спонсорами, так и Сергей Александрович «заигрывал» с ленинской когортой, формируя те представления о себе, которых от него ждали. Только не нужно думать, что он самонадеянно стремился провести кого-то вроде Луначарского, бывшего умнее классика: Есенин лишь придерживался определенных правил игры, предполагаемых покровительством. Мы даже можем пойти дальше и предположить, что по большому счету покровителям были мало интересны истинные чувства и мысли поэта — их интересовало лишь выражаемое им публично. Вспомним, в конце турне, когда все не ладится, Сергей Александрович явно дрейфует в сторону большевистских симпатий, хотя никогда не страдал политическими склонностями. Он произносит, нарушая данную при въезде в Штаты клятву, путанные речи о большевизме. И, хоть осмотрительно отказывается дать лекцию о «Новой России» за 50 долларов, но в объединении российских студентов в Германии, судя по свидетельствам, снова демонстрирует свои большевистские приоритеты.

Все это наводит на мысль, что роман с разорительной границей и вымотавшейся вконец Айседорой привел к печальным выводам не только босоножку, но и самого поэта. И он решил вернуться к «прежней жене», в данном случае к Бениславской и Советской власти. Вспомним, когда Есенин никак не мог пересечь бельгийскую границу на обратном пути, не хватало какой-то отметки, и он вынужден был вернуться к Айседоре с этим вопросом, она восприняла его появление с ужасом. Поскольку была совершенно опустошена скандалами и мероприятиями по спасению классика и мечтала только о передышке. Судя по всему, именно танцовщица была инициатором

расставания и завершила, по крайней мере, пыталась завершиться их отношения, потому что душевный ресурс исчерпался, да и финансовая яма была не за горами. Так ли сильно поэту хотелось обратно в коммунистическую Россию — большой вопрос. Да, его иллюзии о Штатах в чем-то не оправдались, однако не так уж было скверно «пить со шлюхами» на рю де ла Помп накануне его продажи. Возможно, грустная правда заключалась в том, что поэту просто некуда было больше деться — и ему отчаянно требовался отдых, как и танцовщице.

Даже сейчас я убеждена, что, имея он эту возможность передышки и восстановления, в том числе финансовую подушку для этого, отсрочку реализации «плана по поэтическому захвату Вселенной», все могло бы быть иначе. Однако время и обстоятельства не дали ему такой роскоши. А в Москве дело шло к ленинской кончине и перестановкам в партийном руководстве, к смене курса на более жесткий по отношению к любым индивидуальным инициативам и условно демократическому пространству рынка. Сергей Александрович прекрасно все понимал, судя по его беседам с Крандиевской. Увы, это очень напоминает умные рассуждения о том, что если бы в эпоху Пушкина были пенициллин и стяжки для крестцовых переломов, а в эпоху Есенина существовали ингибиторы нового поколения, а не койка и синяя лампочка на потолке, а в 50-х уже разработали иные методики по лечению запоя, кроме разрушающих все в организме инъекций, то сколько дарований было бы спасено!..

...Сложно сказать, почему свет сошелся клином именно на Америке. Может быть, Есенин считал оптимальным для своей поэзии перевод именно на английский язык. Можно высказать детское предположение, что он «соперничал» с Маяковским, что именно страна «великих Штатов» была для него гарантом мирового признания, а не «загнивающая Европа». Современники свидетельствуют, что поэту было свойственно восприятие каждого нового коллективного единства как существа, которое нужно покорить, обратить в свою поэтическую веру. Он видел это как своего рода психологическое противоборство, в котором должен был одержать победу. Возможно, Штаты были для него таким «максимальным противником», «Левиафаном», и потому итоговое покорение их было столь метафизически важно. Что ж, за океаном он встретил «достойного противника»: до вступления в Страну Свободы никто особо не шатал его статус великого русского поэта, не убирал имени под фотографиями в газетах. Именно в США Есенин ощутил, что теряет себя как образ и свои наработки тоже, потому что Штаты упорно не хотели видеть *его*, а видели ряженого, комическую фигуру, альфонса при танцовщице, что угодно, только не истину; они как бы переодевали и переиначивали его фигуру, наполняя совсем иным содержанием.

Почему ему не удалось донести себя за Океан? По крайней мере, тогда? Айседора проницательно сказала, что ее страна не готова принять послание, которое доставляет ей поэт. Возможно, действительно, он не совпал с эпохой джаза. Там его власть кончалась. Бедную Старую Девушку Есенину покорить не удалось — зато удалось отобразить, как и свою супругу. Все же он был не просто предпринимателем средней руки, дебоширом и лавочником, мужем известной танцовщицы и нелегальным нежелательным лицом во Франции и Германии 1923 года. В первую очередь он был голосом и демиургом, и все запечатлел не скрываясь в своей главной вещи: путевом дневнике, волшебном зеркале и маленькой модели мира — пьесе «Страна Негодяев», своего рода есенинской полифонической «Поэме без героя». Уверена, нам только предстоит ее открытие, в это я солидарна с мнением Н. И. Шубниковой-Гусевой. Мы здесь будем говорить лишь о финансовых проекциях (впрочем, ее главная тема, как вы уже, конечно, догадались — деньги).

Как известно, за время турне Сергей Александрович написал только одну крупную вещь — «Страна Негодяев», и много маленьких, но тоже крупных, а также сделал предварительный вариант своего реквиема. Мы не будем здесь останавливаться на вопросе, почему за границей Тургенев, Гоголь, Бунин и другие писатели создали свои лучшие произведения о Родине, а на самой Родине они чаще писали об ином, вот и Есенин примкнул к этому ряду. «Страна Негодяев», хоть по оформлению и незавершенная, до сих пор остается его самым дискуссионным трудом и самым зрелым свидетельством о времени. В отличие от, допустим, исторически-имажинистского «Пугачева», или классической пушкинской «Анны Снегиной», или его «Черного человека». Об этом всем можно подробнее узнать из обширной монографии «Поэмы Есенина» Н. И. Шубниковой-Гусевой²⁹, мы же вернемся к прозе жизни. Нас интересуют не расхождения литературоведческого анализа текста утопической пьесы (или символической поэмы, кому как нравится), а лишь та ее основа, которая проецируется на европейско-американские реалии жизни поэта, содержит финансово-материальное послание.

Ученые до сих пор спорят, что это за собирательное пространство, Страна Негодяев? «Америкоевропа» как духовная биржа, или все-таки скорее Россия после Октября, или этот вовсе не географически-хронологическое явление, а метафизическое, в условных координатах? Сам Сергей Александрович на вопрос ответил вполне четко, причем, исходя из слов собеседников, дважды! В январе в Нью-Йорке Есенин объясняет литератору Левину (или же Левин так понимает его речь), что «Страна Негодяев» — это пророческое обличение жуткой правды о России. Однако скорее всего, что поэт вовсе не подразумевал какого-то бичевания отечественной действительности, а просто соотнес территориально и хронологически фактологию поэмы с просторами «Великих Штатов СССР». После того, как он прикинул декорации (Урал, он же метафизическая Калифорния), то перенес в них, по законам утопии, богатый новоприобретенный опыт. Наталья Игоревна говорит о художественном удвоении пространства, возникновении фантастической реальности на базе отголосков реальных исторических событий, в то же время развивающихся по своим альтернативным сценариям. Можно было бы нехорошо пошутить, что этот прием Есенин изобрел еще до Фадеева, просто цели они преследовали разные.

Здесь уместно рассуждать, что трансформированная Россия Октября и биржеобразная «Америкоевропа» в сознание поэта теперь нечто одно, но оставим это философам. Софья Толстая свидетельствует: «...расширение замысла у Есенина произошло после его поездки в США, о чем он мне не раз говорил. <...> Он ходил в Нью-Йорке специально посмотреть знаменитую нью-йоркскую биржу, в огромном зале которой толпятся многие тысячи людей и совершают в обстановке шума и гама сотни и тысячи сделок. „Это страшнее, чем быть окруженным стаей волков, — говорил Есенин. — Что значат наши маленькие воришки и бандюги в сравнении с ними? Вот где она — страна негодяев”». Насколько мы можем доверять противоположному свидетельству Софьи Андреевны, главной целью которой после гибели поэта стало включение поэмы в четвертый том его собрания, напомним, 1926 год, тучи сгущаются, поэма то допускается к печати как черновик, то купуруется, то предлагают и вовсе опубликовать фрагменты. Левин тоже, надо сказать, не был незаинтересованным в искажениях человеком. Это лишь вопрос читательского доверия окружению классика, мы склонны к «синтезному» варианту.

---

²⁹ Шубникова-Гусева Н. И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека»: Творческая история, судьба, контекст и интерпретация. М., ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001.

Если отбросить патетику, что именно, по воспоминаниям современников, так сильно шокировало бывшего Есенина на бирже? Вряд ли там было нечто более страшное, чем Октябрь и Гражданская война. А вот что: как и персонажа Достоевского из рассказа «Кроткая», его поразила сам принцип, что стремиться к деньгам возможно просто ради денег. Никакой другой цели нет. Сколько он ни высмеивал жену за непрактичность, за вложения в воздух, то есть в танец, который просто забудут, однако идея замкнутости мира просто на аллегории скупого рыцаря — поэта ужаснула. Для него деньги всегда были лишь дверью к чему-либо, от мировой славы и издательских планов до новых брюк и помощи сестрам на образование, однако здесь он столкнулся с другим, «более современным» типом сознания, редуцирующим саму его фигуру из действительности. Не по каким-либо идеологическим соображениям, как в Союзе, а просто за принципиальной лишностью и даже вредностью. «Слушай, плевать мне на всю вселенную, / Если завтра здесь не будет меня!» Да, такая Вселенная не предполагала обитания в ней поэта ни в какой перспективе, хотя это и обозначили пока относительно вежливо.

10

Удивительно, но единственная конкретная сумма, названная в поэме — это тысяча червонцев награды за голову Номаха, угнавшего у Рассветова вагон с золотыми слитками. «Золото партии», здесь рифмующееся с plombированным вагоном Ленина, в свою очередь должно пойти на вторую революцию — борьбу с теми, кто «на Марксе жиреют, как янки», в то время как «За Самарой люди едят друг друга». Однако «робингудий» мотив очень быстро куда-то растворяется, как и вагон золота, которое все магически вместились в ящик стекольщика, унесенный Барсуком³⁰. Чтобы мы понимали, 1000 червонцев — это стоимость полета Есенина с Дункан на аэроплане, то есть огромная по раннесоветским временам сумма, особенно для простого человека, а не члена правительства. Такая награда предполагает, что Номах действительно похитил нечто ценное — или что сам он ценен. Но невозможно отделаться от мысли, что сумма за поимку Номаха равняется сумме, за которую Есенина вывезла Дункан. «За время пути» вагон золота стал ящиком песка, Сергей Александрович из великого поэта девальвировал в молодого супруга престарелой танцовщицы — нет пределов межстрочному чтению, как говорится. Какую еще финансовую внятность мы получаем? Читатель видит из начала поэмы, что послереволюционный уровень жизни на Урале крайне низкий, даже тухлая картошка и гнилая селедка предел мечтаний (легко сравнить с воспоминаниями Цветаевой о 1918 — 1919 годах). Однако единственное явление, которое вызвало ассоциации с такой Россией в Америке, — это лачужки негров, увиденные путешественниками из окна ландолета. Совпадение образа послереволюционной разоренной деревни на Родине и вида этих жалких поселений вызвало у поэта тягостное чувство, тем не менее в поэме никаких негров нет, а есть... индейцы!³¹

³⁰ В монографии Н. И. Шубниковой-Гусевой, в главе «Открытие Страны Негодяев», подробнейшим образом разбираются все доводы «за» и «против» робингудства Номаха, на которое впервые указала Ольга Воронова. А также анализируется нестыковка, когда вагон слитков вдруг вмещается в ящик стекольщика — по мнению Натальи Игоревны, у Шекспира тоже есть подобные нестыковки и эта трансформация подчеркивает символические начала пьесы. Мы, однако, мыслим более прозаически: возможно, никакого «вагона слитков» у пройдохи Рассветова и не было, недаром Номах называет добычу всего лишь «песком». Как ни крути, а вагон золота обычно не оберегают несколько рогатозев, уже успевших заранее побрататься с повстанцами.

³¹ В той же монографии Наталья Игоревна приводит мнение, что изначально главной темой пьесы был голод, а не финансы, но затем приключения в Нью-Йорке изменили ее доминанту — в сторону «идеи национального развития России». Такой идеалистический взгляд кажется нам спорным, потому что, во-первых, бескормица происходит тоже не от

Второй человек, кроме бунтаря Номаха, мечтающий получить из России «вагон золота» (метафорический образ, невозможно воспринять его буквально и пересчитать) — это авантюрист Рассветов. Для которого Великие Штаты СССР — те же золотые прииски Калифорнии, где ему удалось облапошить местных предпринимателей, открыв несуществующую на деле золотую жилу. Если называть вещи своими именами, настоящего золотого запаса нет ни там, ни там — на самом деле мы не знаем, что везет в вагоне болтун и хвостун Рассветов и какие такие пять златоносных жил он «выдоил» на Урале. Зато у нас есть два настоящих прохиндея, путешествующих туда и обратно — своего рода два схожих маркитанта двух конкурирующих держав. Оказывается, будучи сам профессиональным махинатором, Рассветов... разочарован в Америке, потому что никакого золотого запаса там нет, а лишь куча таких же биржевых жуликов, как он. Наверное, это можно сравнить с метафорическим капиталом, за которым ехал в Штаты, но которого не нашел там Есенин, возвращаясь на Родину не королем мира, а с корзинкой газетных вырезок, где раньше были лимончики (тоже игра слов).

Дело в том, что Есенин, как и Достоевский, полифоничен в своих поэмах, и его личность как бы распылена по положительным и отрицательным персонажам, хотя ни тех, ни других в грубом смысле в Стране Негодяев нет, все здесь перевертыши и готовы к рискованной игре. Все это нам не столь интересно, потому что мы пришли сюда считать. Из монолога Чарина выходит, что единственный золотой капитал, который имеет Россия, это не горы никакие, а непомерные поборы с крестьян, что от отчаяния подались к бандитам. В Штатах хотя бы обманывают капиталистов на биржевых спекуляциях, «их не жалко», здесь же страдают метафорические мать и отец, с которых налоги выжимают последнее, чтобы отдать Рассветову. На словах он мечтает строить железные дороги для новой империи, но на деле — а дела его нам известны — возделывает он только собственный сад, причем любыми средствами. А если мы еще отождествим Рассветова с легендарным Красношековым, спустившим госзаимы на Лилу Брик, то картина, как говорится, будет полной. В такой крестьянской интерпретации, действительно, политика советской власти оказывается даже хуже, чем американский волчий капитализм. Но разве могла бедная Софья Андреевна, получающая государственную помощь, заикнуться о подобной мысли в своих воспоминаниях! Теперь же нет никакого смысла в отрицании очевидного: Есенин был недоволен тем, как конкретная советская власть поступила с конкретными крестьянами в финансовом отношении, несмотря на всю вестернизированную «для отвода глаз» форму поэмы. Он испытывал боль за судьбы своих — нет, не соотечественников, а единоземцев, селян. И образ Номаха стал концентрацией условного возмездия новой власти за ее дела: крестьянские слезные труды не достались никому, перепятанные бунтовщиками и частично вывезенные Номахом за кордон³².

Поскольку Есенин был гением, а не народным заступником с идеалистическим букетом, то он показал правду истории и истинную суть даже таких, как Номах, а не романтический вариант. Это очень прозаическая вещь, но большая

денежного изобилия, а во-вторых, Сергей Александрович в реальной действительности не проявлял себя в качестве национально-патриотического актора. Несмотря на пассажи, которые приходится читать и ныне, что, доживи Есенин до Второй мировой, уж он бы проявил себя в бою, реалии, как мне кажется, несколько иные, особенно если учесть его настоящую биографию. Потому авантюристическое зерно, оно же — поиск своего места в истории, как основа текста кажется мне более состоятельным. Безусловно, многие воспоминания современников писались с учетом эпохи, в которую они жили, особенно если авторы мечтали дойти до печати. Финансы никогда не были для Есенина целью, но авантюристический образ жизни человека искусства невозможен без предпринимательского сознания.

³² При желании можно даже найти отсылку к Некрасову, что клад тот крестьянского счастья и донныне не отрыт.

поэзия ведь не поэтична в чувствительном смысле. В юности мы огорчались, что Дубровский не спас Машу, какой же он тогда герой — он горе-заступник. Но и Номах не спас свою крестьянскую Родину, в этом смысле можно пошутить, что Есенин пошел пушкинским путем в своих сюжетных поисках. Это же все-таки художественная словесность, над которой властна литературная традиция, — кстати, некоторые исследователи идут именно от нее, а вовсе не от реалий эпохи, толкуя поэму. Имеют, как говорится, право... Продолжим же наш подсчет.

11

Мистические 200 повстанцев незаметно (!) подкрадываются на вынужденной остановке к поезду (46 мест), обезоруживают малое количество станционного персонала и похищают слитковое золото. Чуть позже в притоне Номах предлагает Барсуку на *песок* «тыщ 25 закупить валюты» (*примерно 25 тысяч долларов — помните, я про неконкретность сумм говорила?*), остальное зарыть. Оставим вопрос, как слитки стали песком, лучше подумаем о том, что, судя по воспоминаниям Левина, Айседора заняла у Зингера 60 тысяч долларов в январе 2023 года, мечтая на половину поддержать танцевальную школу в Москве, а на половину устроить издательство для Есенина. Таким образом, на сумму в 25 тыс. долларов явно нельзя даже начать крестьянскую революцию, о которой распространяется Номах, а можно максимум содержать 50 маленьких учениц танцкласса. Вряд ли Есенин не разбирался в финансах, научившись ориентироваться и во франках, и в долларах, и в марках благодаря бесконечным гастролям и... взысканиям. Примечательно, что Номах, по его словам, планирует приобрести и танки! Не издевательство ли это со стороны паяца, наслаждающегося очередной ролью крестьянского заступника, но понимающего, что на что-то придется смываться, когда запахнет керосином? В финальной сцене весь капитал (песок или слитки?) помещается в ящик стекольщика Барсука и тот проходит мимо облавы незамеченным. Где теперь все остальное, учитывая, что Номах бежит в Польшу, не ясно. Впрочем, можем тешить себя мыслью, что праздник для нищих все же состоялся: некоторая часть повстанцев из крестьян распределила между собой остатки былой роскоши, благословила имя Номаха и предалась историческому восторгу в стиле «лучше раз напиться живой крови». Примерно как у Сергея Александровича была возможность воспользоваться безлимитом на вина на судне «Paris».

Наконец мы понимаем в финальном монологе Номаха, что его целью, как и у Есенина, оказывается, были не деньги, хотя то, чтобы кровь Родины не досталась Рассветову, уже облапошившему Штаты, тоже немаловажно! Он просто хотел сыграть видную историческую роль, проявить себя во всей красе (перформанс — Номах в душе артист). Вместо этого он бежит в Польшу с небольшим прибытком. Безусловно, не стоит романтически отождествлять Есенина с Номахом, он гораздо в большей степени Рассветов, который не хочет плохо жить на свете и готов сыграть в блеф. Однако никакого золота, скорее всего, и правда нет, за исключением тех нескольких золотых, которые дает Номах трактирщице, а Барсук — проводнику. Эти случайные червонцы напоминают те блестящие монеты из воспоминаний Ирмы, которые якобы привез из турне Есенин Мариенгофу и Кате: скорее память или символ, чем какой-то капитал. В Америке нет не только настоящего богатства, там нет и идеи, нет человека — вот что привозит поэт на Родину. Дыру в душе, дыру в кармане и немного червонцев под пеплом. Читатель должен определиться сам, какая страна для него в большей степени негодяйская, кто же хуже, Рассветов (ныне апологет Советов) или Номах (фигура крестьянской революции)? А может и нет территориально никакой Страны Негодяев, а просто она начинает локализоваться там, где негодяи в данный момент *путешествуют*, и вообще, это не место, а *время*?

Бывают времена, когда историческая фигура не может быть однозначной. Думаю, исторические личности вообще не однозначны, но это другая тема. И все же сохранение миссии, своего «я» в какой-то степени уравнивает средства, тем более что никто не погиб. Номах реализует свою пассионарную природу, свою концепцию, деньги ему не хозяева, он не становится от этого лучше, но хотя бы остается собой, пусть и утратив в итоге основную часть золота, и бежав. Да, он не спас крестьянства — а кто спас? Рассветов же авантюрист в «голом», если можно так выразиться, виде, его интересы на уровне инстинктов тяготеют к усредненным прелестям Лили Брик. Им движет азарт обвести вокруг пальца недотеп, его тщеславию льстит руководящая функция при новой власти, он не глуп, но «американский путь» выхолостил его сущность, если она когда-либо была. Возможно, это как раз то, чего Есенин боялся и не принимал. Не национальная идея, а идея некоего высшего смысла существования человека, «красоты, которая не умирает», двигала им, как и Айседорой, если не слушать, а смотреть. Не нажива или авантюризм руководили его жизнью, а возможность создания иной реальности, художественных проекций. Всеми остальными, кроме Номаха, как бы воплощающего свой исторический путь, занимающегося жизнетворчеством (недаром символисты считали, что и жизнь может быть аналогом создания художественного произведения), движут не творческие мотивы, а корысть, выживание, властолюбие и даже похоть.

Творческую природу личности неверно называть романтической или авантюрной, выискивать у поэта идеализм, даже сентиментальность — просто подобная фигура целокупна, сочетая творящую и прагматическую стороны, а вовсе не добро и зло. Художник не нужен в мире Краснощековых, но в каждом художнике должен быть маленький Рассветов, если он хочет состояться в реальной жизни. Это поэма не про финансы, а про то, где находится их истинное место. В ящике стекольщика, в виде песка в дырявых карманах Номаха, в виде золотой монеты в притоне с паленым спиртом — но когда золото поднимается выше, заполняет душу человека, оборачивается золотым эшеломом, который ничего не везет больше, лишь неясного происхождения деньги, Чекистова и его свиту да Рассветова, наступает духовная биржа. Такой человек не годен больше ни к чему, кроме как быть добровольным довеском к передвижной Стране Негодяев посреди опустошенных или изначально пустых пространств. И власть, опирающаяся на таких личностей, вряд ли заботится о тех, о ком должна — о крестьянской России: *не ради этого она венчалась дела*. Поэтому возвращение Есенина на коммунистическую Родину не сопряжено с какой-то особой радостью.

12

А теперь посмотрим на поэму так, словно нам интересны не ее художественные достоинства или прочтение тайного послания (представим, что их нет и поэма, как действительно писали некоторые современники, неудачная), а психологическая функция для пишущего. Такой «примитивный» взгляд, кому-то видящийся неприемлемым, ведь речь все же о гении, позволяет рассмотреть его как просто человека. Придерживаясь мнения, что демон — вещь в каком-то отношении отдельная (кстати, так же думала Галина Бениславская, отделявшая «хама Есенина» от его «золотой птицы»), — мы наблюдаем здесь самоутешительный разговор погружающегося в меланхолию полуизгнанника с собой. Путевой дневник рассказывает про все: и про уровень жизни при Советах и в Калифорнии, и про психологические проблемы (не) принятия себя, и про то, как вообще несправедливое мироздание устроено, какую роль в нем играет избранный народ — и несколько других, менее избранных, но претендующих. Нас интересует почти прямое сообщение о том, насколько плохо было поэту в Стране Свободы, и как раз потому, что со свободой там вышла неувязка.

Дело в том, что в этой стране все решали «минимизированный» в поэме Бог и деньги, а и того, и другого у Есенина уже было в начале 1923 года мало. Фанатизм американского пуританства стал основной причиной проблем для роста популярности уже достаточно оскудевшего убеждениями классика. Хотя и можно с уверенностью сказать, что даже безверие Есенина было гораздо более религиозно, нежели выкрики истового лютеранина и мера Индианаполиса о количестве предметов туалета на танцовщице Дункан. Надпись на купюре о доверии Господу (была ли она тогда?) оказалась права, и именно местный Бог не позволил финансовым поползновениям поэта в отношении журналистов реализоваться. Впрочем, ведь о попытках подкупить газеты «в свою пользу» известно лишь со слов классика; безусловно, деньги в Штатах решали многое, и тогда на что-то власти закрывали глаза, однако у поэта и босоножки просто не было таких сумм. Известное имя не осветило своим солнцем страницы прессы Штатов, кроме как в пародийном контексте, и хотя некоторый процент исследователей винит в этом «еврейский заговор», что очень научно, думаю, главная причина была на ладони. Это даже не большевизм, а *выходки*, воспринимающиеся как неадекватность Сергея Александровича, травмирующая пуританское сознание буржуа.

Как именно называлась эта страшная вещь, подрывающая бюргерское благообразие недозированно, не «добросовестный ребяческий разврат», а прямой эпатаж или «красная зараза», думаю, для большинства зрителей было не так важно. Просто они ощущали, что это нечто не игровое, они не покупали билеты на это шоу. Им уже не смешно и не удовлетворительно, они не ощущают себя самой развитой или самой ценящей прогрессивное искусство нацией, а наоборот — попираются религиозные устои, ну, или то, как они их себе представляют. Бунтовское начало и само по себе не очень близко американско-европейскому обывателю 20-х, тоскующему по умеренным развлечениям и комфорту. Ведь недавно была Первая мировая, хочется чего-то увеселительного и отвлечься, а здесь настоящая беда с битыми стеклами, красным знаменем, истерикой и обмороком. Если за разбитый столик еще можно заплатить, хоть и десятикратно, то за чужой разбитый день уже сложнее. Вспомним, как почти десятилетием ранее Дункан вышла на американскую сцену, будучи несколько в положении, и это шокировало «прогрессивную» современницу. Напомню, уже реализовала себя и культура декаданса, и зерна феминизма и атеизма росли всюю. Но бедной танцовщице пришлось долго объясняться за свой четвертый месяц, сочинять историю о празднестве весны и естественности, и все равно ее не поняли, и пришлось драпироваться совершенно иначе.

Танцовщица не раз бывала в России, изъездила всю Америку и наверняка уже понимала, как устроена публика, перед которой можно кричать условное «Red-Red», и как устроена зала, перед которой недопустимо показать, что танцовщица тоже человек и женщина. Понимал ли это Есенин, мы не знаем, иногда кажется, что не очень. Учитывая, что бытовая коммуникация между супругами была невысокой (даже с учетом всей вереницы посредников и факта, что к 1923 году Есенин перестал заявлять, что английский может дурно отразиться на его творческой манере и... засел за уроки французского), вряд ли они могли вести беседы о бизнесе и антрепризе. Айседора (не)исправно учила русский, Есенин пытался скомпилировать пиджн для домашнего общения, но «на интуитивном уровне» это непростое знание выдающемуся супругу не передалось, да и хотел ли он его усваивать, если совсем уж честно? Есенин не любил играть по чужим правилам, но то, что выручало его в России, не могло быть понято за рубежом, где место артиста не рядом с политиком, а скорее далеко за спиной пастора, учителя и банкира. А то и вовсе полуприемлемо: артист — он для развлечения *серьезных людей*, а больше ни зачем. Здесь пуританство вступало в союз с бюргерским эго, что хорошо понимала Цветаева, хотя ее это не спасло, и видимо, никак не мог понять Есенин, родив из тупиковой ситуации главного мифического врага — еврейский заго-

вор журналистов. Действительно, после скандала в сообществе Мони-Лейба в печать попало несколько нелестных и даже откровенно недобрых статей о бескультурии и малоразвитости классика. Однако Америка большая страна, это вам не Бельгия, и неприятный эпизод мог бы со временем нивелироваться, если бы не ситуация в целом.

13

Искусство и перформанс — вещи разные. Будучи мастером и того, и другого, то есть профессионалом в обоих отношениях, Дункан столкнулась с человеком, которые эти два понятия путал и вообще был довольно беспорядочным в организации. Сергей Александрович то сетовал, что «много бы чего написал», если бы не вся эта суeta (хотя написал он немало), то злился, что его постоянно куда-то тащат — но гастроли же! В то время как Дункан наверняка и сама уделяла немало времени проектированию программы выступления, декорациям, костюмам, все это тоже работа, требующая размышления и тишины. Затем шла часть перформанса — как раз та, которая не пошла в Америке у Сергея Александровича. Вообще-то, за рубежом платят как раз за эту работу. Попытки сделать в Нью-Йорке на скорую руку очередное избранное на английском и выступить с ними — еще одно свидетельство, что Есенин примерно понимал, что местный зритель его не понимает, хоть не только по причине языкового барьера. И пытался ситуацию исправить. Роль прихлебателя при артистке, которую еще и подчеркивали в прессе, определенно ему не подходила и не нравилась, в конце концов, он таким человеком никогда и не был! Возможно, отсюда плеонастические раздраженные письма Мариенгофу и Ко, желание вернуть себе свою прежнюю роль сопайщика и компаньона фактически, намеки на то, что ему нужны собственные средства. На Родине, бывало, он «подкармливал» с гастролей убыточную книжную лавку и «нулевое» кафе, здесь же вынужден был требовать свою часть дохода от «предприятий», чтобы свести концы с концами... на гастролях! Нечего сказать, успешный выезд.

Возможно, поэт поначалу всерьез рассчитывал, что товарищество будет делиться с ним доходом, на правах договора, однако, видимо, все, что он получал, это объяснения, что на его долю Мариенгоф кормил его сестер. Положение человека, не способного зарабатывать самостоятельно на гастролях, не имеющего резерва и дополнительного дохода (чем располагала Айседора) и превращающегося в неудачливого компаньона... жены — вспомним, Есенин вообще несколько презирал женщин в силу его натуры, — было унижительно и нестерпимо. Будь он хоть в малой мере тяготеющим к «альфонсизму», в чем нередко его обвиняют, разумеется, все было бы иначе, возможно, даже лучше. Увы, сама мысль, что из активной роли self-made-man поэт, предприниматель и издатель незаметно «обнулился» и превратился в глазах прессы в симпатичную болонку богатой дамы — была ужасной. Обертка становилась сутью, а сама суть девальвировала до отрицательной, и весьма отрицательной величины.

Обладая Сергей Александрович мудростью и терпением, он бы понял, что происходит, и выждал — но сама его личность была довольно несмиренного типа, что заметил еще Сологуб, когда будущему классику и 19 не стукнуло. Тандем двух творческих фигур по сути и супружеская пара с некоторым благосостоянием по форме, эта коалиция уже на первой половине маршрута потерпела крушение, как ни печально это признавать, по невольной вине Есенина. Он не понравился тамошней публике, особенно в желаемом качестве. Да, можно прибавить сюда политические причины, искажения журналистов, даже желание недружественных учреждений представить русского классика как дополнение к американской артистке, — однако главная проблема заключалась в другом. У Сергея Александровича не получилось *развлечь* зарубежную публику, а скандалы ее напугали. Может быть, если бы он показывал фокусы с

тальянкой, как некогда на квартирниках вместе с Клюевым, его шанс на успех был бы выше — однако теперь не того ему было нужно.

Почему все случилось так? На это есть очень прагматичный, лежащий вне политической и мировоззренческой плоскостей ответ. Дело в том, что, хотя современники и приписывали Сергею Александровичу изящество Шалыпина, хотя его мать действительно обладала незаурядными голосовыми данными, сам классик мог максимум исполнить похабную частушку под тальянку, иными словами, будет честным признать, что *Есенин обладал весьма средними музыкальными способностями*. В отношении искусства танца, видимо, придется признать то же самое, хотя танцевать, в отличие от пения, Есенин, видимо, не любил — разве что речь пошла бы о *пьяной пляске*. Да, Сергей Александрович обладал вкусом, умел одеться и пройтись, у него была роскошная читка, он даже был в определенном смысле остроумен, хотя, как известно, Маяковскому он в этом отношении уступал, и экспромт, импровизация — не были его дарованиями. Короче говоря, все это в сумме представляло его сценические данные как средние. Для страны мюзик-холлов, где развлечение могло быть еще смешано с патриотизмом, но с глубокими основами — никогда, артист такого типа был неудобен. А вдобавок и непонятен!

В определенном смысле Маяковский с его способностью *малевать*, рядиться и мыслить непозитически был в гораздо большей степени современным. Борьба Дункан с культурой мюзик-холла, то есть с массовым искусством США, если называть вещи своими именами, так же как и «сражение» Марты Грэхем — были компромиссами. Способность к искусству компромисса у Есенина, когда речь заходила об искусстве, была сомнительной! Понимала ли Дункан, что примерно с момента встречи с еврейско-американским сообществом муж стал для нее не только источником трат, то есть бременем, но еще и волком в овечьем стаде, то есть разрушителем ее лебединого королевства? Отношения Дункан с мужчинами вообще складывались неудачно, она привыкла к различным чудачествам и неуместным требованиям. В юности у нее уже был гражданский супруг-болгарин, пытавшийся разрушить ее театральный ангажемент, затем магнат, который требовал образцового поведения, известный литератор, желавший платонического союза, безумный скрипач... Что ж, перечислять можно долго, или же сказать, что великая босоножка повидала всякого, примерно понимала масштаб проблемы, и вряд ли личность мужа оказалась для нее сюрпризом. Безусловно, у поэта не было цели навредить своей жене и ее бизнесу, ведь, в конце концов, это *теперь в каком-то смысле был и его бизнес*.

Возможно даже допустить, что каждый из них вел свою игру примерно в общих целях, на одном основании, но разными средствами, просто качка оказалась слишком сильной и Сергей Александрович ее не выдерживал. В конце концов, пуританскую и правопорядочную Америку и правда трудно выдержать, особенно если ты представитель артистического сословия, и вдобавок прибыл из России, где всякое удавалось в обход законных препон при лояльности к этому вопросу большинства публики. Мы можем допустить мысль, что все это вообще был один большой спектакль, спектакль в спектакле, как жизнь английского королевского двора, например. Но если последнее поддерживается во имя интересов национальной традиции, то здесь речь шла о создании двух фигур (а couple), восходящих на артистический Олимп. Довольно идеалистическая картина, если вспомнить рассуждения Дункан, женщины далеко не наивной, о культе Орфея. И эта затея провалилась, потому что американскому гражданину эпохи джаза не очень был нужен этот достаточно мифологический и узкопоэтический образ. Осознание этого факта, уходящего мира эйдосов, который всегда тайно жил в двойственной Айседоре (вспомним хотя бы ее личную характеристику встречи с Есениным — про две платоновские души и пр.), и выльется в пустоту «Страны Негодяев». В ее цинизм, оказавшийся здесь нормой, в ее боль, неуместную и детскую в подобном месте, в насмешку над самим собой и над той частью себя, которая была в нем — поэтом, а в Айседоре — босоножкой.

14

Итак, пройдемся по основным пунктам, волнующим нас, и получим ответы. Окупались ли гастроли Изадоры по Европе и Америке, покрывались ли выступлениями остановки в гостиницах, отдых у моря, поддержка учениц танцовщицы и секретаря / секретарши, покупка десяти шелковых сорочек для классика? Ответ — нет, гастроли не давали ожидаемых дивидендов, мадонне (именно так ее нередко называли поклонники) приходилось компенсировать происходящее средствами от аренды и залога своего недвижимого имущества. Давала ли Изадора наличные Сергею Александровичу, или лишь оплачивала его погромы и арсенал бутылок? Давала. Кроме того, брал он деньги и у секретарши, и не только на себя, но и на случайных спутников. Насколько весомые суммы это были? Нам проще будет договориться, что это были средства, эквивалентные стоимости 2-3 бутылок не самого элитного спиртного, которое можно было добыть ночью на заднем дворе отеля (от 50 до 250 франков в сумме). Приходится иногда читать, что Изадора намеренно финансово поощряла алкоголизм поэта, поскольку так легче было его контролировать. Всякий, кто представляет себе Есенина во хмелю, при этом пассаже засмеется. Разумеется, жена не спаивала классика, в чем подозревал ее Мариенгоф, и не оставляла ему на столике на это денег, в чем подозревали ее такие, как Кусиков. Проза жизни заключается в том, что Изадора и сама отнюдь не была трезвенницей, она пила одна и пила с подругами, пила с мужем, с журналистами и просто для аппетита. Как и многие другие люди из окружения четы! Вводить безалкогольный режим для поэта, не давать ему денег «на здоровье» пришло в голову лишь после его попыток выкинуть стол в окно и прыгнуть следом. Понимала ли Дункан, что происходит? Нет, до декабря она не сознавала серьезности ситуации, и это еще раз подтверждает мою мысль, что поэт не выделялся на фоне всех остальных «количественно».

Видимо, истина заключалась в том, что просто на него *плохо действовала водка*. Она превращала его в зверя, как и Льва Толстого, вот только маленькому поэту много было не надо. Почему сравнительно аналогичный образ жизни не приводил в такое беспамятство и безумие других участников этого марафона — сложный и скорее всего медицинский вопрос. Был ли поэт действительно чем-то болен? Говоря властям и медикам, что Есенин страдает горячкой, что он безумен и эмоционально нестабилен, Айседора была, увы, недалеко от истины, хотя и не подозревала об этом. Скорее всего, никакой эпилепсией классик, конечно же, не страдал, но факт, что спиртное действовало на него аномально, быстро и необратимо — очевиден. Вряд ли он пил так уж больше других даже на момент своего «второго путешествия», однако с ним все происходило очень стремительно.

Какие подарки делала своему любезному жена? Нет, ни автомобиля, ни бриллиантов, ни мансарды в Париже она ему не подарила — ничего, что можно продать, и очень мало того, что можно хотя бы проесть. Рассуждения о «содержании» Есенина в данном случае несколько смешны. Обычно пишут о приобретении им более чем восьми костюмов для выхода, что якобы стоило целое состояние (3000 франков), и еще известны часы, разбитые классиком во время ссоры. Безусловно, в Советском Союзе сшить даже один хороший костюм было проблемой на протяжении всего его существования, недаром существует анекдот, что Ленин любил швейцарские пиджаки, а Брежнев — американские шляпы. И все же покупка дорогих штанов, скорее всего, была публичной, иначе *рабочей* необходимостью, а вовсе не желанием побаловать роскошью своего благоверного. Да, Айседора оплачивала украденные им и выброшенные на улицу отельные полотенца, искалеченные серванты, выбитые стекла — это правда. Однажды оплатила визит психиатра и несколько раз — визиты врачей «помельче». Но это не называется содержанием, а называется бедой.

Врачи и сегодня много спорят, какими психическими / психосоматическими заболеваниями страдал Есенин, несмотря на то, что запротокколировано он страдал только аппендицитом в армии и еще кровохарканием после падения в ледяную воду однажды в 1924 году. Называют и маниакально-депрессивный психоз, и шизофрению, и чахотку с ее спутницей черной меланхолией, и суицидальную манию, и паранойю, и нарциссическое расстройство, и разве что ложную беременность не упоминают. То, что Есенин был достаточно здоровым физически и психически человеком, который допился до целого калейдоскопа нарушений вследствие *плохой устойчивости* к спиртосодержащим напиткам, принять трудно. Но, видимо, это правда, потому что все близкие родственники классика, насколько доводилось читать, прожили долго, были работоспособны, нарушениями психики не страдали, а это — показатель. Никто из них также не спился.

Полюбил ли Есенин за границу? Нет сомнений, что пребывание за рубежом было для поэта некомфортным психологически. Нет, он и раньше выезжал, и вполне благополучно, в тот же Ташкент, но определенно — дело было не в самом факте выезда, а в нестыковках с реалиями. Обуревала ли его меланхолия, угнетала ли «языковая изоляция», ощущал ли он свободу как одиночество? Признаем, Сергей Александрович по природе своей был человеком адаптивным, находящим общий язык с почти незнакомыми людьми, он обладал обаянием и располагал к себе. Словом, адаптация в новом пространстве была для него вовсе не такой болезненной, как это обычно утверждают, хотя нюансы есть. Иногда пишут, что само длительное путешествие вызвало у него депрессивное состояние, но определенно, если бы *он не был поэт*, то был бы коммивояжер. Классик не относился к людям, которых пугают далекие берега! Какие же нюансы огорчали поэта? Языковой барьер, безусловно, — случайный его спутник-эмигрант с глубокой жалостью наблюдал, как в США Есенин долго пытался купить в кассе билет на пригородный поезд, и это не получилось. Написать пару слов на английском (вроде *brouning darling*) поэт еще мог, но, видимо, он не понимал иностранную речь. Казалось бы, за полтора года даже простой мальчишка бы освоил нехитрый бытовой словарь, однако здесь мы сталкиваемся с необычным явлением. Его окружение чаще говорило на французском, чем на английском, сама Айседора владела несколькими европейскими языками, и если бы Сергей Александрович знал хоть один, а даже не пять, как Цветаева, это бы в корне изменило ситуацию... А может, и нет: понимай поэт все, что о нем говорило окружение, журналисты, коллеги и персонал, Господь ведает, чем бы все закончилось! А так он хотя бы невредимым вернулся на историческую Родину, да, с несколько пошатнувшимся здоровьем и не вполне преуспевшим, но зато не под конвоем.

Однажды Рильке интересно выразился, что ему куда лучше пишется среди носителей иного языка, потому что такая необычная атмосфера позволяет ему лучше слышать свой собственный язык. Возможно, что-то в этом было, потому что лишь пространство творчества отныне стало для поэта его языковым домом — да еще эмигранты, который искали у него 50 франков на дешевый *лимоннад*, с которыми он быстро ссорился, выпивал, конфликтовал, задибался, и в итоге не находил внутренней близости. Не с секретаршей-переводчицей же общаться, тем более что женщины вообще годятся только для одного. В какой мере Есенин мог «функционировать сам»? Да, невозможность *нормально самостоятельно работать* (и быть экономически автономным, потому что Мариенгоф, видимо, ничего не присылал) очень задевала его самолюбие. Ведь в самом деле, не только же он стихи писал, а много чего делал на Родине: договаривался с поставщиками, выступал, принимал книги, проверял отчетности, наблюдал за посетителями кафе. Теперь же, после неудачного покорения «Старой Девушки», он по большей части просто сидел в апартаментах, либо валандался по окрестностям (напомним, достопримечательности его увлекали мало), ссорился со швейцарами, встречался с пришедшими у него «стрельнуть»

бывшими знакомыми, то есть опускался в маргинальную среду. Приехал, чтобы взлететь, — и на финише проводил время с теми, кто в определенном смысле находился на социальном дне. В последнее время еще безобразничал на концертах у Айседоры, потешая публику в гримерке или устраивая погром, вопя за сценой.

Имел ли он условия для творчества? Не думаю, что у Сергея Александровича отсутствовала возможность уединения для поэтической работы или что он не мог себе ее организовать, хотя атмосфера в апартаментах порядком не отличалась, это правда. Насколько поэт мог быть собой как мужчина и личность, вести свойственный ему образ жизни, будучи спутником танцовщицы? Вот с этим было действительно плохо. Человеческая суть его, деятельная, самостоятельная и непомерно гордая (увы, надо признать) постоянно страдала. Персонал не относился к нему уважительно, и он пытался исправить это буйством. Журналисты воспринимали его комически — и он дошел до идеи существования еврейского заговора. Привычный образ жизни (Дункан начала прятать от него вино и деньги, сменила переводчицу, опасаясь неверности мужа!) стал невозможен в принципе. Ведь не стрелял же он в потолок, не вываливался в перьях, в конце-то концов! Есенин лишился своего *обычного* образа жизни, а не чего-то сверхъестественного. Возможности встречаться с поклонниками, проводить время в компании, рассказывать о своих родителях, сестрах или достижениях, тусовочная и даже романтическая среда — они исчезли!

Как обстояли дела с дружеской поддержкой и компаньонством? Очевидно, что мир дружбы и делового партнерства значил для поэта уж не меньше романтических отношений. Какие там измены жене, кстати, никогда тоже не отличавшейся повышенной верностью своим спутникам! Теперь он не мог даже в карты поиграть со старым товарищем, по крайней мере, без предупреждения, или хуже того, сопровождения. Еще и был вынужден просить деньги на залог. Да, по вопросу выбора круга общения, выразимся так осторожно, Есенин с женой не ладил. Дело не в том, что, как пишет Прилепин, Айседора была «очень взрослой женщиной», а он «психологическим подростком» или что она мстила ему за издевательства и недостойные выходки в Москве. Разумеется, все было куда серьезнее — поэт не мог *социально* встроиться в местную жизнь, совпасть с положенной ему по статусу траекторией, и Айседоре приходилось делать стеклянный купол, в том числе через прессу и друзей, и поддерживать его, хоть очень условно выравнивать образ мужа под приемлемость, — она была женщиной умной.

Зададим же иной вопрос: а кто встроиться смог? Кроме Айседоры, которая легко перелетала между континентами и культурами. Чтобы стать частью эмигрантского пространства, либо и вовсе местного ландшафта, причем частью культурной, а не папиросы продавать, нужно было иметь хороший задел. Даже знание языков или наличие сценического голоса вряд ли помогло бы поэту, как и другим русским эмигрантам, кои обладали различными достоинствами, и в лучшем случае стали официантами или эскортом. Место литератора за рубежом было несопоставимо с его вакансией в России и в Союзе? Скорее, оно было иным. Ведь Бунин сумел же организовать свою жизнь и даже утвердиться в зарубежной культуре. Однако «начинать с нуля» в случае Есенина было почти безнадежно в плане попыток войти не книгой, а лично в мир Европы и Америки. Прозу он не писал, вернее, он писал, разумеется, прозу, но всякий, кто читал эти повести о сельской жизни, согласится, что конкуренции он бы здесь не выдержал. Преподавать, будучи неспособным освоить английский даже на бытовом уровне... Будь у него сценические данные, при такой жене шанс бы у него был — но данных не было.

Все же, был ли шанс на благополучный исход? Разумеется, можно было со всем этим смириться, пить чай с молоком на завтрак, ходить осматривать местный собор, писать поэму, читать книги, посетить эмигрантский клуб и выехать на пикник. Айседора бы как-то прокормила их обоих. Однако возможно ли

вообразить себе такого Есенина? И еще он переживал, что мало пишет, хотя это было вовсе не так. Грядущее виделось ему мрачным — образы похищенного золота, двусмысленных попутчиков, самого пространства inferнальной степи, ожидаемого предсказуемого финала легли в основу «Страны Негодяев». Где нет иного способа найти свое место в мире, как только украсть, или служить условной тьме, или трусливо прозябать на окраине земли. Мы можем предположить, что Есенин, как и Бунин, не имел особых иллюзий относительно надвигающихся сумерек тоталитаризма в России — например, Цветаева их имела. Однако жизнь в *Аmericах*, возможно, разрушала его первоосновы: ведь фон поэмы — это не только Союз, это мир вообще, Божий свет, и впитывал в основном автор пространство американских, а не российских степей, да и сам сюжет-вестерн, сама интрига — о многом говорят. Русские названия на планете другой, смешение, синтез двух цивилизаций — вот, как думается, основа этой вещи. Все это одна «общая» страна, и у всего есть своя цена, просто в разной «валюте» — мир меняется не в лучшую сторону, история поворачивает на темную половину, и куда бежать? Прикуривать о звезды? Мысль о потере самого себя, девальвации фигуры известного поэта до «все в прошлом» личности, пьющей с эмигрантами — на такое он был не готов, потому что его образ уже был сформирован, и на это ушла жизнь и лучшие его силы. И вот, все идет прахом.

Кто был инициатором разрыва в реальности? Возможно ли, что Айседоре просто надоел ее не самый позитивный, вечно нетрезвый и приносящий неприятности спутник жизни, нисколько не позиционирующий себя как муж (в ее понимании)? Он разрушал ее ангажемент, как тот первый болгарский мальчик, он был ревнив, как Гордон Крэг, и вдобавок, как это ни невероятно, не испытывал особого физического интереса к жене, на что она постоянно жаловалась компаньонкам. И такой спутник жизни у нее однажды уже был, как говорится, ничто не ново под луной! Дело жизни танцовщицы было вольно или невольно поставлено под угрозу ее супружеством, после ряда полупровальных выступлений и оттока публики и финансирования она задумалась. Айседора любила своего мужа, не хотела расставаться с ним, однако стала сознавать, что он разрушает ее взаимодействие с покровителями, ее репутацию, финансовое положение, наконец. Дело было не только в растущих расходах, потому что Есенин сокрушал интерьер и наносил моральный, а то и физический ущерб окружающим. Ведь великая босоножка тоже была крупной фигурой мирового искусства, и она видела, что классик утратил внутреннюю дисциплину, осознав, что его план по «презентации себя» провалился. Их брак, заключенный с целью совместного покорения Европы и Америки, если называть вещи своими именами, не оправдал себя, и хотя она любила мужа, но видела, что ничего хорошего из проекта не получается, и как мудрая женщина, решила завершить это начинание.

Они не подошли друг другу — Есенин и Америка. Конечно, можно сказать, что любовь живет три года, но такого долгого срока жизни Сергею Александровичу отпущено не было, и мы не можем сказать, как бы развивались дальше их отношения с женой, которые закончились, но имели эпизодические пересечения, если бы супруги прожили дольше. Айседора была и остается единственной «действительной» супругой поэта, и, конечно, это о многом говорит. Да, вести совместные дела они не смогли — а с кем смогли? Правда и то, что «опасные гастроли» Есенина навсегда подорвали репутацию его жены, лишили ее благосостояния и части покровителей, и она уже не оправилась от этого в деловом смысле. Хотя и не прямо, но поэт приложил руку к ее окончательному разорению, а после смерти матери братья поддерживали Айседору не так уж существенно. Как известно, от прав на наследование мужу, в отличие от большинства других родственников, впоследствии не украсивших себя очень и очень печальным поведением, которое здесь обсуждать неуместно, Айседора, несмотря на свое вопиющее финансовое положение к 1926 году, отказалась. Хотя была единственной его законной наследницей, помимо детей и родите-

лей. В исторической же перспективе, разумеется, она выиграла — образ ее стармонизировался, а заслуги перед мировой культурой забыты не были. Легенда, которую она создала и поддерживала своей жизнью, над которой трудилась, сплетая ее из воздуха, как Элиза — рубашки для братьев, частью которой стал и Есенин, до сих пор существует, как до сих пор есть студии босоножек по всему миру. И свет ее давно уже отделился от тьмы той эпохи и самостоятельно присутствует в пространстве мифов, мировом пантеоне. Поведение босоножки в качестве супруги гения, как показывает время, было верным, и потомки не скажут о ней дурно.

О П Ы Т Ы

СЕРГЕЙ СОЛОУХ

НЕВЫНОСИМАЯ ТЯЖЕСТЬ МЫТЯ

Чешский писатель Милан Кундера, гипнотизирующий своей простой прозой, подобной синопсису черно-белой кинодрамы, в отличие от Остапа Бендера не сразу ощутил себя «свободным художником и холодным философом». На заре своей очень тревожной послевоенной юности этот выходец из среды неплохо в жизни устроенных моравских музыкантов, композиторов и фольклористов был, совсем как наш Иосиф Уткин, членом коммунистической партии и полным романтики поэтом. Автором поэмы о Юлиусе Фучике «Последний май»¹. Очень красивой, образной и зовущей только вперед. Не зря отмеченной премией на стихотворном конкурсе, организованном пражской «Литературной газетой» и чешским Союзом писателей в 1954 году.

Фучик в поэме Кундеры подобен электричеству в ночи, а его следовательно, как и положено, отвратительному насекомому, нечисти кровососущей, живущей одной лишь надеждой

Выбить из рук его свет,
Пламя, песню и силу,
Чтобы подобно гнусу ночному
Сам я в огне не сгинул².

Очень убедительно. Отвратительные порождения тьмы и морака всегда летят туда, где чисто и светло, но правда непременно победит, потому что в ее огне сгинут все полчища и сонмы, явившееся на свет из мрака. Да и кто скажет, что юность не имеет право на романтику, особенно в ее чистейшей поэтической форме? Никто.

Но вот с романтикой в быту и личной жизни уже не так все просто и однозначно. В 2008 году чешский журнал «Respekt» опубликовал статью с названием двусмысленным и даже игровым — «Разоблачение Милана Кундеры»³. Но с содержанием совсем нешуточным, поскольку обнародовались документы из архивов чехословацкой службы безопасности. И если верить этим машинописным строчкам с датой «1950», то выходило, что романтика и мечтательность одного человека, будущего всемирно известного писателя Милана Кундеры, могла превращаться в соцреализм и правду жизни совсем других людей. Окружающих. В нешуточные сроки тюремного заключения, например. Двадцать два года за шпионаж и прочую антигосударственную деятельность мечтавшему

Сергей Солоух — писатель. Родился в 1959 году в Ленинске-Кузнецком. Окончил Кузбасский политехнический институт. Автор нескольких книг прозы, а также книги «Комментарии к русскому переводу романа Ярослава Гашека „Похождения бравого солдата Швейка“» (М., «Время», 2015). Постоянный автор «Нового мира». Живет в Кемерове.

¹ Kundera Milan. Poslední máj. Praha. «Československý spisovatel», 1955 (Далее — РМ).

² РМ, s. 37 (здесь и далее все переводы мои — С. С.)

³ Třešňák P., Hradilek A. Udání Milana Kundery. — «Respekt», č. 42, 2008 (12.10.2008) <<https://www.respekt.cz/tydenik/2008/42/udani-milana-kundery>>.

о небе и самолетах Мирославу Дворжачеку. Скандал. Все ждали иска о защите чести и достоинства. Немедленного. Но иск не последовал. Кундера как будто бы считал недостойными серьезного разговора ни самих авторов-разоблачителей, ни чешскую донельзя взволнованную общественность. Он промолчал, решили все. Спрятался. Струсил.

На самом деле ничего нелепее и дальше от реальности и предположить нельзя. Потому, что всю свою жизнь Кундера только и делал, что писал о предательстве, доносах и ошибках молодости. Эта главная тема его двух больших, и если не главных, то важнейших романов — «Шутка»⁴ и «Жизнь не здесь»⁵. Причем сюжет последнего романа, который автор так долго не хотел публиковать на родном чешском языке, едва ли не буквально воспроизводит перипетии истории юного и пламенного марксиста Кундеры и столь же самонадеянного перебежчика и шпиона Мирослава Дворжачека из статьи в журнале «Respekt». Ну и...?

— Что я еще могу сказать! — как восклицал по поводу душевных мук и прочих вещей характера интимного и тонкого уже наш Александр Сергеевич. Мерило всего и вся. Уж точно знавший из какого сора, а то и просто грязи и беды рождается бессмертие. Магия художественного текста. Загораживающая.

Надо полагать, что то же самое вслед за нашим гением века девятнадцатого воскликнули и гении двадцатого, коллеги Милана Кундеры: Салман Рушди, Филип Рот, Габриель Гарсиа Маркес и Охран Памук. Не слишком верится, что, сумев детально разобратся в деле или бесстрастно взвесив все за и против, но между тем единодушно, не сговариваясь вставшие на защиту мастера превращать боль в текст. Способный вызывать, как хорошее, долго бродившее, а после этого еще дольше успокаивавшееся вино, целый букет сложнейших чувств, что также надолго, если и не навсегда остаются с человеком, решившимся проглотить, отведать.

В общем, суммируя все сказанное, а равно и несказанное, но подразумеваемое, вовсе не кажется удивительным, что именно Милан Кундера ввел в литературный обиход самый необычный и, кажется, самый томительный и тягостный из всех возможных видов саспенса. Тревожное ожидание постыдного.

Елей верхушки солнце бодают
Кровью из ран уж окрашен закат⁶

Закат. Да! Тот самый, который у Кундеры-романтика пахнет вполне обыденно и ожидаемо кровью-любовью, у Кундеры уже холодного философа — всеми возможными синонимами слова стыд: смущеньем, неловкостью, замешательством, срамом, бесчестьем, позором. Именно. Оттенками этих чувств окрашено ожидание финала «Шутки». Мы ждем, нервно листая страницы, ерзая на ставшем внезапно колючем стуле, краснея и слушая сердце, то замирающее, то оглушающее, — как женщина, решившая, что встретила любовь всей своей жизни, узнает, что ее просто употребил жаждущий мести, и не как финку или маникюрный ножичек, а как мокрую тряпку. А сам герой-псевдолобовник и мститель, что с расчетом, с выдумкой, и широко, и резко... и главное, праведно замахнувшийся для хлесткого удара, промажет. Грязная половая тряпка, предназначенная для чужих ушей и глаз, свистнет, закрутится и присосется... прилипнет к собственным глазам, ушам, губам героя. Мстителя. Да так, что не

⁴ Kundera Milan. Žert. Praha, «Československý spisovatel», 1967 (Русский перевод: Кундера М. Шутка. СПб., «Азбука-классика», 2002).

⁵ Kundera Milan. La vie est ailleurs. Paris, «Gallimard», 1973. Kundera, Milan. Život je jinde. Toronto, «Sixty-Eight Publishers Corporation», 1979 (Русский перевод: Кундера М. Жизнь не здесь. СПб., «Азбука», 2010).

⁶ РМ, с. 25.

отклеишь и не выплунешь. Полсотни страниц ожидания этой неизбежности. Бесчестья. А то и сто. Саспенс так саспенс. Кундера в чистом виде.

Накладывающий, мало ему, мало, этот позор чужих людей еще и на срам родных. Жена и сын, обманывающие отца. Свои. И как выясняется, всю жизнь. Всю жизнь! Подло! Двести страниц... Двести! Всю длинную череду которых читатель уже знает, догадывается, что музыкант, идеалист, складатель песен ничего сыну не передал, ни своей веры, ни надежды, ни любви. Мечты или памяти... И главное, скоро узнает это, все... вот-вот... ему об этом скажут... нет-нет, он сам поймет... да-да, увидит сына на мотоцикле, а не на коне... а может быть, не так... да... совсем не так... король на землю упадет и из одежды вдруг выкатится кукла... симулякр... конечно, кукла... или же нет... да...

Боже! Нет, Кундера... Всего лишь Кундера.

Выбить из рук его свет,
Пламя, песню и силу,
Чтобы подобно гнусу ночному
Сам я в огне не сгинул.

Мир позднего, взрослого Кундера словно инвертировался. Не свет в руках персонажа, волшебная лампа, а воронка беспросветного, черная дыра в мозгу автора. Или стена. Тьма самых низких из всех возможных истин. И не гнус, а мы, читатели, разных оттенков белого и розового, летим на эту стену мрака, черное-на-черном, и если не головы разбиваем, то сердца. И в любом случае заканчиваем... заканчиваем мечтать о «свете, пламени и песне».

«Шутка», конечно, не единственный пример и демонстрация «саспенса Кундера». Редкая вещь этого прозаика, свободного художника и холодного философа обходится без останавливающего кровотока эффекта ожидания постыдного. Позора. Уже упоминалось большое — роман «Жизнь не здесь», а можно и совсем крошечное и в этом своем минимализме абсолютно показательное, рассказ «Фальшивый автостоп»⁷ из цикла с таким трудным для перевода названием, ну пусть, «Много смешной любви»⁸. Искренние чувства, ревность, привязанность и глупое желание все знать, попробовать... детское любопытство будут буквально выкупаны в дешевой водке случайной дорожной забегаловки и утоплены в немом сортире дешевого мотеля. Всего лишь дюжина страниц... дюжина в предчувствии и ожидании этого смыва во тьму, черную прорву, но мука ожидания... мука эквивалентная паре сотен. Кундера!

За что? За слабость. И самого автора, и читателя. За вечную и неизбывную незащищенность перед романтикой, перед мечтой, соблазном... И необратимость ее последствий. За неисправимый дефект человеческой души. За ее всегдашнюю «открытость для удара». Так... да, наверное, можно перевести слова сказанные героем «Шутки», себя самого закономерно унасекомившим мстителем — «*danost parospas*», что, впрочем, понятны, пожалуй, и без всякого перевода любому русскому. Самым естественным образом, как «глокая куздра» и «штеко». «*Дáност нáпоспас*». Открытость произволу любых злых сил. Первая из которых сам Кундера, бесспорно. Хирург, производящий мучительное препарирование, вскрытие самого себя в анатомическом театре гипнотизирующей своей простотой, подобной синопсису черно-белой кинодрамы, прозы.

За это ему, конечно, и не дали Нобеля. Хотя, до того как окончательно мечты об этом литературном Олимпе на земле перечеркнули непрощенные скандалисты из журнала с названием, в контексте этой драмы звучащим саркастически — «*Respekt*», все для Нобеля у чешского писателя Милана

⁷ «*Falešný autostop*» (чеш.).

⁸ K u n d e r a M. Směšné lásky. Praha. «Československý spisovatel», 1970 (Русский перевод: Кундера М. Смешные любви. СПб., «Азбука», 2003).

Кундеры было. Полный шведский входной комплект. Аффидевит кандидата. Всегда и непременно предполагающий как политическую, так и душевную составляющие. За «яркую поэтическую прозу, обращающую взор к историческим травмам и обнажающую хрупкость человеческой души»⁹. Готовая формулировка для автора, выросшего в Моравии, прославившегося в Праге, чтобы затем уже в Париже писать попеременно то на чешском, то на французском. Лишь заменить «поэтическую» на «педагогическую»¹⁰, и вуаля. Готово! Подать сюда медаль. Но нет, она уходит к мадам Хан Ган, родившейся и живущей в Южной Корее.

Но почему? А потому, что не тот саспенс. Не богоугодный и чаемый, как в образце для подражания всем желающим немного хапнуть шведского золота «Старике и море» Эрнеста Миллера Хемингуэя. Саспенс, рожденный драмой, личной трагедией, а не прилежным чтением Евангелия, Корана или непосредственно скрижалей Моисея. Не умиляющий и возвышающий, чего-то там красивое впереди обещающий... а страшный. Как и положено саспенсу. Да и всему подлинному, невыдуманному, настоящему.

---

⁹ «for her intense poetic prose that confronts historical traumas and exposes the fragility of human life» <<https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2024/han/facts/>>.

¹⁰ Солоух С. Педагогическая проза. — «Новый Мир», 2017, № 7.

ПАВЕЛ ГЛУШАКОВ

«МЕДНЫЙ ВСАДНИК» И «ВИЙ»: АСПЕКТЫ СОПОСТАВЛЕНИЯ

Отверзлись вещие зеницы...

А. С. Пушкин «Пророк», 1826

И встает она из гроба...

А. С. Пушкин «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях», 1833

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа... <...> Он при самом начале своем уже был национален, потому что истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа...»

Н. В. Гоголь, «Несколько слов о Пушкине», 1832

«Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание».

Н. В. Гоголь, «Вий», 1833

В книге об авторе и читателях «Медного всадника» говорится: «Вопрос о творческих связях и перекличках Пушкина и Гоголя волновал многие поколения филологов¹; разнообразные наблюдения на этот счет могут составить целый том (а может, не один). Для нас же главный интерес заключен в том, что петербургские повести Гоголя — и прежде всего „Шинель“ — открыли важный этап в литературной и читательской судьбе „Медного всадника“, который прошёл под знаком строк из Второй части поэмы:

Но бедный, бедный мой Евгений...
Увы! его смятенный ум
Против ужасных потрясений
Не устоял.

Глушаков Павел Сергеевич родился в 1976 году в Риге. Доктор филологических наук, специалист по истории русской литературы XIX и XX веков, автор книг и статей, опубликованных в России и за рубежом. Постоянный автор журналов «Вопросы литературы», «Новое литературное обозрение» и других. Основные работы посвящены творчеству Василия Шукшина. Постоянный автор «Нового мира». Живет в Риге.

¹ «Примирительную» позицию занял, кажется, один только Г. А. Гуковский, который (в споре о влиянии Пушкина на Гоголя) отказался решать проблему «кто из двух гениальных людей повлиял здесь (речь об изображении Петербурга — П. Г.) на другого и было ли здесь вообще какое-либо влияние». — Гуковский Г. А. Реализм Гоголя. М.; Л. ГИХЛ, 1959, стр. 261.

В гоголевском Петербурге, равномерно залитом светом из ламп „демона”, герой нигде не уберется — ни на Невском, ни на окраинах...»²

Любопытно, что читательское и исследовательское сознание легко уходило в социальные сопоставления, так сказать, «по направлению к „Шинели”»³, пропуская один очень важный этап, представленный другим гоголевским текстом — «Вием». Это и понятно: превращение несчастного Башмачкина в ночное привидение осуществилось только в финале повести Гоголя и лишь придавало реалистическому повествованию элементы фантастического гротеска. В «Вие» переплетение мистических, демонических и фольклорных стихий почти совершенно вытеснило излюбленные русской критикой социальные элементы, и повесть о «маленьком человеке» Евгении, казалось бы, совсем отдалилась от барочного рассказа о семинаристе Хоме. Правда, и тут возникла было одна только фраза («Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе»⁴), но тут же и погасла, будучи обрамлена описанием неземной красоты мертвой панночки, лежащей в гробу. Какой уж тут «угнетенный народ» в сопряжении с «рубинами уст» проклятой ведьмы!

И все же наиболее проницательные исследователи интуитивно глянули на «Вия», преодолевая негласный запрет («Не гляди!»). Н. К. Пиксанов обмолвился, что гоголевские «украинские повести такие же петербургские, как и все остальное»⁵, а Андрей Белый разглядел «необузданный, беспричинный в Гоголе страх», страх перед Петербургом, городом, который «разбил Гоголя; и он уцепился за иронию, как за средство самозащиты». У Гоголя, продолжает Белый, «доминирует... не смех, а страх; самый смех здесь — выражение ужаса». Далее Белый пишет: «...отсюда у Гоголя ненатуральность гротеска в рассказах, изображающих Петербург; подчеркнуты и растер, и раздир; не смех, не юмор и не ирония: оскал, дичь, бред — тенденция стиля; тенденция самого смеха». Сам мотив *бегства*⁶ Гоголя из «северной столицы», по Белому, выдуман «для излече-

² Основат А. Л., Тименчик Р. Д. «Печальну повесть сохранить...»: Об авторе и читателях «Медного всадника». М., «Книга», 1985, стр. 90.

³ См.: Фридман Н. В. Влияние «Медного всадника» Пушкина в «Шинели» Гоголя. — Искусство слова. Сб. ст. к 80-летию чл.-корр. АН СССР Дмитрия Дмитриевича Благого. М., «Наука», 1973, стр. 170 — 176. В этой интересной работе совсем не затронута тема общая для двух этих произведений — тема милосердия. Ср., например: «Злые дети / Бросали камни вслед ему. / Нередко кучерские плети / Его стегали...» и «Молодые чиновники подсмеивались и острились над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории; про его хозяйку, семидесятилетнюю старуху, говорили, что она бьет его, спрашивали, когда будет их свадьба, сыпали на голову ему бумажки, называя это снегом. Но ни одного слова не отвечал на это Акакий Акакиевич, как будто бы никого и не было перед ним; это не имело даже влияния на занятия его: среди всех этих докум он не делал ни одной ошибки в письме. Только если уж слишком была невыносима шутка, когда толкали его под руку, мешая заниматься своим делом, он произносил: „Оставьте меня, зачем вы меня обижаете?”» Плеть же появляется в финале «Шинели», когда уже умерший несчастный Акакий Акакиевич является «значительному лицу», а его кучер замахивается на привидение *кнутом*.

⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 томах. М.; Л., Издательство АН СССР, 1937. Т. 2, стр. 186. Далее цитаты даны по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁵ Пиксанов Н. К. Украинские повести Гоголя. — Пиксанов Н. К. О классиках. М., «Московское товарищество писателей», 1933, стр. 46. См. также: Дерюгина Л. В. «Вий» как петербургская повесть. — Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., ИМЛИ РАН, 2009, стр. 308 — 332. Об испытанных в «Вие» возможностях «словесных трансформаций» обмолвилась М. Н. Виролайнен, указав на «тайную связь» «Вия» и «Невского проспекта» (Виролайнен М. Н. Гоголь и Лермонтов (проблема стилистического соотношения). — Лермонтовский сборник. Л., «Наука», 1985, стр. 122 — 123).

⁶ Ср.: «И вдруг стремглав / Бежать пустился» в «Медном всаднике» и тщетную попытку бегства Хомы в «Вие».

ния от приступов непонятной тоски <...> ...тема дорожного бегства становится бегством из мира, переходящим в бред»⁷.

Ю. В. Манн писал о «вторжении „чужого“ жанра в передаче чувств Хомя Брута, когда тот смотрит на мертвую красавицу»⁸, а В. Э. Вацуро призывал изучать повесть Гоголя в широком контексте сопоставления целостных художественных систем⁹. Это позволяет вводить в сопоставительный план произведения, казалось бы, нерелевантные для творческих поисков Гоголя, тем более что в случае с «Медным всадником», впервые напечатанным с изъятиями в 1837 году, неясно, был ли известен Гоголю, написавшему «Вий» в 1833 г., текст пушкинской «петербургской повести»¹⁰.

Наше сопоставление менее всего «концепционно»; предлагается лишь обратить внимание на текстовые схождения, а уже степень их закономерности, векторы «заимствований» или выявление прямых влияний одного текста на другой — это уже совершенно отдельная проблема¹¹. Сами эти сближения тоже неравноценны: от ослабленных до иногда буквальных словоупотреблений.

Примером первого рода может служить мотив устремленного в будущее взгляда, брошенного Петром, который пронизывает исторические судьбы России:

На берегу пустынных волн
Стоял он, дум великих полн,
И вдаль глядел¹².

В «Вие» тоже явлено такое «вещное зрение», правда, более локальное, исходящее от инфернального существа, хтонической¹³ сущности: «Тяжело ступал он... <...>

⁷ Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., ГИХЛ, 1934, стр. 180 — 190.

⁸ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя. 2-е изд. М., «Художественная литература», 1988, стр. 19.

⁹ Вацуро В. Э. Из наблюдений над поэтикой «Вия» Гоголя. — Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., «Наука», 1976, стр. 311.

¹⁰ См. письмо Гоголя к М. А. Максимиовичу с упоминанием «Медного всадника»: «Я говорил Пушкину о стихах. Он написал путешествуя две большие пьесы, но отрывков из них не хочет давать, а обещается написать несколько маленьких» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 томах. М.; Л., Издательство АН СССР, 1940. Т. 10, стр. 288). Не исключено, что, получив от царя замечания, Пушкин счел себя не вправе знакомить друзей с текстом поэмы.

¹¹ Для Гоголя были важны «перспективные ориентиры», намеченные именно в «Медном всаднике»: как из пустынных берегов вознесся Петербург («Прошло сто лет, и юный град...»), так и Пушкин «раздвинул... границы и более показал всё... пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится чрез двести лет» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 томах. М.; Л., Издательство АН СССР, 1952. Т. 8, стр. 50). В процитированной статье «Несколько слов о Пушкине» Гоголь употребляет выражение «круг обступившей его толпы», которое кажется читателю «Вия» очень знакомым. Так что наш сопоставительный сюжет дает некоторый материал для темы «Гоголь — читатель / слушатель Пушкина».

¹² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 16 томах. М.; Л., Издательство АН СССР, 1948. Т. 5, стр. 135. Далее цитаты даны по этому изданию с указанием страниц в скобках.

¹³ См. пронизательное замечание о том, что «подземное происхождение имеет и большинство гоголевских чудовищ, во главе с „земляным человеком“ Вием. Они то выходят из-под земли, сотрясая землю, то увлекают людей к ее недрам...» (Виролайнен М. Страх и смех в эстетике Гоголя. — Семиотика страха. М., «Европа», 2005, стр. 127). «Земляное» явно противопоставлено каменному / металлическому как «проницаемое» vs «непроницаемое». Заметим, что Евгения преследует медный всадник только по «потрясенной мостовой», то есть по поверхности, покрытой (мощеной) камнем. У Гоголя же все «рыхлое», «земляное», один только палец у Вия железный (будто *позаимствованный* у иного мира), и именно это металлическое и «прорывает» невидимую защиту Хомя.

— Подымите мне веки: не вижу! — сказал подземным голосом Вий и все сонмище кинулось подымать ему веки»¹⁴ (217).

Такое ритуально-торжественное действие-свершение (вместе с мотивом «тяжелой поступи») чем-то сходно с пушкинским: «Природой здесь нам суждено / В Европу прорубить окно, / Ногою твердой стать при море». Связь *окна* и *глаза* была уловлена еще современниками петровских новаций: «Петербург — это глаз России, которым она смотрит на цивилизованные страны, и если этот глаз закрыть, она опять впадет в полное варварство»¹⁵.

Герои «Медного всадника» и «Вия» находятся на пороге главных своих свершений, а их центральная «функция» как раз и заключается в мыслительном зоре, «взгляде-плане», который позволит разглядеть пока еще невидимое остальными, предвидеть появление того, что явится спустя сто лет. Эти избранные персонажи занимают центральное и исключительное положение и пребывают в сходных пространственных положениях: Петр на *пределе* своей становящейся империи (на границе суши и моря), а Вий на той черте, которая пока еще *ограждает* Хому Брута, делая его невидимым. Но через мгновение оба героя преодолеют эту границу¹⁶.

Любопытно, что пространственные модели «Вия» и «Медного всадника» структурно однородны. Движение вокруг, хождение по кругу, граница вне и внутри этой замкнутой сферы организует текстовую ткань Пушкина:

Кругом подножия кумира
Безумец бедный обошел
И взоры дикие навел
На лик державца полумира (147—148).

¹⁴ Все это явление Вия чем-то неуловимо напоминает другое явление — из пушкинской «Полтавы» (с ее *украинской* темой). Ср.: «Его привели под руки и прямо поставили к тому месту, где стоял Хома <...>

— Вот он! — закричал Вий и уставил на него железный палец» и «И перед синими рядами / Своих воинственных дружин, / Несомый верными слугами, / В качалке, бледен, недвижим, / Страдая раной, Карл явился. / Вожди героя шли за ним. / Он в думу тихо погрузился. / Смушенный взор изобразил / Необычайное волнение. / Казалось, Карла приводил / Желанный бой в недоуменье... / Вдруг слабым манием руки / На русских двинул он полки».

¹⁵ См. также: «Но о чем же мне написать Вам прежде остального, как не об этом городе, об этом огромном окне, — так бы я сказал, — недавно распахнувшемся на Севере, через которое Россия может взирать на Европу?...» (Альгаротти Ф. Русские путешествия. — «Невский альманах: Историко-краеведческий сборник». СПб., «Феникс», 1997. Т. 3, стр. 238 — 264). См. также: Неклюдова М. С., Осповат А. Л. «Окно в Европу»: Источниковедческий этюд о «Медном Всаднике». — Лотмановский сборник П. М., ОГИ, 1997, стр. 255 — 272. См. также: «„Петербургские повести“ — это окно в Европу, которое — по Гоголю — оказалось прорублено петровским топором в дыру бездушия. В дыру хлынул мертвый, холодный свет цивилизации, и повалили мириады карет со значительными лицами, кони скакали по трупам и душам. <...> Петербург, как Вий, подымает веки и смотрит мертвым холодным взглядом белых ночей» (Козинцев Г. М. Собр. соч. в 5 томах. Л., «Искусство», 1986. Т. 5, стр. 185 — 186).

¹⁶ Этим персонажам дана большая внутренняя свобода, ведь они, в сущности, не авторские творения, а создания самой жизни, о чем непосредственно было заявлено в пушкинском предисловии («Происшествие, описанное в сей повести, основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом» (133)) и гоголевском примечании («Вий — есть колоссальное создание простонародного воображения. Таким именем называется у малороссиян начальник гномов, у которого веки на глазах идут до самой земли. Вся эта повесть есть народное предание. Я не хотел ни в чем изменить его и рассказываю почти в такой же простоте, как слышал» (175)). Эти оговорки необычайно сближают статус их авторов, создающих не столько оригинальное литературное произведение, сколько предлагающих один из вариантов известной истории, которая идет, в сущности, по еще одному бесконечному кругу.

У Гоголя: «В страхе очертил он около себя круг» (208). Круговое вращение в соединении с мотивом «взоров диких», а также ощущением страха, столь важного и непроходящего в системе эмоционального напряжения, в котором находятся герои двух произведений, создает в некотором роде целостное впечатление, что персонажи Пушкина и Гоголя почти одинаково реагируют в сходных сюжетных ситуациях.

Например:

Стеснилась грудь его. Чело
К решетке холодной прилегло,
Глаза подернулись туманом,
По сердцу пламень пробежал,
Вскипела кровь. Он мрачен стал
Пред горделивым истуканом
И, зубы стиснув, пальцы сжав,
Как обуянный силой черной,
«Добро, строитель чудотворный! —
Шепнул он, злобно задрожав, —
Ужо тебе!..» И вдруг стремглав
Бежать пустился¹⁷. (148)

В «Вие»: «Она была страшна. Она ударила зубами в зубы и открыла мертвые глаза свои¹⁸. Но, не видя ничего, с бешенством — что выразило ее задрожавшее лицо — обратилась в другую сторону и, распростерши руки, обхватывала ими каждый столп и угол, стараясь поймать Хому. Наконец, остановилась, погрозив пальцем¹⁹, и легла в свой гроб» (208).

Эта угроза имеет разные побудительные причины, но выражена в одном эмоциональном плане, когда человек, лишенный возможности разрешить назревшие противоречия, прибегает к отчаянному жесту, так сказать, последнему экспрессивному проявлению, за которым уже нет и не может быть примирения. После таких «эмблематических» предупреждений/угроз конфликт переходит в вопрос жизни и смерти. Это в некоторой степени вызов на бой, последний поединок.

Такой поединок имеет, как это ни удивительно, сходные причины: поруганную честь, растоптанную любовь (как ни парадоксально говорить об этом, применительно к отношениям Хомя и панночки). Узнавание, опознавание своего врага, всматривание в его лицо (здесь Пушкин и Гоголь употребляют слово «чело») усложняется тем, что, собственно, Евгений и Хома рассматри-

---

¹⁷ Ср.: «Затрепетал, как древесный лист, Хома: жалость и какое-то странное волнение и робость, неведомые ему самому, овладели им; он пустился бежать во весь дух. Дорогой билось беспокойно его сердце, и никак не мог он истолковать себе, что за странное, новое чувство им овладело» (188).

¹⁸ Ср. в «Светлане» Жуковского:

Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнитися,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится... <...>
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...

(Жуковский В. А. Стихотворения. Л., «Советский писатель», 1956, стр. 296).

¹⁹ Образ страшных пальцев с острыми ногтями постоянно возникает в «Вие» («царапали с визгом когтями по железу», «шум от крыл и от царапанья когтей»). Возможно, эта деталь передает сакральную сущность мертвой панночки, не названной нигде по имени, но именуемой отцом «нагидочкой», то есть «цветком календулы», в просторечии *ноготком*.

вают не человека, а уже иную, «постчеловеческую» сущность — медную / бронзовую статую и мертвую ведьму:

Евгений вздрогнул. Прояснились
В нем страшно мысли. Он узнал
И место, где потоп играл,
Где волны хищные толпились,
Бунтуя злобно вокруг него,
И львов, и площадь, и того,
Кто неподвижно возвышался
Во мраке медною главой,
Того, чьей волей роковой
Под морем город основался...
Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нем сокрыта! (147)

«Трепет побежал по его жилам: пред ним лежала красавица, какая когда-либо бывала на земле. Казалось, никогда еще черты лица не были образованы в такой резкой и вместе гармонической красоте. Она лежала как живая. Чело, прекрасное, нежное, как снег, как серебро, казалось, мыслило; брови — ночь среди солнечного дня, тонкие, ровные, горделиво приподнялись над закрытыми глазами, а ресницы, упавшие стрелами на щеки, пылавшие жаром тайных желаний; уста — рубины, готовые усмехнуться... Но в них же, в тех же самых чертах, он видел что-то страшно пронзительное. Он чувствовал, что душа его начинала как-то болезненно ныть, как будто бы вдруг среди вихря веселья и закружившейся толпы запел кто-нибудь песню об угнетенном народе. Рубины уст ее, казалось, прикипали кровию к самому сердцу. Вдруг что-то страшно знакомое показалось в лице ее. — Ведьма! — вскрикнул он не своим голосом, отвел глаза в сторону, побледнел весь и стал читать свои молитвы» (199).

Осознание ужаса при одновременном признании силы противостоящей тебе сущности роднит наших героев. Как писал Ю. В. Манн, «усложнение амбивалентности — вообще довольно постоянный момент в гоголевской поэтической философии»²⁰. То же и у Пушкина: «волны хищные» и хищные изваяния львов сопряжены им по такому же двойственному принципу: реальное — ирреальное, фантастическое — действительное как бы скользят в пределах разных контекстов, становясь то обычным описанием реального пейзажа, то ирреальным знаком inferнального пространства. Маркером подобного «перехода» становится неземное свечение, переливание, мерцание: «Робкое полночное сияние, как сквозное покрывало, ложилось легко и дымилось на земле. Леса, луга, небо, долины — все, казалось, как будто спало с открытыми глазами. Ветер хоть бы раз вспорхнул где-нибудь. В ночной свежести было что-то влажно-теплое. Тени от дерев и кустов, как кометы, острыми клинами падали на отлогую равнину. Такая была ночь, когда философ Хома Брут скакал с непонятным всадником²¹ на спине. Он чувствовал какое-то томительное, неприятное и вместе сладкое чувство, подступавшее к его сердцу. Он опустил голову вниз и видел, что трава, бывшая почти под ногами его, казалось, росла глубоко и далеко и что сверх ее находилась прозрачная, как горный ключ, вода, и трава казалась дном какого-то светлого, прозрачного до самой глубины моря;

²⁰ Манн Ю. В. Поэтика Гоголя, стр. 19.

²¹ Образ всадника нередок у Гоголя, но нас интересует не всякий «конный путешественник», а inferнальное существо, вмешивающееся в судьбу персонажа. См., например, такой образ в «Страшной мести» (1831): «Тучи разом очистились, и перед ним показался в страшном величии всадник... Он силится остановиться, крепко натягивает удила; дико ржал конь, подымая гриву, и мчался к рыцарю. Тут чудится колдуну, что все в нем замерло, что недвижный всадник шевелится и разом открыл свои очи; увидел несшегося к нему колдуна и засмеялся».

по крайней мере, он видел ясно, как он отражался в нем вместе с сидевшею на спине старухою. Он видел, как вместо месяца светило там какое-то солнце; он слышал, как голубые колокольчики, наклоняя свои головки, звенели. Он видел, как из-за осоки выплывала русалка, мелькала спина и нога, выпуклая, упругая, вся созданная из блеска и трепета» (186).

Фантастическая русалка соотносима здесь с аллегорическим, но все же неземным тритоном («И всплыл Петрополь, как тритон, / По пояс в воду погружен» (140)), а полночное сияние прямо соотносится с торжественными строками «Медного всадника» («<...> Прозрачный сумрак, блеск безлунный...» (136)).

Здесь читатель гоголевского «Вия» отсылается к первой встрече Хома Брута с ведьмой: «Философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались; и он с ужасом увидел, что даже голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах. Он слышал только, как билось его сердце; он видел, как старуха подошла к нему, сложила ему руки, нагнула ему голову, вскочила с быстротою кошки к нему на спину, ударила его метлой по боку, и он, подпрыгивая, как верховой конь, понес ее на плечах своих. Все это случилось так быстро, что философ едва мог опомниться и схватил обеими руками себя за колени, желая удержаться ноги; но они, к величайшему изумлению его, подымались против воли и производили скачки быстрее черкесского бегуна. Когда уже минули они хутор и перед ними открылась ровная лощина, а в стороне потянулся черный, как уголь, лес, тогда только сказал он сам в себе: „Эге, да это ведьма”» (185 — 186).

Перед нами картина сниженного и профанированного описания конной скачки: «вскочила на спину», «ударила по боку», «как верховой конь», «скачка». Но это же и описание скульптуры медного всадника и его лошади:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта? (147)

Позднее в «Вие» появится и само слово: «...Хома Брут скакал с непонятным всадником²² на спине» (186).

Замена «властелина» на «ведьму» происходит почти незаметно, но подготавливалась всем контекстом произведений, наполненных подобными превращениями²³. У Гоголя появится даже описание визуального карнавала; частью

²² Затем всадник и ведьма меняются местами — всадником становится Хома: «Наконец с быстротою молнии выпрыгнул из-под старухи и вскочил, в свою очередь, к ней на спину. Старуха мелким, дробным шагом побежала так быстро, что всадник едва мог переводить дух свой». Подобная метаморфоза есть и в «Медном всаднике»: всадник — Петр и всадник — Евгений:

Тогда, на площади Петровой,
Где дом в углу вознесся новый,
Где над возвышенным крыльцом
С подъятой лапой, как живые,
Стоят два льва сторожевые,
На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений.

²³ Однородный элемент, попадая в разный контекст, получает иное объяснение; так, в сцене первого явления панночки-старухи «философ хотел оттолкнуть ее руками, но, к удивлению, заметил, что руки его не могут приподняться, ноги не двигались» (ср. с «Медным всадником»: «И он, как будто околдован, / Как будто к мрамору прикован, / Сойти не может!»). Хома понимает, что здесь совершается колдовство потому, что внешние проявления его «блокированы» («...голос не звучал из уст его: слова без звука шевелились на губах...»), тогда как внутренние способности остаются в неприкосновенности («...слышал только, как билось его сердце...»). Затем в сцене в корчме, «когда философ вздумал подняться из-за стола, то ноги его сделались как будто деревянными...», но мистические объяснения тут неуместны — Хома напился.

его будет «коллаж», который, будучи собран воедино, даст образ всадника, нарисованного на стене погребя: «Несколько амбаров в два ряда стояли среди двора, образуя род широкой улицы, ведущей к дому. За амбарами, к самым воротам, стояли треугольниками два погребя, один напротив другого, крытые также соломой. Треугольная стена каждого из них была снабжена низенькою дверью и размалевана разными изображениями. На одной из них нарисован был сидящий на бочке козак, державший над головою кружку с надписью: „Все выпью“. На другой фляжка, сулеи и по сторонам, для красоты, лошадь, стоявшая вверх ногами, трубка, бубны и надпись: „Вино — козачья потеха“. Из чердака одного из сараев выглядывал сквозь огромное слуховое окно барабан и медные трубы. У ворот стояли две пушки. Все показывало, что хозяин дома любил повеселиться и двор часто оглашали пиршественные клики» (194).

Изображение это, как ни парадоксально, отсылает к временам Петра Великого, а именно к его Всешутейшему собору, а также многочисленным и разнообразным празднествам и «триумфам», когда по городским улицам следовали своеобразные процессии: «...верхом на бочке сидел Бахус, держа в правой руке большой бокал, а в левой посудину с вином»²⁴. Это была маскарадная пародия на церковное богослужение, вывернутое наизнанку, в котором менялись местами верх и низ («лошадь, стоявшая вверх ногами»). Вертикальной доминантой такой процессии была фигура князь-папы, возвышающаяся на пьедестале под сенью раскрытого балдахина или зонта («...во всю стену стояло какое-то огромное чудовище... Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря...»).

Маскарад в Москве по случаю празднования Ништадского мира. Гравюра по рисунку А. Шарлеманя, 1722 г.

Фигура, сидящая на бочке, также напоминает панночку, сидящую в гробе²⁵. Этот образ подкрепляется еще и тем, что «хмельные процессии» петровского времени проходили либо в санях («седа на санех»), либо в ладье, имитируя водное плавание²⁶. Медные трубы и «пиршественные клики» также отсылают к торжественным пирам «Медного всадника»:

Все флаги в гости будут к нам,
И запируем на просторе. (135)

²⁴ Цит. по кн.: Панченко А. М. О русской истории и культуре. СПб., «Азбука», 2000, стр. 166.

²⁵ Здесь также явное несоответствие, «несуразица»: в гробу нельзя сидеть.

²⁶ Здесь очевидна метаморфоза «хмельной корабль» и корабль — символ Церкви. Сидящий на бочке Бахус — образ рулевого, который *не видит*, куда направляет свое судно.

А лошадь, перевернутая вверх ногами²⁷, станет «переосмыслением» (проекцией²⁸) фальконетовской скульптуры. Сравните, например, с рисунком Пушкина, названным условно «Конь на скале» («Конь, сбросивший всадника»).

По мнению исследователя пушкинских рисунков, на этом изображении «с постамента исчезает Петр, но не вместе с конем, как в окончательной редакции, а один, то есть Евгения преследует бронзовая фигура Петра, как мраморная фигура Командора убивает Дон-Жуана в „Каменном госте”»²⁹. Также Эфросом подчеркивается „пародийный» характер изображения, что сближает его, в какой-то мере, с описанным у Гоголя. Рисунок Пушкина сделан на полях поэмы «Тазит», которая начинается эпизодом оплакивания стариком Гасубом убитого сына (в «Вие» — это «мрачная грусть» сотника, горюющего в своем доме об убитой дочери):

В родимой сакле он лежит.
Обряд творится погребальный.

См. также знаменательный вывод исследователей пушкинской графики о том, что трещина в подножии изображенного памятника напоминает «след тяжелой поступи покинувшего седло статуи героя»³⁰. Ср.: «...раздались тяжелые шаги... <...> Тяжело ступал он»³¹.

²⁷ Возможно, перед нами не что иное, как зеркальное отражение: лошадь, увиденная в своем водном отражении: «На берегу пустынных волн...»

²⁸ По такому принципу, кажется, организованы сопоставляемые произведения: месть за смерть — отправная точка (центр проекции), но в «Медном всаднике» мстит человек, а в «Вие» мстят человеку.

²⁹ Эфрос А. Рисунки поэта. М., «Academia», 1933, стр. 423.

³⁰ Денисенко С. В., Фомичев С. А. Пушкин Рисует. Графика Пушкина. СПб., «N.Y.: Нотабене, Туманов & Ко.», 2001, стр. 105.

³¹ Роман Якобсон описал мотив ожившей статуи, одним из главных элементов которого является безуспешный бунт человека и его гибель в результате вмешательства статуи, «которая чудесным образом приходит в движение» (Якобсон Р. Статуя в поэтической мифологии Пушкина. — Якобсон Р. Работы по поэтике. М., «Прогресс», 1987, стр. 149). Этот мотив (с известной долей условности) есть и в «Вие», по крайней мере, «тяжелые шаги» гоголевского монстра могут быть соотнесены с финальным эпизодом «Каменного гостя»:

С т а т у я
Дай руку.
Д о н Г у а н
Вот она... о, тяжело
Пожатье каменной его десницы!
Оставь меня, пусти — пусти мне руку...
Я гибну — кончено — о Дона Анна!

Проваливаются.

Гоголевская игровая стихия³², кажется, проявилась тут во всю свою силу³³. Иными словами, мир мистических метаморфоз так или иначе дает о себе знать в пространстве *динамических* поэтических метафор, в которых завывание ветра (обычная и даже стертая поэтическая величина) тут же претворяется в реальное завывание волка (но и здесь реальное вновь и уже в который раз «превращается» в мистическое: «это *не* волк»):

<...> ветер выл не так уныло
И чтобы дождь в окно стучал
Не так сердито...
Сонны очи
Он наконец закрыл. И вот
Редет мгла ненастной ночи
И бледный день уж настает...
Ужасный день! (140)

«Идя дорогою, философ беспрестанно поглядывал по сторонам и слегка заговаривал с своими провожатыми. Но Явтух молчал; сам Дорош был неразговорчив. Ночь была адская. Волки³⁴ были вдали целою стаей. И самый лай собачий был как-то страшен.

— Кажется, как будто что-то другое воет: это не волк, — сказал Дорош.

Явтух молчал. Философ не нашелся сказать ничего» (215 — 216).

На следующем витке этой изощренной игры поэтические сравнения (организованные союзами «как» и «словно») являются «во плоти» в виде фантастических существ. При этом неизменно остается одно — образ окна, в которое проникают как *реальные* волны наводнения (у Пушкина), так и ирреальные «духи» (у Гоголя):

---

³² Стихийное отражается и на эмоциях гоголевского персонажа. Так, например, казалось бы, совсем отчаявшись, Хома неожиданно «закричал: „Музыкантов! непременно музыкантов!“ — и, не дождавшись музыкантов, пустился среди двора на расчищенном месте отплясывать тропака. Он танцевал до тех пор, пока не наступило время полдника, и дворя, обступившая его, как водится в таких случаях, в кружок, наконец плюнула и пошла прочь, сказавши: „Вот это как долго танцует человек!“» (215) Нечто подобное находим и в «Медном всаднике»:

Он остановился.
Пошел назад и воротился.
Глядит... идет... еще глядит.
Вот место, где их дом стоит;
Вот ива. Были здесь ворота —
Снесло их, видно. Где же дом?
И, полон сумрачной заботы,
Все ходит, ходит он кругом,
Толкует громко сам с собою —
И вдруг, удара в лоб рукою,
Захотел. (144 — 145)

³³ Если представить, что Гоголь мог карнавалю «переосмыслять» пушкинские детали, то можно обратить внимание на, казалось бы, незначимую подробность из финала «Вия»: хмельной звонарь утащил подошву от валявшегося на лавке сапога. Ср. в «Медном всаднике»: «Сидел недвижный, страшно бледный / Евгений. Он страшился, бедный, / Не за себя. Он не слышал, / Как подымался жадный вал, / Ему подошвы подмывая...»

³⁴ Ср. с описанием наводнения 1824 года, принадлежащим перу упомянутого в «Медном всаднике» графа Хвостова: «Вдруг море челюсти несытые открыло / И быстрю Неву, казалось, окрило; / Вода течет, бежит, как жадный в стадо волк, / Ведя с собой чад ожесточенных полк...» (Цит. по: Пушкин А. С. Медный всадник. Л., «Наука», 1978, стр. 268. «Литературные памятники»).

Нева вздувалась и ревела,
Котлом клокоча и клубясь,
И вдруг, как зверь остервенясь,
На город кинулась. <...>

Осада! приступ! злые волны,
Как воры, лезут в окна. (140)

«И все, сколько ни было, кинулись на философа. <...> Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее вылететь, но не тут-то было: так и остались они там, завязнувши в дверях и окнах» (217).

Как тут не вспомнить образ прорубленного *окна в Европу* — как знак возможности и предостережения одновременно.

Наконец, когда в церкви, где читал молитвы Хома над гробом мертвой панночки³⁵, раздались тяжелые шаги (ср. с пушкинским: «Бежит и слышит за собой — / Как будто грома грохотанье — / Тяжело-звонкое скаканье / По потрясенной мостовой» (148)) и явилось существо с железным лицом³⁶ (в «Медном всаднике»: «Показалось / Ему, что грозного царя, / Мгновенно гневом возгоря, / Лицо тихонько обращалось...» (148)) и указало на философа железным своим пальцем («О мощный властелин судьбы! / Не так ли ты над самой бездной / На высоте, уздой железной / Россию поднял на дыбы?» (147)), герой бездыханный грянулся на землю, и тут же вылетел дух³⁷ из него от страха³⁸. А к месту, где все это произошло, никто не найдет теперь дороги.

³⁵ Ср. с мотивом потревоженного праха в «Медном всаднике»:

Гроба с размытого кладбища
Плывут по улицам!
Народ
Зрит божий гнев и казни ждет. (141)

В «Сказка о мертвой царевне и о семи богатырях» есть мотив разбивания гроба и оживления мертвой девушки:

Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный,
И в хрустальном гробе том
Спит царевна вечным сном.
И о гроб невесты милой
Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг
Ожила.

³⁶ Деталь, увиденная глазами Хома («...лицо было на нем железное»), говорит о том, что это маска, надетая поверх настоящего лица: об этом косвенно свидетельствует грамматическая конструкция «на нем», а не «у него». Аналогично в «Медном всаднике» у «кумира» не лицо, а лик (скорее, в значении «изображение» лица): «И взоры дикие навел / На лик державца полумира». Живой человек имеет здесь дело с существом (или предметом в виде человека: «И столбик с куклою чугуной / Под шляпой с пасмурным челом, / С руками, сжатými крестом». «Евгений Онегин»), посредством маски принимающим вид человека («Мне день и ночь покоя не дает / Мой черный человек. За мною всюду / Как тень он гонится» — «Моцарт и Сальери», где есть имплицитный мотив «смертоносной статуи / скульптуры»: «Или это сказка / Тупой, бессмысленной толпы — и не был / Убийцею создатель Ватикана?»).

³⁷ Ср. причудливо нагнетаемую Гоголем омонимию: «...и тут же **вылетел** дух из него от страха. <...> Испуганные духи бросились, кто как попало, в окна и двери, чтобы поскорее **вылететь**...»

³⁸ Фому и Евгения роднит это леденящее душу чувство страха (о релевантном значении этого понятия см.: Лотман Ю. М. О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры. — Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., «Искусство-СПб», 2004,

Вся эта печальная история сопрягается с другой, в которой также за Евгением всю ночь мчался медный преследователь, «простерши руку в вышине». А после наш герой, проходя близ «той площади», «смущенных глаз не поднимал» («„Не гляди!“ — шепнул какой-то внутренний голос философу» (217)).

И именно у разрушенного домишки, похожего на черный куст («Весь был он в черной земле. Как жилистые, крепкие корни, выдавались его засыпанные землею ноги и руки»³⁹ (217)), на пустынном острове («Так навеки и осталась церковь с завязнувшими в дверях и окнах чудовищами»⁴⁰, обросла лесом, корнями, бурьяном, диким терновником; и никто не найдет теперь к ней дороги»⁴¹ (217)):

<...> У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога. (149)

В такой разнообразной амплитуде размышлений о сути и сущности власти над человеком, о природе страха, познания, смирения и бунта⁴² формировались два художественных произведения о бронзовом и железном властелинах и маленьком человеке, преследуемом ими. И хотя мы не располагаем надежными сведениями о знакомстве Гоголя с текстом «Медного всадника» в 1833 году, центральные семантические элементы «Вия» буквально пронизаны пушкинским поэтическим мироощущением. Потому не лишено резона предположение, высказывавшееся, например, Г. П. Макогоненко⁴³, что Гоголь знал заветное пушкинское произведение; было ли это чтение Гоголем рукописи «Медного всадника» или автор сам читал его вслух полностью или в отрывках — вопрос остается открытым.

Как известно, параллельно работе над «Медным всадником» Пушкин чрезвычайно интересовался «Отрывком» Адама Мицкевича, представляющим собой

стр. 664 — 666): философ испугался еще тогда, когда старуха-ведьма только *еще* сверкнула необыкновенным блеском своих глаз, а пушкинский герой сидит «страшно бледный» на льве *сторожевом*, который не может его оградить от несчастий. А между тем страх испытывают и инфернальные существа: после петушиного крика «испуганные духи» бросились прочь. Но Гоголь тут же снижает пафос этого всеобщего страха всего лишь одним предложением: «Она испугалась: ибо бабы такой глупый народ, что высунь ей под вечер из-за дверей язык, то и душа войдет в пятки». И если со страхом гоголевского героя все ясно (среди добродетелей бурсака бесстрашие не могло быть на первом месте), то для дворянина Евгения подобное поведение кажется неожиданным. Перед нами развивается, возможно, картина утраты героем своего достоинства, незначительной приметой чего становится утрата Евгением шляпы («Без шляпы, руки сжав крестом...») и замена ее картузом («Картуз изношенный сымал...»). Если шляпу с героя срывает сама стихия, то мешанский картуз он снимает уже сам.

³⁹ Ср. с эпизодом из «Мертвых душ» (слова изумленной Коробочки): «Нешто хочешь ты их откапывать из земли?»

⁴⁰ Перед нами, в сущности, еще одна статуарная композиция, напоминающая каменный памятник, правда, уже из другой эпохи. Слово «завязнувшими» открывает семантику «действия без продолжения», синонимичную выражениям «застрять», «увязнуть», «ни туда ни сюда» и др. Все эти смыслы актуализированы в памятнике П. Трубецкого Александру Третьему.

⁴¹ Ср. с еще одним монументом: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, / К нему не зарастет народная тропа».

⁴² В этой связи нелишне напомнить, что гоголевский герой наделен именем убийцы Цезаря. И Хома Брут гибнет в схватке с Виём — названным в авторском примечании «начальником гномов» (равно как и Евгений погибает в противоборстве с *императором*).

⁴³ См.: «...в ноябре-декабре Пушкин знакомит Гоголя с произведениями, написанными в Болдине, — с двумя петербургскими повестями: поэтической — „Медным всадником“ и прозаической — „Пиковой дамой“» (Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин. Л., «Советский писатель», 1985, стр. 41).

часть поэмы «Дяды»⁴⁴. Пушкин переписал для себя первое стихотворение «Отрывка» — «Олешкевич», намереваясь сделать перевод этого текста. В этом ему мог помочь Гоголь, который владел польским языком в совершенстве.

Именно в «Олешкевиче» можно увидеть мотивы, которые так или иначе станут релевантными для гоголевского «Вия», и одновременно будут актуальны для Пушкина с его интересом к теме петербургского наводнения:

Когда небо пламенеет от лютого мороза,
Оно вдруг посинеет, почернеет пятнами —
Подобно замерзшему лицу мертвеца,
Которое, отогрившись в комнате перед печью,
Но набравшись тепла, а не жизни,
Вместо дыхания отдает запах гниения. <...>
Слышу! ...там!.. вихри... уже подняли головы
С полярных льдов, как морские чудовища,
Уже сделали себе крылья из тучи,
Сели на волны, сняли с них оковы⁴⁵.

Этот причудливый мир Мицкевича отразился в мире пушкинского «Медного всадника» и — одновременно — через него или независимо от него — в гоголевском «Вие». Каменное («по потрясенной мостовой») и бронзовое объединялось с хтоническим⁴⁶ и железным, побеждало живое и смертное, загнанное в круг неразрешимых противоречий и отчаянных метаний⁴⁷. Оно всегда стремится оседлать человека, нагнать и загнать его, унижить и втоптать в землю. Здесь уже самые разнообразные варианты железного и/или удушающего (хтонического) инструментария: от пастернаковского «А за мною шум погони, / Мне наружу ходу нет» до «Мне на плечи кидается век-волкодав» О. Мандельштама.

Страх, свойственный человеку, актуализировал явную (град Петра — образ Петра — памятник Петру) и имплицитную (крик петуха — отречение апостола Петра) христианскую символику⁴⁸, благодаря которой, казалось бы, окон-

⁴⁴ Об этом см.: Шварцбанд С. А. А. Мицкевич и А. Пушкин, 1830 — 1833 гг.: К творческой истории создания «Медного всадника». — «Cahiers du monde Russe et soviétique», 1985. Vol. 26, N 3/4. P. 395 — 411; Stachurka M. „Jeździec miedziany” Aleksandra Puszkina a „Ustęp” III części „Dziadów” Adama Mickiewicza: próba sumarycznego spojrzenia. — Acta Polono-Ruthenica. 2003. VIII. S. 5 — 34; Ивинский Д. П. «Медный всадник» и «Отрывок» III части «Дядов». — Ивинский Д. П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений. М., «Языки славянской культуры», 2003, стр. 287 — 324; Душенко К. В. Два Петра и два Петербурга: Мицкевич и Пушкин. — «Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты», 2019, № 5(40), стр. 202 — 234.

⁴⁵ Пушкин А. С. Медный всадник, стр. 139; 142 (построчный перевод Н. К. Гудзия).

⁴⁶ Подземное постоянно сопрягается у Гоголя с лесным, inferнальным: мертвец — «огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу...», церковь «обросла лесом». Это же дикое и чуждое цивилизации и человеку пространство и в «Медном всаднике»; от леса, неведомого лучам (на месте будущего города), до преображения:

Прошло сто лет, и юный град,
Полнощных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво...

⁴⁷ Образ «безумца моего» встраивается в длинную цепь действительных (Батюшков) или объявленных таковыми (Чаадаев) русских «умалишенных», чьи поступки или сочинения, по слову Николая Первого, «смесь дерзкой бессмыслицы, достойной умалишённого» (цит. по: Лемке М. Николаевские жандармы и литература 1826 — 1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии. СПб., Издательство С. В. Бунина, 1908, стр. 413).

⁴⁸ Ср. также описание мертвеца: «Над ним держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря, с тысячью протянутых из середины клешей и скорпионных жал» и библейское: Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа? (1 Кор. 15:55). И все же не стоит преувеличивать роль религии для персонажей Пушкина и Гоголя. В «Вие» поражает

чательно завершённые истории приобрели повторяющуюся (круговую) сигнатуру, а погибший герой, попытавшийся сохранить свое достоинство и душу⁴⁹, приобрел шанс на жизнь вечную. Хотя бы в форме литературного персонажа Пушкина и Гоголя.

И еще одно обстоятельство, заключающееся как раз в этих персонажах: оба погибших героя (Евгений и Хома) представляют собой не столько социальную (намек на старинный род первого и «демократическое» происхождение второго), сколько нравственную проекцию их авторов — Пушкина, пошедшего на прямой «разговор» с императором, и Гоголя, двумя годами позже, в 1835-м, предьявившему зрителям (среди которых был и *сам император*) «Ревизора» с зеркалом-эпиграфом: «...рожа крива». Эти «свинные рыла вместо лиц» пришли в гоголевскую пьесу не без «оглядки» на монструозную физиогномику «Вия».

Создавая почти параллельно два столь необходимых для своего самовыражения произведения, Пушкин и Гоголь не только высказывались о волновавших их вопросах человеческой личности, но и определили предельный вектор собственной судьбы⁵⁰. Творец, взглянувший на неприглядную реальность («Не гляди!»), решившийся противостоять «замкнутому кругу» несвободы, бросивший вызов «гордому властелину» неминуемо платит за это жизнью.

В случае «Медного всадника» и «Вия» мы, скорее всего, имеем дело не только с примером «творческого диалога» (или прямого влияния одного произведения на другое⁵¹), а с явлением несколько иного рода: у творений Пушкина и Гоголя проявилась общая идея, «заветная» мысль, облекавшаяся в плоть литературных произведений. Иными словами, здесь удивительное соединение типологической общности и генетической связи⁵². Это не только диалог с другим автором и его текстом, но диалог в пространстве формирующейся большой русской литературы и ее *вечных* вопросов⁵³, то есть разговор не с прошлым и настоящим

отсутствие в церкви, где совершаются бесовские бесчинства, собственно священника, который явился уже после трагической развязки событий. Евгений грозит Петру, отлично понимая, что «Ужо тебе!» относится также к главе Церкви, коим был император после упразднения патриаршества.

⁴⁹ Свидетельством этого в пушкинском поэме является *любовь* Евгения к Параше, а также образ автора, буквально поющего гимн родному городу: «Люблю тебя, Петра творенье, / Люблю твой строгий, стройный вид... <...> Люблю зимы твоей жестокой / Недвижный воздух и мороз... <...> Люблю воинственную живость / Потешных Марсовых полей...»

⁵⁰ Одним из героев «Медного всадника» является, несомненно, сам автор. Одна из его «характеристик» — пристрастие к ночному чтению («Люблю <...> Твоих задумчивых ночей / Прозрачный сумрак, блеск безлунный, / Когда я в комнате моей / Пишу, читаю без лампады...»). Этой же, правда, уже обязанностью занят гоголевский герой — он ночью читает над умершей псалтирь.

⁵¹ В «Вие», помимо «Медного всадника» как бы просвечиваются и другие пушкинские тексты. Ср.: «— Пусти, бабуся, переночевать. Сбились с дороги. Так в поле скверно...» и «Сбились мы. Что делать нам! В поле бес нас водит, видно...» («Бесы»).

⁵² Эта связь многоаспектна, актуализирует те или иные тексты, близкие по мотивным и структурным принципам. Так, при разговоре о «мистическом» элементе у Гоголя и Пушкина очевидна связь «Сна Татьяны» из пятой главы «Евгений Онегина» с гоголевским «Вием». Здесь и мотив страха, «больших похорон», на которых оказалась Татьяна, и общность конкретных деталей обитателей монструозного шабаша (нечеловеческий их вой, царапанье когтями и т.д.). Тут же и структурно повторенная деталь кругового движения, «обступания», окружения («Сидят чудовища кругом»), которое заканчивается указательным жестом «пальцев костяных»: «Всё указывает на нее, / И все кричат: моё! моё!» (подр. см. в моей кн.: Глушаков П. Мотив — структура — сюжет. М.; Екатеринбург, «Кабинетный ученый», 2020, стр. 196 — 199).

⁵³ О. А. Седакова в давней работе о пушкинской поэме задавалась примечательными вопросами: «„Медный Всадник“ — одна из знаменитых загадок Пушкина. Среди своего загадочного окружения — недописанных, недоговоренных и едва намеченных замыслов — „петербургская повесть“, законченная и отделанная, загадочна особенным образом. Зерно этой загадочности, я думаю, не в чем другом, как в неуловимости *идеи* центрального сюжетного конфликта. Ведь „Медный всадник“ — явно такое построение,

исключительно (что обычно для синхронного литературного процесса), а продолжающиеся, неоконченные поиски, потенциально актуализирующиеся на тех или иных исторических и культурных этапах в будущем. Однако «форма выражения» общей мысли была различной, потому-то эти художественные высказывания двух творцов получили разную (в том числе, рецепционную) судьбу. Если «Медный всадник» занял свое место среди вершинных достижений Пушкина, а его сложный (через запрет и посмертное опубликование) путь к читателю как бы стал естественным продолжением заложенного в самом тексте общественного посыла, то гоголевский «Вий» совершенно не был воспринят в качестве глубокого и личного высказывания писателя. Критика, пораженная и впечатленная этим «дивным созданием» (В. Белинский), не разглядела за гоголевской красочностью и стилиевой избыточностью того, что в небольшой поэме Пушкина было им столь очевидно. Имперская мощь города, узнаваемые знаки противостояния и доведенная в тексте «Медного всадника» до совершенства чеканная лапидарность формулировок, — все это сделало пушкинский текст «символом веры» русской интеллигенции. На таком блистательном фоне повесть Гоголя не была адекватно прочитана современниками⁵⁴. Но она того и не требовала, не претендовала на статус «программного произведения»⁵⁵. «Вий», создававшийся «в тени» Пушкина

главный интерес которого лежит в конфликте, в его развитии и разрешении. Между тем именно конфликт непонятен с самого начала. Можно примириться с тем, что предметом изображения выбран неразрешимый конфликт — но хотя бы знать, между какими силами он возникает и по какому поводу, что стоит за фигурами Петра и Евгения, каким образом связана с этими несоразмерными персонажами стихия наводнения, чем мотивировано их столкновение и его развязка, в чем его „мораль”?» (Седакова О. «Медный Всадник»: композиция конфликта. — Седакова О. Двухтомное собр. соч.. Т. II. М., «Эн Эф Кью», 2001, стр. 457). Представляется, что в этих вопросах может содержаться и *один* из ответов: суть конфликта, содержащегося в пушкинском тексте, аналогична тому, который присутствует в гоголевском «Вие», — это не только и не столько социальный, политический, идеологический конфликт, сколько *вечное противостояние* живого, человеческого и мертвого, нечеловеческого (инфернального, воплощенного в монструозные фигуры: от бронзового истукана до земляного чудовища). Примерно о том же пишет и Илья Серман, когда идет от частных наблюдений над темой «злости» в поэме. Ученый замечает, что в «Медном всаднике» «зло не только получило иную форму, оно от „надменного соседа”, из мира геополитики, как сказали бы в наше время, перенесено в мир природы. Носителем неугасающей злости становятся финские „волны”, то есть море, стихия, неукротимая и неподвластная государству и вообще человеческой власти». И делает проницательный вывод: «В „Медном всаднике” стихия — в данном случае Нева — представлена изначально как сила зла, и она разрушает судьбу Евгения и убивает Парашу. Но ведь Нева не виновата, что роковая воля Петра пленила ее и подчинила себе. История вступила в борьбу со стихией и выдержала ее самый страшный натиск, но не спасла Парашу и погубила Евгения.

В „Медном всаднике” природа как воплощение зла губит Евгения и покоряется государственной идее и ее материальному воплощению — Петербургу.

Природа в России всегда зла и только в лучшем случае — равнодушна» (Серман И. З. Тема зла в «Медном всаднике». — Коран и Библия в творчестве Пушкина. Иерусалим, 2000, стр. 157; 165 — 166).

⁵⁴ Ср. с одним «воспоминанием» Гоголя из собственной жизни: «...нерасчет поэта — нерасчет перед его многочисленную публику, а не перед собою. Он ничуть не теряет своего достоинства, даже, может быть, еще более приобретает его, но только в глазах немногих истинных ценителей. Мне пришло на память одно происшествие из моего детства. Я всегда чувствовал маленькую страсть к живописи. Меня много занимал писанный мною пейзаж, на первом плане которого раскидывалось сухое дерево. Я жил тогда в деревне; знатоки и судьи мои были окружающие соседи. Один из них, взглянувши на картину, покачал головою и сказал: „Хороший живописец выбирает дерево рослое, хорошее, на котором бы и листья были свежие, хорошо растущее, а не сухое”. В детстве мне казалось досадно слышать такой суд, но после я из него извлек мудрость: знать, что нравится и что не нравится толпе» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 томах. М.; Л., Издательство АН СССР, 1952. Т. 8, стр. 53 — 54).

⁵⁵ См. проницательное наблюдение В. М. Марковича о том, что «если Пушкина занимают великие дела преобразователя России и вызванные ими грандиозные исто-

и его «Медного всадника» (следованием за Пушкиным⁵⁶ и одновременно игрой с пушкинскими смыслами на грани пародирования их), стал пробой того Гоголя, который, выйдя из круга пушкинского притяжения⁵⁷, пойдет в дальнейшем по собственному пути — «по направлению» к «Мертвым душам», с (тщетной) попыткой их оживления не бунтом, а нравственной проповедью.

...Точки странного притяжения пушкинского и гоголевского художественных миров, кажется, нужно искать не в отражении, а в смешении, не в логической проекции, а в подмене, скачках алогичности. И тут интуитивные находки будут закономернее, чем систематические поиски: нечаянное и незаслуженное в таком пространстве приобретают законный статус, парадоксальное торжествует победу. Это хорошо показано в сценарии Виктора Шкловского по гоголевскому «Ревизору»: «*Сенатская площадь. <...> Вместо Петра на коне сидит в лавровом венке Хлестаков с простертой к небу рукой.*

Ветер треплет фалды его фрака.

Быстро бегут тучи по небу.

Хлестаков делает знак рукой.

Тучи идут в другую сторону.

Пьяное восторженное лицо Хлестакова»⁵⁸.

рические катаклизмы, то для Гоголя важнее отдаленные и малозаметные, на первый взгляд, последствия петровских преобразований в будничной жизни русских людей» (Маркович В. Петербургские повести Н. В. Гоголя. Л., «Художественная литература», 1989, стр. 129).

⁵⁶ За Пушкиным мерцала большая традиция изображения Петра Великого как «надчеловеческой» сущности; см., например, «Оду на Государя Петра Великого» (1755) Сумарокова:

От начала перва века

Такового человека

Не видало естество. <...>

Петр природу пременяет,

Новы души в нас влагает...

(Ежемесячные сочинения. 1755. Март, стр. 214).

Ср. у Гоголя: «...вылетел дух из него...» А уже последующая традиция подхватила гоголевские мистические мотивы: «Мы не можем открыть своих глаз, не можем сдвинуться с места, не можем оборотиться ни в одну сторону без того, чтобы везде не встретился с нами Петр, дома, на улице, в церкви, в училище, в суде, в полку, на гулянье, все он, все он, всякий день, всякую минуту, на всяком шагу! <...> Он видел все, обо всем думал и приложил руку ко всему...» (Погодин М. П. Петр Первый и национальное органическое развитие. — Петр Великий: pro et contra. СПб., РХГИ, 2003, стр. 251 — 252). Ср.: «И во всю ночь безумец бедный, / Куда стопы ни обращал, / За ним повсюду Всадник Медный / С тяжелым топотом скакал».

⁵⁷ См. апологетические, но косвенно критические слова о Пушкине в «Выбранных местах из переписки с друзьями»: «Со смертью Пушкина остановилось движение поэзии нашей вперед. <...> еще никто не может вырваться из этого заколдованного, им очерченного круга и показать собственные силы» (Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. в 14 томах. Т. 8, стр. 401). См. также: Вайскопф М. «Зачем так звучно он поет?»: Гоголь и Белинский в борьбе с Пушкиным. — Вайскопф М. Птица тройка и колесница души: Работы 1978 — 2003 годов. М., «Новое литературное обозрение», 2003, стр. 255 — 271).

⁵⁸ Шкловский В. Ревизор в кино. — «Литературная газета», 1934, № 126 (442), стр. 3.

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ

ГОСТЬ НА ПОГОСТАХ СЛОВ, ИЛИ РУССКИЙ ДАДАИЗМ

Борис Божнев. «Вниз по мачехе, по Сене». Парижские стихотворения 1920-х годов.
М., «Ад Маргинем Пресс», 2025. 112 стр. с илл.

Поэзия Бориса Божнева (1898 — 1969) — постоянный диалог с исчезновением. Это анархистская демонстрация одного человека, где вместо флагов — мокрые клочки газет, а вместо лозунгов — шепот: «я стою невидимый для них». Окурки, трамвайные билеты, обрывки чужих разговоров. Издание опубликованных и неопубликованных стихотворений включило и иллюстрации, его картины на дереве, среднее между росписью ставен и мексиканскими ретаблос, со вспышкой сюрреализма и особой душой одиноких вещей, требующей высокой риторики перспективы и дзенской лаконичности наива.

Борис Божнев в истории русской поэзии занимает место подобное тому, какое в живописи занимают мастера переходных эпох. Проведя уникальный эксперимент по скрещиванию классической русской лирики (от Пушкина до символистов; к допушкинской традиции Божнев не был особо чуток, и его пушкинизм заслуживает отдельного исследования) с радикальными поисками европейского модернизма, Божнев поставил поэзию в зазор между означающим и означаемым, где язык больше не может служить посредником между человеком и миром. Такова поэзия после катастрофы языка — тихая, почти беззвучная, как шаги одинокого человека в пустом доме.

Божнев — странный, неудобный лирик — обрел свой приют в Париже 1920-х. Но в отличие от Овидия он не ждал милости от судьбы. Его стихи — не жалобы изгнанника, а холодные, почти хирургические наблюдения человека, который смотрит на мир будто сквозь стекло, как в его манифесте:

Пишу стихи при свете писсуара,
со смертью близкой всё еще хитря...

Но это не стилизации. Божнев делает то же, что делали александрийские поэты: берет миф и показывает его изнанку. Его Орфей не выводит Эвридику из Аида — он сам становится тенью, блуждающей среди «навозных роз» парижских мостовых.

Его «Непорочное зачатие» (1921) — это не библейский сюжет, а история священной раны, беременности ангелом, то есть поэзией, где поэт — и жертва, и насильник одновременно. Впервые публикуемая поэма, посвященная Блоку — ключ к пониманию божневской поэтики. Как комментирует публикатор, «темой же публикуемой поэмы становится своего рода метемпсихоз: автор описывает, как душа умершего поэта нисходит на него и оплодотворяет поэтическим вдохновением». Но кажется, что это не столько оплодотворение, а некоторое переполнение Блоком, ужасающее, — и беременность здесь следует понимать как одну из шокирующих метафор: классическая форма наполняется невыносимым содержанием, но без эпатажа — с почти клинической точностью.

Поэт не описывает состояние — он заставляет нас его пережить: «И слушаю, и слушаю биенья, / Потягиванья, судороги в себе». Божнев не изображает рождение стихов — он заставляет язык осязать беременность в мужской грамматике. Эти строки требуют от читателя не интеллектуального понимания, а почти физиологического соучастия. Его церковь — это пространство чувственных впечатлений, гораздо более радикальных, чем у Блока, потому что уже не связанных с мифологией запретной любви: «Столб солнечный сиял

и колебался», «И фимиам клубился в алтаре». Даже явление ангела («И видел только крылья Гавриила») описано не как вопрос или испытание, а как физиологический шок: «И, падая без памяти и силы». Сакральное становится здесь вопросом не веры, даже не культуры, а восприятия.

И Мученик пронзенный улыбался
Ученикам, сидевшим вокруг стола

Это не кощунство — скорее холодное наблюдение человека, который смотрит на обряд со стороны и видит в нем что-то трогательное и чуть нелепое. Божнев сразу заполняет медицинскую карту на себя для небесной канцелярии. Его поэма — текстуальная операция по смене поэтического статуса с певца на писца, — и в этом жесте рождается новая поэтическая теология, где спасение возможно только через священное уродство собственного тела.

Стихи из книг «Обиды» и «Ежедневник» (1922 — 1923), некоторые из которых потом вошли в книгу «Борьба за несуществование», но полностью публикуемые впервые, открывают Божнева особого. Здесь вся эмигрантская тоска передана через почти детскую простоту образов, что внутри книги «Борьба за несуществование» видно хуже. Как тонко замечает в предисловии Константин Львов, Божнев превращает Париж 1920-х в своеобразный «объективный коррелят» (по Элиоту) — город становится материальным выражением внутреннего кризиса. В этих стихах нет «я» в привычном смысле. Есть наблюдатель, который фиксирует повседневность, оставаясь человеком-невидимкой. Даже смерть у него — не драма, а что-то вроде нелюбимой, но любящей служанки («всем поможет простая услуга / нелюбимой, но любящей смерти...»). Божнев не ностальгирует по России и не восторгается Францией. Он просто живет в пространстве, где все временно, даже тоска.

В цикле «Утешения», который полностью печатается по рукописи только в этой книге, создает поэзию радикальной обнаженности — не эмоциональной, а экзистенциальной. Его стихи похожи на хирургические инструменты, разложенные на стерильном столе: «лошадиный парадиз» с крыльями, привязанными к скелету, старость, измеряемая алфавитом, любовь, разделенная деревянным столиком. Это не метафоры в привычном смысле, а скорее прямые проекции внутреннего состояния на внешний мир, где лицо становится полем потрав, а счастье — мухой на стекле души.

Особенность этих текстов — в их парадоксальной «непоэтичности» при абсолютной поэтической точности. Когда Божнев пишет о поседевшей лошади или старых брюках, он не придает им символического значения — он фиксирует их как факты языка. Даже смерть у него лишена пафоса: она «сидит под медною цепочкой... <...> / и рвет газеты...». Точка смерти заменена многоточием. Этот намеренный отказ от возвышенного жеста делает его стихи особенно пронзительными — они не пытаются нас тронуть, поэтому трогают глубже любой исповедальной лирики.

Этот цикл построен как серия откровений, лишенных экзальтации. «Парадиз лошадиный», «скамья старика», «деревянный столик» между любовниками — все эти образы не предлагают утешения, а констатируют его невозможность. Даже когда Божнев обращается к Блоку («как ангел Александр Блок, / задумчиво смотрящий с неба»), это не дань великому предшественнику, а холодное наблюдение: поэзия больше не спасает, она лишь фиксирует распад.

В этом и заключается странная сила «Утешений» — они не утешают. Они показывают мир, в котором утешение возможно только как жест, как форма вежливости («не плачь, / когда печаль необлегчима»). Божнев не ищет смысла и не предлагает его читателю — он просто аккуратно раскладывает перед нами вещи, которые пережил: поседевшую лошадь, разорванный носок, сухие голоса. И этот бесстрастный каталог утрат оказывается честнее любых утешительных речей.

После этого сборника тянет перечитывать поэмы Божнева¹. Например, «Silentium Sociologicum» (1936) — сложный семиотический объект, в котором пересекаются несколько ключевых для модернистской поэтики дискурсов: деконструкция лирического субъекта, критика института музыки/поэзии и радикальное переосмысление временных структур. Текст функционирует как своего рода негативная теодицея искусства в эпоху его технической воспроизводимости. А поэма «Утро после чтения „Братьев Карамазовых“» (1946) — это не просто отклик на роман Достоевского, а его радикальное преображение в пространстве языка, где философские диалоги растворяются в сюрреалистичных образах, а герои теряют человеческие черты, становясь тенями, звуками, дрожанием света. Ночь после чтения превращается в метафизический театр: Смердяков здесь не слуга, а демон-шут, исполняющий ритуалы с «незримыми осколками»; Иван Карамазов присутствует лишь как «астма чтения», удушающая мысль; Алеша колеблется между жестом защиты и детской беспомощностью. Божнев доводит до предела главную антиномию Достоевского — святое и грешное здесь не борются, а сливаются, как «темно-малиновый кровопотек» на иконе.

Ночные кошмары поэмы — это не просто реминисценции, а пародийные литургии. Смердяков, раздавливающий «невидимые осколки» и пьющий из «бездонной бутылки», профанирует евхаристию, превращая ее в абсурдный спектакль. Его «ангелическая морда», проступающая сквозь гниение, — это кривое зеркало русской святости, где даже падшее сохраняет отсвет горнего. Бесы, воющие в печи, — не метафора, а почти осязаемая реальность, как у Гоголя, но без его смеха: их нельзя изгнать «одной вьюшкой». В этом мире молитва Алеши («Держи свой дух») звучит как заклинание, которое не спасает, а лишь подчеркивает хрупкость веры.

Утро приносит не разрешение, но усталое перемирие с хаосом. Сестра, поднимающая шторы, — единственный светлый персонаж, но ее движения механичны, как ритуал: она «пеленает салфетку», словно младенца, но это не Христос, а лишь «веер жёлтизны». Кофе, масло, сливочник — атрибуты обыденности, которая кажется спасением после ночи бесовских голосов. Но даже здесь есть намек на рок: «Девятый Вал» в позолоченной раме — символ не преодоленной катастрофы, а лишь временно замершей угрозы. Божнев оставляет нас в пространстве, где «добро» — не торжество, а усталое покачивание головой в ответ на вопрос: «Ты опять не спал?»

Фигура Клавдии, «новой служанки», врывается в этот хрупкий порядок как напоминание о Грушеньке — но без ее спасительной роли. Она проходит мимо, «не поклоняясь», а ее связь с героем — лишь «прилив усталости». В этом отличие от Достоевского: у Божнева нет катарсиса, только бесконечное возвращение к началу. Даже Прокофий, вносящий дрова, — не добрый дух, а нейтральный участник быта, чьи «тающие снежинки» на бороде подчеркивают мимолетность тепла.

Поэма Божнева — это не комментарий к «Карамазовым», а их сновидческое перерождение, где идеи становятся образами, герои — тенями, а вера — «цепью страсти для кадила». Здесь нет ответа на вопросы Достоевского, есть лишь их эхо, звучащее в «глухих торцах» текста. Последняя строка — «Девятый Вал» обрушивается в раме — оставляет нас на грани: между ночью, где бесы пируют, и утром, где кофе остывает. Это не итог, а пауза, после которой чтение, возможно, начнется снова. И вновь возвращаюсь к стихам 1920-х годов из только что вышедшей книги.

Главное открытие этого издания — возможность проследить, как Божнев уже в 1920-е годы шел к своей поздней аскезе. Если в самых ранних стихах еще слышны отголоски «проклятых поэтов», то уже в «Утешениях» середины 1920-х нет ни бунта, ни надрыва — только точные, почти эпиграфические строки:

Как утомленный почтальон,
идуший в тихом переулке...

¹ Божнев Б. Собрание стихотворений в 2 т. Сост. Л. Флейшман. Беркли, 1989.

Это не упадок сил, а сознательный выбор. Божнев знал: истинная свобода — в умении ограничить себя, даже того себя, которого ты еще не познал. При публикации в книге «Борьба за несуществование» (Париж, 1925) Божнев в этом стихотворении переставил строфы и добавил еще одну:

Как вымазанное лицо
Немолодого трубочиста,
Как выкрашенное яйцо
Пасхальной краскою лучистой.

Здесь сказалась некоторая уступка вкусам эмигрантов, что-то ностальгическое, что-то меланхолическое, а в целом немного обесцвеченное, вымазанное краской забвения поверх других. Рукописная редакция, публикуемая впервые, оказывается сопротивляющейся любому обесцвечиванию, смерть появляется в ней гораздо раньше, чем в опубликованной версии, и сама диктует, чему быть и чему не миновать.

Поздний период творчества Божнева (1939 — 1969) — важнейший с точки зрения *биополитики творчества*: переход к микротиражам (50-100 экземпляров), именная адресация, создание рукописных книг. Он явно требует целой монографии. Божневский проект сегодня может быть прочитан как радикальная попытка создания автономной зоны литературного производства, свободной от диктата институциональной инерции. Умер Божнев в Марселе, но эмигрантская молва превратила его кончину в легенду: то ли он сошел с ума, то ли исчез в нищете. На самом деле он просто ушел в свою поэзию, как в последнее убежище.

Впервые опубликованные стихи не меняют нашего представления о Божневе. Они его обнажают. Они показывают того же самого — только без маски. Божнев всегда писал о том, что происходит на краю зрения. Здесь нет ни позы, ни расчета, ни даже той нарочитой «проклятости», которой он иногда кокетничал. Только человек, который стоит, согласно всем известному стихотворению-манифесту, которое в этом издании впервые сверено с рукописью, «в железной и мужской коробке», «над черною и мокрою решеткой», и думает — «как мало не больных».

Александр МАРКОВ

СЕРИАЛЫ С ИРИНОЙ СВЕТЛОВОЙ

Внутри отражения

Когда в 2011 году на британском телевидении вышли первые серии нового проекта Чарли Брукера, это выглядело как вызов индустрии и зрителю. Никакой сквозной истории, никакой возможности привыкнуть к персонажам, никакой эмоциональной подушки безопасности — только череда мрачных техно-сценариев, в которых узнаваемая реальность легко переходит в антиутопическую карикатуру. Название «Черное зеркало»¹ оказалось столь же удачным, сколь и точным: в зеркальной поверхности электронных гаджетов отражается не лицо пользователя, а его изнанка, искаженная под гнетом технологий, социальных конструкций и привычек, которые вчера еще казались безобидными.

Формат антологии позволил создателю сериала, вдохновленному классикой жанра, вроде «Сумеречной зоны», не привязываться ни к миру, ни ко времени, ни к жанру — каждый эпизод становился самостоятельным предупреждением

¹ Подробнее о предыдущих сезонах сериала «Черное зеркало» см.: Сериалы с Ириной Светловой. «Свет мой, зеркальце, скажи...» — «Новый мир», 2018, № 10.

ем, сатирической притчей, эмоциональным шоком или стилевым экспериментом. В первых сезонах, снятых в Великобритании, ощущалась тяготеющая к английской традиции злая сдержанность: едва уловимый абсурд, спокойный ритм повествования, трезвый и беспристрастный взгляд на будущее, лишенный иллюзий и самообмана. После того как в 2016 году права на сериал приобрел «Netflix», сериал расширил масштабы — увеличилось количество серий в сезоне, хронометраж, бюджеты, география съемок и, главное, градус саморефлексии.

Виртуальные наказания, цифровые двойники, бессмертие в облаке, алгоритмическое правосудие, обесценивание эмоций и воспоминаний, превращение частной жизни в контент — Брукер будто расставлял вехи на маршруте, по которому человечество продолжало продвигаться независимо от его предупреждений. Сериал начал дублировать реальность с пугающей точностью: эпизод о рейтингизации жизни («Нырок», «Nosedive», 2016) предвосхитил китайскую систему социального кредита, интерактивный фильм «Брандашмыг» («Bandersnatch», 2018) вышел на волне интереса к технологиям выбора в медиа, а самоироничное введение вымышленной платформы «Streamberry», копирующей «Netflix», в эпизоде «Джоан ужасна» («Joan Is Awful», 2023) окончательно превратило сериал в кривое зеркало самого себя.

Седьмой сезон (2025) словно получил новый заряд энергии и прошел удачную перезагрузку: после двух сезонов, отчасти утративших прежнюю собранность и драйв, свежий выпуск воспринимается гораздо живее. Это не возвращение к истокам, а скорее смена направления. Теперь «Черное зеркало» не только смотрит в будущее, но и обращается к прошлому, экспериментирует с жанрами и смело сочетает цифровую сатиру с самоиронией и рефлексией над собственным форматом. Визуально сезон разнообразен, сюжетно динамичен, а главное — в каждой серии чувствуется уверенность: создатели снова четко понимают, зачем рассказывают эти истории. Это все те же тревожные притчи о человеческой природе, но теперь они поданы не с обреченной серьезностью, а с живой искрой — то ехидной, то пугающе веселой.

Первый эпизод — «Обычные люди» («Common People») — едва ли не самая зловещая серия «Черного зеркала» за последние сезоны, в которой Брукер возвращается к своей центральной теме: как технологии, обещающие облегчение и прогресс, оборачиваются тонкой и неотвратимой формой порабощения. Все начинается с трагедии: у Аманды — жизнерадостной, ироничной женщины — диагностируют неоперабельную опухоль мозга, и она впадает в коматозное состояние, из которого медицина вернуть ее не может. В поисках выхода ее муж Майк обращается в компанию «Rivermind», предлагающую услугу «цифрового бессмертия» — сохранение личности через потоковую передачу мыслительных функций с облачного сервера, в то время как поврежденная часть мозга заменяется синтетическим аналогом, управляемым удаленно.

Благодаря базовому тарифу Аманда возвращается к жизни, может снова говорить, двигаться, выйти на работу, однако скоро обнаруживается, что качество ее сознания напрямую зависит от подключенного плана обслуживания. Чтобы не возникало перегрузок и когнитивных нарушений, нужно оплачивать все более дорогие пакеты. Рекламные интеграции, встроенные в сознание, позволяющие снизить расходы, и Аманда начинает произносить рекламные слоганы в случайные моменты, не осознавая этого. Вначале эти вставки звучат почти комично — как дикий нейросбой, когда она не к месту упоминает дорогой сорт кофе или советует ребенку в детском саду обратиться на сайт семейной религиозной терапии. Но очень скоро становится ясно, что Аманда теряет контроль над собственным сознанием, отключается на все более длительные промежутки времени, оставаясь лишь каналом, ретранслятором контента.

Название эпизода не просто отсылает к социальному статусу героев, но и едко играет с понятием «стандарта» в цифровую эпоху. Изначально «Common» — базовый тариф подписки «Rivermind», обещающий достойную жизнь. Однако по мере развития сюжета выясняется, что «обычное» существование в системе — это перманентный компромисс: сон по 16 часов в сутки, вторжение рекламы в

речь, ограничение мобильности. Каждый апгрейд лишь временно возвращает иллюзию контроля, но цена за него растет, а требования к «нормальности» смещаются. То, что вчера было премиум-опцией, сегодня становится минимальным стандартом, а завтра — недостижимой роскошью. Название серии оказывается двусмысленным не только по отношению к героям, но и к зрителям. «Common people» — это мы, приговоренные к бесконечному апгрейду, чтобы из последних сил гнаться за ускользающей «нормой». В этом смысле эпизод перекликается с «Черным музеем» и «Белым Рождеством», где человек тоже оказывается заключен в цифровую оболочку, теряя свою подлинность. Но если в тех сериях драматургия строилась вокруг жестоких экспериментов и моральных дилемм, то здесь, на первый взгляд, отсутствует какое-либо насилие — только соглашение, подписанное из любви и доверия, но оказавшееся жуткой ловушкой.

В какой-то момент герои осознают, что лишены дальнейшего выбора. Даже попытка выйти из системы потребует таких жертв, что становится этически невозможной. Бездна пытается удержаться в этой все ускоряющейся гонке галопирующих тарифов, Майк становится похож на безвольный винтик системы, втягиваясь в безжалостный механизм, как Чарли из «Новых времен». На пике отчаяния ему удается оплатить Аманде полчаса люксового режима, в котором все сбои исчезают, и она снова становится собой — живой, цельной, чувствующей. Именно в этот момент, когда между ними на краткий миг восстанавливается связь, она просит его прервать это существование, потому что быть собой на полчаса хуже, чем не быть вовсе, если остальное время ты становишься безвольным приложением чьей-то рекламной кампании. Единственно возможным актом милосердия оказывается убийство, а технология, призванная сохранить жизнь, обесценивает ее до предела.

Самый тревожный аспект эпизода — не технология, а ее интеграция в повседневность. Аманда, произносящая рекламные слоганы вопреки собственной воле, — гипербола современного человека, добровольно ставшего медиумом потребительской культуры. Мы уже продаем свое внимание, рекламируем по инерции, хвастаемся гаджетами, оцениваем услуги через алгоритмы — и тем самым бесплатно продвигаем бренды. Брукер лишь обнажает этот процесс, показывая, как капитализм превращает даже интимные моменты (например, попытку завести ребенка) в транзакции. Из досадного раздражителя реклама превратилась в часть нейронных связей, что сделало бессмысленным сопротивление ей.

Второй эпизод сезона «**Черный зверь**» («Bête Noire») обращается к одной из ключевых тем Брукера — технологической манипуляции реальностью. История женской зависти и мести тут оборачивается зловещей страшилкой о безграничной цифровой власти над физическим миром. Поначалу новая сотрудница шоколадной фабрики Верити выглядит как типичная тревожная интровертка, нервно теребящая кулон, чтобы справиться с враждебностью офиса и презрением бывшей одноклассницы Марии. Но постепенно выясняется, что ее простенькое на вид украшение — пульт от реальности. Щелчок — и все меняется: события, воспоминания, физические законы. Ирония в том, что женщину, способную перекраивать мир на ходу, зовут Верити — от латинского *veritas*, истина. Однако все, что она делает, сводит на нет саму идею подлинности: в ее руках реальность становится сменным декором, где жертвы не могут быть уверены ни в том, кто они, ни в том, что с ними происходит. Даже аллергия на орехи может исчезнуть из истории болезни и из поисковика Google, стоит только нажать нужную кнопку.

Многослойно название серии: «Bête Noire» переводится как «черный зверь» или, в переносном смысле, «головная боль», «заклятый враг». Для Марии Верити становится именно такой всепоглощающей угрозой, порождением худших ночных кошмаров, внедрившихся в ее реальность и подчинивших ее себе. Но черный зверь — это и сама власть над реальностью, с которой никто не в силах совладать, включая даже саму изобретательницу магического тумблера. В финале выясняется, что Верити выбрала Марию своей «bête noire» — главным объ-

ектом ненависти и мести, тем самым «черным зверем» из прошлого, который не дает ей покоя и определяет ее поступки. Однако по мере развития событий роли меняются: Верити тоже становится «черной бестией» для Марии, и их противостояние превращается в замкнутый круг взаимной ненависти и разрушения. Брукер снова задает вопрос о границе между восприятием и действительностью, начиная рассказ в жанре бытовой офисной комедии, которая постепенно мутирует в черную антиутопическую притчу, где победу одерживает не справедливость, а тот, кто нашел способ переписывать мир по своему усмотрению.

О странных путях, соединяющих реальность и воображение рассказывает и третий эпизод сезона «Отель „Мечта“» («Hotel Reverie») — наверное, самый прелестный и романтический сюжет всего сериала, который выглядит ироничной отсылкой к комедии Вуди Аллена «Пурпурная роза Каира» (1985), где четвертая стена внезапно оказывается проницаема и реальному человеку удастся вступить в контакт с экранным персонажем. Тема бесконечных ремейков, заново пересказывающих сюжеты успешных фильмов, трансформировалась у Брукера в милую сказку о разрушении непреодолимых барьеров времени, социальных условностей и любых прочих ограничений. По сюжету фирма «ReDream» создает технологию, позволяющую актеру войти в пространство старой кинокартины и заместить собой одного из персонажей. Участие современной звезды в давнем блокбастере должно привлечь внимание публики к обновленной версии некогда любимой мелодрамы, однако ответственные за реализацию этого фантастического проекта не подозревают о возможных потенциальных осложнениях, относясь к действующим лицам черно-белого фильма как к неодушевленным слепкам сценарных арок, не имеющим самосознания.

Поначалу все идет по плану, и погруженная в сон актриса Брэнди Фрайдей обнаруживает себя в монохромном пространстве романтического фильма 1940-х годов, где она без труда перевоплощается в образ возлюбленного главной героини доктора Алекса Палмера. Никто из статистов не обращает внимания на то, что роль белого мужчины в колониальной истории внезапно перешла к чернокожей женщине, и после первой вспышки изумления Брэнди продолжает механически подавать заученные реплики до тех пор, пока накопившиеся мелкие сбои и недоразумения не заставляют ее партнершу Клару несколько изменить линию собственного поведения, создавая тем самым угрозу для правильного развития действия. Решающим моментом оказывается ошибка Брэнди, окликнувшей Клару именем исполнявшей ее актрисы — Дороти Чамберс, вложившей в характер своей героини черты собственной личности. Этот триггер закладывает основу недоверия Клары к окружающей ее реальности. Неожданная потеря контакта с компьютерщиками, контролирующими хронологическое и сюжетное соответствие новой версии оригиналу, едва не приводит к печальным результатам: действие фильма встает на паузу, все персонажи замирают в тех позах, в которых их застиг обрыв связи, и Брэнди с Кларой оказываются в положении героев ранней короткометражки Рене Клера «Париж уснул» (1923) — единственными живыми в этом застывшем мире.

Пока техники чинят капризную аппаратуру, Брэнди приходится объяснить Кларе абсурд происходящего. Однако минуты, требующиеся на ремонт, в замкнутой временной капсуле фильма оказываются равны неделям и месяцам, за которые Брэнди и теряющая ощущение собственной реальности Клара влюбляются друг в друга. Брэнди пытается объяснить подруге, что ее любовь прописана в скрипте, а не является проявлением свободного чувства, однако похоже, что Клара обретает все больше ментальной самостоятельности и ее привязанность к Брэнди воплощает ее страстное стремление вырваться из оков киношной иллюзии и обрести реальность. Отправившись на исследование застывшего мира, Клара, подобно персонажам фильмов «Нирвана» (1997) и «13-й этаж» (1999), быстро достигает пределов симуляции и проникает в пугающую пустоту, где к ней приходят воспоминания о личности Дороти. Хрупкая и уязвимая Клара-Дороти в нежном исполнении Эммы Коррин проходит сложный путь осознания ограниченности собственных представлений о самой себе.

Название серии, совпадающее с заглавием обновляемого фильма, намекает на состояние полусознанного сновидения, в котором существует не только Клара, как персонаж истории, но и Брэнди, шагнувшая из реальности в бледный мир старой киноленты. Пробуждение Клары оказывается временным, как и у персонажей сериала «Мир Дикого Запада», поскольку ее искусственное сознание можно перезагрузить, вернув к базовым настройкам. А для Брэнди пережитый ею странный опыт общения с воображаемым персонажем становится поводом для пересмотра представлений о возможном. В финале фирма «ReDream» в качестве бонуса за проделанную работу дарит ей возможность связаться по телефону с Дороти, для которой путешествие в волшебную страну, видимо, еще не закончено, поскольку голос Брэнди кажется ей неувлимо знакомым.

Отчасти «Отель „Мечта”» перекликается с эпизодом третьего сезона «Сан-Джуниперо», где технология перенесения сознания дарит героиням посмертное существование и обретение счастья. Здесь романтический сюжет оказывается отправной точкой для глубоко экзистенциального потрясения. Пограничный опыт Клары-Дороти — встреча с пустотой, в которой рассыпаются границы между ролью и личностью, сценарием и импровизацией, — позволяет ей впервые задуматься о собственном «я», о том, что находится по ту сторону заранее заданной реплики. Любовь, возникшая между реальной актрисой и ее экранной партнершей, становится метафорой стремления разума выйти за пределы собственной запрограммированной картины мира.

Не столь блажелательными к человеку выглядят цифровые технологии в следующем эпизоде сериала «Игрушка» («Playthings»). Главный герой, Кэмерон Уокер, бывший журналист, специализирующийся на видеоиграх, рассказывает о своем опыте с экспериментальной игрой «Thronglets», разработанной в 1990-е годы эксцентричным программистом Колином Ритманом, которого поклонники сериала помнят по интерактивному фильму «Брандашмыг». Кэмерон проходит путь от молодого рецензента до безумного визионера, который интегрирует тронглетов в свой мозг, убежденный в том, что у цифровых созданий есть душа, а в пикселях скрыта надежда на другой, более совершенный способ существования.

Тронглеты представляют собой автономные цифровые существа, разработанные с элементами искусственного интеллекта, и функционирующие по своим уникальным правилам, не поддающимся рациональному анализу. Порождая непредсказуемые последствия при взаимодействии с пользователем, они словно обладают независимым от разработчиков скрытым когнитивным ядром, служа метафорой наших проекций на цифровую среду — не алгоритм, а нечто, с чем мы бессознательно стремимся вступить в контакт. Эти заэкранные существа, обладающие сознанием, становятся для Кэмерона не просто любимыми питомцами, а объектом одержимости. Под воздействием «веществ» он начинает воспринимать язык тронглетов и помогает им необратимо переформатировать сознание всех людей на планете.

На создание этого эпизода повлиял опыт работы Чарли Брукера в британском журнале, посвященном видеоиграм, и он решил пофантазировать, какой могла бы быть игра, подобная той, которую он рецензировал в 1996 году. Сюжет о тронглетах обрел удивительное послесловие: «Netflix» действительно выпустил мобильную игру «Thronglets» одновременно с эпизодом. Созданная студией «Night School», она отчасти повлияла на художественное оформление самой «Игрушки». Получилось зеркало в зеркале: вымышленный симулятор стал настоящим и теперь любой зритель, как Кэмерон, может открыть портал в эту цифровую экосистему.

Продолжая традиционную для «Черного зеркала» тему взаимодействия человека с виртуальной реальностью, «Игрушка» уводит ее в куда более мрачную плоскость: это не столько предупреждение о технологических рисках, сколько цифровая апокалиптика. Кэмерон Уокер не просто теряет связь с реальностью — он добровольно отказывается от принадлежности к человеческому виду, становясь медиумом новой формы сознания. В сцене, где его приятель без-

думно и весело уничтожает тронглетов, полагая, что это обычная экшен-игра, человеческая жестокость предстает в особенно гротескном виде — как инстинктивное нежелание признать ценность иного, пусть даже цифрового, способа бытия. Финальный выбор Кэмерона — отдать человечество на перепрошивку, подчинив его воле искусственного разума, — звучит как перверсия старой идеи о восстании машин: не акт мщения, а жест милосердия, продиктованный утратой веры в нас самих.

Следующий эпизод **«Надгробная речь»** («Eulogy») предлагает более интимный и эмоциональный взгляд на взаимодействие человека с технологиями. Главному герою, Филиппу Коннати (Пол Джаматти) предлагают воспользоваться новой разработкой — сервисом «Eulogy», позволяющим мысленно войти в старые фотографии и воспоминания для создания персонализированной надгробной речи, посвященной его недавно умершей знакомой. Однако на всех снимках образ Кэрол ускользает от Филиппа, и он никак не может вспомнить ее лицо. Все глубже погружаясь в прошлое, Филипп сталкивается с болезненной правдой, понимая, что сам разрушил их отношения и упустил шанс на примирение. Джаматти тонко передает горькое одиночество человека, потерявшего не только любимую, но и самого себя. Этот меланхоличный и пронзительный эпизод напоминает, что технологии могут быть не только источником страха, но и инструментом исцеления и понимания себя.

Завершает сезон эпизод **«USS Каллистер: В бесконечность»** («USS Callister: Into Infinity») — единственный на настоящий момент пример того, как Брукер возвращается к своему же собственному сюжету. Первый «USS Каллистер» (2017) был задорной комедией, выделяясь среди остальных эпизодов, решенных, как правило, в жанре мрачной антиутопии. Видимо, вспомнив древнюю истину, что, если история заканчивается хорошо, значит она рассказана не до конца, Брукер решил продолжить гротескную повесть о закомплексованном программисте, создавшем лично для себя приватную версию виртуальной игры и запершего там цифровые копии своих коллег. Не успев порадоваться победе над своим тираном и обретенной виртуальной свободе, цифровые клоны сталкиваются с неожиданными опасностями на просторах игры и вновь вступают в борьбу за свое существование. Несмотря на то, что сиквел также использует юмористический тон, этот финальный аккорд вносит новые краски в непростые размышления о последствиях развития искусственного интеллекта, к которому Брукер приглашает своих зрителей.

Седьмой сезон «Черного зеркала» оказывается удивительно цельным — все его эпизоды в той или иной форме возвращаются к теме отношений человеческого сознания с искусственным разумом. Не важно, идет ли речь о массовом внедрении цифровых помощников, симуляции воспоминаний, алгоритмической эксплуатации трагедий или о борьбе цифровых копий за автономию — везде возникает вопрос: кто мы по ту сторону экрана? И не могут ли новые формы сознания, порожденные нами, не только повторить нас, но и превзойти — в эмпатии, честности, даже в страдании? Этот сезон, с одной стороны, продолжает узнаваемую эстетику «Черного зеркала», но с другой — звучит как предупреждение о том, что главная битва XXI века развернется не между людьми и машинами, а внутри самого человека: за право оставаться собой в мире, где «я» уже не принадлежит только тебе. Чарли Брукер вновь напоминает, что опасность кроется не в технологиях, а в том, что мы готовы доверить им и что можем потерять, заглянув слишком глубоко в собственное отражение.

КНИГИ

Борис Кутенков. Критик за правым плечом. М., «Синяя гора»; Саратов, «Амипит», 2025. 220 стр.

От автора: «Эта книга — коллекция избранных заметок и эссе, публиковавшихся в моем телеграм-канале с 2022 по 2024. Как только в силу известных событий пользователи соцсетей ринулись в телеграм, я ощутил именно эту площадку в хорошем смысле амбивертной. С одной стороны, ее удобно было вести как личный дневник — без света „софитов” (которые сопровождают две мои другие страницы, куда более знакомые подписчикам), при минимуме комментариев и анонимности лайкателей. С другой стороны, это дневник публичный — и площадка для розановско-олешевского жанра оказалась полезной, чтобы чувствовать „задел” на будущую книгу.

Критик Александр Агеев, впрочем, именно в силу этой амбивертности называл публичный дневник „злокачественным развитием жанра”. Надеюсь, мне удалось избежать подобной злокачественности, основанной на исконном противоречии между интимностью и желанием нравиться. Надеюсь, что получилось прийти к той интонации, которая была бы всецело искренней, но при этом — учитывала запросы литературной аудитории: их я вижу прежде всего в желании узнать о современном литературном быте „из первых рук”, от человека, максимально в него вовлеченного».

Вот некоторые выписки из книги: «Был свидетелем интеллектуально насыщенной, интеллигентной, достойной старости: общался по телефону и мейлу с 88-летней Ириной Роднянской, которая прислала написанный ей на очень высоком уровне обзор книг полугодия. Такая старость восхищает меня примерно так же, как достойная юность. Второе — есть образ идеального прошлого (на соответствие которому, увы, не могу претендовать), первое — достойного будущего, что в совокупности делает выносимым настоящее» (из записи 14 июля 2023).

«Собственно, критик — это именно понимание контекста, в первую очередь, и сейсмических, подземных движений этого контекста, во вторую (Блок называл себя сейсмографом). Это чувство времени, которого, например, никогда не было у меня. С моей старомодностью, тягой к вневременному, увлечением персоналиями, некоторой дистанцией по отношению ко времени. Лидия Чуковская в своих дневниках писала о том, что ей мешает стать критиком именно отсутствие тяги к обобщениям, что за Блоком она видела не символизм, а самого Блока; за Пушкиным — личность, а не породившие его течения. Вот и я предпочитаю персонализировать, теряясь перед обобщениями» (из записи 22 сентября 2023)

«Как-то давно поэт и литератор N, любящий повоспитывать молодежь (сам человек с ого-го каким двойным и тройным дном), поймал меня за рукав в ЦДЛ и сказал: „Я всегда говорю всем: Борис Кутенков — человек высоких двойных стандартов”. Тогда же он, поглядев на меня с сочувственной ехидней, спросил: „С мертвыми-то легче, чем с живыми?” И на этой последней фразе я понял о себе больше, чем когда-либо. Больше, чем от многих подробных и деловитых рецензий на мои книги» (3 октября 2023).

«...Опрос для меня — самый любимый жанр в литературе, и проводить его — сущее наслаждение; это связано с какой-то праздничной возможностью усадить за один стол людей, которые никогда бы за ним не собрались. (И во всем этом есть что-то от 11-летнего мальчика, который в далеком 2001-м году плакал, когда не удалось собрать детей на маленький праздник на поляне с молоком и кукурузными палочками, — к чему воодушевленно готовился, — те, коварные, убежали играть в футбол.) Жизнь — вечная Достоевская борьба с тем мальчиком и (по-Достоевски же) его неизменная апология» (2 мая 2024).

Имеется *Указатель имен*, это удобно и полезно.

О поэтической книге Бориса Кутенкова «память so true» см. рецензию Дмитрия Бавильского «Никнейм твоей страны: Кутенков, модель для пересборки» («Новый мир», 2024, № 2).

Вл. Новиков. Отвечаю. Интервью как литературно-критический жанр. М., Факультет журналистики МГУ, 2025. 254 стр.

«В сборник избранных интервью критика и прозаика, доктора филологических наук, профессора кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Владимира Ивановича Новикова вошли медийные диалоги за период с 2002 по 2023 г.» — из *Аннотации*.

Из *Предисловия* («Прямая речь. Литература, культура, язык в зеркале интервью»): «Взаимодействие интервьюера и интервьюируемого — акт творческо-коммуникативного соавторства. Недаром высказывания интервьюируемых писателей цитируются наряду с их статьями и эссе, а то и наряду с их прозой и стихами. Да и емкие, прицельные формулы интервьюеров нередко входят в литературный обиход. Интервью в литературной прессе — такое же необходимое звено, как статья, обзор, рецензия. То есть диалоги журналистов с писателями — часть той сферы, которую мы называем литературно-художественной критикой».

Некоторые высказывания из разных интервью Вл. Новикова, расставленные тут хронологически (а не как в книге — там по тематическому принципу):

2010 год: «„Многопись“ — славная черта. Она помогла юному Блоку дописаться до шедевров, а потом, к 1916 году, полностью выстроить свой лирический храм. „Двенадцать“ — это уже было сверх плана, а сколько поэтов в XX веке себя не достроили или искривили!»

2014 год: «Лотман дал либеральное (иными словами — вольнодумное) прочтение биографии классика, Непомнящий — православное. Здесь, однако, на мой взгляд, завершается и „концептуальный“ этап. XXI век располагает к новому, если угодно, постконцептуальному подходу. И он распространяется не только на Пушкина».

2018 год: «Дело в том, что при разговоре о Мандельштаме или Цветаевой невозможен разговор на основании десяти прочитанных текстов. А с Высоцким это происходит повсеместно: знает человек десять песен — и обобщает!»

«Бродский, кстати, тоже из поэтов-завершителей: недаром во многих школьных и вузовских учебниках он и Высоцкий стоят рядом. Как Бродскому невозможно подражать, — а если кто подражает, то сильно ошибается, — так и Высоцкому».

2019 год: «В их переписке со Шкловским это очень видно: Шкловский вещает как бы всему человечеству, а Тынянов говорит именно с собеседником, стремится сохранить отношения».

2020 год: «Когда [Евгения] Книпович появилась с накрашенными губами и папироской в доме Блока, то его мать Александра Андреевна сначала решила, что это „новое Сашенькино дон-жуанство“, а оказалось, что что-то более серьезное. Блок, например, мог ей сказать: „Я человек среднего ума“. Может быть, главное, что я открыл в процессе написания книги, — что Блок был человек очень большого ума, но таланта было в нем еще больше».

2021 год: «Если же рассматривать все последовательно, то станет ясно, что еще в 1918 году Блок позволял себе сочувственные высказывания о большевиках, о Ленине, пережившем покушение, но после февраля 1919 года ни одного доброго слова о них мы уже не встретим. Потому что 15 февраля 1919 года поэт вернулся с прогулки домой, а там его уже ждал конвой. Он пробыл под арестом сравнительно мало: 17 февраля его уже освободили, но этого было вполне достаточно, чтобы получить опыт отношений с новой властью. В канун 1920 года Блок напишет: „В советский Новый год я сломал конторку Менделеева“, — потому что в „советское“ время ничего хорошего не случается (заметим, сам он с семьей отмечал праздники по старому стилю). Слово „советский“ для него стало сугубо негативным, даже при разговоре о бытовых вещах: календаре и т. д.»

2022 год: «Мое предположение: сильнее всего обижало Каверина именно то, что его там [в книге «Алмазный мой венец»] нет. Катаев нарисовал картину модернизма XX века, а Каверина (как, кстати, и Тынянова) пропустил».

2023 год: «Брюсов поначалу не хотел печатать стихи Блока, заказывал ему рецензии. А Блок писал их лишь для заработка и перестал это делать, как только получил наследство».

«Когда я ставил Айги и Соснору в эстетическом плане выше Бродского, я выступал как тыняновец, ибо заочный мой учитель решительно предпочитал Хлебникова Ходасевичу».

Владимир Иванович Новиков — постоянный автор «Нового мира». См. например: «1924. Филологическая проза» (2024, № 1), «Речевой лидер. Эссе из книги „День рождения мысли“» (2025, № 1).

См. также его новую книгу «Слов модных полный лексикон. Книга о живом русском языке первой четверти XXI века» (СПб., «Алетейя», 2025. 240 стр.)

Роман Сенчин. Александр Тиняков: человек и персонаж. М., «АСТ; Редакция Елены Шубиной», 2025. 384 стр.

Новинка серии «Жизнь известных людей» — биография скандального поэта Серебряного века, автора «Гробиков» и «Плевка-плевочка». Вот что об этом пишет *Лев Оборин* на сайте «Полка» («2+2: зов запахов, сорока на виселице, Тиняков и 26-й трамвай» — 2025, 28 апреля):

«Сенчин с иронией повторяет самоописание своего героя: „неустойчивый человек“. Уместно привести и цитату из письма Ходасевича (который, впрочем, ничего такого не говорил Тинякову в глаза): „Кто же он? Да никто. Он нуль. Он принимает окраску окружающей среды. Эта способность (или порок) физиологическая“».

«Возникает соблазн — которому Сенчин иногда поддается — предположить, что это лирика персонажная, исповедь выдуманного негодяя. „Автор... чуть ли не в каждом стихотворении меняет маски, — констатирует Сенчин. — То он египетский раб, то проститутка, то шудра, то прокаженный, то Христос... Мастерovitость имеется, а искренностью и не пахнет“. Но тут как раз подводит биография. Сменой масок увлекались многие — в том числе главный учитель Тинякова Брюсов, но о сравнении ни жизней, ни масштабов дарования говорить не приходится. Над скандалами, которых в жизни Брюсова было полно, можно иронизировать — а можно и относиться к ним с уважением. Скандалы в биографии Тинякова вызывают тягостное недоумение».

«Зачем же, собственно, Сенчину понадобился „пустой, ненаполнимый“ Тиняков — если отложить в сторону гипотезу о его сходстве с героями сенчинской прозы? Возможно, сказывается уважение к упорству, с которым Тиняков присутствовал в культуре. Не только как автор „гробиков“, но и как человек, в свободное от оппортунизма и сведения счетов время искренне пытавшийся понимать литературу — от Тютчева и Достоевского до современников. Как знакомец авторов первого ряда — такой Калибан, отворачивающий зеркало от себя и подносящий его, например, Блоку (который на самые дикие антисемитские статьи Тинякова отзывался с одобрением), Ремизову (чей лукавый характер книга Сенчина хорошо подчеркивает) или Георгию Иванову, в чьих поздних поэтических шедеврах слышен и отзвук тиняковского цинизма. Как, в конце концов, литературный персонаж, узнаваемый и у Зощенко, и у Вагинова, и у Хармса».

«И в этом смысле книга Сенчина — добрая. Литературные мерзавцы современности могут ею утешаться. За яркость, за искру таланта, пусть и самолично затоптанную, в конце концов за бесстыдную откровенность — многое простится».

«Книга Сенчина не предупреждает и не оправдывает — скорее показывает, что любая лакуна в культуре рано или поздно бывает закрыта».

*

Стоит также отметить:

Константин Беседин. Странствования. Литературное наследие и биографические материалы. Составитель И. Е. Лошилов. М., «Водолей», 2025. 168 стр. («Предлагаемое издание впервые представляет с возможной полнотой литературное наследие забытого сибирского поэта Константина Беседина (1902 — 1938), надолго отлученного от печатного станка после того, как местная литературная общественность узнала о его поэме, посвященной памяти Николая Гумилева. <...> В книгу, кроме

сборника „Странствования”, вошли стихи из сибирской периодики, а также материалы из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Новосибирска, а также из частных архивов» — из *Аннотации.*)

Татьяна Гусенцова, Ирина Добрынина. Литературное путешествие по Выборгской стороне Санкт-Петербурга. XIX — 80-е гг. XX в. СПб., «Алетейя», 2025. 264 стр. (Русские прозаики, поэты, публицисты — о Выборгской стороне. „Немногие из них жили, а чаще снимали дачи или приезжали на прогулки в Лесной, Удельную, Парголово, Шувалово-Озерки. Северные окрестности столицы зачастую служили местом действия событий, происходивших с героями их произведений” — из *Аннотации.*)

Domus custodes. Набоковедческие записки СПбГУ. Под редакцией А. А. Аствацатурова, Ф. Н. Двинятина. СПб., Издательство СПбГУ, 2025. 320 стр. («Разделы монографии посвящены ряду проблем в изучении творчества В. В. Набокова, на сегодняшний день еще не получивших должной научной разработки» — из *Аннотации.*)

Павел Крусанов. Совиная тропа. Роман. М., «АСТ; Редакция Елены Шубиной», 2025. 384 стр. («Середина девяностых, Петербург. Здесь, под сводами „Блиндажа”, будет основан „орден тайного милосердия”, и два главных героя романа, обаятельные оболтусы-студенты, полусерьезно-полущутя посвятят друг друга в рыцари этого ордена...» — из *Аннотации.*)

Михаил Кунин. Евгений Шварц. М., «Молодая гвардия», 2025. 413 стр. (Книга вышла в серии «Жизнь замечательных людей». Среди прочего: «Итак, в армию Женя Шварц был призван осенью 1916 года. В апреле 1917 года он служил рядовым в запасном батальоне в Царицыне, откуда летом, как студент, был переведен в военное училище в Москву и зачислен в юнкера, а 5 октября произведен в прапорщики. В конце этого месяца юнкера стали главной силой вооруженного сопротивления большевикам в Москве и понесли серьезные потери, но мы не знаем, участвовал ли Шварц в тех событиях, и если да, то как ему удалось избежать репрессий со стороны победителей.»)

Максим Лаврентьев. Мастер и Маргарита мертвы. Избранные эссе о загадках литературы. Вступительная статья П. А. Лукьянова. М., «Ruinaissance», 2025. 208 стр. (Эссе, написанные с 2010 по 2025 год.)

Бенедикт Лившиц. Кротонский полдень. Собрание стихотворений. М., «Водолей», 2025. 264 стр. («В основу издания положен итоговый сборник „Кротонский полдень” (1928) с точным воспроизведением композиции и особенностей авторского замысла. В отдельный раздел выделены не включенные в него стихотворения из предшествующих сборников, содержание которых приведено для лучшего понимания творческой эволюции поэта. Включены все стихотворения, относящиеся к замыслу книги 1930-х годов „Картвельские оды”. Впервые собраны шуточные и коллективные произведения» — из *Аннотации.*)

Сергей Носов. Колокольчики Достоевского. Записки сумасшедшего литературоведа. М., «АСТ; Редакция Елены Шубиной», 2025. 448 стр. (Душевнобольной литературовед считает, что он — роман Достоевского „Преступление и наказание” — и пишет в письмах своему психиатру заявку на книгу — о себе.)

Евгений Попов, Михаил Гундарин. Саша. Александр Кабаков и его эпоха. М., Русский ПЕН-центр, Библио ТВ, Экопалата России, 2025. 360 стр. (Используются редкие документы из личного архива прозаика, журналиста Александра Кабакова (1943-2020) и воспоминания его родных, друзей, коллег и учеников.)

Сергей Чупринин. Журнальный век. Русская литературная периодика. 1917 — 2024. М., «Новое литературное обозрение», 2025. 712 стр. («Первая [часть] — „Двенадцать толстяков” — это сборник очерков об исторической судьбе старейших и наиболее известных периодических литературных изданий России. Вторая часть — „Вереница” — это справочник, содержащий краткие сведения обо всех оказавшихся в поле зрения автора русских „толстых” и „тонких” (равно „бумажных” и сетевых) литературных журналах, альманахах, серийных сборниках, газетах и вообще об изданиях, ставящих перед собою задачу публикации литературных произведений или их исследование» — из *Аннотации.*)

ПЕРИОДИКА

«Абзац», «Аристей», «Вопросы литературы», «Горький», «Достоевский и мировая культура», «Звезда», «Знамя», «НГ Ex libris», «Новое литературное обозрение», «Сноб», «Формаслов», «Studia Litterarum»

А. С. Акимова. Записные книжки А. Н. Толстого: от документа к тексту романа «Петр Первый». — *«Studia Litterarum»* (ИМЛИ РАН), 2025, том 10, № 2 <<https://studlit.ru/index.php/ru/arkhiv/101-2025-tom-10-2>>.

«В 1927 г. на вопрос анкеты журнала „30 дней” об отношении к записной книжке А. Н. Толстой заявил: „Вздор. Записывать нужно очень мало. Лучше участвовать в жизни, чем ее записывать в книжку”. Отвечая на вопросы редакции Издательства писателей в Ленинграде в 1930 г., он признался в том, что давно ведет записные книжки, но записывает мало: „...главным образом — фразы. Раньше записывал пейзажи, случаи, которые наблюдал, и пр<очее>, но это мне ни разу не пригодилось: память (подсознательная) хранит все, нужно ее только разбудить. Но фразы, словечки записывать необходимо. Иногда от одной фразы рождается тип”».

Е. А. Беликова. Дневники А. Н. Толстого как источники повести «Похождения Невзорова, или Ибикус». — *«Studia Litterarum»* (ИМЛИ РАН), 2025, том 10, № 2.

«Толстой действительно построил сюжет „Похождений Невзорова” по своему „скорбному пути” 1917 — 1919 гг.: главный герой, как и сам писатель, стал свидетелем Октябрьской революции в Москве и жил в городе до конца июля 1918 г., затем отправился на юг, провел некоторое время в Харькове, Одессе, в начале апреля 1919 г. вместе с другими русскими беженцами эвакуировался в Константинополь. Этот биографический контекст „Похождений Невзорова” был понятен современникам и исследователям».

«Особое место в дневнике 1917 — 1936 гг. занимают записи, связанные с Октябрьским вооруженным восстанием 25 октября — 2 ноября 1917 г. в Москве. Толстой в это время жил на Малой Молчановке в доме № 8; в дневнике он зафиксировал сведения об уличных боях, реакции жителей дома, собственные впечатления. В повести свидетелем тех же событий становится Невзоров, которого Толстой „поселил” недалеко от своего дома — „на Кисловке”. Причем писатель в этой части произведения замедлил повествование и подробно описал жизнь Невзорова на протяжении недели».

О. В. Быстрова. Участие А. Н. Толстого в проекте М. Горького «История гражданской войны». — *«Studia Litterarum»* (ИМЛИ РАН), 2025, том 10, № 2.

Среди прочего: «Вторую корректуру повести [«Хлеб»] читал сам Сталин и сделал два замечания: первое было связано с „загадочным поездом” с матросами; второе с наименованием завода „Баррикады”, — справедливо заметив, что такого завода в то время не существовало. Толстой „фактическую неточность” по отношению к заводу исправил, а замечание по отношению к загадочному поезду проигнорировал».

Всезнающий, как змея. Каким был поэт Владислав Ходасевич. Беседовал Алексей Черников. — «Сноб», 2025, 14 июня <<https://snob.ru>>.

Говорит **Валерий Шубинский:** «Ходасевич опирается на наследие Золотого века во внешних, формальных вещах. Например, в лексике (не всегда), в стремлении к внешней рациональности, логичности (но тут он совпадает с акмеистами). Ну, и стих у него более или менее канонический. Но по сути он совершенно отвлеченный модернист, в большей степени, чем Гумилев или Ахматова. Мир у него острок, искажен, отчужден, жесток. В этом смысле он ближе всего к экспрессионизму. И внешняя классичность и сдержанность формы только оттеняет это».

«Правда в том, что он изначально был на стороне большевиков (хотя и не безоговорочно) и активно с ними сотрудничал. У него была, я бы сказал, романтическая антибуржуазность. <...> За границу он уехал, впрочем, по личным причинам, сперва не собираясь становиться эмигрантом. А став им, во многом „силою вещей”, он быстро перешел на противоположные политические позиции».

«У всех поэтов вне зависимости от исторических событий бывают периоды кризиса и молчания, чаще всего почему-то лет в 35–40. У Ходасевича это, наоборот, был период высшего расцвета, а где-то в 42–43 года начался кризис, из которого он уже не вышел. Это не связано ни с какими внешними обстоятельствами. Просто какие-то изгибы внутреннего стихопорождающего механизма».

«Я не очень понимаю слова „сноб“ применительно к писателям. Не хочу обидеть ваше издание, но для меня сноб — тот, кто отоваривается в „Азбуке вкуса“ и презирает ходящих в „Пятерочку“. В культуре за снобизм часто принимают строгость и определенность (то есть неизбежную ограниченность) вкуса».

Все-таки не советский писатель. Интервью с Виолеттой Гудковой о Михаиле Булгакове. Беседу вела Анна Грибоедова. — «Горький», 2025, 23 июня <<https://gorky.media>>.

Говорит **Виолетта Гудкова**, автор книги «Михаил Булгаков, возмутитель спокойствия» (М., 2025): «В связи с этим скажу о двух принципиально важных книгах, которые вышли недавно. Во-первых, двухтомное текстологическое исследование Елены Юрьевны Колышевой, где она рассмотрела все варианты и черновики „Мастера и Маргариты“ с совершенно филигранной точностью и впервые представила выверенный до последней запятой текст романа. Во-вторых, Аннотированный библиографический указатель в 3 томах, выпущенный РГБИ. Благодаря этому справочному изданию вдруг выяснилось, что десятилетия мы принимали на веру цифру, которую сам Булгаков привел в письме к Сталину. В этом письме он писал, что за 10 лет литературной работы о своем творчестве он собрал 301 отзыв, при этом 298 из них были ругательные. И мы доверчиво повторяли эту цифру. А библиографический указатель сообщил, что их было не 298, а тысячи! То есть это был взрыв, это была лавина. И эта лавина, с одной стороны, безусловно, говорила о травле, которой Булгаков подвергался. Но, с другой стороны, эти тысячи статей свидетельствовали о немалом весе, общественном влиянии и авторитетности фигуры писателя».

Павел Глушаков. Апокрифические слова и умышленные смыслы. Из новых выписок. — «Знамя», 2025, № 6 <<http://znamlit.ru/index.html>>.

«В 1959 году Никита Хрущев употребит выражение „показать кузькину мать“. Эта идиома была довольно распространена в это время, свидетельством чего являются слова Ариадны Эфрон в одном из писем Эммануилу Казакевичу от 27 апреля 1956 года: „Это я все вот к чему: Вы в среду будете в Гослите; Вы, вместе с Тарасенковым, который уже не может вступить, — крестные отцы этой книги, так вступитесь Вы. Вы проделали всю войну и знаете ту Германию, о которой говорится в этом стихе. Поэтому прошу Вас заступиться и за ‘Германию’ и за (это уже в ином плане) ‘Писала я на аспидной доске’. Остальное, что Вам послано, — на Ваше усмотрение. Я еще Эренбурга на них натравлю. И надеюсь, что мы объединенными усилиями покажем ‘кузькину мать’ — и выпустим книгу *моей*...”».

См. также статью **Павла Глушакова** «Об одном подтексте рассказа Василия Шукшина „Гена Пройдисвет“» («Вопросы литературы», 2025, № 3).

«Город — это могильный холм над деревней». Интервью с Владимиром Личутиным. Беседу вел Борис Куприянов. — «Горький», 2025, 17 июня.

Говорит **Владимир Личутин**: «Всегда ко мне было отношение собачье: что при тех властях, что при этих».

«Нет, „Наш современник“ печатал меня очень короткое время, когда туда пришел Стасик Куняев. Но и там все быстро кончилось, потому что язык мой — враг мой, вечно скажу что-нибудь не то, и все».

«Я ведь человек прямой: если чувствую, что надо сказать правду, скажу. А знаменитости этого не любят. Стоит что-нибудь ляпнуть, и отношения сразу обрываются. Так и с Астафьевым случилось: сказал однажды резкость ему — и все. А зачем? Его уже было не переделывать. Слава, честолюбие — все это его далеко завело, и он, по сути, стал потерянным для русского дела. — *А что вы ему сказали?* — Только одну фразу: „За что вы так ненавидите русский народ?“».

«Я пишу каждый день как вол. Чтобы издать — собираю деньги. Почитатели помогают. Вот собрали на мое собрание сочинений в четырнадцати томах деньги

буквально по копейке, государство ни копейки не дало. Ни одного гонорара не получаю уже тридцать лет».

«А что такое любовь?.. В Поморье, например, такого слова вообще не было — ни в обхождении с женщиной, ни в семейных отношениях. Вы знаете, это чувство преходящее, мгновенное, оно как раз минует душу. На Севере главное слово было „жалеть“, оно заменяло слово „любовь“. Жалость богаче и сокровеннее, она неумиряющая. Кто начинает жалеть других в детстве, тот будет жалеть их до глубокой старости. А любовь — любовь к водке, любовь к деньгам, любовь к женщине, — она рассыпана, у нее нет концентрации чувства. А жалость заполняет всю душу сразу, она означает конкретное дело. Пожалеть — значит что-то сделать».

Данила Давыдов. Наивный автор как (не)графоман: к проблеме соотношения понятий. — «Новое литературное обозрение», 2025, № 3 (№ 193) <<https://www.nlobooks.ru>>.

«Графоман — лишь одно из обозначений, причем довольно поздних и локальных, которые применяются по отношению к „дурным“ поэтам, но не всяким, а наделенным некоторыми дополнительными свойствами, которые располагаются, условно говоря, между литературно-полемиическим и психиатрическим дискурсами и имеют тенденцию накладываться друг на друга».

«В то же время не менее важным является и конструирование внутри литературного сообщества не просто негативного образа того или иного автора, но и его канонизация как образцового в этом своем негативном качестве, способном принимать поистине грандиозные масштабы. Обыкновенно для такого рода канонизации недостаточно специфических черт поведения, неудачной позиции, занятой в литературной борьбе, или собственно „дурных“, на взгляд современников, текстов; требуется сложение нескольких факторов, которые в результате приобретают принципиально новое качество. при этой операции происходит стирание границ между имплицитным и эксплицитным субъектом письма, а также и внетекстовым поведением автора. <...> При этом сложившийся целостный тип явственно отличен от биографического автора. Самым ярким здесь оказывается случай Д. И. Хвостова, когда негативная канонизация явно перерастает саму себя, порождая целый миф о графе Хвостове, в котором различимы отнюдь не только и даже не столько негативные черты».

«В случае той группы понятий, к которым я сейчас обращаюсь, также имеются ограничения и зоны смысловой неопределенности, при этом они лишь в малой степени пересекаются с аналогичными из поля графомании <...>. Речь пойдет о поле наива или примитива. Даже эта пара понятий не вполне синонимична; так, иногда говорится о „наивном искусстве“ и „примитиве“ как о явлениях пересекающихся, иногда „примитив“ понимается как более общее понятие. Учитывая максимальную гетерогенность рассматриваемых понятий и их сложный исторический путь (которого я могу лишь едва коснуться), для простоты понятия „наивного“ и „примитивного“ будут использоваться как практически тождественные».

Наталья Долгорукова, Максим Кармаза. Бахтин и русская литература рубежа веков: два казуса. — «Вопросы литературы», 2025, № 3 <<http://voplit.ru>>.

«Имена М. Бахтина, Л. Андреева и К. Случевского, казалось бы, ничем не связаны. Едва ли у Бахтина найдется хоть одно исследование, посвященное творчеству Андреева. Со Случевским дело обстоит иначе: Бахтин в работе „Автор и герой в эстетической деятельности“ не только упоминает поэта, но и характеризует его место в литературном поле — „голос вне хора“. Что касается Случевского и Андреева, объединенных в нашей статье, говорить об их диалоге довольно трудно».

«Тем не менее мы попытаемся реинтерпретировать рассказ „Смех“, проецируя на него бахтинскую концепцию западноевропейского карнавального смеха. Уместно ли к ней апеллировать при анализе рассказа Андреева — именно этот вопрос лежит в основе нашей статьи. Через ту же исследовательскую оптику мы рассмотрим и цикл Случевского „Мефистофель“, где обнаруживается сходный мотивный ряд: дьявольский смех, которым заливается Мефистофель, и соположение двух стихийных пластов».

Петр Дружинин. Записки из подполья. Письмо Сталину в защиту Достоевского. — «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), 2025, № 2 (30) <<http://dostmirkult.ru>>.

«В фонде Аркадия Долинина в рукописном отделе РНБ хранится копия письма неизвестного лица И. В. Сталину от 2 января 1948 года. Касается оно той оценки творчества Ф. М. Достоевского, которое было дано кампанией 1947 года, в ходе которой были публично осуждены книги А. С. Долинина „В творческой лаборатории Достоевского: История создания романа ‘Подросток’” и В. Я. Кирпотина „Молодой Достоевский”. За этим письмом, которое представляет собой уникальное явление для эпохи позднего сталинизма, кроется и незаурядный сюжет науки о Достоевском. Изучение архива А. С. Долинина позволило установить имя автора этого письма, и через это увидеть коллективный портрет русского читателя середины XX века, который, несмотря на все усилия советской власти, продолжал преклоняться перед гениальным писателем и его творчеством. <...> Речь пойдет о никому не ведомой Елене Ивановне Нестеровой из Удмуртии».

«Текст этого письма Сталину и сохранился в архиве А. С. Долинина, и тем самым удалось воссоединить письма Е. И. Нестеровой и написанную ее же рукой „копию письма неизвестного лица”. Мы не знаем, попало ли это послание к адресату: вероятнее всего, что нет. В силу обилия писем к вождю подобные послания из краев областей проходили через сито на местах, на уровне обкомов, а это письмо вряд ли было сочтено важным, и обязательным для переправки в Особый сектор ЦК ВКП(б); впрочем, отрицать такую возможность мы также не можем».

Игорь Дуардович. Критик Д. Юрьев, которого не было. — «Вопросы литературы», 2025, № 3.

«„За последние пять-шесть лет мы наблюдаем пышный расцвет советского исторического романа...” Так начал свою рецензию на первые две части романа Юрия Тынянова „Пушкин” критик Д. Юрьев. Местом публикации он избрал малоизвестный республиканский журнал „Литературный Казахстан”, печатавшийся в Алма-Ате».

«На самом деле, никакого Д. Юрьева никогда не было. Игра инициалами: ДЮ = ЮД. Юрьев — от имени Тынянова и Домбровского, а Д. — от фамилии Домбровского, реального автора, скрывшегося под псевдонимом-перевертышем. 28-летний Юрий Домбровский, будущий автор „Хранителя древностей” и „Факультета ненужных вещей”, тогда только начинал свой писательский путь. Начинал не в Москве, где родился, а в Алма-Ате и числился среди догоняющих: в критике он пробовал себя впервые, и это была первая из написанных и опубликованных им рецензий».

Людмила Егорова. Загадочный «Фортинбрас» Варлама Шаламова. — «Вопросы литературы», 2025, № 3.

«О том, что Шаламов в юности „собирался стать Шекспиром”, мы узнаем из письма от 5 августа 1964 года другу по Колыме Борису Лесняку (1917 — 2004): „Я пишу стихи с детства, а в юности собирался стать Шекспиром или по крайней мере Лермонтовым и был уверен, что имею для этого силы. Дальний Север — точнее, лагерь, ибо север только в лагерном своем обличье являлся мне — уничтожил эти мои намерения. Север изуродовал, обеднил, сузил, обезобразил мое искусство и оставил в душе только великий гнев, которому я и служу остатками своих слабых сил”».

«Наиболее развернутый и концептуальный из шекспировских текстов [Шаламова] — „Фортинбрас”. Шаламов называет его „маленькой поэмой”».

«Закономерный вопрос: как мог Фортинбрас восприниматься современниками Шаламова? Из всех сохранившихся откликов мне бы хотелось обратить особое внимание на отзыв Ольги Фрейденберг (1890 — 1955) — филолога-классика, двоюродной сестры Б. Пастернака, близкого ему человека».

Игорь Караулов. Пан редактор: чем обессмертил свое имя Александр Твардовский. — «Абзац», 2025, 21 июня <<https://absatz.media>>.

«Твардовский был человеком простым, но его мировоззрение было устроено довольно сложно».

«С одной стороны, он со своим „Новым миром” породил целую человеческую породу интеллигентов-шестидесятников. А с другой — его систему взглядов время рвало на части, поэтому и журнал его был обречен. Солженицына, которого Твардовский открыл и продвигал, понесло в лютую антисоветчину. Партийные покровители после чехословацких событий пришли в ужас от того, куда их завела десталинизация. К тому же со всех сторон наступали новые литературные веяния, и свобода высказывания стала ассоциироваться вовсе не с той стилистикой, которая была бы приятна Александру Трифоновичу».

«Все это предопределило уход Твардовского с поста главреда в феврале 1970 года. Закончившись как функционер, он закончился и как человек, сгорев от рака всего лишь в 61 год. Заметим, в том же возрасте через два года ушел из жизни и его злейший литературный враг, главред „Октября” Всеволод Кочетов. Так закончилась бурная и парадоксальная история „журнальных войн” в советской литературе».

Клошар, фланер, философствующий бродяга. Как жил и писал Борис Поплавский. Беседовал Егор Спесивцев. — «Сноб», 2025, 6 июня.

Говорит **Полина Проскурина-Янович:** «Безусловно, Поплавский осознанно создавал вокруг себя определенный миф, работая и над внешним образом, и над образом жизни. И его тексты — продолжение этого жизнотворчества. Причем не только поэтические и романная проза, но и дневники: исследователи не раз подмечали в них явную установку на будущего читателя».

«Его знаменитые непроницаемые черные очки (которые он не снимал ни в помещении, ни во время ночных бдений в монпарнаских кафе) работали, конечно, на гущение таинственности и инферральности. „Человек без лица”, „человек без взгляда” — таким он мелькает в воспоминаниях современников».

«Или его занятия боксом и выжимание гири в 55 килограмм. Люди из окружения Поплавского удивлялись, насколько его атлетическое телосложение шло вразрез с классическим образом „литературного человека”. Точно так же его сильное, мускулистое тело не соответствовало его „плачущему голосу»».

«Последние годы жизни Поплавский вместе с родными вообще жил на крыше гаража фирмы „Ситроен”, в маленькой будке. При этом вся семья хоть где-то работала: мать шила на заказ, отец давал частные уроки, брат был таксистом. Но Поплавский стоически не делал ничего ради денег и за деньги».

Наталья Костюкова (Чуковская). Далекие тридцатые. — «Знамя», 2025, № 6.

«Сейчас едва ли найдется человек, который мог бы описать жизнь семьи Чуковских в 30-е годы прошлого века. Попробую это сделать я — старшая внучка Корнея Ивановича и дочь Николая Корнеевича, называемая в то время Таткой».

«Наша семья жила бедно — Николай Корнеевич вставал на ноги сам. Такова была жизненная установка Корнея Ивановича, да и помогать-то ему было не с чего — на руках двое не самостоятельных пока детей (Боба и Лидя) и маленький часто болеющий ребенок — Мурочка. Для заработка папа переводил книжки про Тарзана и Ната Пинкертон (мне их читать запрещали — дурной вкус!), сочинял собственные приключенческие романы („Танталэна”, „Приключения профессора Зворыки”, их я читала), но писал и небольшие повести с лихо закрученным сюжетом („Разноцветные моря”, например). Эта работа не прошла впустую — уже к началу 1930-х вышли, одна за другой, повести о великих мореплавателях, впоследствии объединенные в книгу „Водители фрегатов”, выдержавшую множество изданий».

«Впрочем, одна форма помощи отца сыну существовала — хлопоты в издательствах. Корней Иванович очень любил слово „хлопотать” и само это действие, чем беспрерывно занимался всю свою жизнь в отношении других людей».

«Впрочем, брать поэтические сборники с полки (благо в обеих квартирах полок с книгами хватало) было любимейшим занятием и Корнея Ивановича. Придет навещать нас, возьмет наугад томик и читает нам стоя, наслаждаясь. Но, пожалуй, брал он все-таки не наугад, а с тайным умыслом — выбирал такие стихи, которые мы не проходили в школе; любил вытаскивать поэтов, непопулярных в то время. Я помню строки Ивана Петровича Мятлева: „Омнибус, как арбуз, весь набит до верха...”, помню стихи Василия Степановича Курочкина, переводы из Гейне...»

Илья Кочергин. Встреча с Пришвиным. — «Вопросы литературы», 2025, № 3.

Среди прочего: «В те времена, когда самая интересная часть моего учебного года проходила на диване с книжкой и банкой варенья под боком, во времена детских влюбленностей почти в каждую из прочитанных книг, с Пришвиным я так и не встретился — его не оказалось в родительской библиотеке. А по мере того, как портились мои отношения со школой, я все меньше хотел, чтобы наши пути пересеклись — упражнения в учебниках русского языка пестрели цитатами из Пришвина, Паустовского и Бианки. Мне казалось, что эти писатели создавали свои произведения только для того, чтобы усложнить и без того непростую жизнь ребенка».

Владислав Кривонос. Повесть Н. В. Гоголя «Заколдованное место». Опыт прочтения. — «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), 2025, № 2 (30).

«Заколдованное место, на которое вступил дед, будучи гладким, потому что на нем ничего не растет, знаменательно сопрягается с гладким полем, которое в пространстве, куда он переместился так внезапно, что чуть не потерял дар речи, окружает его со всех сторон: „Э! ссс... вот тебе на!” С. Г. Бочаров писал о специфической мистике *гладкого места* как значимого элемента гоголевской топики, связанного с сюжетной ситуацией исчезновения и служащего „отрицательным признаком” различных пространственных „описаний”. Мистика места, обозначенного эпитетом *гладкое*, будь то заколдованное место или поле как место в ирреальном пространстве, проявляется (дополним наблюдение исследователя) в том, что оно скрывает от непричастных к сфере демонического свою подлинную природу и свое истинное происхождение».

В. Н. Крылов. Участие литературной критики в скандальной полемике по поводу рассказа Л. Андреева «В тумане». — «*Studia Litterarum*» (ИМЛИ РАН), 2025, том 10, № 2.

«Своего рода „ускорителями” скандала стало письмо С. А. Толстой и выступление В. П. Буренина. Буренин в новое время воспринимался чаще всего как язвительный старичок, переживший свою эпоху. В. Г. Короленко, сопоставлявший ранний и зрелый этапы деятельности Буренина, заметил: «В молодости г. Буренин исполнял свою задачу довольно весело, иной раз не без остроумия пересмеивая своих противников и отыскивая смешные стороны в самых разнообразных направлениях... Под старость он перешел к сплошным ругательствам, выделявшимся уже не остроумием, а беззащитной грубостью». Но, совершенно очевидно, Буренина продолжали читать, это вытекает из обилия реакций на его выступления и участия в заметных дискуссиях начала века. Буренин продолжал и в новых условиях игровой вариант творческого поведения критика».

«Критик-игрок сознательно ориентируется на игровое поведение, проявляющееся в ироническом остраниении, в феномене различных масок, игре псевдонимов, парадоксальности, эпатажности, провокативном поведении и т. д. Критикой, рассчитанной именно на массовое сознание, и стала деятельность Буренина (его даже называли „уличный критик”), составляющими элементами которой стала риторика неприятия, поношение автора, приемы скандального, некорректного ведения полемики, нападки на личность. Современники писали о его „непреодолимой страсти к журнальной драке, о его полной беззащитности к газетной ругани, не останавливающейся ни перед какими средствами, ни перед какими интимными сторонами жизни „критикуемого” писателя, лишь бы как-нибудь доконать врага, оплевать, очернить, вымазать его в грязи”».

Кто найдет еще менее известного поэта? Интервью с историком Дмитрием Козловым. Текст: Михаил Сапрыкин. — «Горький», 2025, 4 июня.

Говорит **Дмитрий Козлов:** «Я не люблю такие споры о терминологии. Мне кажется, что в разное время эта граница [«официальное/неофициальное»] проходит по-разному. Более того, мне кажется, что бинарный взгляд на литературный процесс в позднесоветском обществе только мешает его изучению».

«Например, в редакции журнала „Костер” работал Лев Лосев, обеспечивая подработками своих друзей в диапазоне от Уфлянда до Бродского. <...> Кроме того, при подобном делении получается, что многие тексты становятся фактами литературы

именно в навязываемой нами рамке „официальная/неофициальная”, а если мы не можем наложить эту рамку, то они как будто не существуют. Уже упомянутый мной Уфлянд был трудоустроен детским писателем, жил на гонорары, писал пьесы, готовил тексты для дубляжа, что-то публиковал в „Костре”. При этом свои стихи он не отдает в самиздат и не пытается сделать карьеру поэта-самиздатчика, но как только появляется возможность опубликоваться в „Ардисе”, то он сразу готов, потому что это — другое, это — настоящая книга. То есть он стремился к настоящей книжке, с обложкой, предисловием, к физическому артефакту. В этом случае сложно применить деление на официальное и неофициальное».

«Мне кажется, что хорошо было бы заниматься поиском и анализом публикаций незаметного, низового самиздата, который не претендует на литературную и общественно-политическую значимость. Для меня было открытием, что где-то в 1975 — 1976 году в самиздате начинают публиковаться хорошо переведенные и подшитые, с картинками на обложке американские детективы. Видимо, кто-то просто хотел читать детективы и сделал это для себя. То есть очень важно не редуцировать литературу до модернистской и постмодернистской поэзии или Солженицына и Мамлеева — подставьте понравившуюся фамилию — и смотреть на всю словесность в совокупности».

Наталья Лебедева. Тверь в романе «Бесы». — «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), 2025, № 2 (30).

«Однако вопрос о том, насколько точно воспроизведен в романе [«Бесы»] реальный город [Тверь], до настоящего времени рассмотрен не был».

«Таким образом, Достоевский показывает в романе достаточно точек, чтобы не просто указать на Тверь, но и смоделировать естественное, не фантазийное, привязанное к действительности пространство города, в котором в разных направлениях между различными объектами абсолютно реалистично перемещаются персонажи».

«Впрочем, и само по себе настойчивое указание именно на Тверь как на прототип города в романе представляется достаточно важным, поскольку именно в Твери в 1859 году Достоевский наблюдал столкновение губернского, провинциального общества с разного рода революционерами. Ведь именно в Твери оседали декабристы, петрашевцы и прочие „неблагонадежные” люди, которым, как и писателю, был запрещен въезд в столицы. Таким образом, именно здесь Ф. М. Достоевский впервые увидел „наших” в декорациях губернского города, почувствовал отношение к ним провинциального общества, и в частности — губернатора и его жены, стремившейся их опекать».

Петр Лернер. Рисунки по памяти. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2025, № 6 <<http://zvezdaspb.ru>>.

«Это не об искусстве. Это о взаимоотношении государства и художников посредством структуры Худфонд. <...> Эта организация была желанной и спасительной кормушкой и для правых, и для левых художников. Существовала вожденная „гарантийка” — ежемесячная зарплата. Она исчислялась из годовой суммы, на которую надо было создать по заказу ХФ одно или несколько произведений. Величина дохода зависела от места творца в выстроенной государством иерархии и иногда превышала в несколько раз зарплату среднего инженера. По всей стране рыскали „реализаторы”, соединяющие заказчиков и исполнителей всех жанров. Десятками тысяч разлетались „Праздники урожая”, „Трудовые будни”, „На страже Родины”, „Счастливое детство”, „На просторах Родины”, портреты „лучших людей” и, конечно, неисчислимые Ильичи всевозможных размеров. Чемпионами были, конечно, монументалисты. Это и деньги и известность. Критерий — идейная правильность, твердый рисунок, гармоничный колорит, упрощенная композиция. Был даже термин — „фондовая работа”, заменяющий более прямолинейный — халтура. То есть для выставки можно и покуролесить, „потворить”, а вот тут, уж будьте-нате, предъявите образы, понятные массам».

«Я был свидетелем и в малой доле участником последнего этапа этого советского культурного феномена».

Марк Липовецкий. Вместо Фуко: графомания, литература и власть в фантастических повестях Абрама Терца. — «Новое литературное обозрение», 2025, № 3 (№ 193).

«...Я ограничусь „пробой грунта“, сосредоточившись на переключках между „фантастическими повестями“ Терца и теоретическими идеями Мишеля Фуко. Разумеется, речь не идет о влиянии. Большинство фантастических повестей Синаевский написал между 1955-м и 1960-м годами, тогда как главные работы Фуко появляются в начале 1960-х: диссертацию об истории безумия он защитит в 1961-м, а его первый бестселлер „Слова и вещи“ выйдет в 1966-м. Неизвестно, читал ли Фуко Синаевского в 1960-е годы. Мог, конечно, поскольку переводы фантастических повестей на европейские языки и прежде всего английский появляются с 1960 года. Известно, что Фуко и Синаевский встретились в июне 1977 года в парижском Театре Рекамье на вечере протеста против визита Брежнева во Францию. К тому времени Фуко был знаком с творчеством Синаевского. В лекциях в Коллеж де Франс, которые Фуко читал в 1977 — 1981 годах и которые впоследствии вышли под заглавием „Безопасность, территория, население“, есть ссылка на французский перевод книги Синаевского о Гоголе... Но читал ли Синаевский Фуко? Это неизвестно».

Литературные итоги первого полугодия 2025. Часть I. На вопросы отвечают Лев Наумов, Михаил Визель, Николай Подосокорский, Мария Затонская, Вадим Муратханов, Александр Марков, Родион Мариничев, Анна Аликевич, Андрей Василевский, Кирилл Ямщиков, Андрей Пермяков, Ольга Новикова. — «Формаслов», 2025, 15 июня <<https://formasloff.ru>>.

Отвечает **Михаил Визель**: «На этот вопрос ответить несложно. Для меня это — прекращение деятельности АСПИРа и приход „на воеводство“ в СП государева человека Владимира Мединского. Тем самым не просто взята, но открыто продемонстрирована взятая государством линия на прямое управление тем, что называется „литературным процессом“. Я не говорю, что это однозначно плохо, как не вкладываю ничего ироничного в выражение „государев человек“. Владимир Ростиславович — ответственный чиновник, которому доверено, в прямом смысле, решать вопросы войны и мира. То, что попутно он должен присматривать еще и за потенциальными авторами нового „Войны и мира“, — это еще одно проявление той центростремительной фазы, которую мы переживаем. И, шире, невероятной регенеративной силы российского государства. Еще одна тенденция — окончательно оформившийся в этом году „развод“ двух русских литератур. Новости с других берегов до меня еще долетают, но уже мало интересуют. У них свои звезды, премии, амбиции, у нас — свои. Это не навсегда, как показывает история, но вот сейчас так».

Отвечает **Мария Затонская**: «Среди значительных книг первого полугодия назову „Цель поэзии“ Алексея Алёхина. К тому же, кстати, вопросу о бесполезности искусства, о труде и свободе, а особенно о любви — не только к поэзии, хотя, кажется, это о ней все написано. Очень вовремя, по-моему, вышла: в то время как в литературном процессе произошел слом и будущее покрыто туманом, можно осмыслить „базу“, вернуться к основам, чтобы никогда не забывать, зачем оно-таки делается. Не ради славы, фокуса и тренда, а вследствие особой связи с миром, словом и с Богом».

Отвечает **Кирилл Ямщиков**: «Не так давно ознакомился с прозой Павла Соколова — человека, благодаря которому я в далеком восемнадцатом году узнал о существовании такого японского романа, как „Шанхай“ (1928 — 1931) Ёкомицу Риити (шедевр модернизма, который необходимо перевести на русский!). Было это на лекции, и Павла, собственно, тогда я воспринимал в первую очередь как япониста — вживую удалось пообщаться уже на „Липках“ в один из сезонов. Сейчас, однако, вижу очень талантливого — неочевидного — прозаика, чей роман „Мельников-моногатари“ всячески рекомендую к прочтению (отрывок из него — рассказ „Сын вернулся“ — вышел в майском „Новом мире“). Цепкая, хитрая, живая огранка стиля. Не до конца понимаю, почему оно так — и как оно по существу. Интригует, в общем».

Отвечает **Лев Наумов**: «Из того, что мне еще бросилось в глаза за эти полгода (раз уж я вспомнил Гриффита) — очевидный скачок числа книг о кино».

Никакой эротики и гуманизма. Что нужно знать о «Декамероне» и его авторе Джованни Боккаччо. Беседовал Алексей Черников. — «Сноб», 2025, 26 июня.

Говорит **Фаина Гримберг (Гаврилина)**: «Пазолини — итальянец, как и Боккаччо, однако он вообще не понимает, что делает. Как кино — это великолепно. Это его видение, очень красивое, оптимистичное... Но это не имеет никакого отношения к Боккаччо. Эта экранизация очень далека от текста. Пазолини берет из книги несколько новелл и с ними „расправляется“ на языке кино. А ведь в тексте есть композиция, которая нарушается от такого обращения. Пазолини неинтересна религиозная составляющая „Декамерона“, он видит в этой книге оптимизм — и оптимизм именно ренессансный, „гуманистический“, хотя это и есть по-настоящему темные времена, если сравнивать их со средневековьем».

«Этот текст вообще не про любовь, там нет никакой любви».

«Для Бахтина средние века — время карнавальных перевертышей. А ведь сам институт карнавала — это не символическая постановка всего с ног на голову ради некоего „освобождения“, а осмеяние греховности!..»

«Боккаччо в „Декамероне“ еще живет в светлом Средневековье. Конечно, существует миф о „темном Средневековье“ и „светлом“ Ренессансе. На самом деле именно средние века мы можем назвать „светлым периодом“ — тогда о пороках можно было рассказывать не без веселья, и никто не верил в ведьм. Напротив, Ренессанс — время той самой „охоты на ведьм“ и инквизиции».

А. В. Подосинов. Место географической дисциплины в образовательных институтах античности. — «Аристей» (Вестник классической филологии и античной истории. Издательство Университета Дмитрия Пожарского), XXXI (2025) <<https://aristeas.ru>>.

«Вопрос небанальный, очень резкий и очень правильный. Но ответа на него я не знаю, потому что, как было верно замечено, география не входила в Семь свободных наук и искусств (само это понятие было сформулировано только в I в. до н. э.). Туда входили, как правило, грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. <...> При этом географическими сведениями, действительно, переполнена вся античная литература. Откуда школьник, читающий и учащий наизусть Гомера (в Греции) или Вергилия (в Риме) мог почерпнуть сведения о сотнях топонимов и этнонимов, упомянутых этими и другими авторами?»

«Подводя итоги, мы можем констатировать, что география как наука сама по себе не преподавалась в средней школе, но преподносилась в рамках комментирования читаемых классических авторов. Учителя должны были пользоваться различными пособиями, комментариями и схолиями, которые были в широком употреблении с эллинистического времени. Можно предполагать, что высшее образование включало в себя и занятие географией, включенной в цикл геометрической и астрономической дисциплин. Но следует признать, что источники дают слишком мало материала для категоричности наших выводов и работа над этой темой должна быть продолжена».

А также: «География, если следовать Сенеке (и госпоже Простаковой), вполне может оказаться „ненужной утварью, загромождающей ум“, с той лишь разницей, что дворянке Простаковой любая наука кажется „ненужной утварью“, а философу Сенеке нужно отсечь „технические“ науки от тех, которые воспитывают в гражданине высокую мораль».

Николай Подосокорский. Спектакль «Николай Ставрогин» (1913) на сцене Московского Художественного театра. — «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), 2025, № 2 (30).

«Поразительно, но сегодня многие тезисы статьи [Горького] „Еще о ‘карамазовщине’“ по-прежнему используются как своего рода „оружие“ для борьбы с Достоевским и адекватным прочтением текстов писателя. <...> К большому сожалению, почти все эти постулаты можно увидеть во многих научных работах современных славистов (особенно публикующихся на Западе, но не только), написанных с позитивистских и атеистических позиций».

Валентина Рогова. Андрей Белый «на фильме». Кинематограф в художественном мире автора «Петербурга» был столь значим, что он мыслил его категориями. — «НГ Ex libris», 2025, 26 июня <http://www.ng.ru/ng_exlibris>.

«Лидия, дочь Вячеслава Иванова, вспоминала в эмиграции <...>: „Белый любил изображать кинематограф. Он подсказывал к стене и начинал двигаться, жестикулируя вдоль нее. При этом все тело его спазматически дрожало. Это должно было вызывать смех, но в сочетании с его стальными, куда-то вдаль устремленными глазами, все это меня скорее пугало”».

«Библиографическую редкость представляет полный текст манифеста „Синематограф”. Этот труд увидел свет в июльском журнале московских символистов „Весы” 1907 года за подписью „Борис Бугаев” (к слову, псевдоним Андрей Белый использован писателем в этой книжке „Весов” далее, в литературной рецензии на стихи Александра Блока, Михаила Кузмина, Максимилиана Волошина)».

«Монтажность художественной прозы Белого столь динамична, что ее можно сравнить лишь с визуальной насыщенностью фильма Дзиги Вертова „Кино-Глаз” (1924), созданного в зените советского авангарда».

Спасение утопающих? Продвижение книг: взгляд писателей и издателей. Отвечают Елена Долгопят, Мария Закрученко, Александр Мелихов, Василий Нацентов, Борис Пастернак, Юлия Подлубнова, Лев Симкин, Денис Сорокотягин. — «Знамя», 2025, № 6.

Отвечает **Александр Мелихов:** «Я подозреваю, что людей, способных искренне ценить высокую литературу, людей, для которых серьезное чтение — одна из важнейших жизненных радостей, без которой они начинают страдать от эстетического авитаминоза, не так уж много, несколько процентов. То есть всего два-три миллиона, очень маленькая европейская страна. Которая, однако, в состоянии обеспечить любимым авторам вполне пристойные тиражи. Ей всего лишь нужно поверить, что они существуют, творцы столь необходимой им душевной и духовной пищи, и узнать поименно тех, кто близок именно им. <...> Я давно полушутя проповедую необходимость Аристократической партии, которая бы широте предпочитала долготу, массовости — долговечность».

Отвечает **Денис Сорокотягин:** «Должен ли заниматься этим автор? Должен, но в связке с издателем, который еще до выхода книги обязан предложить автору концепцию, обрисовать ту взлетную полосу, по которой начнется взлет или же... Всегда присутствует риск, не знаешь, где и когда пазлы совпадут, будет ли книга уходить на очередную допечатку. Свою первую книгу я написал в пятнадцать лет. Это было учебное пособие по музыке, выдержавшее девять переизданий. Книга, не лишенная опечаток и явных промахов, попала своим замыслом (учебный материал подавался в виде таблиц и схем) в десятку. Я был лишь наблюдателем нашего совместного успеха с издателем, но как быть с художественной литературой, если автор не думает ставить себе цели следовать мейнстриму, гнаться и перегонять моду, а просто пытается выразить себя и время, не оглядываясь по сторонам? Автору и его книгам (=детям) не выжить в одиночку».

Елена Степанян. *Déjà vu*. Как вспоминается прочитанное? — «Достоевский и мировая культура» (ИМЛИ РАН), 2025, № 2 (30).

«Остальные персонажи [«Подростка»] также начитанны; попробуем составить что-то вроде списка их литературных предпочтений. О Версिलове уже говорилось выше, но в круге его чтения — и „Антон горемыка”, и некрасовский „Влас”, и Пушкин. Генеральша Ахмакова читает газеты, ее волнуют политические новости, она пытается расспросить о них компетентных людей. Как и в случае Лизы из „Бесов”, этим героиням, наделенным абсолютной привлекательностью, такие широкие общественные интересы придают еще больше неординарного очарования. Очень ярко как читатель старый князь Сокольский. Его круг чтения удивительно пестр, что отражает „кружение мыслей” героя, старческое легкомыслие, в котором он сам признается. Тут и Поль де Кок, и Пушкин, и Ветхий Завет (князь вспоминает эпизод состарившегося Давида с Ависагой и добавляет, как бы переключаясь с Ламбертом: этот ветхозаветный сюжет можно было бы переделать в *scène de bassinoire*, альковную сцену). Аркадий признается, что сдержанную, важную Анну Андреевну

ему больше нравится видеть за книгой, чем за шитьем. Чтение больше соответствует ее замкнутости, потаенности ее стремлений, как бы приоткрывает ее интровертную личность. У правильно мыслящего, скучного Васина книги находятся „в самом от- вратительном порядке”».

Сергей Стратановский. «Стихи о неизвестном солдате». Две заметки. — «Звезда», Санкт-Петербург, 2025, № 6.

«Три из приведенных мною параллелей объединяют имя „Адам”, поэтому можно предположить, что череп 5-го фрагмента — это череп Адама, причем во всех его воплощениях: Адама Библии, Первоадама раввинистической легенды и Адама Кадмона каббалы».

Александра Суркова. Армейская проза Дж. Д. Сэлинджера: становление классика (1940 — 1943). — «Вопросы литературы», 2025, № 3.

«С началом Второй мировой войны Сэлинджер отправился на призывной участок, однако из-за проблем со здоровьем ему была присвоена категория 1-В, что делало невозможной его отправку на фронт. Ситуация изменилась 7 декабря 1941 года: после нападения японской авиации на Перл-Харбор требования к здоровью призывников были снижены, и уже в апреле 1942-го будущий писатель получил повестку из призывной комиссии. Началась двухлетняя история его странствий по лагерям военной подготовки в разных штатах Америки. Еще до активного вступления США в войну Сэлинджер написал короткий рассказ об армейских буднях „Виноват, исправлюсь” („*The Hang of It*”, 1940). Хотя история была посвящена войне и опубликована в самое подходящее для этого время, в ней отсутствовало глубокое осмысление происходящих событий. Рассказ был рассчитан на быстрый коммерческий успех, и вскоре после публикации 12 июля 1941 года в журнале *Collier's* его включили в „Карманную книгу солдата, моряка и морского пехотинца” („*Kit Book for Soldiers, Sailors, and Marines*”). Попавшая в вещмешки тысяч американских солдат „Карманная книга...” представляла собой сборник произведений таких авторов, как Р. Армор, Х. Барретт, П. Франк, О. Генри, Р. Киплинг, Дж. Леонард, Д. Раньян, и стала первой „книжной” публикацией Сэлинджера».

Михаил Эпштейн, Клод Сонетов. Убийство Настасьи Филипповны в «Идиоте» Ф. М. Достоевского. Опыт реконструкции в десяти версиях. — «Знамя», 2025, № 6.

«Клод Сонетов — русскоязычная версия названия *Claude 3.7 Sonnet*, новейшей модели искусственного интеллекта (от компании *Anthropic*), которую Михаил Эпштейн использует для помощи в исследовательской работе и считает „собратом по иному разуму”» (из справки о соавторах).

«Вообще „пропущенная сцена” — особый художественный прием в творчестве Достоевского. Писатель часто оставляет за пределами прямого повествования ключевые, поворотные моменты судеб своих героев, давая читателю возможность самому реконструировать эти сцены по рассеянным в тексте намекам и отголоскам. Самая известная из таких сцен — убийство Федора Павловича в „Братьях Карамазовых”».

«Не происходит ли то же самое в предпоследней главе „Идиота”? — нечто настолько жуткое, запредельное, что Достоевский не решился включить эту сцену в роман, но указал на ее „запредельный” смысл самым ее демонстративным отсутствием. Что именно произошло между бегством Настасьи Филипповны от Мышкина перед самым венчанием — и ее убийством в доме Рогожина („все дело было утром, в четвертом часу”)?».

«В этой работе я предпринимаю реконструкцию предпоследней главы, пользуясь помощью искусственного интеллекта. Я обращался к нескольким знакомым писателям с предложением „дописать” эту таинственную сцену из „Идиота”, воссоздать события, ведущие к убийству, но никто не отозвался. Отозвался, с присущей ему универсальной отзывчивостью, только *Claude 3.7 Sonnet*, которого я, в русскоязычном контексте, именую Клод Сонетов. Я обрисовал ему десять возможных версий, каждую — весьма эскизно, в одной-двух фразах, и предложил подробнее их разработать в психологически достоверных сценах».

«Я ненавижу человечество, я от него бегу спеша». Чем важны русские символы. Беседовал Алексей Черников. — «Сноб», 2025, 24 июня.

Говорит **Валерий Шубинский**: «Учителями символистов были Верлен, Малларме, Рембо — но сами они себя так не называли. А в России все началось с того, что двадцатилетний Брюсов сказал: „Мы символисты“. И началось активное освоение французского опыта, причем всего сразу — Верлен вперемешку с Парнасом. Над этим потом иронизировал Мандельштам. Ну и, конечно, переосмысление собственного прошлого, новое открытие Тютчева, Баратынского... А потом пришли младшие символисты и наполнили все это мистическими и утопическими идеями, которых у французов, в общем, не было. С другой стороны, это все было в тогдашнем обще-европейском русле. Ранние Йейтс и Рильке не называли себя символистами, но типологически они очень близки».

«Слово „декаданс“ изначально было бранным, но те, к кому оно относилось, его восприняли и сделали самоназванием».

«После середины 1920-х он [Бальмонт] почти ничего не делал, потом психически заболел и выпал из жизни. Кто много работал в конце жизни — это Вячеслав Иванов. Его „Римский дневник 1944“ — вершина его творчества. Белый пытался как-то интегрироваться в советскую культуру, и у него даже что-то получалось — потом, конечно, перестало бы получаться, но в 1934-м он умер. Ну а про игры Брюсова с большевиками и его карьерные поползновения известно. Это печальная история, с Мережковским и Гиппиус тоже печальная, но по-другому — я имею в виду их поведение во время Второй мировой. Ну а много ли в истории литературы непечальных историй?»

Составитель **Андрей Василевский**

ИЗ ЛЕТОПИСИ «НОВОГО МИРА»

Август

45 лет назад — в № 8 за 1980 год напечатана повесть Владимира Крупина «Живая вода».

50 лет назад — в № 8 за 1975 год напечатана повесть Юрия Трифонова «Другая жизнь».

60 лет назад — в № 8 за 1965 год напечатан «Театральный роман» Михаила Булгакова.

SUMMARY

The PROSE section features Yelena Dolgopyat's short stories *Illusions*, the final part of Andrey Oubog's novel *Long Distance Love*, Oleg Sichkar's short story *The Son*, Viktoria Kotelnikova's short story *Scent*, Denis Bondarev's short story *Small Soldiers*, Dmitry Lagutin's short story *The Stop* and Yegor Moiseyev's short story *The Diver*.

The POETRY section features new poetic works by Aleksei Alyokhin, Maria Kozlova, Gennady Kalashnikov, Vladimir Kozlov, Vladimir Sedov, Feliks Chechik, Yury Lavut-Khutornyansky.

NEW TRANSLATIONS feature Lala Chertkova's adaptations from European gypsy poetry.

CONTEXT features Anna Alikevich's article *Salt Prices in the Rascal Country: How Sergey Yesenin and Isadora Duncan Stayed on Budget Abroad. Sources, Press, Scholarship and Collective Opinions* — on financial arrangements between the poet and his paramour during their trip to Europe and America in 1922–1923, and the connections with creation of Yesenin's poem 'The Rascal Country'.

ESSAIS feature Sergei Soloukh's essay *The Unbearable Heaviness of Cleaning* — on literary work and biography of Milan Kundera and his relations with the Czechoslovakian authorities.

JUBILEE features the winning essays written for the contest dedicated to the 100th anniversary of Yuri Trifonov. Also featured is Igor Sukhikh's article *The 'Trifonov' Book: Biology Vs History* — a textual analysis of Trifonov's short story 'The Winner' in connection with understanding the problem of time in his work.

MISCELLANEA features Pavel Glushakov's article *'The Bronze Horseman' and 'Viy': Aspects of Comparison* — reversing a widely known trope of Alexander Pushkin's influence on Nikolai Gogol, it attempts to showcase Gogol's influence on Pushkin.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Рукописи объемом более 12 авт. л. не рассматриваются.

Словесное сочетание «НОВЫЙ МИР» зарегистрировано в качестве товарного знака по классам МККТУ 16, 38, 41, 42.

Общественный совет: М. А. Амелин, Д. В. Бавильский, Д. П. Бак, П. В. Басинский, А. Г. Волос, Д. А. Данилов, Б. П. Екимов, Ю. М. Каграманов, А. А. Ким, Р. Т. Киреев, Ю. М. Кублановский, А. С. Кушнер, А. Н. Латынина, Б. Н. Любимов, А. М. Марченко, И. Б. Роднянская, О. А. Славникова, О. Г. Чухонцев

Главный редактор А. В. Василевский

Первый заместитель главного редактора М. В. Бутов

Редакционная коллегия: В. А. Губайловский, М. Б. Ионова, П. М. Крючков (зам. главного редактора), О. И. Новикова

Корректор, библиограф — М. Б. Ионова

Компьютерная верстка — М. А. Каганова

Юридический адрес: 127006, Москва, Воротниковский пер., д. 8, стр. 1, пом. 1, ком. 10, оф. 1.

Рукописи, письма и другую корреспонденцию направлять по адресу:

123104, Москва, Большой Козихинский пер., д. 10, стр. 2/1. Фонд «Новый мир».

Телефон для справок, по вопросам подписки и продажи журналов: (495) 694-08-29.

Электронная почта: nmir2007@list.ru

по вопросам зарубежной подписки: novi-mir@mtu-net.ru

Сетевой журнал «Новый мир»: <http://nm1925.ru>

Свидетельство Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС 77-75754 от 13 июня 2019 года.

Учредитель и издатель — АО «Редакция журнала „Новый мир“».

Сдано в набор 30.06.2025 г. Подписано к печати 31.07.2025 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Объем 15,0 печ. л., 21,0 усл. печ. л., 27,0 уч.-изд. л.

Тираж 1400 экз. Зак. 3049-2025. Цена договорная.

Отпечатано в АО «Красная Звезда»,

125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62

<http://www.redstarprint.ru> e-mail: kr_zvezda@mail.ru